63.3(2Б1)
Б 17

Е. ЕЛЕЦКИЙ

ШКОЛА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

УЧПЕДГИЗ
1960

37
В—17

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ИМ. П. Г. СМИДОВИЧА
ГЛАВСЕВМОРПУТЬ ПРИ СНК СССР

ШКОЛА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

★

ЛЕНИНГРАД
1939

Ч4.03(251)
Б 17

А. Г. БАЗАНОВ
Н. Г. КАЗАНСКИЙ

ШКОЛА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

★

БИБЛИОТЕКА
Института Народов Севера
Ленинград, Обводный 17
Инв. № 1264

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМПРОСА РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

-5614-об
Государственное учреждение
"Национальная
библиотека ЯНАО"

37
Б — 17

Книга А. Г. Бабанова и Н. Г. Казанского «Школа на Крайнем Севере» представляет собой первую попытку *дать историю школ на Крайнем Севере с момента их возникновения* и до наших дней. Книга рисует картины завоевания Севера, распространения христианства, жестокой эксплоатации и угнетения народов Севера, их вековую отсталость и неграмотность, использование школы как проводника колониальной политики русского самодержавия.

На фоне общего расцвета хозяйства и культуры народов Севера после победы Великой Октябрьской социалистической революции, *в книге показывается рост школы на Крайнем* Севере, опыт работы лучших школ, лучшие педагоги и учащиеся.

Книга написана по архивным материалам, по материалам, собранным авторами на местах во время экспедиций на Север, *по литературным и другим источникам.*

Ряд материалов был прислан работниками школы на Крайнем Севере: тт. А. М. Баландиным, И. Н. Марковым, Б. А. Мельниковой, Г. Н. Меновщиковым, П. Г. Саловым и другими.

В литературной обработке отдельных глав участвовали: А. Г. Бармин и Е. Я. Данько.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ
"ОАНР ЕКАТЕРИНБУРГ"

I

ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРА *и* РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Глава первая

ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРА

Процесс завоевания и колониальной эксплоатации Севера *начался в отдаленном* прошлом, примерно, в XI—XII веках.

В ту пору стали проникать в Лапландские тундры, в Двинские земли и на Югру новгородские ушкуйники; разбойными средствами они отбирали у местного населения дорогую пушнину.

Великий Новгород посылал на Север специальные торговые и военные экспедиции. Это были организованные попытки завязать торговые связи с туземным населением и установить на Севере свое господство.

Большие военные походы на Югру, как о том свидетельствует новгородская летопись, были совершены из Новгорода в 1187 и 1193 гг. Во время этих походов, соединенных с грабежом пушнины, новгородцы встречали мужественное сопротивление местных жителей. В походе 1193 г., весь Новгородский отряд, возглавляемый воеводой Ядреем, был целиком истреблен хантами (остяками). [1]

*Одними военными набегами Великий Нов*город не смог упрочить свое господство на Севере. Нужно было создать на завоеванной территории военные укрепления, организовать там административные пункты. Новгородцы же ограничивались лишь эпизодическими походами к северным народам, обложением их данью и сбором пушнины.

В XV в. сам Великий Новгород был покорен Московским государством. Московские князья продолжали новгородскую завоевательную политику; особое внимание они устремили на Кольский полуостров и, в частности, на его Мурманский берег.

В реках Кольского полуострова в изобилии водилась семга; в заливах Баренцова моря необъятными косяками ходила треска; на «рыбную путину» к Мурманскому берегу ежегодно стекались «ладьи» русских и чужеземных промышленников.

А в глубине Кольского *полуострова ве*лась охота на бобра. Дорогостоящие прекрасные бобровые меха служили предметом дани; она выкачивалась и сборщиками Московского государства, и сборщиками *других государств, граничивших с Коль*ским полуостровом. Население пограничных районов (саамы) долгое время платили дань русским и датчанам, да, кроме того, еще и шведам; назывались они, в таких *случаях, двоеданниками и троеданниками*. Великий Новгород, а позднее Москва, не раз вступали в споры со Скандинавскими государствами и вели с ними длительную и упорную борьбу за господство на Кольском полуострове.

Бой на р. Тоболе *из «Сказания о русской земле» Александра Нечволодова.*

Из эпизодов этой борьбы один оставил яркий след в сказаниях и преданиях северного Поморья: это — сожжение шведами Печеньгского монастыря, основанного в XVI в. при впадении Печеньги в океан.

Постоянные притязания на Кольский полуостров с его богатейшими рыбными промыслами проявляло и Датское государство.

В 1620 г. царь Михаил Федорович обеспокоился, что датские купцы, шныряющие возле Мурманского берега, называют Кольский полуостров «датского короля опчею землею». Он послал на одного из купцов — некоего Блюма — жалобу датскому королю. Оставив без всяких последствий эту жалобу, король через три года направил к Мурманскому берегу специальное судно, которое произвело там ряд опустошений. Датчане в этот набег разорили многочисленные русские промыслы: отобрали у промышленников рыбу и рыболовные снасти, суда потопили, постройки сожгли...

Московскому государству пришлось спешить с укреплением Кольского полуострова в военном отношении.

Основным стратегическим пунктом здесь являлась Кола. Царские воеводы и стрельцы в 1588 г. основали Кольский острог. В 1608 г. в этом остроге имелось уже 5 шестиугольных башен со стенами длиной в 240 сажен, 20 пушек и пищалей, свинец и ядра. Стрельцов в Кольском остроге насчитывалось в 1608 г. 53 человека, а через 5 лет число их увеличилось до 300 человек.

Архангельский Север так же был укреплен. В устье Северной Двины форпостом являлся в XVI в. монастырь во имя Михаила Архангела. Там же позднее вырос портовый город Архангельск.

К востоку от Архангельска, в устье Печоры, был построен в 1499 г. Пустозерский острог. Туда в 1597 г., по приказу царя Федора Ивановича, был прислан воевода князь Василий Ухтомский. После появления новой власти ненцы, кочевавшие вокруг Пустозерска, стали спешно отходить в глубину приокеанских тундр — Большой и Малой Земель.

По преданию, ненка Ульяна с детьми, перебираясь однажды через морскую бухту у полуострова Канина, была отнесена на льдине от берега и прибита к острову Колгуеву. Там вся семья прожила три года, и лишь на четвертый год была обнаружена мезенскими промышленниками. Отказавшись вернуться на материк, Ульяна просила передать сородичам, чтобы они ехали на остров, «где нет русских начальников, но много ягеля».

На Тобольский Север, в так называемые Югорские земли, московские люди проникали по рекам Печоре и Каме с их притоками. В конце XVI в., в результате походов Ермака и последующих военных походов, на территории Тобольского Севера установилась власть Московского государства.

В завоеванных местах строились города — остроги — резиденции царских воевод. В 1586 г. на берегу реки Туры, где был татарский город Чинги-Тур, основан город Тюмень; в 1588 г. у впадения Тобола в Иртыш, на месте столицы Кучума, возник город Тобольск; в течение следующих десяти лет появились русские поселения — Лозвинский городок, Обдорск, Березов, Тара, Пелым, Сургут, Верхотурье.

В конце XVI в. русские отряды достигли уже Тазовской губы, — местности, славившейся огромными пушными запасами. В 1601 г. они основали на реке Таз город Мангазею.

Разобщенность и межплеменная вражда народов Севера облегчали подчинение власти царского самодержавия.

Вся политика русского самодержавия в отношении покоренных была направлена

Покорение Сибири Ермаком (эскиз). *С картины В. И. Сурикова.*

к тому, чтоб сильнее разжечь межплеменную рознь. С этой целью агенты царизма натравливали отдельные туземные племена и роды друг на друга и тем самым истощали их силы.

С другой стороны, царизм стремился привлечь к себе туземную верхушку: он подкупал вождей, стоявших во главе родовых организаций, блестящим оружием, шелковыми цветными кафтанами.

Купленные так недорого, туземные вожди стали впоследствии усердными помощниками пришельцев-завоевателей.

С тех пор как народы Севера были покорены, они ежегодно стали платить ясак (дань) в «государеву казну». Никакой нормы, никакой раскладки ясака не было у сборщиков; была одна установка — выкачать как можно больше пушнины.

Сверх ясака ясачные люди приносили еще так называемые «государевы поминки» (подарки).

«Первоначально, — говорит проф. С. В. Бахрушин, — это были добровольные приношения, но администрация очень скоро превратила их в обязательный дополнительный сбор, который собирался либо с каждого плательщика, либо с целой волости. Наряду с государевыми поминками ясачные люди бывали вынуждены дарить меха и воеводам и дьякам». [2]

Но царские воеводы и служилые люди не удовлетворялись пушниной, полученной под видом «подарков». Они по баснословно дешевым ценам скупали меха через посредников-торговцев или при помощи собственной разъездной агентуры.

Историк Сибири Фишер указывает даже на случаи борьбы служилых людей одной территории со служилыми людьми другой территории за верховенство над ясачным населением. [3] В кровавые схватки вступали енисейцы, красноярцы, томские и мангазейские служилые люди.

В числе служилых людей попадались уголовные элементы. Поставленные в бесконтрольное положение, они творили на местах чудовищные преступления.

В одной из челобитных бурятские князьки, жалуясь на некоего Ивана Похабова, принимавшего в 40—50-х годах XVII в. активное участие в завоевании Ангаро-Байкальского края, рассказывали, что когда они приносили ему ясак, то Похабов, «похватя у нас нечестно, мечет под порог, а говорит нам — с чем де вы ко мне пришли на поклон и кому те соболи годны?»... Притом Похабов требовал, чтобы князья приезжали к нему с женами и везли на поклон «соболей по десять». «А переди сего наша братья приезжали к вам хуже меня и вы де им приносили на поклон соболей по сороку и больше»,—выговаривал князьям новый управитель. [4]

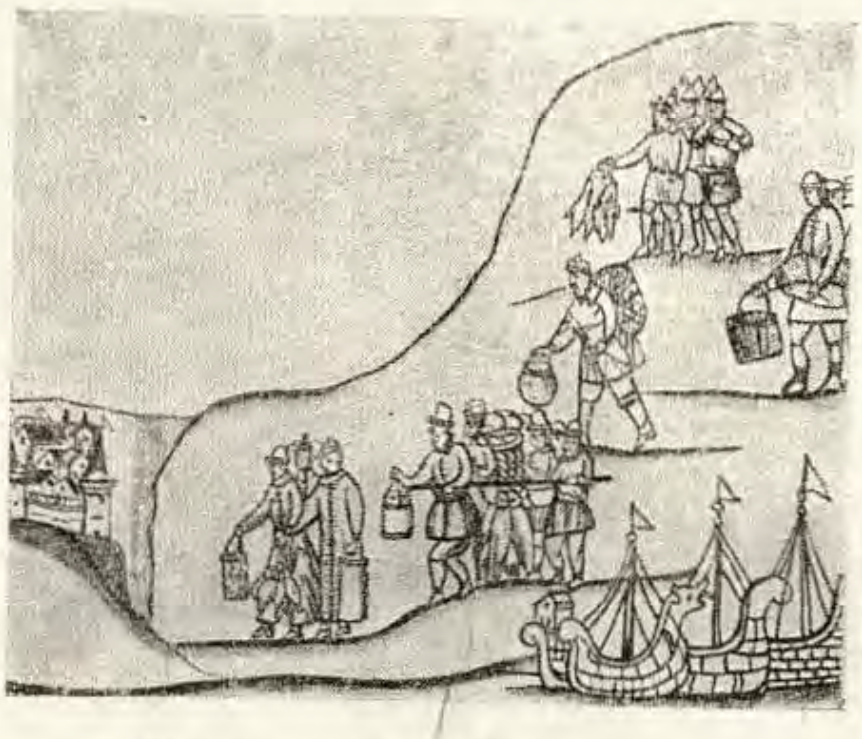

Город Мангазея в XVII в. *С макета художника В. В. Новодворского, Ленинград. Музей Арктики.*

Привоз ясака в город. *Ремизовская летопись.*

«Иван Похабов, — пишет Окладников в своих «Очерках из истории западных бурят-монголов», — приводя под царскую руку бурятские земли, подымал значительную часть своего отряда на собственные средства, в качестве своего рода равноправного, наряду с казной, вкладчика, акционера и организатора нового доходного дела. Управляя затем завоеванной землей, Похабов,

Сбор ясака. *Кунгурская летопись.*

естественно, брал с нее все, что только мог взять, рассматривая эти доходы, как некоторое возмещение собственных расходов, как своего рода проценты на вложенный капитал». [5]

Все эти обложения и поборы, принимавшие форму откровенного грабежа, все насилия, оскорбления, весь национальный гнет, естественно, вызывали ожесточенное сопротивление местного населения.

Покоренные с исключительным упорством и настойчивостью защищали свою независимость. Об этом свидетельствуют восстания, длившиеся в течение всего XVII в. Они не прекращались и в более позднее время. В XVII в. восстания местного населения вспыхивали то в одном, то в другом месте и быстро разрастались, охватывая большие территории. В 1595 г. на Тобольском Севере ханты и манси, под водительством некоего Лугуева, напали на Березов — один из опорных пунктов русского царизма, и продолжительное время держали его в осаде... В 1598 г. был вскрыт заговор на территории Нарыма среди селькупов. В 1602 г. началось восстание у кетов; в 1604 г. — у обских хантов. В 1607 г. ханты и манси снова сделали нападение на Березов. А в 1609 г. энергичная и инициативная Анна Пуртеева готовила заговор ханты и манси за освобождение Коды. Таинственная «изменная стрела» с условными зарубками, — заветный призыв к восстанию, — была пущена по туземным юртам. Но план Анны Пуртеевой был раскрыт шаманом, и она жестоко за него поплатилась.

Восстания вспыхивали не только на Тобольском Севере. Они были и в других районах.

На Архангельском Севере в 1662 г. ненцы осадили Пустозерский острог и сожгли его. В то же самое время они в районе реки Таза побили сборщиков ясака. Набеги ненцев на Пустозерский острог повторялись и в 1719, и в 1730, и в 1732, и в 1746 гг.

С 40-х по 80-е годы почти беспрерывно восставали эвены на Охотском побережье.

В этой борьбе с русским самодержавием народы Севера иногда объединялись и с русским трудовым населением — в особенности с пашенным крестьянством.

Так, например, в конце XVI в. на строгановскую вотчину «на Чусовую и на Курью с вогуличами приходил разбоем и грабежом» некто Афонька Шешуков; «скопясь с товарищами своими», вогуличи «войною, воровством и изменою животы русских людей Максимовых с братьею (Строгановы) гра-

били, и лошади и коровы и овцы побивали и переели, а иные с собою взяли и продавали проезжим людям, и вотчины их разоряли, варницы жечь и людей стрелять хотели».[6]

В войнах со Строгановыми манси нашли надежных союзников в строгановских крестьянах. Они вместе выступали против общего классового врага, угнетателя и разорителя.

Пример этот не единичен. Совместные выступления русских и туземцев имели место в 1658 г. против воеводы Ивана Похабова; восстание началось по инициативе русских в Балаганском остроге; объединялись русские крестьяне с туземцами и в 1696 г. против управителя Братского острога грека Христофора Кафтырева. Деятельность его в Приангарьи была полна зверств, злоупотреблений и насилий.[7]

Так шла борьба, стихийная, неорганизованная, против завоевателей и угнетателей.

Огненная сила была на стороне завоевателей. Народности Севера имели в распоряжении лишь луки и стрелы. Ружей, не говоря уже о пушках, у них не было; часто, захватив огнестрельное оружие, они не умели с ним обращаться и оставляли без использования. А русским воеводам огнестрельное оружие обеспечивало победу и пробивало путь в самые глухие и отдаленные углы. В этом продвижении завоеватели закрепляли свой успех, сея среди побежденных разобщенность, несогласованность и племенную рознь.

Многочисленные факты также говорят о предательстве отдельных знатных родовичей по отношению к своим племенам.

В 1598 г. заговор селькупов был раскрыт и предупрежден вследствие измены местных богатеев; они перешли на сторону завоевателей и получили потом в качестве награды — запись в казаки... Выданные ими руководители заговора были все схвачены и казнены.

Вскоре после заговора селькупов был раскрыт заговор у кетов также с помощью туземной верхушки, с последующей кровавой расправой над выданными заговорщиками.

В 1677 г. для подавления восстания эвенов была послана в Охотск карательная экспедиция под руководством Леонтия Трифонова. В ней участвовало 100 человек служилых людей и «от ясачных тунгусов лутчих людей 60 человек».[8]

Большие услуги завоевателям оказали кодские князьки. При их помощи были покорены Пелымские земли; при их ближайшем участии шло завоевание земель Сургутских и Нарымских. Они включились также в походы на Обдорь и на Енисей и всюду помогали устанавливать русские укрепления и остроги.

Палаты бояр Строгановых в Сольвычегодске. *Фото.*

Участие кодских князьков в военных походах ярко отражено в заявлении хантов кодского княжества, относящемся к 1649 г.:

«С прошлых, государь, годов, — писали ханты, — и с Ермакова взятия Сибири блаженной памяти при великом государе царе Иване Васильевиче и иным государям-царям служили мы, холопы твои, с кодскими князьями, со князь Игичеем Алачевым и со князь Онжею, и со князь Чумеек, и с детьми их, и со внучатами: отцы наши и братья, и мы городы и остроги во всей Сибири ставили и на твоих государевых изменников и ослушников, на колмызских людей и на татаровей, и на остяков, и на самоядь, на тунгусов и буляшских людей, и на всяких ослушников служили мы, с тобольскими и с березовскими казаками за один ходили».[9]

Продвижение завоевателей на восток шло по водным путям — по Оби, Енисею, Лене и их притокам.

На вновь завоеванной территории, так же как и на Тобольском Севере, Московское государство ставило города-остроги и учреждало самостоятельные воеводства. Так, в 1605 г. на Кети русские выстроили Кетский острог, в 1618 г. — Маковский острог. За небольшой срок, примерно с 1628 по 1632 г., выросли: Красноярский острог, Илимский острог, Братский острог, Якутский острог и другие.

В 1642 г. в Якутске было организовано самостоятельное Якутское воеводство; Якутский острог стал опорным пунктом и базой

Переволакивание лодок. *Ремизовская летопись.*

для дальнейшего колонизационного наступления на восток, к Чукотке и Камчатке.

Изобилие рек обеспечило завоевателям Сибири сравнительно легкое преодоление пространств тайги и тундры и быстрое продвижение на восток. Уже в 1643 г. Михаил Стадухин достиг реки Колымы, основал здесь три укрепленных зимовья и попытался обследовать выход из этой реки в море. Тремя годами позже, т. е. в 1646 г., мезенцу Игнатьеву удалось достигнуть Чаунской губы. И через 5 лет, в 1648 г., на восточные окраины Севера была снаряжена по морскому пути экспедиция на шести кочах (лодках) группы промышленников с участием казака Семена Дежнева.

Башни Братского острога. *Фото.*

Пять кочей из этой экспедиции вскоре погибли во льдах Северо-Восточного моря. Остался один коч Дежнева. Двадцать пять, человек, плававших на нем долгое время были во власти льдов. Наконец, коч выбросило бурей за рекой Анадырь. Так была обогнута северо-восточная конечность Азии.

Почти одновременно с походом Дежнева, в 1648 г., завоеватели продвинулись к побережью Охотского моря, где заложили острог Косой, будущий Охотск. Тремя годами позже, в 1651 г., Стадухин, используя речные пути, с Анадыря перебрался в Пенжинскую губу к Охотскому морю.

В 1697 г. военный поход Атласова положил начало завоеванию самой отдаленной восточной части Севера — «края и конца Сибирской земли» — Камчатки.

Продвигаясь по Сибири, завоеватели сравнительно легко преодолевали сопротивление местного населения. Лишь на северовостоке, по ту сторону Колымского и Анадырского хребтов, они встретились с воинственными народностями — луораветланами, нымыланами и ительменами. Началась ожесточенная борьба. Казачьи отряды со своим «огневым оружием» беспощадно подавляли всякое сопротивление. Кровавая схватка длилась до середины XVIII в. и кончилась, в основном, разгромом маленьких народов, героически защищавших свою независимость. Только луораветланы не были покорены до конца и даже в русских законах именовались «инородцами не совершенно зависимыми» от русского правительства. А чего стоило этим инородцам отстоять себя от натиска неумолимого врага, видно хотя бы из следующей отчетной «сказки» казака Атласова от 3 июня 1700 г.

«И плыли три дня, и на которые они остроги звали, доплыли и их де, камчадалов, в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачный платеж призывали. И они, камчадалы, великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де, Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли, для того, чтобы было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались».[10]

Из эпизодов кровавой борьбы на дальневосточных окраинах заслуживают упоминания дела майора Павлуцкого. В 1732 г., предводительствуя большим отрядом каза-

ков, он ворвался в Паренский острожек. Нымыланы, не желая сдаваться, ответили массовым самоубийством: убивали друг друга, убивали жен и детей... Немало усилий положил этот самый Павлуцкий для подавления восстания луораветланов. Но здесь он потерпел поражение: отряд его был разгромлен, а сам он в 1747 г. — убит.

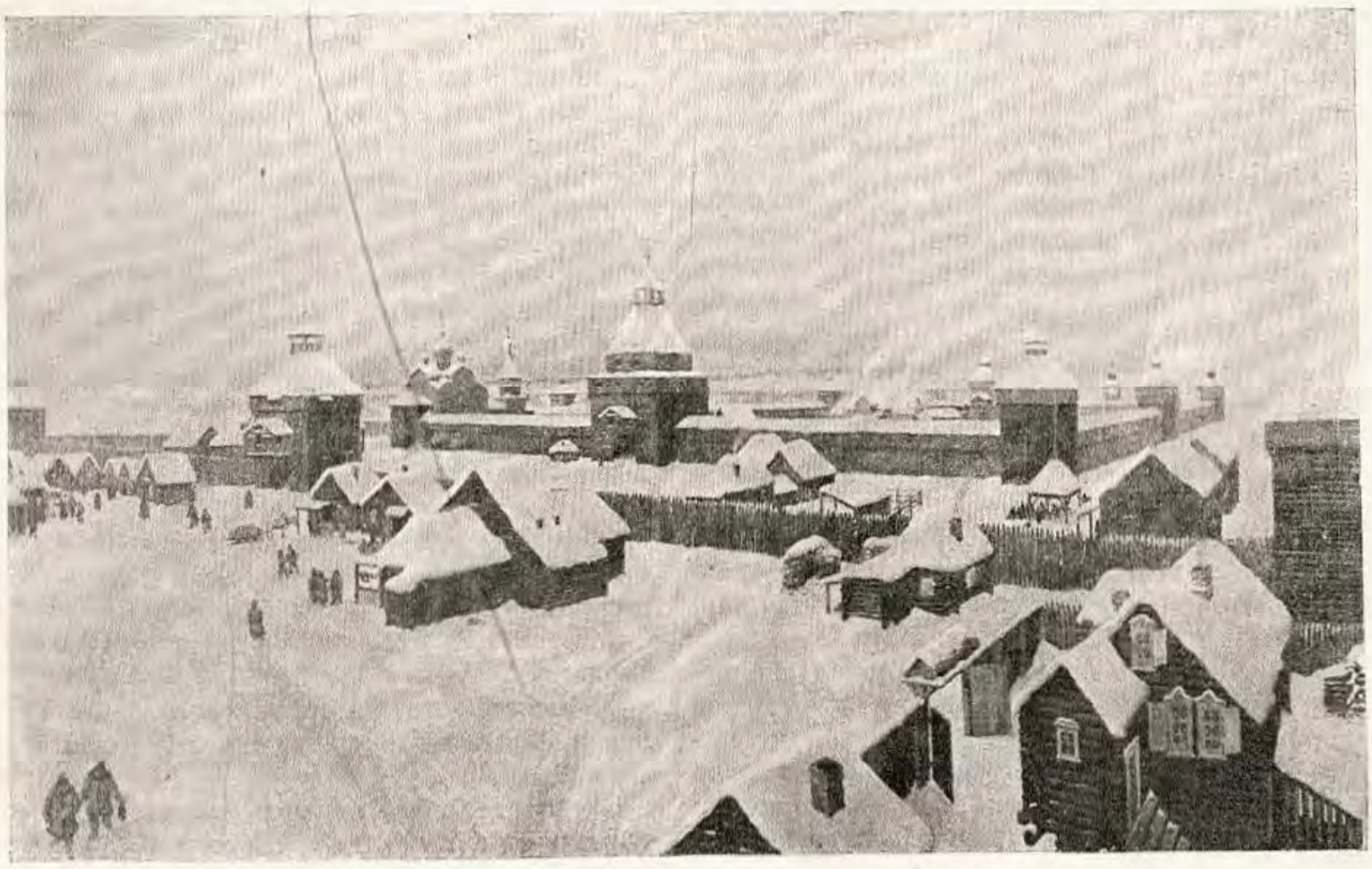
В луораветланском фольклоре, отмечает В. Г. Богораз-Тан, Павлуцкому присвоено прозвище «жестокоубивающий». [11]

Камчатка как колония не всегда приносила царской России доходы. В отдельные периоды она даже была ей убыточна. Так, например, в 1823 г. доходы по Камчатскому управлению выражались в 31 341 руб., а расходы за этот же год — в 67 218 руб. [12] Но Камчатка и Чукотка привлекали внимание русского правительства своим географическим положением. Захватив Чукотку и Камчатку, царская Россия получила выход к морю, что создавало предпосылки к завоеванию цепочки островов и части американского материка.

Захватом Камчатки завершается процесс завоевания Сибири. XVIII в. проходит под знаком дальнейшего освоения завоеванных территорий и укрепления на них русской государственности. Одновременно с процессом завоевания идет и процесс колонизации: местное туземное население все больше и больше вытеснялось с лучших угодий.

Из России стремились в Сибирь также все новые потоки любителей легкой наживы. Они хлынули особенно бурно со второй половины XVIII в., когда монополия на пушнину была отменена, и местное население официально получило право платить ясак деньгами. Пушнины с этих пор стало больше обращаться на рынке. Отмена пушной монополии лишь усилила спекуляцию, взяточничество, злоупотребления. Общий для всей России того времени недостаток подготовленных и честных чиновников особенно резко сказывался в отдаленных местах Сибири. На службу туда направлялись авантюристы, казнокрады, пропойцы; люди с уголовным прошлым оказывались облеченными властью и полномочиями, злоупотребления достигли небывалых размеров. В конце XVIII и начале XIX в. в министерские канцелярии Петербурга поступали тысячи всевозможных жалоб на сибирских чиновников.

В 1815 г., в ответ на бесчисленные жалобы с мест, комитет министров решил назначить

Якутск в XVII в. *С картины художника К. Н. Попова, Ленинград. Музей Арктики.*

Бой чукчей с отрядом Павлуцкого в 1731 г. *С картины художника Семеновой-Тяньшанской, Ленинград. Музей Арктики.*

в Сибири ревизию и производство ее поручил М. М. Сперанскому.

Из Сибири М. М. Сперанский писал:

«...Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо покрытые».

И дальше:

«Чем дальше спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нетерпимого. Слухи ничего не увеличивали, и дела хуже еще слухов».[13]

После ревизии Сперанского царское правительство попыталось создать на окраинах органы местного самоуправления.

В связи с этим в 1822 г. был издан законодательный акт под названием «Устав об управлении инородцев». Этим уставом местное население Сибири подразделялось на три группы: 1) оседлых, 2) кочующих и 3) бродячих. Оседлыми считались «торговые» (бухарцы), «земледельцы» (татары) и роды, «обитающие смешанно с россиянами». К кочующим отнесены «кочующие земледельцы» (часть бурят), «южные скотоводы и промышленники» (буряты и Забайкальские эвенки), «северные скотоводы и промышленники» (якуты, ханты, манси); к бродячим — ненцы, ительмены.

Для оседлых туземцев Устав не намечал каких-либо особых органов управления. Они управляются на основе общих законов Российской империи, как и все остальное население государства. Что же касается кочующих, то Устав учитывает их собственные законы и обычаи и в соответствии с ними строит местное самоуправление. У кочующего населения сохраняются «стойбища» и «улусы», во главе со старостами и двумя их помощниками. Староста и помощники «избираются или наследуют сие звание по наследству».

У бродячих туземцев старостами становятся «князьцы и других наименований почетные люди».

Следовательно, органы местного самоуправления, по Уставу, состоят из представителей туземной верхушки, за которыми сохраняются «почести, какие в местах их

жительства обычай и степные законы им предоставляют».

Мы уже видели, как родовитая туземная верхушка, прельстившись царскими подачками и привилегиями, постепенно сращивалась с русской администрацией и буржуазией и выступала в качестве надежного проводника царской колониальной политики.

Создание на местах органов местного самоуправления, забота о том, чтобы местная «знать» встала во главе этих органов, — по существу было не что иное, как новая форма использования князьков и богатеев, на этот раз в качестве «небольших правителей».

Наряду с этим Устав большую роль отводил земской полиции, состоящей из царских чиновников; на их обязанности лежал надзор за деятельностью старост. Эти чиновники фактически являлись на местах неограниченными правителями. Деятельность их полна злоупотреблений и издевательств над местным населением. Она приводила к взрыву ненависти, к активному сопротивлению, к восстанию.

Наиболее значительным и ярким было движение обдорских ненцев в 30—40-х годах под руководством Вауля Пиеттомина.

Вауля Пиеттомин был грозою русских купцов, царских чиновников и туземных кулаков-богатеев. Местные власти приняли все меры, чтобы поймать непокорного, и в 1839 г. он был схвачен. Обдорская знать торжествовала. Вауля Пиеттомин был жестоко наказан плетьми и сослан. Но из ссылки ему удалось бежать и он снова появился в ненецких тундрах. Имя его было широко известно. Вауля Пиеттомин снова организовал отряд в 400 человек; в январе 1841 г. он с этим вооруженным отрядом пошел на Обдорск. Тамошние власти были страшно напуганы походом Ваули Пиеттомина. Они устроили для него ловушку, заманили туда бесстрашного борца и, схватив его, осудили на каторгу.

Ненецкий фольклор увековечил народного героя. Национальные сказки и песни, бытующие у ненецкого населения, восхваляют Ваулю — отважного защитника угнетенного племени.

Дальнейшее продвижение русского самодержавия на Дальнем Востоке относится к середине XIX в., когда Россия овладела Амуром. Амур был необходим России не только как место, изобилующее богатствами, но и по чисто стратегическим соображениям.

«... Морские богатства, — пишет С. М. Середонин, — ускользали из русских рук; там, где промышленники XVII в. добывали «рыбий зуб», хозяйничали теперь иностранные китоловы. Но как было нам защищать Охотск и побережье океана? По Лене войска еще можно было доставить в Якутск, оттуда они должны были итти к Охотску труднейшим сухим путем.

Становилось совершенно ясным, что для защиты восточного побережья Сибири русские должны были овладеть Амуром, ибо только эта река в то время представляла удобный путь к побережью, путь, по которому сравнительно скоро могли быть доставлены на берега Охотского моря войска, орудия». [14]

Уже в 1849 г. капитан Невельский, один из ближайших помощников губернатора Муравьева, вошел на морском судне в устье Амура, поднял на мысе Куегда русский военный флаг и основал пост Николаевск. По мере дальнейшего продвижения этой вооруженной экспедиции, были основаны военные посты в заливе Де-Кастри и на Сахалине, в заливе Анина и в селении Мариинске на Амуре. В то же время Муравьев усиленно готовился к военному походу в Приамурье. В 1854 г. к Татарскому проливу были брошены вооруженные силы, орудия, боеприпасы, а в 1858 г. Муравьев уже заключил Айгунский договор с Китайским государством, по которому левый берег Амура от слияния рек Шилки и Аргуна до устья Амура отошел к русским владениям, а правый, вниз до реки Уссури, остался в ведении Китая.

В 1858 г. по Пекинскому договору, заключенному графом Игнатьевым дополнительно к Айгунскому трактату, был присоединен к России весь Уссурийский край, вплоть до корейской границы с ее естественными гаванями Владивостоком и Посьетском.

При всей стремительности русской агрессии, процесс колонизации Сибири сначала шел поневоле медленно. Переселенцы со своим скарбом перебирались в Сибирь на лошадях. Обычно такое путешествие тянулось два — три — четыре года. Но в 90-х годах XIX в., как только была проведена Сибирская железная дорога, переселенческое движение сразу же приняло огромные размеры.

Вот динамика постепенного заселения Сибири.

Русского и вообще пришлого населения считалось:

В 1622 г.	23 000	чел.
» 1662 »	105 000	»
» 1707 »	222 000	»

В 1733 г.	297 000	чел.
» 1763 »	420 000	»
» 1815 »	1 100 000	»
» 1858 »	2 288 000	»
» 1897 »	4 889 000	»
» 1911 »	8 393 000	»

Русские крестьяне иногда сами уходили в Сибирь от гнета крепостников, а еще чаще, насильно переселяемые туда, приносили с собой элементы новой культуры: они расчищали вековую тайгу для земледелия и скотоводства, приносили и создавали новую, более высокую технику, ремесло.

Они не раз, как было сказано выше, выступали вместе, а иногда и во главе коренного населения, против того произвола и насилий, которые творили царские воеводы, администраторы, скупщики и торговцы.

Общеизвестно хищническое отношение к народам Севера торговцев и скупщиков. Они не брезговали ничем, лишь бы заполучить возможно больше пушнины, и чувствовали себя полными хозяевами. Беззастенчиво обманывая и спаивая охотников, грабители эти в обмен на стеклянные бусы, медные кольца, сережки выманивали у темных людей драгоценную пушнину. Туземцы находились в вечной задолженности. По долговым обязательствам они платили и за живых неимущих, и за умерших.

В прибрежных стойбищах разбойничали также иностранцы. На Мурманском берегу Кольского полуострова хозяйничали норвежцы, шведы; на островах Архангельского Севера — норвежцы, англичане, немцы; на Чукотке — американцы, на Амуре — китайцы.

Местное население буквально стонало при наездах торговцев. И этот стон был слышен во всех туземных стойбищах: и в глухой тайге, и в тундре, — всюду, где обитали живые люди, угнетаемые и обираемые не только русскими, не только иностранными купцами и чиновниками, но и своими местными кулаками.

Процесс колонизации Сибири во второй половине XIX в. сопровождался резкой дифференциацией местного населения. Шло обогащение маленькой кучки и обнищание большинства. В руках кулацких верхов сосредоточились крупные стада оленей и лучшие промысловые угодья. Некоторые хантыйские князьки в середине XIX в. обладали стадами по 5000—8000 голов. У князя Тайшина насчитывалось до 10 000 оленей. [15]

В 1931 г. в Бакитском районе Эвенкийского национального округа у эвенка Якуня, одного из бывших местных богатеев, было одиннадцать тысяч рублей серебром царской чеканки, скрытые у него в потайном хранилище.

На Тобольском Севере в районе реки Сосьвы лет 70 назад жил некий манси — «русь лятын ойка» (старик с русской речью). Про него рассказывают, что он нанимал бедняков в работники, уезжал с ними на Обь и там промышлял рыбу. На обратном пути в Березове «забирал много муки и товару». Такие же «русь лятын ойка» — эксплоататоры, вышедшие из среды местного населения, — встречались и у других северных народностей. О них и сейчас рассказывают с чувством глубокой ненависти и озлобления.

В результате хищнической эксплоатации народы Севера в царской России были обречены на исчезновение.

Проф. Я к о б и й, посетивший в 90-х годах Тобольский Север, пишет:

«На инородческом нашем Севере... тихо тянется процесс угасания... Это происходит... тем сильнее, чем ближе соприкасаются инородцы с торговыми людьми, с местами продажи спиртных напитков, чем сильнее их задолженность торговым людям и чем больше они идут к ним в работники». [16]

Из года в год увеличивалось вымирание мелких народов Сибири. В 1911 г. известный исследователь Севера С. П а т к а н о в определил, что у некоторых северных народностей ежегодная убыль населения доходит до 10 процентов.

Молох самодержавия не довольствовался отдельными жертвами; он поглощал и целые народы.

- 5614 -

Глава вторая

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Все и всякие угнетающие классы, — писал В. И. Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач *должен* подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность.» [17]

Стремление русского самодержавия к *поголовному крещению народов Севера* обнаружилось издавна, еще когда шло их покорение силой оружия. В полной же мере развернуть эту деятельность церковь, с разрешения светской власти, смогла лишь позже, а именно, когда в опорных пунктах Севера выросли укрепленные города — остроги, когда правители-воеводы подавили восстания, когда колонизаторы ощутили уверенность и силу. Тогда-то и принялась церковь за свое дело — за организацию идейного порабощения побежденных. Церковь стремилась к руссификации завоеванных народов, одним из путей которой являлось насильственное крещение их в православную веру.

Христианизация Европейского Севера началась очень давно — в первой половине XVI в.

Еще в 30-х годах на Кольском полуострове появились два энергичных миссионера — Трифон и Феодорит. Церковные историки излагают дело так, что оба «подвижника», ища уединения, удалились в безмолвные тундры Кольского полуострова. Но в действительности — не поиски уединения, а колонизаторские цели привлекли их на Колу.

Трифон и Феодорит жили у устья реки Печеньги. Это место с давних пор славилось рыбными угодьями, привлекало из года *в год русских и иностранных* промышленников. Миссионеры, таким образом, уединились далеко не в безлюдном месте, а там, где во множестве промышлялась рыба и обитали саамы, которых хотелось прибрать к рукам. И не случайно эти два «подвижника», пробравшись на Печеньгу, сразу основали там монастырь и закрепостили за ним печеньгских саамов, которых попутно обучили самым ходовым обрядам христианской религии.

По стопам Трифона и Феодорита к богатым рыбным угодьям Мурманского берега проследовали монашествующая братия и других [illegible]. В конце XVI в. на восточной

СЕВМОРПУТЬ
Государственное учреждение "Национальная библиотека ФНАО"

части Мурманского берега, по течению Поноя, большой рыболовной реки, хозяйничали монахи Троице-Сергиевой лавры, а в начале XVII в. у Иоканьги и Семиостровья обосновались монахи Антониево-Сийского монастыря из-под Архангельска. Здесь же, несколько позже, владел рыбными угодьями также подмосковный Истринский монастырь. На Мурманском берегу и в глубине Кольских тундр появились церкви и часовни, которые, наряду с монастырями, являлись базами миссионерской деятельности. Самы оказывали сопротивление — «били и за власы влачили» монахов, но тем не менее уже к концу XVI в. были приведены в христианскую веру.

Примерно, в это же время на Архангельский Север в Пустозерский острог был направлен князь Василий Ухтомский. Ему царь Федор Иванович поручил распространить христианство среди пустозерских «самоедов и иных вер туземцев».

По дороге в Пустозерск из Великого Устюга Василий Ухтомский взял с собою большое количество вина, видимо, намереваясь соблазнить туземцев «царевым угощением».

Каковы были результаты деятельности Василия Ухтомского по обращению ненцев? Надо полагать, что не большие. Кочевники легко ускользнули от распространителей новой веры. Что же касается народов Сибири, то в XVI в. московское правительство не только не поощряло среди них церковной пропаганды, но даже сдерживало ее. Дело в том, что крещеные туземцы переходили в собственность того, кто их крестил, становились его рабами. Этим положением широко пользовались завоеватели. Но превращение туземцев в рабов приводило к тому, что количество «ясачных», обложенных данью, уменьшалось, и это снижало государевы доходы. В результате — правительство, заинтересованное в сборе пушнины, препятствовало крещению язычников. Так, в одном из документов XVII в. читаем:

«... Василию и Кириллу, и дьяку Петру, и подьячим и служилым людям никаких иноземцев и жен и детей их во двор себе не имати, и засылкою самих ни у кого не покупати, и не крестити, и к Москве с собой не вывозити и ни с кем не высылати, и служилым и всяким людям крестить не велеть же, чтобы сибирская ленская земля пространялась, а не пустела». [18]

Крещение туземцев было экономически невыгодно государству. Да и не было налицо тех условий, в которых можно было бы осуществить массовое крещение туземцев. XVII в. — это век восстаний сибирских народов, стремившихся высвободиться из-под гнета русского царизма. Насильственное же внедрение христианской религии еще больше озлобляло бы население против правительства и, несомненно, служило бы поводом к новым восстаниям.

В начале XVIII в. идет укрепление Российской империи: малые народы в основном подчинены. Наступает время, когда церковь может развернуть широкую христианизацию Севера: она стремится овладеть самим мировоззрением покоренных народов — и не одним страхом, но и доводами религии примирить их с теми условиями, в которые их поставило самодержавие.

Петр I, увлеченный широкими завоевательными планами, придавал огромное значение миссионерской деятельности на северных окраинах.

На Тобольскую кафедру в 1702 г. Петр назначил одного из виднейших деятелей церкви того времени, воспитанника Киевской духовной академии, образованного и инициативного Филофея Лещинского, и дал ему указ — под страхом смертной казни привести в христианскую веру всех остяков и вогуличей от мала до велика, сжечь их кумирни и кумирницы и на месте том построить церкви и часовни. [19]

Филофей Лещинский настойчиво взялся за выполнение государева указа. Он сам лично совершил ряд миссионерских поездок к народам манси и ханты. Во время этих миссионерских поездок Филофея сопровождали казаки. В одной из народных мансийских песен, дошедших до наших дней («Песня о крещении»), говорится, что с лодки с «куриным носом», на которой разъезжал Филофей Лещинский, так гремели ружья и пушки «с железными жерлами», что от грохота их дрожала мать-земля.

Давая задание крестить всех «остяков и вогуличей», Петр не упоминает о ненцах Тобольского Севера (Ямал). Очевидно в ту пору ставился вопрос о крещении только той языческой массы, которая вела оседлый или полуоседлый образ жизни, так как деятельность миссионеров среди кочевого населения представляла необычайно большие трудности. Поэтому ненцев Тобольского Севера христианизация в этот период почти не коснулась.

Филофей Лещинский при поездке в Бурейские юрты в 1714 г. едва не был убит разъяренными ханты, во главе с их старшиной Уршанко. Увидев миссионерское посольство с Филофеем Лещинским, бурейские ханты сначала заперлись в своих юртах и

долго не выходили; потом встретили гостей с оружием в руках и ранили нескольких проводников миссии. Старшина Уршанко стрелял в самого Филофея. Миссионеры вынуждены были возвратиться в Тобольск. В дальнейшем непокорные ханты, в том числе и старшина Уршанко, тяжело поплатились. Они все были доставлены в Тобольск и заключены в тюрьму. В Тобольске Филофею удалось-таки окрестить старшину Уршанко и после этого добиться у гражданской власти его освобождения. Так обошелся Филофей не с одним Уршанко. Этим же методом он действовал и с Кондинским князьком Сатыгой, который тоже оказал сопротивление при посещении миссионерами мансийских юрт. Искусной стрельбой из лука Сатыга обратил в бегство Филофея, но при втором появлении посольства сплошал и попал в плен. И ему пришлось сидеть *в Тобольской тюрьме, пока он не принял* крещения.

Миссионерская деятельность Филофея Лещинского в Тобольской епархии протекала на протяжении 25 лет. За этот период, как *сообщает епископ Антоний Стаховский*, Филофей окрестил около 40 тыс. туземцев и построил 37 церквей, не считая многочисленных часовен и крестов, расставленных всюду, где только он побывал.

В 1705 г. Филофей Лещинский послал на Камчатку архиепископа Мартиниана для миссионерской деятельности среди ительменов. Вслед за Мартинианом были откомандированы туда священники-миссионеры. Они *прибывали почти с каждым отрядом казаков*. В 1711 г. к ительменам приехал священник Петров, в 1712 г. — священник Бурцев. В эти годы на Камчатке начинают строиться и церкви.

Имя Мартиниана историки упоминают в связи не столько с миссионерской деятельностью, сколько с участием в восстании казаков. В 1711 г. казаки на Камчатке убили приказчиков, занимавшихся сбором ясака, и оставшееся имущество поделили между собою. Поживился и архимандрит Мартиниан, получив на свою долю: «шубу соболью лапчатую да Петра Чирикова грабленных дворовых людей камчадальской породы, некрещеных ребят иноземских названием Щачка да Чистяк, да Володимера Атласова дворовую девку *некрещеную* Настасью».

В 1717 г. Мартиниана задушили в Нижнекамчатском остроге свои же дворовые и новокрещеные ительмены. [20]

Не одного его постигла такая участь. *Многим* миссионерам пришлось поплатиться жизнью. Так, например, в 1731 г. во время восстания ительменов, руководимых самоотверженным Федором Харчиным, в Нижнекамчатске был подожжен дом иеромонаха Иосафа. [21]

При другом восстании ительменов на Еловке, вспыхнувшем в 1731 г. также под руководством Федора Харчина, был подожжен «попов двор» и убиты церковный дьячок Андрей Лазарев со служилыми людьми. [22] За это все Федора Харчина и дядю его Солгоч казнили в 1739 г. Но в 1741 г. разгорелось одно из самых значительных восстаний ительменов, — и лишь после того как оно было подавлено, деятели церкви приступили к массовому крещению.

«... в три месяца труба евангельская толь вострубила, что едва не все неверные от устья Большой реки даже до Кичим реки на 600 российских верст святым крещением *крестилися и к церкви приступили...*» [23] — восторженно сообщает Штеллер — участник второй экспедиции Беринга на Камчатку. В составе этой экспедиции ехали три священника: повидимому, она имела между *прочим и миссионерские задания*.

За три года, после подавления восстания 1741 г., было крещено 6067 ительменов. Но этим, однако, церковь не ограничилась. В 1745 г. на Камчатку была командирована *специальная миссия во главе с архимандритом* Хотунцевским. Этот энергичный миссионер выехал из Якутии на 11 подводах, как он сам сообщает, «с малым числом священно- и церковнослужителей, студентов и *солдат...*». [24]

Находясь в пути, миссия Хотунцевского делала некоторые попытки привести в христианскую веру эвенов Охотского побережья. Эвены недоброжелательно отнеслись к этим попыткам, и, очевидно, чтобы не очень озлобить их, миссия особой настойчивости не проявляла. Но, прибыв на Камчатку, Хотунцевский энергично взялся за крещение ительменов и за первую поездку крестил 1045 человек.

Насколько сильно было при этом озлобление ительменов, можно судить из следующего показания служилого ительмена Алексея Лазукова:

«... хотел его, отца архимандрита Иосафа Хотунцевского, в ревизии мужеска пола душ *господина капитана Дементья Завьялова* и капрала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и протчих убить и христианскую веру истребить...». [25]

В целях эксплоатации крещеных Хотунцевский предложил основать монастырь *при*

Нижне-Камчатском остроге. К монастырю он предлагал приписать «пашенных мужиков» семей до тридцати, хотя бы два острожка, и «всех до одного» «шатающихся» ительменов. Хотунцевский уверял синод, что от монастыря «ущерба государству не будет», ибо ясак с туземцев, прикрепленных к монастырю, «попрежнему пойдет» в государеву казну. И ительмены не останутся в «обиде», так как «они, вместо монастырских поделок, в каюры и во всякие острожные поделки не возьмутся, и собираемая на нужды острожные юкола при них останется». [26]

Выгодность устройства на Камчатке монастыря Хотунцевский видел и в том, что с помощью ительменов, свыкшихся с морем, монастырь сможет организовать на островах зверобойный промысел. Хотунцевский обещал каждого десятого добытого зверя представлять в государственную казну. Но главное, по его мнению, — то, что в результате плаваний туземцев по морю могут быть открыты и присоединены к Российской империи новые острова.

«Между морскими от монастыря вояжами, — писал он, — за помощию божиею, могут и другии острова находитися уже не пустые, но людьми наполненными, которыми и под высокодержавную ея императорского величества руку приведутся и ко общению христианской веры приступят». [27]

Хотунцевский на Камчатке пробыл 7 лет. Возложенные на него обязанности он считал выполненными, «ибо камчадалы, — по его словам, — все до единого за помощию божиею крестилися и поучены, стоят в вере, как благодать христова их утверждает». [28]

В связи с окончанием деятельности миссии, Хотунцевский просил синод выслать сюда вместо него «человека достойного и мудрого», который осуществил бы намеченный им план по устройству монастыря на Камчатке; для себя же просил разрешения выехать в Якутск или в Россию.

Значительно меньше по сравнению с другими народами Севера миссионерская деятельность коснулась луораветланов.

В первой половине XIX в. было крещено всего лишь 55 луораветланов. Но и в отношении этих пятидесяти пяти иркутский губернатор Трескин в 1817 г. сообщал, что «чукотский народ по дикому образу жизни не имеет никакого понятия ни о вере христианской, ни о подданстве; ежели же случалось когда, что некоторые из чукоч принимали святое крещение, то единственно в надежде получить награду или подарки». [29]

Причина слабого развития миссионерства на Чукотке кроется в том, что луораветланы не были окончательно разгромлены, и поэтому не было тех условий, при которых с помощью миссионеров можно было бы помочь процессу порабощения.

Однако и в тех районах Севера, где подвизались энергичные и деятельные миссионеры, христианская религия не глубоко проникала в сознание масс.

Так, например, на Тобольском Севере процесс крещения в основном был закончен еще в начале XVIII в. и существовали уже церковные приходы, но усвоение христианской религии, ее догматической стороны, как признавали сами миссионеры, было чисто формальное.

Вот что рассказывал епископ Евгений Казанцев, бывший на Тобольском Севере в 1826 и 1829 гг.:

«По всему пути, нами пройденному, до самого Обдорска все инородцы ответствовали, что они крещены, но где их вера? Вот храмовой праздник св. Петра и Павла, а в храмовой их церкви нет ни одного инородца из так называемых крещеных. Спрашивал я их, знают ли они Христа, и к удивлению слышал, что самое имя Христа им неизвестно...». [30]

Впрочем, такое положение характерно не только для первой половины XIX в. Оно мало изменилось и в более позднее время.

В 1916 г. В. В. Солярский докладывал генерал-губернатору о народах Приамурья:

«Христианство усвоено инородцами в его внешней обрядовой стороне, а внутренний смысл и сущность христианской религии остаются для них чуждыми, и инородцы-христиане поныне сохраняют языческие религиозные воззрения, и преобладающая часть из них придерживается шаманства». [31]

Новообращенные, усвоив лишь внешнюю обрядовую сторону новой веры, оставались по существу теми же язычниками; православные обряды имели для них то же магическое значение, что и обряды древнего шаманского культа. Так, например, новоземельские ненцы, — рассказывает очевидец А. Ш., — отправляясь на промыслы, «долго и усердно молятся св. чудотворцу Николаю», а во время ловли обращаются к этому «чудотворцу Николаю» и громко-громко кричат: «Миколо, держи, Миколо!».

Ненцы просили «Миколу», чтоб он удержал морского зверя, попавшего в сети. Громкое обращение к «Миколе», — указы-

вает А. Ш., — ненцы мотивировали тем, что этот «святой» умер в старческом возрасте и будто бы оглох, так что если тихо обращаться к нему с просьбой, то он не услышит.

Возвратясь с удачного рыбного промысла, ненцы закалывали оленя и приносили его в жертву шайтану. Но, одновременно, они не забывали и «Миколу»: изображению его на иконе мазали губы кровью заколотого оленя.[32]

Идейная сущность православной религии была непонятна и чужда; увязать ее обряды с национальным бытом, с привычным образом жизни, совместить с укоренившимися верованиями было невозможно. Тем более, что история распространения христианства на Севере полна фактов насилия и издевательств над местным населением.

Духовные пастыри, часто навербованные для Севера из числа авантюристов и проходимцев, сочетали свою церковную деятельность с грабежом туземцев.

Разнузданное издевательское поведение православного духовенства по отношению к «новообращенным» ярко рисует тобольский губернатор Чичерин, вынужденный обжаловать синоду действия священнослужителей. Он рассказывает, что, приезжая первый раз в стойбища и кочевья туземцев, «святые отцы» приводят к новой вере «обольстя награждением, напоя пьяными и напугавши, крестят». В дальнейшем, приезжая второй и третий раз проверять выполнение обрядов православной религии, священнослужители прямо шантажируют запуганных туземцев.

«В посты привозят с собою, — говорит губернатор, — посуду, намазанную молоком или маслом, лошадиные кости» и обвиняют крещеных «в отступничестве от веры христианской, пугают жестокими наказаниями и через то грабят бесчеловечно; если же кто не дает, тех берут с собою и на их же подводах и их коште, забивши в колодки, . везут по другим жилищам. Кто побогаче, к таким в потаенных местах ставят болванов, а потом сами же и сыскивают».[33]

Нравы сибирского духовенства выразительно нарисованы и в целом ряде других документов и материалов.

Местному населению христианская религия обходилась слишком дорого. За исполнение каждого, даже самого незначительного обряда, служители культа требовали уплаты дорогой пушниной. Эти обложения

Миссионер у эвенков (тунгусов). *Фото, г. Хабаровск. Научная библиотека.*

принимали временами огромные размеры и подкашивали без того нищенское разоряемое завоевателями туземное хозяйство.

«Остяки, — пишет И. Т. Прыжов в своих очерках,—плакались на своего попа, что он обирает их за требы: за венчание берет 50 белок, а не то лисицу или соболя, за простую «молитву» — 5 белок, за «очищение совести» — 10 белок..., а в случае неотдачи бьет по щекам и таскает за волосы».[34]

Не ограничиваясь этими поборами, служители религии, как правило, занимались торговлей. Они не стеснялись при этом спаивать местное население водкой. Не брезгали ни прямым обманом, ни вымогательством. Если поп или дьякон не вели торговли самостоятельно, то для них посредничали местные купцы.

«Значительная часть духовных лиц, — замечает известный путешественник по Сибири С. Максимов, — достигала того материального довольства, что их называют богачами (кулаками), и вставала в то положение, когда на них смотрят как на людей, умевших забрать в свои руки всю окольную торговлю».[35]

Один такой поп-мироед некий Вергунов на Тобольском Севере, в Березовском округе, «на пространстве в 2000 верст вел обширную торговлю сукном, холстом, чаем, сахаром, медом, солью, крупой, хлебом, табаком, мехами; и жители привыкли видеть, как весь свой век протопоп и его причетники повсюду разъезжали «на обывательских», — самый зловредный обычай, сохранившийся до сих пор и разоряющий население. Инородцам они, по обычаю всех здешних кулаков, продавали водку по 40 рублей за ведро, сами платили по пяти, спаивали их и обирали».[36]

Разноплеменное население Севера враждебно отнеслось и к христианской религии и к представителям церкви и самодержавия, насаждавшим ее насильно.

Враждебное отношение не ослабевало и тогда, когда появились миссии с составом, обученным и подготовленным к распространению христианства, когда в этих же целях стала использоваться и школа, так как отвращение и недоверие к казенной вере успело слишком укорениться. Народы Севера продолжали защищаться против этого идейного врага попрежнему настойчиво и упорно.

II

ШКОЛА ПРИ САМОДЕРЖАВИИ

Глава третья

ШКОЛА ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

Распространяя христианство среди народов Севера, церковь широко использовала и школу. Первые шаги на этом пути были сделаны в начале XVIII в.

Петр I, убежденный, что религия есть важнейшее орудие влияния на непокорные народы, возложил большие задачи на церковь и школу. Однако духовенство Сибири ни по своему образовательному уровню, ни по своим моральным качествам не было подготовлено к выполнению этих задач.

Первый архиепископ Сибири — Киприян — доносил в Москву о сибирском духовенстве: «Попы в Сибири все воры и бражники, да и быть им нельзя, только быть им по великой нужде, потому что переменить некем». [37]

Попы были таковы, что архиепископы «вынуждены были сажать их на цепь на смирение в продолжение нескольких месяцев». [38]

Опираться на такое духовенство Петру конечно было трудно. Перед ним встал вопрос об открытии специальных школ по подготовке священников для Сибири и Дальнего Востока.

Намерения свои Петр высказал в указе от 9 января 1701 г.:

«Приказному человеку Тобольского Софийского дома из дворян Андрею Городецкому, для утверждения и распространения словес божиих, на Софийском дворе, или где прилично, построить училище (для) поповских, диаконских и церковников детей, ребяток учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам и катехизис православной веры, печатанный на Москве, в прошлом 204 (1696 г.), могли бы совершенно знать и, удостоясь в чин священства, народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев, неведущих создателя господа бога, приводить в познание истиныя веры могли и потому ко святому крещению искать расширения до самого государства китайского». [39]

Андрей Городецкий выстроил на митрополичьем дворе в Тобольске здание училища. Открыть же его и приступить к занятиям выпало на долю Филофею Лещинскому.

Филофей Лещинский намерен был организовать Тобольское училище по образцу юго-западных школ. При нем он хотел открыть типографию для печатания учебников. Преподавание в училище Филофей предполагал вести не только на русском, но и на латинском языке; в качестве учителей пригласить образованных по тому времени черниговских и киевских монахов; наконец, комплектовать училище не только детьми духовенства, но и светских сословий.

Однако от этого широкого плана Филофей Лещинский вскоре же вынужден был отступить. Потребовались большие денежные средства. А их-то и не оказалось. Петр всячески поощрял инициативу Филофея в отношении открытия школы, но в деньгах отказал, предложив содержать училище на доходы архиерейского дома.

Филофей решил обучать в новой школе наряду с детьми духовенства и детей туземного населения, что соответствовало указаниям о распространении христианства в его среде. Это удалось осуществить. Во вновь открытой школе учились «едва ли не преимущественно, по крайней мере в весьма значительном количестве, дети остяков, вогулов и других новокрещеных сибирских инородцев».[40]

Филофей заботился об открытии школ для детей новокрещеных туземцев и в других районах Сибири. Так, в 1718 г. он писал архимандриту Верхотурского монастыря Сильвестру:

«По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири кн. Н. Н. Гагарина велено новокрещеных набирать и их учить грамоте, и тебе бы, архимандриту, по указу великого государя, в Верхотурском уезде, где найдутся ребята згодний к ученью, брать и учить прилежно, а буде возможно, отсылать в дом архиерейский с певними (благонадежными) ездоками ко ученью, где многих новокрещеных ребята учатся грамоте».[41]

В Тобольской архиерейской школе учился сын Кондинского князя Сатыги, крещения которого так упорно добивался Филофей Лещинский, Осип Григорьев. Александр Сатыгин — праправнук князя Сатыги, — в 40-х годах XIX в. был даже учителем Туринской школы. Очевидно, в роде Сатыг школьное обучение стало традицией, передававшейся из поколения в поколение.

Гораздо шире, чем на Тобольском Севере, развернулась школьная сеть на Камчатке, куда в 40-х годах послан был синодом миссионер И. Хотунцевский. Первые на Камчатке школы для детей местного населения были открыты Хотунцевским в 1745 г. в центральных камчатских острогах: Большерецком, Верхне-Камчатском, Нижне-Камчатском. Потом были открыты школы и в более отдаленных острогах: в Шемякинском — в 1746 г., в Тигильской крепости — в 1748 г., в Ичинском остроге и в порту Петра и Павла.

Организации школ Хотунцевский придавал огромное значение:

«Зело на Камчатке быть школам нужно, — писал он, — первое, для твердости веры, чтоб юность углубила в себе догматы благочестия и своевольством златаго времени не тратила; второе, для необходимых церковных потреб...; третье, для уничтожения совершеннейшаго грубых обычаев, в которых до сего времени здешняя страна погружена была».[42]

Учителями в этих школах были студенты славяно-греко-латинской академии, которые направились на Камчатку вместе с Хотунцевским.

Через четыре-шесть лет после приезда на Камчатку Хотунцевский доносил синоду:

«Не соблаговолит ли святейший правительствующий синод к здешним церквам, где ныне есть потребно и впредь будет нужно, определять в церковнослужители, то есть во дьячки и пономари из обучившихся от нас детей русских и камчадалов, а таковых мы имеем довольное уже число, не гнусно чтением и пением церковные службы исполнять могущих».[43]

«А отсюда,—продолжает Хотунцевский, — может еще и польза воспоследовать такая, что протчии их сверстники, смотря к товарищам своим вашего святейшества призрение и милость, охотнее ко учению прилогатися будут, да и мы неляживы пред их родителями покажемся, яко то им при увещании учительским словом обещали».[44]

Эта концовка показывает, какие обещания давал Хотунцевский, чтобы привлечь учащихся в школу.

Привлечению детей в школы мешал сбор ясака. Записаны в ясак были не только подростки, но и младенцы. Ввиду этого Хотунцевский ходатайствует перед Большерецкой канцелярией, «чтоб не благоволено было класть их (детей) в ясак до возраста осмнадесятолетного, понеже им до того времени зверь ловить собою, а от того является ученью препятствие».[45]

И так как канцелярия ничего не отвечала, то Хотунцевский, обращаясь в синод, пишет: «Паче же о камчадальских детях... всеуниженно молю, для вечной пользы сделать с ними такую милость, чтоб они до осмнадесятого лета возраста своего в ясак не записывалися».[46]

В 1751 г. И. Хотунцевский закончил свою миссионерскую деятельность на Камчатке и выехал с ее территории. Дело организации школ стал развивать преемник Хотунцевского — иеромонах Пахомий. Этот последний открыл школы в острогах: Ключевском, Машуринском, Хайрюзовском и других. Всего на Камчатке было открыто в середине XVIII в. 14 школ.

По составу учащихся камчатские школы являются смешанными. В них учились дети казаков и ительменов. И те и другие жили дома, со своими родителями, а в школу ходили лишь на время занятий. Однако перечисленные школы существовали очень недолго. Со времени полного покорения Камчатки русское правительство перестало посылать туда новых учителей; школы пришли в упадок, и к 1783 г. на Камчатке не было уже ни одного учебного заведения.

Попытка подготовить миссионерские кадры из детей местного населения наблюдалась также на Архангельском Севере. В 1774 г. архангельский епископ Вениамин Краснопевков, по согласованию с гражданской властью, поместил в Архангельскую семинарию 15 ненецких мальчиков, насильственно вывезенных из тундры. Однако все эти 15 ненцев умерли задолго до окончания курса.

В 1786 г., в связи с принятием устава о народных училищах, на местах начался некоторый рост школ. Одна из них была открыта в городке Мезени Архангельской губернии. Архангельский губернатор Ливен отдал распоряжение мезенскому исправнику Казакову доставить ненецких детей для обучения в Мезень. Казаков проявил расторопность, и скоро из тундры было вывезено в Мезень 16 ненецких мальчиков. Но их участь была, примерно, та же, как и тех, что были помещены в Архангельскую семинарию. Один за другим они стали умирать. В течение первых четырех лет умерло 3 мальчика, шесть уволено, как сообщает губернатор Ливен, «по болезни неизлечимой и косноязычию», один — отдан купцу Фомину, а шестеро «на двух повозках при хорошем унтер-офицере» отправлены в Архангельск в распоряжение епископа.[47]

Новым толчком к открытию школ на местах послужил закон «Об устройстве училищ» 1803 г. Этим законом обусловлено открытие начальных школ при церковных приходах, с возложением учительских обязанностей на приходское духовенство.

Одна из таких школ была открыта Тобольской духовной консисторией при Туруханском монастыре.

В 1805 г. Тобольская духовная консистория предложила Красноярскому духовенству: в церквах и приходских училищах обучать «прихожан и детей, иными языками говорящих, на тех самых языках» и в такие приходы определять пастырей, «знающих те языки»...[48]

Но приходское духовенство неохотно открывало школы, тем более для обучения туземных детей; оно всячески старалось спихнуть с себя эту нагрузку, ссылаясь при этом на незнание туземных языков.

В дело вмешался енисейский губернатор Хвостов. Проезжая в 1805 г. через Туруханск, он узнал, что у русских кулаков живут в работниках дети: эвенки и ханты. Отобрав пять мальчиков, губернатор Хвостов отослал их в Троицкий Туруханский монастырь на воспитание. О своих заботах в отношении эвенкийских и хантыйских детей Хвостов не замедлил сообщить тобольскому архиепископу Антонию:

«В царствование благотворного монарха,— писал он, — чувствительное сердце подданного ищет с удовольствием сделать посильную пользу отечеству. Движимый таковым чувствованием, имел я счастье в бытность мою ныне в Туруханске воспользоваться таковым случаем. Я нашел в сем городе пять мальчиков из тунгусов и остяков, отданных бедными и не могшими их пропитать родителями разным сего города жителям...

... Я вознамерился поручить детей сих на моем содержании попечению обители Туруханского Троицкого монастыря для научения их читать, писать и основаниям закона божия...».[49]

Антоний, архиепископ тобольский, к инициативе губернатора отнесся вполне доброжелательно и немедленно отвечал:

«... Я споспешествовать усилению предполагаемого Вами заведения всеохотно желаю. Я давно предписывал уже настоятелю того монастыря о заведении малого духовного училища, но игумен отозвался, что священно-церковно-служительских детей в Туруханском уезде столь мало, что училища составить нельзя. Ныне же, по присовокупности пяти сирот ясашных малое училище осуществиться может».[50]

Но между губернатором и архиепископом тут же произошла размолвка. Архиепископ Антоний заявил, что как только дети туземцев окончат эту школу, они будут переданы в семинарию, чтобы впоследствии явиться деятелями церкви. Губернатор же настаивал на том, чтобы дети по окончании малого училища были переведены в распоряжение Приказа общественного призрения.

Дело дошло до самого царя, который изъявил согласие передать туземцев, окончивших малое училище, в Приказ общественного призрения.

Архиепископу Антонию оставалось согласиться. Так он и сделал. Школа при Троицком Туруханском монастыре заработала. Туруханские дети были размещены

в монастырских келиях, вместе с «братиею». Занимались они в «особом чулане». Учить чтению, письму и катехизису взялся штатный монастырский священник Иван Ковригин.

Дальнейшей судьбой этих учеников мало кто интересовался. Только по истечении шести лет, в конце 1812 г., игумен монастыря Феофилакт «...принял смелость донести о находящихся в ведении монастыря питомцах г. Хвостова из иноземцев, пяти мальчиков, для обучения русской грамоте. Тому другой год проходит, что оные мальчики без всякого призрения остаются по причине неимения при монастыре способного к обучению их учителя из числа находящихся здесь в монастыре собратий». [51]

Игумен просил разрешения у архиерея направить детей обратно в Туруханск, где, якобы, «господин городничий Сарычев завел училище при городничестве и обучает русской грамоте мальчиков до 20-ти». [52]

Так и сделали. Четыре мальчика: Филипп Долгановский, Василий Новацкий, Николай Шестаков и Ефим Якутский—в мае месяце 1813 г. отправлены в Туруханск и сданы «под присмотр» городничему Сарычеву. Участь пятого монастырского воспитанника, Макара Бахрушева, была иная. Он попал под суд за кражу церковных денег и во время следствия умер.

Городничий Сарычев нашел, что обучение этих детей «российской грамоте» могут лучше вести жители Туруханска. Он передал присланных мальчиков в ведение частных лиц, кроме одного, Ефима Якутского; тот, заболев «золотухой», был возвращен своим родственникам.

В других районах Севера в это время не открывалось специальных школ для обучения детей коренного населения. В существовавшие же русские школы они не вовлекались.

В 30-х годах синод, заботясь об укреплении в народе основ христианского вероучения, секретным указом предписал сельскому духовенству обучать грамоте детей своего прихода. А в 1841 г. был утвержден устав духовной консистории, в одном из параграфов которого говорится:

«Епархиальному начальству вменяется в обязанность располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквах училищ, в виде простом и приспособленном к народному быту».

Побуждаемое этими директивами сибирское духовенство опять пытается организовать обучение детей туземцев; делаются даже некоторые шаги к открытию для них специальных школ.

Так, например, в 1844 г. на Тобольском Севере была открыта Кондинская школа и в 1846 г. — Обдорская. Эти школы по своему характеру различны. Кондинская школа была учреждена при монастыре. Она отличалась замкнутостью, сугубо церковным содержанием занятий (заучивание молитв, чтение псалтири). От учеников требовалось строгое выполнение церковной обрядности, язык обучения — русский. В ней учились как дети русского населения, так и туземцев. Их в 1850 г. насчитывалось 10 человек, в 1851 г. — 12 человек, в 1853 г. — тоже 12 человек, в 1854 г. — 9, в 1857 г. — 11, в 1858 г. — 8, в 1859 г. — 14. Таким образом, дети туземцев являлись в этой школе основным и преобладающим контингентом. Их набирали в школу насильственным путем, с помощью земской полиции.

Обдорскую школу открыл у себя на дому приходский священник Петр Попов. Эта школа не знала сурового режима, присущего первой. Организована она была очень примитивно. Учебное оборудование отсутствовало, расписания не было. Дети занимались в школе, когда их позовут, а это зависело от того, когда и в какие часы был свободен «наставник». Круг учащихся в этой школе был невелик. Редко он превышал 10 человек и притом состоял, в основном, из детей русских.

С 1852 г. в Обдорской школе учились исключительно русские дети.

Таким образом, если не считать Камчатки, то за весь период от начала XVIII в. и до второй половины XIX в. мы не видели сколько-нибудь заметных культурно-просветительных мероприятий для народов Сибири и Европейского Севера.

На протяжении всего периода церковь стремилась использовать школу только в целях распространения христианства среди коренного населения Севера,

Неудивительно поэтому, что население относилось враждебно к церковным учреждениям и мероприятиям.

Глава четвертая

ШКОЛА В 60-Е ГОДЫ

Шестидесятые годы в России—это годы величайшего обострения социальных противоречий.

Развивающийся капитализм требовал быстрейшего разрешения крестьянского вопроса — вопроса о крепостном праве, об освобождении крестьян. Крестьянская реформа была у всех на устах: все слои населения, все круги общества чего-то ждали и волновались.

В печати того времени оживленно обсуждались вопросы отмены рабства, уничтожения крепостного права.

Встал, в частности, вопрос о колониальной политике. Его выдвинули исторические события: восстание сипаев в Индии, занятие Россией Амура, окончательное покорение Кавказа.

Большой интерес представляет отношение к этим событиям русской революционно-демократической печати.

На страницах «Современника» печатались статьи Добролюбова о восстании индусов и о завоевании Россией Кавказа и Амура.

В статье «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» Добролюбов, вскрывая причины восстания индусов против англичан, утверждает, что «сочувствие к индийцам английских приобретателей было весьма умеренно: они смотрели на покоряемый народ просто, как на предмет, который может быть облагаем податью». [53 — 54]

Возражая против выводов английской печати, что восстание есть протест против европейской цивилизации, Добролюбов указывает, что этот протест «направляется скорее всего на английский способ приложения цивилизации к Индии, исходя из побуждений, более близких к просвещенным стремлениям века, нежели могут предполагать англичане». [55]

Добролюбов убежден, что цивилизация полезна для отсталых народностей, что ее «жизненное влияние» ведет к пробуждению народного сознания, в данном случае индийского народа, наконец, обнаружившего, что он начинает понимать себя.

После такой борьбы народу уже «трудно погрузиться в прежний сон», и задача английского руководства заключается теперь именно в том, чтобы дать индусам образование, изменить характер управления, и тогда английское могущество будет еще сильнее, и Ост-Индия «пойдет рука в руку с своей метрополией по пути цивилизации».

Здесь (как и в целом ряде других статей) Добролюбов, останавливая внимание читателей на знаменательных фактах из жизни Европы и Востока, формулирует ряд

положений, актуально звучащих и для России.

Устами своего лучшего представителя революционная демократия 60-х годов заявляет, что европейская цивилизация несет отсталым народам пробуждение от векового сна. Поднятию же культуры этих народов на высшую ступень мешает то, что завоеватели смотрят на жителей колоний как на предмет обложения и не заботятся об их образовании.

Эти мысли мы находим и в других статьях Добролюбова (об Амуре и о Кавказе).

В статье «О значении наших подвигов на Кавказе» Добролюбов указывает на то, что Кавказ «покорен прочно и окончательно». Но вот начинается «новый период борьбы», более трудный, чем предыдущий, — период «о б р у с е н и я». [56]

Употребляя термин «обрусение», Добролюбов вкладывает в него своеобразное содержание. Он говорит о просвещении народностей Кавказа, о доведении их культурного уровня до уровня России.

Русскому управлению предстоит теперь задача — сделать благотворным влияние образованности и гражданского быта.

Добиваясь этого, администрация должна действовать «не для собственных видов покорителей, но в интересах самих покоренных племен».

В конце статьи, однако, революционер-разночинец подцензурным языком выражает сомнения, способна ли царская администрация действовать именно так.

Более резко Добролюбов подчеркивает это в рецензии на книгу «Путешествие на Амур». Здесь прямо говорится, что «в нашем любезном отечестве... корыстные расчеты, небрежность, невежество или недобросовестность обращают в ничто и даже делают вредными самые полезные начинания». Поэтому распоряжения администрации на Амуре «вредны для развития края». Причины этого лежат «не в свойствах того или иного лица, а гораздо глубже, — в самом общественном порядке». [57] Уничтожение этого порядка, свержение самодержавия — есть необходимое условие для подъема народов, входящих в состав России.

О положении народностей Севера, «инородцев» по тогдашней терминологии, о том, как вывести их из тяжелых экономических, политических и культурных условий, писал в 60-х годах историк А. П. Щапов на страницах другого радикального журнала «Русское Слово».

Щапов считал, что русский народ призван историей и поставлен самой географией «в непосредственное, жизненно-бытовое и, так сказать, воспитательное отношение» к различным народностям и племенам «для того, чтобы возвести их, путем общечеловеческого интеллектуального развития, на степень высших народностей». [58]

Он верил, что исторический процесс развития ведет к объединению всего человечества в одну «великую нацию».

Повторяя слова Виктора Гюго, он высказывал убеждение, что «великие народы сольются в братском поцелуе, и один даст другому то, чего у того нет». [59]

Начало этого всечеловеческого объединения видел он в том, что передовые европейские народы уже начинают сознавать «необходимость гуманного отношения к неграм», сознавать, что по отношению к отсталым народам нужно действовать «не убивающим насилием, а живящею свободою и просвещением». [60]

В ярких образах Щапов рисует жизнь северных народностей, непрерывную борьбу с окружающей природой, заброшенность, бесплодную трату гигантских сил...

«Посмотрите, например,— пишет Щапов, — вот там, на ледовитой тундре, бедный горемычный самоед, нагонявшись за оленями, в борьбе с трескучими морозами полярного климата, сидит уныло у огонька в своей веже, окруженный нагим молодым поколением. Загляните в его сердце: горем, ледовитым горем ноет оно, хотя и безотчетным, невыражаемым, и никто не видит, никто не слышит, не знает этого убийственно-спокойного чувства гнета, и редко кто-нибудь хоть раз в жизни подумает о нем с горькодумным, горько-слезным участием. И ужели им решительно никак не может помочь наш XIX в., задавший вопрос: «негры — люди-ли?»...

«Посмотрите: там, далее, в полярной тундре чукоч с богатырским напряжением мышц расточает силу, движимый диким инстинктом голода, прибытка, торговли, странствует, во время несносных бурь полярного климата, по льдинам полярного моря, готовым обрушиться на него горами и сокрушить его ничтожное бытие, странствует от устьев Лены до берегов Америки, чтобы наловить зверей и продать их за муку, за табак, за водку... Посмотрите, с какой гигантской силой, изощренностью и ловкостью бьет он моржей. Какая мощь и напряженность грубых, диких мощных сил! И за какую ничтожную сумму пользы такая трата сил!», [61]

«Эти люди — способные, талантливые, смелые — коснеют в невежестве, а мы не только их не просвещаем, но развратили, испортили, забили и привели к тому, что они «обречены только на вымирание». Но ведь «они ждут от нас помощи к развитию и лучшему проявлению сил на пользу общенародную. Не крестиками миссионеров, не табаком и водкой русских торгашей мы должны располагать, привлекать их к себе, к своей расе, не хитростью и обманом, а русским хлебом и солью, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим обращением с ними...». [62] Миссионерскую деятельность Щапов, как и Добролюбов, считает вредной, миссионеры распространяют «суеверия», школы их мешают сближению народностей Севера с русским народом. Не такие школы нужны, а «междуплеменные», где дети туземцев приобщились бы к европейской цивилизации. И в этих школах должно быть не миссионерское, а «общечеловеческое, главным образом естественно-научное образование».

Приводя в пример известных ему бурят, получивших высшее образование, Щапов говорит о необходимости организации университета в Сибири. Но, в противоположность местной буржуазии, хотя и поднявшей в то время вопрос о Сибирском университете, он подчеркивает, что «университет в Сибири необходим не только для самого русского населения, но и для умственного развития, усовершенствования природных сибирских племен, для возбуждения и вызова их спящих и тщетно тратящихся, но не бедных, здоровых и свежих умственных сил к полезной и производительной общественной деятельности, для облагораживания их общественной жизни и просвещения их миросозерцания светом естественных знаний и высшей цивилизации, для удовлетворения их живых умственных порывов и способностей к просвещению». [63]

Эту же мысль выразил Щапов 26 мая 1865 г. в Иркутске на юбилее Ломоносова:

«При воспоминании, — заявил Щапов, — одной этой великой энергии и настойчивости Ломоносова в деле основания первого русского университета, — чего бы лучшего, какой бы пирамиды нам, сибирякам, желать в увековечение памяти Ломоносова, как не университета в Сибири. Да, университета ждут все молодые поколения сибирские, не только русские, но инородческие, в массе которых гибнет множество Ломоносовых, Банзаровых». [64]

И так же страстно прозвучал еще раз этот его призыв:

«Наше молодое, научно-мыслящее, просвещенное меньшинство составляет зародыш, зачаток нового будущего народного поколения, новой народной организации, которая должна нарастать из народа и представлять как можно больше, чаще и все лучше и лучше не только новых Ломоносовых, Радищевых, Белинских, но и новых Кастренов, Банзаровых и т. п.». [65]

Подобно Добролюбову, Щапов требует и от администрации и от «богатых классов русского народа», чтобы они перестали видеть в туземце «предмет обложения данью». Мыслитель-идеалист, он допускал, что казенные администраторы, царские чиновники способны «превращаться под влиянием научного и гуманного развития в класс честных гражданских деятелей»... Но этот гуманист, так живо чувствующий страдания и горести бесправных племен, так непрестанно взывающий о человеческом к ним отношении, находил в то же время, что народы Севера по самой физико-антропологической структуре своей обречены на вымирание. Спасение представлялось ему в ассимиляции с русскими, в смешении русской крови с кровью народностей Севера. Это будет, — полагал он, — способствовать выработке нового антропологического типа, более устойчивого и жизнеспособного.

Итак, не изменение социально-экономического строя и обеспечение развития национальной культуры, а ассимилирование отсталых и слабых, — вот к чему, по мнению Щапова, призывала русский народ гуманность и справедливость.

Такое умозаключение с неизбежностью вытекало из ложной отправной точки зрения этого искреннего защитника порабощенных, затравленных «инородцев».

Идеи Щапова нашли отражение у сибирских «областников» (как называлось в 60-х годах и позднее левое крыло сибирской буржуазной интеллигенции). Деятели этого направления (Шашков, Ядринцев) стремились высвободить Сибирь из-под влияния русского центра с его колониальной политикой. Областник Шашков писал, что «одной половине сибирских «инородцев» в непродолжительном времени суждено вовсе исчезнуть с лица земли», так как она «находится в страшной нищете, заражена губительными болезнями, подвержена вымиранию». Другой же половине предстоит «совершенно смешаться с русскими, составить с ними одну народность». Подобно Щапову, сибирские

областники не видели путей для самостоятельного национального развития сибирских племен и народов ни в настоящем, ни в будущем,— не видели прежде всего потому, что практическая программа как сибирских областников, так и Щапова была насквозь утопична и идеалистична. Не в плане социального переустройства, не в плане социальной революции мыслили они осуществление своих прогрессивных требований, а в плане медленной, органической эволюции, развития науки, образованности и т. п. «Участь этих инородцев, — писал Шашков, — может улучшиться только тогда, когда истинное образование и гуманная нравственность сроднятся с сибиряками: без этих благодетельных факторов свобода — сон, а счастие народа — безумная мечта».

Задачи просвещения и обучения народностей Севера входили составной частью в «обще-инородческий» вопрос. И Шашков и Ядринцев уделили просветительным проблемам значительное внимание. Нарисовав яркую картину жестокой эксплоатации порабощенных народов, они подвергли резкой критике также и миссионерскую школу. Требуя коренной перестройки школы на Севере, они настаивали на приобщении народов Сибири ко всей системе образования в России, вплоть до высших ее ступеней. «Развитие образования среди них, так же как призвание их к гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцев на общечеловеческое существование, сколько и исторический долг русской народности на Востоке», — писал Ядринцев. Он же выступил с рядом конкретных предложений к перестройке школы в Сибири: введение светских наук, обучение на родном языке учащихся, издание учебников на национальных языках, привлечение в качестве учителей лиц, вышедших из среды коренного населения, и т. д.

Все эти требования повисли, однако, в воздухе. Никаких реальных путей для их осуществления, ни вообще для изменения всей колониальной системы областники не указали и не видели. Они собирались ждать, пока «благодетельные факторы» — наука, гуманность — постепенно изменят существующее положение.

В шестидесятые годы народная школа в центральной России начинает развиваться быстрее, чем прежде.

Значительная доля работы по созданию народной школы проводилась на местах только что созданными земскими учреждениями.

На Крайнем Севере, как и вообще в Сибири, земство организовано не было.

Школу там должна была организовать прежде всего церковь. Однако духовенство с открытием школ не спешило.

Ведь это дело духовенству материально ничего не давало, а забота прибавлялась немалая. И часто служители культа ограничивались тем, что извещали свое ведомство об открытии школы, а к занятиям не приступали. Таким образом, значительное количество приходских школ существовало только в отчетах епархиального начальства и в синодских отчетах.

В. Немирович-Данченко, в 1873 г. побывавший на Кольском полуострове в саамских погостах, рассказывает:

«По распоряжению губернатора Качалова, священники завели у себя училища, вначале небольшие. У Терентьева было 10 учеников из лопарей... К сожалению, немного спустя, дело это заглохло, и уже при мне ни у одного священника не училось детей, а Ловозерский пастырь на мой вопрос об этом наивно ответил, что он гнушается необразованностью и дикостью своей паствы, что в ней невежество свирепствует, и при этом вздохнул о том, как тяжело ему, просвещенному человеку, жить среди сих филистимлян. Только несколько лапландцев воспитываются в Коле, но там их кормят скверно, одевают еще хуже, заставляют жить и зимою в холодных, нетопленных комнатах, делают из них добровольных и даровых работников». [66]

В Коле школа была открыта в 1857 г. Учились в ней дети русского населения. За десятилетний период существования этой школы (с 1857 по 1867 г.) «лопарских детей обучалось грамоте всего лишь три мальчика и одна девочка».

На Тобольском Севере в 60-е годы к двум существовавшим миссиям (Кондинской и Обдорской) прибавилась третья — в Сургуте. При каждой из них существовали школы, где обучались только дети русского населения. Дети народов Севера в школах, в том числе и в Кондинской, составляли редкое исключение. Уменьшение их числа в Кондинской школе по сравнению с 40-ми и 50-ми годами объясняется тем, что в эти годы Тобольский Север был охвачен эпизоотиями, которые наносили огромный урон оленьим стадам; обнищавшему населению было не до ученья. Несомненно, повлияло также и то, что в 60-х годах миссионеры смягчили методы вербовки и не прибегали к помощи земской полиции, как в более раннюю пору.

Кроме церкви некоторые попытки к открытию школ предпринимали и гражданские власти. Так, в Туруханске в этот период существовало «Гражданское училище», в котором обучали и детей местного населения; однако оно уже в 1863 г. прекратило свое существование.

«В существующем гражданском училище,— пишет священник Туруханской церкви Закурцев, в донесении от 28 января 1863 г., — мальчики остались без занятий, потому что отец дьякон Евграф Попов, занимавшийся с ноября месяца обучением детей за плату, и то без внимания и усердия к делу, ныне оставил эту обязанность, положительно неизвестно мне почему». [67]

Спустя два месяца тот же священник снова доносил, что «обучение детей в Туруханском училище с февраля месяца сего года совершеннопрекратилось по обстоятельствам, вполне зависящим от Туруханского отдельного заседателя, который, за неимением средств к содержанию училища и мальчиков из инородцев, последних, без ведома и согласия Туруханского причта, всех разослал на места их родины». [68]

Были в то же время и случаи частной инициативы. Так, в 1863 г. в том же Туруханске была открыта школа при Туруханском Троицком монастыре «на средства Красноярского 1-й гильдии купца коллежского регистратора М. К. Сидорова». [69] Школа эта предназначалась преимущественно для детей народностей Севера.

Как долго школа эта существовала и учились ли в ней дети народностей Севера — указаний нет.

Шестидесятые годы не внесли почти никаких изменений в школьное дело на Севере.

Состояние церковно-приходских школ оставалось на Севере попрежнему самым жалким.

Глава пятая

ПОИСКИ НОВОГО ТИПА ШКОЛЫ И ПОПЫТКИ ПЕРЕВОДА ОБУЧЕНИЯ НА РОДНОЙ ЯЗЫК

В восьмидесятые годы руководящую роль в области народного образования, а особенно в отношении начальной народной школы, взял на себя махровый реакционер, обер-прокурор синода К. П. Победоносцев. Церковно-приходская школа была им признана одним из важнейших средств воспитания подрастающего поколения. При Победоносцеве были изданы специальные «Правила о церковно-приходских школах». Победоносцев настоял на том, что казенные субсидии на эти школы стали увеличиваться из года в год, превосходя субсидии, отпускаемые начальным школам министерства народного просвещения. Он же, наконец, добился того, что Александр III взял церковно-приходские школы под свое особое покровительство. На представленных ему «Правилах» царь написал:

«Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле».[70]

Синод тотчас же довел это до низового духовенства; на местах архиереи стали всемерно содействовать открытию церковно-приходских школ и школ грамоты. Волна эта докатилась и до далеких окраин.

В 1885 г. в Казани был созван специальный съезд архиереев из тех епархий, в которых было нерусское население. Этот съезд признал, что дело распространения православия среди народов окраин поставлено неудовлетворительно, и предложил как одно из средств использовать церковно-приходские школы.

«Школы эти, — говорится в постановлении съезда архиереев, — должны сделаться рассадником истинно-христианского благочестия в народе. Для утверждения в детях такого благочестия, необходимо вести их к сознательному и сердечному усвоению религиозных истин. Самый правильный путь к достижению сей высокой цели должен состоять в неотделимости школы от церкви, чтобы церковное воспитание и школьное обучение шли рука об руку и нераздельно».[71]

На этом же съезде был поставлен вопрос о необходимости для приходского духовенства изучить местные языки: незнанием их — указывали многие из выступавших — «объясняется такое медленное проникновение христианства в среду местного населения, а также плохая работа школ».

Постановка вопроса об изучении местных языков и об обучении на родном языке является сама по себе прогрессивной. Но в данном случае духовенство было далеко от мысли использовать родной язык в целях просвещения народностей окраин. Родной

язык понадобился лишь как средство распространения христианства.

Школьная сеть Крайнего Севера была в это время доведена до 22 единиц. Языком обучения, однако, оставался русский. Да и ученики — если не исключительно, то в значительной своей части — были дети русских.

Так, в Обдорской школе в 1886 г. в числе учащихся насчитывался всего лишь один учащийся из народов Севера, в 1887 г. — два, в 1888 г. — три, а в последующие годы они совсем перестали учиться в ней.

В Кондинской школе в 1884 г. в составе 20 учащихся было всего пять детей местного населения. То же число осталось и в 1885 г.

Кое-где духовенству удалось завербовать детей местного населения в приходские школы. Но как и в более раннюю пору, это не обошлось без насильственных мер.

Вот что, например, докладывает в 1888 г. архангельскому епископу Нафанаилу прибывший на Кольский полуостров в Нотозеро священник Павел Дмитриев:

«Лопари, вероятно, опасаясь расходов,... под разными предлогами не соглашались на открытие школы, тем более, что за последнее время кто-то в среду лопарей пустил мысль, что если откроют школу, то, поучивши детей в ней, потом их увезут куда-то далеко, одним словом, разлучат их. Таким образом, открытие школ среди местного населения, — пишет далее священник Павел Дмитриев, — могло бы остаться неосуществимым в занимаемом мною приходе, если бы не подействовала в сем случае светская администрация». [72]

Встречая решительный отпор со стороны саамов и видя свое бессилие, священник обратился за содействием к начальнику по крестьянским делам Кольского уезда Мокшееву. Последний не был расположен много говорить с саамами. Он спросил у Дмитриева список нотозерских детей, достигших школьного возраста, и тут же отдал распоряжение об их приводе в школу.

14 января 1889 г., в день открытия Нотозерской школы, в погост приехали Дмитриев и Мокшеев. Увидев их, саамские женщины,— рассказывает Дмитриев, — бросились к Мокшееву «в ноги» и «с воплем» стали упрашивать его не брать детей в школу. Тут же стояли отцы, передавшие в этом случае права своим женам. Они не смели так свободно разговаривать с начальником Мокшеевым, как в этом случае с ним разговаривали их жены, и на все его вопросы робко отвечали: «Пожалуй, мы бы и отдали детей в учение, да вот жены не дают». [73]

В конце рапорта Дмитриев докладывает: «Сила ли молитвы, или что другое (скорее боязнь репрессий. — *Авторы.*), только спустя полчаса в сопровождении своих жен, ведущих детей своих, без слез уже на глазах, начали заявлять г. начальнику о согласии своем обучать детей грамоте». [74]

Дети ненцев, ханты и манси обучались также и в Абалакской школе, где положение их было очень тяжелое. Руководитель Обдорской миссии Иринарх указывает, что из семи ненецких мальчиков Обдорского края, направленных учиться в Абалакскую школу, пятеро умерли, и что такая высокая смертность явилась одной из причин, по которым население Севера не отдавало своих детей не только в Абалакскую, но и в школу при Обдорской миссии. [75]

Несмотря на то, что Казанский миссионерский съезд 1885 г. определенно высказался за изучение местных языков, на местах сдвига в этом отношении не наблюдалось. Как правило, приходское духовенство очень неохотно бралось за это дело.

Были случаи, когда священник-учитель приглашал к себе на урок переводчика. Так, уже упомянутый нами нотозерский священник Дмитриев, набрав в школу саамских детей и приступив к занятиям, буквально растерялся, увидев учеников, вовсе не понимавших того, что он сообщал им на уроках. И Дмитриев решил сначала хоть немного научить их русскому языку, а затем уже приступить к обучению закону божию. Для этого он приглашал на уроки кого-либо из саамов, знавших русский язык, и, показывая учащимся евангелие, крест, стол, стул и т. д., заставлял переводчика называть эти предметы сначала на саамском, а потом уже и на русском языке.

Нетрудно себе представить, что это были за уроки.

Если к этому добавить, что приходские школы помещались в исключительно плохих зданиях, часто в церквах, в сторожках, темных, холодных, без самого элементарного оборудования, что учебный год в этих школах был крайне короток, обычно не превышал трех-четырех месяцев, то станет ясно, что открытые на Севере школы далеко не оправдали надежд духовенства.

Священник В. Невский в прошении, посланном архангельскому архиерею, так отзывается о Колвинской школе (где учились дети ненцев): учителя-псаломщики, «будучи малопросвещенными, неподготовленными и, кроме того, алкоголиками, обучение в школе вели так слабо, что ученики, проучившиеся

в школе пять и более лет, едва могли подписывать свое имя и фамилию, а о русской речи имели лишь самое смутное представление». [76]

Ревизор, обследовавший Кондинскую школу, пишет, что школой «недовольны все вообще, русские и инородцы», и неудивительно. «Несмотря на продолжительное обучение в ней (4—5 лет), дети не умеют порядочно ни читать, ни писать... Из пяти инородческих мальчиков, находящихся налицо при настоятеле, и, вероятно, лучший не ответил ни на один вопрос. Нельзя было добиться от него что-либо прочитать или пропеть». [77]

Все эти неудачи заставили подумать об иной школе для народностей Севера. Поисками нового типа школы отмечены 90-е годы прошлого столетия.

С развитием капитализма стала на очередь интенсивная эксплоатация природных богатств Севера. Но она требовала рабочих рук. Этими рабочими руками, хорошими и дешевыми, на Севере являлись народности Севера, промышлявшие пушнину, рыбу, морского зверя и т. д. Они интересовали буржуазию и как возможные потребители фабрично-заводских изделий, завозимых на окраины.

В буржуазной печати начинают все чаще появляться статьи о вымирании народов Севера. Различные исследователи подходят к этому вопросу по-разному.

Один автор, Г. Ф. Гебель, в своей работе «Настоящее и будущее Лапландии» пишет, что саамский народ «...оказался совершенно неспособным к культуре и, живя при самых благоприятных для него условиях, мало-помалу вымирает, подчиняясь действию естественного закона, по которому все малоспособные к культуре охотничьи и кочевые народы, придя в соприкосновение с культурным народом, начинают вымирать, если они даже не подвергаются никакому преследованию». [78]

Гебель, находя, что саамский народ «грязен», «ленив», «ничего не делает для страны», не считал возможным «сожалеть об исчезновении лопарского племени». Но были авторы, жалевшие, что некоторые народности гибнут. Эта жалость у них возникла лишь потому, что-де с исчезновением народов Севера люди науки лишатся объекта для своих исследований.

«Три-четыре народности, — пишет Серебрянников в своей статье «Вымирание сибирских инородцев», — выживают,. все же остальные вымирают и обещают исчезнуть совсем...

И если у нас иногда принимаются меры к тому, чтобы не исчезло с лица земли то или иное вымирающее животное (бережем же зубров!), то тем паче должны бы были мы подумать и о вымирающих людях, о вымирающих инородцах». [79]

Не беда, рассуждает Серебрянников, если исчезнут эскимосы: «они останутся в Америке... Могут вымереть наши сахалинские айны,.. они есть еще и в Японии». А вот «если исчезнут коряки, алеуты, чуванцы, то вместе с ними, может быть, будет снят с очереди как неразрешимый и вопрос о Древней Азии. Не нужно же забывать, что все эти палеазиаты считаются аборигенами нашего материка, что в их языке кроется очень много интересных загадок для ученого мира». [80]

К голосам теоретиков присоединялись практики-дельцы, сибирские промышленники. Не углубляясь в языковедческие проблемы, они отлично отдавали себе отчет, что с вымиранием народов Севера исчезнут и рабочие руки, и рынки сбыта.

На страницах буржуазной печати заговорили о «спасении» народов Севера.

«Сохранение инородцев на севере Сибири, — писала в 1893 г. газета «Сибирский листок», — необходимо и желательно.

Север слишком непривлекателен для русского человека...» «Инородцы — единственный, действительно рабочий класс Севера... они — звероловы и рыболовы, они — рабочие у промышленников, проводники по тундрам и т. д. Без них Север Тобольской губернии совершенно обезлюдел бы». [81]

Мнение «Сибирского листка» разделяли другие газеты и журналы, в которых освещались вопросы колонизации Севера. В 1896 г. буквально то же самое повторил журнал «Живая старина» (статья консервативного профессора А. И. Якобия об угасании инородческих племен на Тобольском Севере).

Несколько позже, в 1902 г., об этом же заговорили и педагогические журналы.

«... Нужно поберечь инородцев», — утверждал журнал «Народное образование». «При условии некоторой заботливости о гольдах и гиляках, они могут быть полезными работниками русского государства. Восьмитысячное число работников (имеются в виду гольды и гиляки. — *Авторы.*) подняло бы Нижнеамурье; край пустынный и захолустный закипел бы живою и деятельною жизнью; значительная часть его богатств — и лесных, и хранящихся в недрах земли — стали бы доступны...». [82]

Продолжавшаяся хищническая эксплоатация народов Севера создавала угрозу исчезновения коренного населения Севера.

В 1916 г. В. В. Солярский в материалах по изучению Приамурского края, представленных генерал-губернатору Приамурья, отмечал:

«Если исчезнут инородцы, то огромные пространства на Севере сделаются недоступной пустыней и ценные дары лесов, тундр и недр земли не будут поступать в мировой оборот... Инородцы могли бы оказать государству большую помощь в деле широкой и рациональной эксплоатации богатств обширных окраин». [83]

В этом же духе писал в 1916 г. и журнал «Православный Благовестник»:

«Вглядываясь ближе как в быт, так, равным образом, в религиозные верования самоедов, мы видим, что народ этот гибнет, гибнет как физически, так и морально. А между тем этот народ крайне необходим. Прежде всего он необходим в целях колонизации нашего Крайнего Севера и добывания тех громадных и ценных богатств, которыми в таком изобилии обладает этот еще девственный, но в то же время и весьма суровый и убийственный по своему климату край». [84]

Все эти высказывания достаточно ярки и убедительны. С развитием капитализма в России и по мере усиления эксплоатации Севера, буржуазная печать, представители казенной науки, государственные и церковные деятели, перекликаясь друг с другом, заговорили о «внимании» и «заботах» по отношению к народам Севера.

Кроме того, на Север направлялись специалисты, которым надлежало исследовать на месте вопрос о вымирании заселявших его народностей. Таким специалистом был уже упомянутый проф. Якобий. Он, во время пребывания в 1893 г. на Тобольском Севере, не только выяснял причины угасания их, но и принимал живейшее участие в развитии миссионерской работы. Якобий делал доклады, проводил беседы с отдельными деятелями миссионерства, усиленно пропагандировал руссификаторские теории Ильминского, пытался привлечь добровольцев из провинциальной знати к делу «просвещения» ханты (остяков). Под влиянием Якобия в Березове был даже организован для помощи местному населению «Дамский комитет», куда вошли жены исправника, станового пристава, попадьи, купчихи и т. д. Руководимые Якобием березовские дамы решили в порядке личной благотворительности открыть приют, в котором могли бы жить и учиться хантыйские дети.

Л. Я. Штернберг. *Фото.*

Инициатива эта была отмечена местной печатью. Так, «Тобольские губернские ведомости» поместили следующую корреспонденцию:

«Посетивший нас проф. Якобий расшевелил наше общество; все общество живо откликнулось на его благие стремления и начинает уже говорить и думать о чем-то другом, более лучшем и полезном, чем обыкновенные, пустые, бессодержательные разговоры о том, о сем и больше ни о чем. Профессор заставил публику относиться более сердечно и сочувственно к этому грязному, вонючему остяку, который только и знает, что пьет водку, курит противный табачище, да проводит жизнь как животное». [85]

«Сочувствие» к ханты, однако, сразу же кончилось, как только Якобий выехал из Березова.

Инициатива березовских дам заглохла столь же быстро, как и возникла; приют-школа для хантыйских детей так и не открылась, и «Дамский комитет» был распущен.

Проф. Якобий был тесно связан с казанскими миссионерскими кругами; ему, своему человеку, не ставилось никаких препят-

В. Г. Богораз-Тан. *Фото.*

ствий в его работе и даже оказывалось содействие.

Совершенно иначе относились царские слуги к тем передовым представителям русской интеллигенции, которые питали истинный живой интерес к народам Севера, угнетаемым русским правительством, эксплоатируемым своей и иностранной буржуазией.

В 90-х годах на Север были доставлены в качестве политических ссыльных за принадлежность к партии «Народная Воля» В. Г. Богораз-Тан и Л. Я. Штернберг. Они занялись изучением языков и быта малых народностей: Богораз-Тан — луораветланского, нымыланского, ительменского, эвенского и юитского; Штернберг — нивхского и нанайского.

В неимоверно тяжелых условиях ссылки, под надзором полицейских чинов, оба исследователя провели огромную работу по собиранию этнографических, лингвистических и других материалов. Трудно описать все те препятствия, которые им приходилось при этом преодолевать. Так, Штернберг в 1890 г. был поселен в совершенно почти необжитом месте на берегу Татарского пролива в кордоне Виахту.

Живя в одной избе-казарме со стражниками, Штернберг досками отгородил для себя угол, в котором и обрабатывал материалы по изучению быта и образа жизни нивхов из ближайших становищ.

В числе политических ссыльных того времени, с большим успехом занимавшихся сбором этнографических и лингвистических материалов, следует указать еще В. И. Иохельсона и В. Серошевского.

В 1900 г. Богораз-Тан и Иохельсон, уже отбывшие к тому времени ссылку, выехали по поручению Американского Этнографического музея на Чукотку.

Предвидя, что местные органы власти им, бывшим политическим ссыльным, на каждом шагу будут чинить препятствия, Богораз-Тан и Иохельсон решили запастись соответствующими документами. По ходатайству Российской академии наук, министр внутренних дел Сипягин выдал обоим открытые листы:

«Предписывается местам и лицам, подведомственным министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенных на него поручений».

Но это было сделано только лишь для того, чтобы соблюсти внешнее приличие перед Американским музеем. А фактически, еще не доехав до места своей полевой работы, Богораз-Тан и Иохельсон стали терпеть затруднения со стороны местных властей.

Открытые листы за подписью министра Сипягина не помогали. Во Владивостоке, по распоряжению приморского генерал-губернатора, Богораз-Тана и Иохельсона не взяли на казенный пароход, идущий на Чукотский Нос, а частные пароходы туда не ходили.

На Колыме исправник отклонил просьбу Иохельсона об откомандировании с ним казака, знающего якутский язык, и т. д.

Богораз-Тан и Иохельсон недоумевали — в чем дело?

Впоследствии выяснилось, что Сипягин, любезно выдавший этнографам открытые листы, одновременно связался с иркутским генерал-губернатором и предписал установить за ними строгий надзор. Иркутский генерал-губернатор сообщил об этом, в свою очередь, якутскому вице-губернатору Миллеру, а тот уже от себя послал исправникам Якутской области секретное циркулярное письмо следующего содержания:

М. В. Д.
Якутский губернатор
по област. прав.
Отделение I.
Стол I секретный.
28-го апреля 1900 г.
№ 355.

Секретно.

Исправникам Якутской области.

Циркулярно.

Г. Иркутский военный генерал-губернатор, *согласно конфиденциального письма* г. министра внутренних дел от 19-го февраля с. г., предложением от 20-го марта за № 2079 просил меня сделать распоряжение об учреждении негласного надзора за деятельностью бывших административных ссыльных Владимира Богораза и Владимира Иохельсона, предполагающих прибыть летом с. г. в Приморскую и Якутскую область в составе экспедиции Нью-Йоркского музея естественных наук для собирания коллекций и *исследования* быта проживающих на Крайнем Северо-Востоке Сибири инородцев, присовокупив, что, ввиду прежней противоправительственной деятельности Богораза и Иохельсона, *оказание им* какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным. Давая о сем знать, предлагаю сделать распоряжение об учреждении за деятельностью и сношениями означенных лиц негласного наблюдения и о последующем донести.

Вице-губернатор *Миллер*
Советник *Метус*
Столоначальник *Бекерт*

Этот секретный циркуляр сделал свое дело. Местные власти в точности приняли *его к исполнению*.

Так «содействовала» царская власть попытке поставить научно-исследовательскую работу на Севере.

В годы молодости Богораз-Тана и Штернберга речи не могло быть, чтоб накопленные ими знания о малых народах Севера были *обращены на пользу этим народам*.

Тем не менее, как указано, 90-е годы характерны пробуждением интереса к языку, быту и культуре народов Севера. Это наблюдается и в церковных миссионерских кругах, желающих «сблизиться» с народами Севера, изучить их языки, найти непосредственный *способ общения*. *Но на этот путь* отцов-миссионеров толкала практическая необходимость. Старые методы церковной работы оказались неэффективны: приходилось браться за дело с другого конца.

Первое, о чем подумали организаторы школ на Севере, это — о территориальном приближении их к местному населению. Тем самым ликвидировалась бы школа-общежитие, школа-приют, заслуженно прослывшая «морильней», и дети народностей Севера могли бы учиться, не отрываясь от домашнего хозяйства. Любопытный проект такой специфической школы разработал еще в конце 80-х годов Пазрекский священник К. Щеколдин. Свой проект школы он пред*ставил в 1887 г. на утверждение Победоносцева*, а через год — в епархиальный училищный совет.

В этом проекте Щеколдин указывает, что саамы Пазрекского прихода в течение года меняют четыре места:

1) С января месяца по апрель они жи*вут в зимнем Пазрекском погосте*.

2) С апреля и до конца мая — на границе Норвегии в районе Борисо-Глебской церкви; здесь, на море, они промышляют рыбу.

3) С мая до 20 июня саамские женщины с детьми перебираются на берег Пазрекского залива и ловят сайду и семгу, а мужчины, *оставаясь у Борисо-Глебской церкви, продолжают* промышлять на море.

4) В начале августа саамы со своими семьями выезжают на реку Паз и озера для промысла рыбы; здесь находятся до октября — ноября. В ноябре — декабре они кочуют со своими стадами по ягельным местам и к *январю вновь собираются в зимнем погосте*.

Учтя такой образ жизни саамов, Щеколдин решил, что школа в Пазреке должна быть, во-первых, передвижная, работающая в тех местах, где находится население, во-вторых, она должна иметь иную, чем обычно, структуру *учебного года*.

Учебный год, по мысли Щеколдина, должен быть разбит на четыре периода:

Первый период, сентябрь — октябрь, когда школа должна находиться: в сентябре — на озерах Вам и Пыр, в октябре — на озере Чалм. В этот период он считал целесообраз*нее всего обучать русской разговорной речи*, вести устные занятия по священной истории и учить детей петь.

С конца октября по январь, когда саамы кочуют в разных местах и наступает темная пора, лучше всего делать каникулы. Дети в это время могут кочевать со стадами оленей *и обучаться пастьбе их*.

С января до апреля школа открывается в погосте Пазрека.

С апреля до конца мая — у Борисо-Глебской церкви. В мае — экзамены, а потом — снова каникулы.

Этот план, однако, не удалось реализовать до конца. В местах рыбного лова, у озер, не оказалось такого помещения, где можно было бы развернуть занятия. И таким образом Щеколдин стал проводить школьное обучение в двух только пунктах: зимой —

в погосте Пазрека и весной — у Борисо-Глебской церкви на границе Норвегии.

Проект Щеколдина очень интересен; его следует рассматривать как положительное явление. Приспособленная к хозяйственной деятельности и к образу жизни саамов Пазрекская школа имела больший учебный год, чем другие школы на Севере.

Однако от того, что дети учились в Пазрекской школе не 2—3 месяца в году, а 8 месяцев, — образовательный уровень как детей, так и взрослого населения нисколько не поднимался. Иначе не могло и быть, — ведь общие задачи школы сводились не к просвещению населения, а лишь к внедрению в него христианской веры.

В 1893 г. Нина Лепехина — рясофорная послушница Кондинского монастыря на Тобольском Севере — закрыла Кондинскую школу, где состояла учительницей, и ушла в Няземские юрты, пытаясь «на дому» у жителей организовать занятия с хантыйскими детьми. Один день она занималась в одной юрте, другой день — в другой. Вслед за ней в хантыйских юртах между Кондинским и Самаровым появился некий «отставной солдат» и тоже пытался, не отрывая детей от родителей, от знакомой обстановки, обучать их на месте.

Проф. Якобий, узнав о деятельности этих школ, пришел в восхищение. Он признал, что «маленькие школки» Нины Лепехиной и отставного солдата — это и есть тот тип школы, который нужно всячески рекомендовать для Крайнего Севера. Про школу Лепехиной он писал, что она «может служить образцом...». [86]

Таких людей, как Лепехина и «отставной солдат», — говорит Якобий, — «простых, может быть, даже малограмотных», надо настойчиво «разыскивать». Учить такие люди могут «где хотят и когда хотят». «Средств на это будет мало, во-первых, потому, что плата мала, и, во-вторых, потому, что таких людей очень мало». [87]

Отсюда ясно, что собою представляли школы Нины Лепехиной и отставного солдата, которые Якобий так высоко оценил. Эти школы помещались «где угодно». Программы и расписания занятий у них не было. Занятия проводились, очевидно, когда был свободен учитель. С последнего же, в свою очередь, и спрашивать нечего, ибо он получает ничтожную плату. Якобий считает достаточным 5 рублей в месяц. Никаких требований в смысле общеобразовательной и специально-педагогической подготовки к учителю не предъявляется за исключением одного, чтоб это был «человек призвания», т. е. религиозно-набожный.

Миссионер эвенков (тунгусов). *Фото, г. Хабаровск. Научная библиотека.*

Воспетые Якобием учителя «маленьких школок», Нина Лепехина и «отставной солдат», подвизались в юртах, видимо, недолго. Лепехина на следующий же год была вызвана в монастырь учить детей «в благоустроенной школе». Очевидно, успехи ее «маленькой школки» непосредственно в юртах были невелики. В противном случае, монастырь ее не затребовал бы обратно. Думаем, что не дольше задержался там и отставной солдат. Материалы, характеризующие школьное дело на Тобольском Севере, об этом умалчивают.

Над созданием нового типа школы на Севере думал и известный Обдорский миссионер Иринарх. Его привлекала кочевая школа, которая не отрывала бы от хозяйственной деятельности взрослого населения. Но прежде чем предпринять какие-либо реальные шаги, Иринарх подсчитал расходы, которые вызовет у миссии организация кочевой школы. Арифметические подсчеты оказались неутешительными. Организация только одной школы на 10 учащихся потребовала бы в первый год 4200 руб. и в каждый последующий — 700 руб. Если же организовать 10 кочевых школ и ими охватить 100 детей, то на это дело потребуется затратить в первый год 42 тыс. руб. и в каждый последующий год — 7 тыс.

Такими бюджетными возможностями Иринарх не располагал. И по чисто финансовым соображениям создание на Севере кочевых школ он счел делом нерациональным.

Так кончились поиски нового типа школы, приближенной к населению и отвечающей местным условиям.

Одновременно с установлением типа школы миссионеры задумывались и над системой обучения. Закон божий на неродном языке,— признавали они, — не доходит до сознания учащихся, не пробуждает в них христианского чувства. И вот, для того чтобы школу превратить в более действенное орудие распространения христианства, миссионеры, действовавшие на Севере в 90-х годах, задумались над системой Ильминского, давшей, по их признанию, положительные результаты в Казанском крае.

Но, намереваясь обучать детей народов Севера по системе Ильминского, т. е. на их родном языке, миссионеры вспомнили об отсутствии букварей на северных языках и церковной литературы.

«Инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт церковный со священником во главе» [88] — вот те «снаряды», которые, по Ильминскому, обеспечивают глубокое проникновение христианской религии в среду малых народностей.

Для создания учебников на родном языке народов Севера обратились к помощи Казани, игравшей руководящую роль в развитии миссионерства на восточных окраинах царской России.

В Казани действовала специальная переводческая комиссия, во главе которой стоял сам Ильминский. Эта переводческая комиссия, помимо изданий для народностей Поволжья, в 90-х годах стала издавать миссионерскую литературу и на языках народностей Севера и Дальнего Востока: остяко-самоедском, тунгусском, гольдском и др.

Параллельно с центральной Казанской переводческой комиссией были созданы переводческие комиссии и на местах: в 1894 г. — в Архангельске и в 1898 г. — в Обдорске.

Во главе переводческого дела в Архангельске встал епископ Никанор, бывший председатель Казанского миссионерского «Общества св. Гурия», — ближайший соратник Ильминского.

В результате были изданы буквари на языках отдельных народностей Севера: в 1895 г. Архангельской переводческой комиссией — «Букварь для самоедов, живущих в Архангельской губернии», составленный под руководством И. М. Сибирцева, и «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии», составленная Кон. Щеколдиным. В 1898 г. в Тобольске была издана азбука И. Егорова под названием «Книга для обучения хантыйских детей писать и читать» и в 1900 г. им же составлена «Книга для обучения ненецких детей читать и писать». В числе изданий Казанской переводческой комиссии в 90-х годах появились: азбука на остяко-самоедском языке, составленная Григорьевым, гольдская азбука, составленная священником Протодьяконовым и др. В 1903 г. в Москве была издана «Азбука для вогул приуральских» епископа Никанора, возглавлявшего переводческую деятельность в Архангельске. Кроме букварей, переводческими комиссиями были изданы на языках народов Севера переводы евангелий, молитв, различных церковных песнопений, вопросники для исповеди и т. д.

Но если в Казани переводческим делом руководили такие сведущие лингвисты, как Ильминский, Казамбеков, если там переводческая деятельность строилась на предварительном и притом довольно серьезном изучении разговорной народной речи, то переводческую литературу на языках наро-

дов Севера создавали люди, которые не только имели весьма отдаленное отношение к языкознанию, но часто не знали хорошо и самих местных языков. Поэтому в текстах букварей много неправильных переводов, искажений и т. п.

В педагогическом отношении эти буквари столь же несовершенны, как и в лингвистическом: шрифт однообразный и часто мелкий, иллюстрации отсутствуют, материал для учеников непонятен и чужд.

Например, «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии», Щеколдина состоит из двух отделов. Первый предназначен для обучения ребят грамоте на саамском языке. Здесь же дается перевод саамских слов на русский язык; автор, видимо, хочет с первых же дней обучить детей и русскому языку. Второй отдел составлен для обучения чтению, главным образом, по-русски. Содержание почти сплошь церковно-религиозное. Упражнением в чтении служат душеспасительные формулы, отвлеченные, понятные может быть священнику или монаху, но никак не саамским детям: «Люби господа бога всем сердцем твоим и душою твоею». «Для тела нужен хлеб, а для души молитвы». Или названия предметов культа: икона, крест, паникадило, или названия церковных одеяний: стихарь, орарь, епитрахиль; названия церковных книг: библия, евангелие, часослов, октоих; или, наконец, названия богослужений: литургия, вечерня... Итак, азбука Щеколдина вместо подлинных знаний, к которым тянулись дети и которые так нужны были им, давала лишь минимум церковных сведений, нужных для дьячка.

Правда, в другой азбуке, составленной И. Егоровым на хантыйском языке, сделана попытка использовать местный бытовой материал. Но тут замыслы И. Егорова столкнулись с церковно-религиозной направленностью миссионерской школы. И автор должен был от своих хороших намерений значительно отступить. Послебукварная часть его азбуки почти сплошь построена на церковной терминологии и в этом смысле не отличается от азбуки Щеколдина и других миссионеров.

Наряду с попытками издания букварей на языках отдельных народностей миссионеры привлекли в некоторые школы представителей народностей Севера, в качестве помощников учителей. В Обдорской школе работали ханты Алексей Охранов и ненец Петр Вылка; в Троицкой и Нижне-Тамбовской на Амуре — Федор Кочков.

Но и они предпочитали пользоваться при обучении детей букварями на русском языке, так как в миссионерских букварях родной язык учащихся был чрезвычайно искажен.

Вот что говорит в своих воспоминаниях бывший воспитанник, а впоследствии и учитель Нижне-Тамбовской миссионерской школы, М. Д. Муска:

«В Нижне-Тамбовскую школу я поступил учиться в 1893 г. Учителем был поп Алексей Троицкий. Учились на русском языке. К нанайскому языку поп прибегал на уроках редко. В школе имелся миссионерский букварь Протодьяконова. Но им никто и никогда не пользовался».

А. И. Киля, учившийся в 90-х годах в Троицкой школе, где учителем состоял сам Протодьяконов, рассказывает:

«Первый год нас учил русский батько на русском языке. Потом стал учить Федор Кочков. Этот был нанайского роду, но тоже учил на русском языке».

В миссионерских отчетах по северным епархиям, за 90-е и позднейшие годы, нет никаких указаний на использование в школах букварей, изданных миссионерскими переводческими комиссиями. Это еще раз подтверждает, что издания эти не нашли применения в миссионерской практике.

Для миссионеров, подвизавшихся на Севере, составление местных букварей оказалось делом непосильным. Больше они за него не принимались. Изданные же буквари частью были сожжены, а уцелевшие лежали забытыми на чердаках в течение многих лет.

Глава шестая

УСИЛЕНИЕ РУССИФИКАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ В ШКОЛЕ ПОСЛЕ 1905 ГОДА

После подавления революции 1905 г. единственный язык, безраздельно господствовавший на всех окраинах царской России, был русский язык. Царское правительство в своей руссификаторской практике признавало одну только школу — русскую и один только язык обучения — русский. Обращение же к национальным языкам рассматривалось как антигосударственный поступок и замеченные в нем подвергались довольно суровым репрессиям.

В 1912 г. в Государственном совете обсуждался законопроект о школьном образовании. Защищая принцип единства государственной школы, черносотенец Стишинский заявил:

«В едином государстве, каким Россия признается нашими основными законами, не может быть Московской, Рязанской, Варшавской или вообще польской школы, а может быть только единая начальная государственная школа, построенная на единообразных началах, в основаниях общего о ней закона и с единым языком преподавания». [89]

Развивая ту же мысль, П. Н. Дурново — тоже махровый представитель черносотенного дворянства — выразил недовольство тем, что правительство якобы относится слишком «мягко» к вопросу об языке обучения в окраинных школах и настаивал на более жесткой линии.

«Мы взяли инородцев,—заявил Дурново,— не для того чтобы доставлять им удовольствие, а потому, что они нам нужны, и мы их поставим так, как требуют этого интересы нашего отечества». [90]

Линия черносотенного дворянства в вопросах школьного обучения была резко осуждена и раскритикована представителями рабочего класса—социал-демократами большевиками.

«Доводы» черносотенцев, — писал В. И. Ленин, — конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком». [91]

Обязательности обучения русскому языку в школе для «инородцев» требовали и либералы. Они аргументировали тем, что русский язык — велик и могуч; на нем созданы величайшие в мире художественные произведения; освоение его «инородцами» поможет им приобщиться к великим культурным ценностям и т. п.

«Все это верно, господа либералы», — отвечал им Ленин. — «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*... Принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.». [92]

И в программе партии, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г., и в материалах августовского совещания ЦК РСДРП 1913 г. красной нитью проходит требование о низвержении царского самодержавия и замене его таким порядком, который бы мог обеспечить:

1) полное равноправие наций и языков,

2) отмену обязательного государственного языка и

3) открытие для населения школ с преподаванием в них на местных языках.

Ленин и Сталин вели ожесточенную борьбу со всеми формами проявления национализма: и с великодержавным помещичьим и буржуазным *шовинизмом и с «утонченным* национализмом» бундовцев, проповедывавших так называемую «культурно-национальную автономию», т. е. разделение школьного дела по национальностям.

В 1913 г., разоблачая мелкобуржуазную природу таких группировок, товарищ Сталин писал:

«Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком, — и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу, — и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести, передвижения и пр. Дайте ему эти свободы, — и оно перестанет быть недовольным.

Итак, *национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), как необходимый пункт в решении национального вопроса».* [93]

Таким образом, последовательное и исчерпывающее решение вопроса о национальной школе и об языке школьного обучения мы находим лишь в документах партии пролетариата и в гениальных высказываниях ее вождей — Ленина и Сталина.

Что же мы видим на Севере в области развития школьного дела? Заметны ли изменения в сети учебных заведений, открытых для *местного населения?*

Об этом говорит следующая таблица:

Наименование территорий	60-е годы		80-е годы		90-е годы		1913 год	
	Число школ, открытых с расчетом, что в них будут учиться дети туземцев	Число школ, в которых действительно учились дети туземцев	Число школ, открытых с расчетом, что в них будут учиться дети туземцев	Число школ, в которых действительно учились дети туземцев	Число школ, открытых с расчетом, что в них будут учиться дети туземцев	Число школ, в которых действительно учились дети туземцев	Число школ, открытых с расчетом, что в них будут учиться дети туземцев	Число школ, в которых действительно учились дети туземцев
Кольский полуостров	2	2	3	3	5	5	6	6
Архангельский Север	—	—	2	2	5	4	5	4
Тобольский Север	3	2	9	3	12	4	12	4
Туруханский Север	1	1	1	—	2	1	3	2
Камчатская область [1]	—	—	3	3	8	5	17	17
Приморская и Сахалинская области [2]	1	1	4	4	12	8	8	8
Итого	7	6	22	15	44	27	51	41

[1] В Камчатскую область *входили: Петропавловский, Охотский, Гижигинский,* Анадырский, Чукотский уезды и Командорские острова.

[2] В Приморскую и Сахалинскую области входили: Приамурье и остров Сахалин.

Из приведенной таблицы видно, что на обширнейшей территории, начиная с 60-х годов XIX в. и до самого 1917 г., т. е. в течение 55 лет, для обучения детей туземцев была открыта всего 51 школа. Меньше чем одна в год.

Черепашьими темпами двигалось школьное дело на Севере.

Не во всех школах, занесенных в таблицу, учились дети туземного населения. В двенадцати, хотя и считавшихся «инородческими», учились только дети русских.

В 41 школе из 51 учились дети туземцев. Но и в них, большею частью, состав учащихся был смешанный — из туземцев и русских. Таковы школы Кольского полуострова, Колвинская и Несская школы на Архангельском Севере; таковы все 4 школы на Тобольском Севере (Кондинская, Обдорская, Тобольская и Нахричевская); такова школа при Гуруханском монастыре и, наконец, ряд школ, существовавших на Дальнем Востоке. Очень немногие школы имели состав учащихся из одних туземцев. Это—островные школы на Архангельском Севере (Новоземельская, Колгуевская, Вайгачская), некоторые на Камчатке (Хайрюзовская и др.), школы Приамурья (Найхинская, Торгонская, Кондонская, Наанская и др.).

Наибольшее число школ было открыто на Камчатке — для ительменов (13 школ), в Приамурье — для нанайцев и ульчей (8 школ), на Кольском полуострове — для саамов (6 школ) и на островах Архангельского Севера (3 школы).

Кольский полуостров, Архангельские острова, Камчатка и Приамурье — это те районы, где сталкивались экономические и политические интересы ряда государств. Эти побережья кишели судами русских и зарубежных промышленников.

И чтобы укрепить русское влияние (особенно в Приамурье), церковь и спешила сюда и именно здесь развивала миссионерскую деятельность, используя для этого и школу.

Большое число туземных школ в этих районах обусловлено также и тем, что островные нецы, ительмены, нанайцы и ульчи вели оседлый образ жизни, а саамы — полуоседлый. Естественно, что у этих народностей значительно легче открыть школы и завербовать в них детей, чем у кочевников. Да и в школах Тобольского Севера учились преимущественно дети оседлого населения.

Из северных школ только 10 принадлежали министерству народного просвещения, остальные находились в церковном ведомстве. Министерские школы были открыты после революции 1905 г.

В 1909 г. на Кольском полуострове в Нотозере вместо церковно-приходской школы открылась министерская, а в 1911 г. их было открыто уже девять в Камчатской области, в селениях: Кихчихе, Голыгине, Машуре, Кырганике, Карагинском, Каменском, Оле, Унынне и Наукане.

В консервативных кругах это вызвало некоторое беспокойство: министерская школа по сравнению с церковно-приходской была в какой-то мере прогрессивным явлением. И вот ревнители руссификации поспешили высказаться:

«Хотя большинство нижне-амурских инородцев уже крещено,—писал С. Фатуев,— но они еще настолько поверхностно знакомы с христианством, что в своих привычках, в своих обычаях и обрядах и в своем миросозерцании более язычники, чем христиане, о чем ежегодно свидетельствуют отчеты отцов миссионеров.

... Какие же после этого гольды и гиляки слуги русского царства, какие они работники в христианском значении этого слова? Только при условии хотя бы небольшого, но сознательного усвоения христианства и христианского миросозерцания, чем это есть теперь, гольды и гиляки будут полезными работниками русского царства... Самое могущественное из вспомогательных средств миссии — школа и, по-моему, на нижнем Амуре школьное дело должно находиться в руках отцов-миссионеров, которые с помощью школы гораздо успешнее могут достигать своей цели». [94]

Разумеется, школы, организуемые для народностей Крайнего Севера, были начальные, элементарные. О повышенном общем или профессиональном образовании правительство и не думало. У представителей господствующих классов царской России существовало мнение, что народы Севера не способны не только к усвоению повышенного образования, но даже и начального.

В соответствии с идеологическими заданиями окраинной школы ее основным предметом был закон божий.

«Инородческий учитель, — пишет священник П. Кудрявцев, — является первым и самым полезным сотрудником своего приходского священника-миссионера, ибо инородческому учителю надлежит научить своих учеников православной вере и воспитать в учениках религиозное чувство...

... Поэтому-то школьное обучение в инород-

Ловозерская миссионерская школа на Кольском полуострове. *Фото.*

ческих школах должно быть поставлено так, чтобы господствующим настроением учеников и самого учителя всегда было молитвенное настроение. Желательно иметь в школе инородческой не одну икону, а несколько икон. Очень полезно во время уроков возжигать перед иконами лампадки». (Разрядка *П. Кудрявцева.*) [95]

Как правило, дети туземцев приходили в школу без знания русского языка. И это служило одним из серьезнейших препятствий к обучению детей туземцев в школе на русском языке. В отчетах за последнее десятилетие миссионеры указывают, что на первом году обучения они почти все внимание сосредоточивали на том, чтобы дети овладели русской разговорной речью. Это, во-первых, обеспечивало возможность обучить туземных ребят закону божию; во-вторых, облегчало в дальнейшем задачи административные, задачи управления и эксплоатации.

Обучение арифметике занимало второстепенное место.

Кольский священник Мелетьев, он же уездный наблюдатель за церковными школами, в своей работе «Лопари и лопарские церковные школы» прямо заявляет, что учащимся-саамам «не пришлось бы задаваться многим, да это и не нужно по условиям быта лопарей, а было бы достаточно учить детей истинам веры православной, пению молитв, чтению, письму (оставив все грамматические хитрости, инородцам непригодные) и счету (решение замысловатых задач тоже не имеет пока смысла для лопарей, да и вообще для них курс элементарной арифметики должен быть возможно упрощен)». [96]

Если учащиеся-саамы, — рассуждает Мелетьев, — и получат те или иные элементы грамотности, то все равно потом не найдут им никакого применения в жизни, так как «даже при составлении общественных приговоров часто старшина или писарь требуют не подписей, а постановки клейм». [97]

Для того чтобы дети быстрее овладели русской разговорной речью, им в школе часто запрещалось разговаривать между собой на родном языке, а иногда миссионеры и учителя принимали меры, чтобы и дома дети говорили по-русски.

«Я всячески стремилась к тому, — сообщает бывшая учительница Кильдинской церковной школы на Кольском полуострове Н. Е. Бахрушева, — чтобы ребята не разговаривали в школе на своем родном лопарском языке, а постепенно приучались бы говорить по-русски. Были случаи, когда я беседовала об этом со взрослыми лопарями и просила их, чтобы они у себя дома с детьми старались разговаривать по-русски».

Буквально то же самое повторяет бывшая учительница Нотозерской министерской школы на Кольском полуострове З. В. Ольшевская:

«Ставя своей первой задачей, — говорит она, — обучить детей русскому языку, я запрещала им разговаривать в школе на родном наречии. Это значительно ускоряло процесс овладения русской разговорной речью.

Я иногда беседовала с родителями-лопарями, дети которых обучались в школе, и просила их, чтоб они дома с ребятами говорили по-русски. Но добиться этого мне не удалось. Лопари заявляли, что «лопарский язык для них родной, близкий и что, говоря на нем, им легче понять друг друга».

Овладение учащимися русской разговорной речью рекомендовали и руководства для миссионерских школ Дальнего Востока.

«Главная забота инородческого учителя, — пишет священник П. Кудрявцев в своем «Руководстве по обучению гольдских и гиляцких детей русскому разговорному языку и грамоте», — состоит в необходимости научить инородческих детей, поступивших в школу, правильно говорить по-русски и хорошо понимать русскую разговорную речь, а потом и книжную... в противном случае учитель ничему не научит своих детей». [98] Для скорейшего обучения П. Кудрявцев предлагает: «в течение всех учебных часов, даже на переменах, ученикам безусловно должно быть воспрещено говорить между собою по-инородчески — скорее дети изучат русский разговорный язык и, что главное, приучатся думать по-русски». [99]

И после революции 1905 г., как и раньше, большинство школ ютилось в церквах, в церковных сторожках, в причтовых домах, наемных зданиях, в обыкновенных тупах, юртах и чумах. Заниматься в таких школах было очень тяжело. М. Д. Муска, бывший учитель миссионерской школы, открытой в 1906 г. на Амуре в стойбище Дипа и существовавшей до 1910 г., дает такое описание:

«Школа эта помещалась в обычной нанайской фанзе, тесной, грязной, темной. Фанза перегорожена занавеской пополам. В одной половине — хозяева, в другой — школа.

Во время уроков ребята — кто сидит на скамьях, а кто и просто на нарах. Об условиях для нормального урока говорить не приходится. Бывало, учитель занимается в классе, разъясняет что-нибудь ребятам, а в это время за матерчатой занавеской, на хозяйской половине, соберутся нанайцы со всего стойбища и обсуждают во весь голос вопросы охоты и рыбного промысла.

Иногда у хозяев происходили и выпивки. В разгар занятий поднимается занавеска, с той половины протягивается стакан с вином, учителя приглашают выпить. Отказаться — нельзя: нанаец сочтет за личную обиду.

Или вот описание другой школы (1915 г., Туруханский Север):

«Школ в тундрах, — пишет учитель М. П. Соколов, — нет и едва ли могут быть. Обучение детей велось мною следующим образом. Собирались мы, обыкновенно, для занятий в чуме или балагане. Вместо окон в балагане вставлены льдины, около четверти толщиною, через которые попадает очень мало света. Сядем, бывало, около огня (костер, не потухая, горит в балагане целые месяцы) на разостланные на земле оленьи шкуры, ноги подберем под себя и начнем учиться по раскрытым букварям. О письме, конечно, при таком обучении нечего было и помышлять. Дым, наполняющий чум густым облаком, невыносимо разъедает глаза; на улице пурга, мороз...». [100]

Но как ни тяжелы были бытовые условия, еще гибельнее действовала на учащихся моральная атмосфера школы, мучительный ее режим.

Детям было дико и тяжело. Непонятна была сама школа, чужд был учитель, странны были методы воспитания.

Дома дети встречали много внимания, заботы, ласки. В тундре, в тайге, на берегу моря, у озера, у реки их окружала необъятная ширь. Ничто не связывало, не стесняло. Но вот их насильно ведут в школу, о которой они уже наслышались самых страшных вещей. В ужас приходят ребята от первой встречи со школой и с глубоким отвращением вспоминают впоследствии о своих воспитателях и о всей школьной учебе.

«Ребят в школе, — говорит Ходжер Турула, бывший воспитанник Болонской школы, — сильно били, ставили на колени, иногда на цепи и на ячмень, пороли березовыми розгами. И мне несколько раз давали по 5 и по 10 розог. Драл также поп и за уши. Родителям это не нравилось, но они думали, что по закону так надо».

«В Нижне-Тамбовской школе, — рассказывает Муска, — поп Алексей Троицкий с большой охотой ставил ребят в угол, оставлял без обеда, давал ребятам щелчки в лоб, драл за уши и за волосы, ударял по голове линейкой».

Но приемы Нижне-Тамбовской школы, — вспоминает дальше Муска, — бледнеют по сравнению с Софийской школой. В этой школе поп Аврамий Писарев широко применял порку. За какой-нибудь проступок ученика клали на лавку и пороли узким ремнем. Особенно сильно доставалось тем, кого поп не любил. Порки он производил самолично, с помощью старших учеников. Последние держали провинившегося лицом книзу, а поп порол. Иногда эти обязанности перепоручал учащимся... И находились такие, которые охотно этим пользовались. В числе их Муска отмечает эвенка Михаила и нанайца Ивана Ходжера. Для них порка маленьких ребят стала удовольствием, нередко они проделывали это и по собственному желанию. Иногда устраивались «сплошные» порки, которым подвергались не один, не два учащихся, а группа или даже целый класс...

Вот рассказ про одну из таких порок:

«Однажды мы видим, — говорит Муска, — едет почта. Ямщик выпряг переднюю лошадь и, чтоб дать отдохнуть, отпустил бежать без упряжи. Вместе с нами был и Иван Ходжер. «Ребята, — кричит, — ловите ее!». Ребята, конечно, обрадовались и с гиком кинулись за лошадью. Лошадь бросилась в сторону от почты. Ямщик все видел и, как поравнялся с Иваном Ходжером, ударил его своей длинной извозчичьей плетью. Ходжер разозлился. Вернувшись домой, он ярость излил на ребятах и выпорол всех до единого. В этот раз порол особенно сильно. Один из мальчиков долго потом не мог сидеть на стуле. Но Ходжер и этим не ограничился, а потребовал от ребят денег, по рублю с человека. Не хотелось, но пришлось отдать. Вообще денежные

поборы Ходжер ввел в обычай. Но на этот раз очень уж мы возмутились и при первом удобном случае стали действовать. У Ивана Ходжера заболела бабушка, он уехал к себе в стойбище Больба. Мы без него осмелели, договорились между собой и пошли с жалобой к попу.

Поп выслушал нас и сказал, что как только Иван приедет, непременно его накажет. Мы ждали этого дня. Приезжает Ходжер. Поп собрал всех и при нас говорит: «Иван, ты порол ребят?» Иван молчит. «Иван, я еще раз спрашиваю, ты порол ребят?» — «Порол», — переминаясь с ноги на ногу, признается Иван. «А кто послал ребят ловить лошадь?» Иван молчит. «А деньги брал с ребят? Ну, говори, — повторяет поп, — деньги брал с ребят?» Но Иван стоит, не проронив слова. Тогда поп взял его за уши и стал драть. Потом поставил на колени и в таком положении оставил на несколько часов»...

Когда Муска сам стал учителем, он, хотя и не в такой мере и не так сурово, но все же ставил ребят в угол, на колени, драл за уши и за волосы, давал щелчки в лоб...

«Ничего предосудительного в этом, — говорит Муска, — тогда не видали. В миссионерской школе господствовал такой взгляд, что «не накажешь — не научишь», и мы с этим взглядом вошли в жизнь».

Неудивительно, что дети, отнятые от родителей и запертые в школу, порывались бежать из нее, а отпущенные домой на каникулы норовили не возвращаться на следующий год. По словам Иринарха Обдорского, ученики миссионерских школ «тосковали по родным, скучали по родине, хирели и умирали, а оставаясь живыми, делались нравственными уродами, забывшими свою родину и родню, спивались и гибли».[101] Понятно, что миссионерские школы встречали со стороны туземного населения резко враждебное отношение. Их ненавидели все — и туземная верхушка, и трудящиеся туземцы.

«Не давали детей в ученье, — рассказывает Иван Андреевич Киля из стойбища Найхин, — ни богатые, ни бедные. А уже если батько и старшина больно напирали, то выбирали ребят, кто победней. Нанайцы боялись, как бы окончивших школу не взяли в солдаты. А сыновья нужны были нанайцам и на охоте, и в рыбном промысле.

Нанайцы не любили попов. Попы сжигали бурханов и бросали в Амур, хотели всех подчинить своей религии. Попы заходили в фанзы, развешивали иконы, надевали на нанайцев, больших и малых, кресты. Особенно сильно ненавидели их шаманы. Они у шаманов отбирали бубны и сжигали их».

Об этом же нанаец Ходжер Турула из стойбища Болон говорит:

«Никто не хотел отдавать детей в школу. Приходилось силой брать нанайских ребят. Нанайцы думали, что в школе нечему учиться, а надо детей выучить всему, что знают старики. Тогда они будут хорошо жить: будут удачно охотиться, обильно промышлять рыбу...

Стоило батьке показаться в стойбище, как ребята поднимали рев. Они боялись его. Батька ребят крестил, надевал на них кресты. Это ему было выгодно: за каждого окрещенного ребенка он брал по соболю. Нанайцы и не хотели давать, а давали. Думали — так велит закон».

Буквально то же повторяет и М. Д. Муска:

«Неохотно нанайцы отдавали своих детей в школу. Школа была враждебной им по духу. Она насаждала христианскую религию. Попы и гражданская власть притесняли шаманов, силой отнимали бубны, сжигали бурханов, — «убивали богов». А этого нанайцы боялись. Верили: если бурханов не станет — уйдет зверь, не будет ловиться рыба, наступят темные дни, на людей нападут болезни...».

Миссионерам оставалось вербовать детей в школу или хитростью, или насилием. Но и дети были настороже.

«Если вниз по Амуру, — говорит Муска, — спускается лодка с тремя греблями, то мы уже знаем, что едет поп. Однажды осенью, играя на берегу, завидели вдали миссионерскую лодку. Побежали в тайгу. Сидим. Слышим голос Гайли Ивана — ученика Нижне-Тамбовской школы: «Ребята, идите домой, батько уехал». Не поверили... — Да, как же, — уехал! А почему Гайли остался в стойбище? Если б батько уехал, то и Гайли увез бы с собой! Не откликнулись и из тайги не вышли. Только под вечер нас разыскали и привели домой. Смотрю — в фанзе сидят отец и батько и о чем-то разговаривают. Отец пьяный. Поп уже успел напоить его. Пьяный отец согласился отдать меня в школу, и, таким образом, я был записан в число новых учеников».

О том же рассказывает А. И. Киля:

«Я был круглый сирота и жил у старшего брата. Когда в стойбище приехал миссионер, он, вместо родных детей, отдал ему меня. Так я попал учиться в миссионерскую школу».

Все это — типичные случаи. В школу поступали сироты и дети бедноты. Местные кулаки откупались взятками. К тому же власти и

духовенство, опираясь на представителей туземной верхушки в своей руссификаторской политике, не хотели обострять отношения с ними. С туземной же беднотой не считались, к ней применяли насильственные меры. При этом, обычно, обращались к содействию туземных старшин.

Тот же Ходжер Турула признается, что когда он был старшиной, то помогал «батьке» набирать ребят в школу.

«Я, — говорит Ходжер Турула, — ходил по стойбищам, переписывал детей и уговаривал родителей посылать их в учебу...

А если нанаец не дает детей, это для старшины плохо. Батько нажалуется, что старшина плохо ведет свое дело».

О том же, примерно, вспоминает и Андрей Киля:

«По приезде в Найхин батько останавливался на квартире у старшины, нанаец-старшина отдавал своих ребят в школу. Ему нельзя было не отдать, он должен был показывать пример туземному населению».

Так, «со скрежетом зубовным», приходили туземцы в школу. Приходили лишь в том случае, если никак и ничем не удавалось от нее уклониться. Но значит ли это, что туземцы не хотели вовсе учиться? Нет, из них многие тянулись к грамоте и часто сами, помимо школы, усваивали основы письма и счета.

Отец с детьми. *Фото конца 19-го века. Ленинград. Музей Арктики.*

Вот, например, что пишет В. Г. Богораз-Тан о береговых лураветланах:

«Они восприняли американский счет, календарь, употребление часов и даже судового компаса...

Когда я был в поселке Унгашик, некоторые из моих молодых друзей выражали горячее желание научиться читать и писать. Один из них, по имени Салкер, успел самоучкой, по газетным клочкам, усвоить алфавит». [102]

Об юитах тот же исследователь сообщает:

«Молодые эскимосы хотели учиться по-русски. Они даже упрекали меня за отсутствие школ в поселке: «Американцы на острове Лаврентия учат эскимосских детей. Почему вы не учите наших?» Слушать это было в общем приятно, хотя в то время устроить русскую школу на северо-восточном берегу было совершенно невозможно». [103]

Туземное население Севера неоднократно просило об открытии министерских школ, но эти ходатайства отклонялись.

«В 1914 г. в инспекцию, — пишет В. В. Солярский, — поступил ряд ходатайств об открытии министерских школ». [104]

В 1902 г. в Хайрюзове, на Камчатке, на средства местного населения была даже выстроена школа. Документ, озаглавленный «Летопись Хайрюзовской школы», сообщает, что первым учителем в ней стал ительмен-самоучка Александр Максимович Данилов. По случайно попавшейся под руку книжке — церковно-славянской азбуке — он выучился грамоте. Трудно было таким способом учиться читать и особенно писать. Никто не умел помочь. Но постепенно преодолена одна страница азбуки за другой, Александр Максимович стал читать. Не было других книг, и по нескольку раз перечитывается, а потом и переписывается эта единственная азбука...

Но книг не было у неутомимого энтузиаста: не было бумаги, не было чернил, карандашей... Он, — повествует «Летопись», — заготовлял бересту, на ней писал углем. Летом учитель-самоучка с ребятишками собирал цветы, сушил их, потом выпаривал и получал синюю краску, которой и пользовался вместо чернил. Истрепанная азбука, по которой учился грамоте Александр Максимович, теперь была передана ительменским детям и стала им служить учебным пособием. В «Летописи» говорится, что так как «писать было не на чем, то Александр Максимович учил ребят только читать по церковно-славянски». [105]

Как долго работал в Хайрюзовской школе Александр Максимович, к сожалению, не указывается. Известно только, что в 1908 г. в эту школу, обращенную в церковно-приходскую, приехал русский учитель Новиков Дмитрий Васильевич. Он учительствовал до 1912 г., а затем его сменил Косыгин Иннокентий Николаевич. Этот последний, как указывается в «Летописи», «работал один год, вернее, прожил в Хайрюзове, а работать-то ему совершенно не было времени: ночи пьянствовал, играл в карты, а днем спал...» [106]

Известно немало примеров, когда дети туземцев сами приходили к учителям русских школ с просьбою, чтобы им разрешили учиться. Об одном из таких ненецких мальчиков пишет Ф. Верещагин в статье «Из заметок народного учителя»:

«Осенью, когда начался прием учеников в местное сельское училище, приходит ко мне «записаться» вместе с крестьянскими мальчиками девятилетний мальчик-самоед. Думая, что он пришел просто так — посмотреть, полюбопытствовать, я не обратил на него особенного внимания и стал выспрашивать имена и фамилии у вновь поступивших в школу. Вдруг, к немалому удивлению, самоед обращается ко мне с просьбой принять и его учиться «в грамоты» (по-русски он говорил порядочно). Несколько времени я был в нерешительности — взять его или нет, тем более что места свободного в школе уже не оказывалось. В то же время я не раз предлагал себе вопросы: а будет ли из него что, если принять? Ведь, эти полудикари навряд ли способны к учению и умственному развитию? Может ли «самоеденок» воспринять хоть что-нибудь?». [107]

Учитель ради любопытства занес в список учеников девятилетнего ненецкого мальчика. Тот начал усердно посещать школу и очень внимательно слушал то, что говорил на уроках учитель. У Ф. Верещагина постепенно стало меняться отношение к школьнику-ненцу.

Чтобы посмотреть, как живет и как занимается ненецкий мальчик у себя дома, учитель навестил его в чуме, расположенном недалеко от русской деревни, где была школа.

«В чуме дым, духота, вонь — невыразимые. И вот, у самого огня, склонившись, сидит старая самоедка и молча, с тупым взглядом и хмурым лицом, пришивает к малице «панду». Возле нее и мой школьник. Он примостился на каком-то грязном обрубке дерева поближе к огоньку и усердно занимается — выводит на грифельной доске буквы. Школьник, повидимому, весь отдался этой работе и только мельком взглянул на

меня. Я присел и стал наблюдать. С немалым удовольствием я видел, как из-под грифеля новичка появились буквы, слоги, слова. Наконец, он кончил, показал мне свою работу. Я похвалил ее, и мы начали беседовать... Это был один из лучших моих учеников... Впоследствии он оказался первым учеником в школе». [108]

Учителя на Север обычно назначались из служителей культа: священники, дьяконы, псаломщики, — люди с небольшой общеобразовательной подготовкой и без всякого специального педагогического образования. Свою деятельность в школе они рассматривали как что-то дополнительное к основной профессии и далеко не были ею увлечены. Иные из них имели пристрастие к алкоголю; многие занимались скупкой и перепродажей пушнины. Ни их жизнь, ни их деятельность ни мало не внушали туземному населению уважения и любви к руководимой ими школе.

В годы, предшествующие Великой Октябрьской социалистической революции, в миссионерских школах, действовавших на Амуре, встречались учителя-туземцы: Матвей Дмитриевич Муска, Андрей Ходжер и Хангени (все трое — нанайцы). На Камчатке работали учителя-ительмены. Был также учитель эвенк Пежемский. Учителей, вышедших из среды других народностей Севера, мы не знаем.

Образование педагогов-туземцев очень небольшое. За редким исключением, оно не выходило за пределы начальной школы. Учитель М. Д. Муска окончил только Нижне-Тамбовскую школу, Андрей Ходжер — Вятскую катехизаторскую, Хангени учился в Благовещенской семинарии.

Очень редко на окраинах Севера, среди учителей-попов, дьячков, монахов, псаломщиков, часто спивавшихся хищников и спекулянтов, появлялись люди другого типа. Они в тягчайших условиях, преодолевая тысячи трудностей, выступали активными деятелями в области просвещения малых народностей и несли на своих плечах изнурительный, но и радостный труд. Их работа не прошла даром. Она оставила глубокие следы.

Такова деятельность учителя, работавшего в Хайрюзовской школе с 1913 г. по 1916 г.

Учитель, — говорится в «Летописи» школы, — «не был похож на своих предшественников: закона божия не преподавал». Много внимания уделял он естествознанию, стремясь проходить этот курс на материалах местной природы. Школа превратилась в своеобразный маленький музей и в его составлении участвовали ученики-ительмены; там были и гербарий, и чучела птиц, и различные окаменелости...

Как только наступает весна, — рассказывает «Летопись», — учителя «все реже и реже можно было видеть в школе. Он свои занятия с детьми проводил среди природы: собирал растения, камни, делал чучела птиц, производил раскопки среди давно заброшенных юрт, нашел орудия каменного века, выкопал человеческий скелет, который и хранился в школе, учил детей переплетать книги. Школа при нем была обнесена оградой, обсажена деревьями и т. д.». [109]

Но начавшейся плодотворной работе инициативного и увлекающегося учителя быстро был положен конец. В 1916 г. в Хайрюзово приехал поп, и его жена сменила неугодного учителя. Всю его деятельность по созданию в школе музея новая учительница признала вредной, и его трехлетняя работа была разрушена в течение нескольких дней.

Такая участь постигала каждую попытку прогрессивных учителей, работавших на Севере, стремившихся превратить школу в рассадник знания.

Глава седьмая

ИТОГИ „ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ“ ПОЛИТИКИ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Что же дала в общем итоге работа правительственных учебных заведений на Севере? Очень немного. Учитель Кильдинской школы, открытой на Кольском полуострове в начале 90-х годов, А. В. Нохрин, пишет в 1900 г. на имя Архангельского епархиального училищного совета, что саамы... «детей своих не стараются посылать в школу... Мне, учителю школы, волей-неволей приходится соглашаться и покоряться этому и совершенно бездельничать... Удивляюсь и тому, что делали мои предшественники при таком положении дела, которое за десятилетие ничуть не подвинулось вперед. Во всем лопарском погосте нет ни одного, умеющего как-нибудь написать не только письма, но даже записки простого содержания». [119]

Учитель А. В. Нохрин признается, что он не занимался в Кильдинской школе с саамскими детьми, а «бездельничал». Но этого нельзя, однако, сказать про священника Терентьева, занимавшегося в той же школе до Нохрина в течение нескольких лет. Судя по его отчетам и отзывам епархиального училищного совета, свящ. Терентьев очень старательно относился к своим учительским обязанностям.

Тогда в чем же причина сплошной неграмотности, которую обнаружил среди Кильдинских саамов «бездельник» Нохрин и которая его привела в такое смущение? Нетрудно догадаться: причина кроется в том, что предшественник Нохрина и не ставил своей целью насаждение среди саамского народа грамотности. Перед ним была простая и ограниченная задача. Свящ. Терентьев должен был обучить саамских детей закону божию и молитвам. И этого, по всей вероятности, он достиг. Саамы, окончившие церковные школы или когда-либо учившиеся в них, как правило, не умеют ни читать, ни писать, но хорошо помнят молитвы, так крепко засевшие в памяти, что даже время не может их выветрить.

В 1933 г. на Кольский полуостров выезжала экспедиция Института народов Севера. Один из сотрудников этой экспедиции рассказывает, что ему приходилось беседовать с саамами, учившимися в школах в дореволюционные годы, с целью выяснить степень их грамотности. Часто оказывалось, — говорит он, — что эти саамы совершенно неграмотны: не знают арифметических действий, не умеют читать и писать. В то же время они еще до сих пор хорошо помнят заученные в школе молитвы и от начала до конца по памяти воспроизводят их.

С таким же явлением нам приходилось встречаться и в других северных районах.

Спаивание русскими купцами населения Севера.
С макета Н. Н. Савинова, Ленинград. Музей Арктики.

Бывший учащийся Троицкой миссионерской школы Николай Бельды из стойбища Найхин на вопрос: умеет ли он читать и писать, ответил так:

«Учился я в Троицкой школе пять лет, но не только не умею читать и писать, а не могу даже правильно подписать фамилию. Из окончивших миссионерскую школу — не один только я, мы все неграмотны. Почему же так вышло — учились, учились, а все неграмотные? А вот: в миссионерских школах нас учили больше всего молитвам. А от этого, как хорошо ни выучи, грамотнее не станешь.

Да и грамота раньше ни к чему была в нашей жизни. Мы свой век только охотились и промышляли рыбу».

Бывший воспитанник Болонской миссионерской школы Ходжер Турула на вопрос: умеет ли он читать и писать, ответил:

«Читаю, но из прочитанного ничего не понимаю. Встречаю все незнакомые слова. Раньше нас учили по книгам, где были одни молитвы. Их мы тоже не понимали. Не на нашем языке они написаны, но читали.

При царской власти я был старшиной. Иногда мне нужно было читать казенные бумаги. Поэтому и не забыл, как надо читать, а другие, кто учились в Болонской школе, читать не умеют».

Царское правительство держало народы Севера в состоянии забитости, темноты и невежества. Не со школой — рассадником просвещения оно шло на Север, а с церковью — поработительницей и со школой — покорной помощницей церкви.

К Великой Октябрьской социалистической революции народы Крайнего Севера подошли почти со сплошной неграмотностью.

Среди эвенков только в Забайкалье грамотность достигала 7%. В остальных губерниях и областях Сибири она была от 0,5% (в Якутской области и в Енисейской губернии) до 1,2% в Приморской области. Все туземное население (как мужское, так и женское) Амурской области было совершенно безграмотно.[111]

Эти страшные цифры — итог «просветительной» политики русского самодержавия за три века, протекших с тех пор, как щупальцы жадного спрута — царизма — протянулись на Крайний Север.

Казалось бы, более высокая культура русского народа должна была помочь развитию туземной культуры. Однако этого не произошло.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет — пишет тов. Сталин — для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин. Всем этим

Станок Курейка в Туруханском крае. Место ссылки товарища Сталина в 1913—1917 гг.
Фото. Ленинград. Музей Арктики.

царизм породил среди туземцев глубочайшее недоверие, переходящее иногда во враждебные отношения, ко всему русскому». [112]

Колонизаторская политика русского самодержавия мешала проникновению на Север лучших ценностей русской культуры и в то же время всячески задерживала развитие культуры национальной.

Крайний Север издавна служил местом политической ссылки. В Вилюйске царские жандармы держали в тюрьме великого русского ученого и революционного демократа Н. Г. Чернышевского.

В отдаленных и глухих местах Сибири отбывали ссылку и величайшие вожди социалистической революции Ленин и Сталин.

Их пребывание в ссылке не могло не оказать влияния на трудящихся этих далеких окраин, на пробуждение их политической сознательности.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила народы Севера. Она создала предпосылки к действительному содружеству народов, она обеспечила все условия быстрого хозяйственно-культурного возрождения отсталых народностей.

В одной легенде богатого и красочного ненецкого фольклора повествуется, как много-много лет назад ненецкий народ потерял солнце. Его украло русское самодержавие. Но вот наступила Великая пролетарская революция, рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков взяли власть в свои руки; в темные, промерзшие тундры пришли богатыри Ленин и Сталин — и ненецкому народу вернули похищенное солнце.

Под солнцем Великой пролетарской революции, под солнцем Ленина и Сталина народы Советского Севера, вместе со всеми братскими народами СССР, победоносно идут к коммунизму.

III

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ *на* КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ *после* ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ РОССИИ

Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после Февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрывающейся словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистеко-аннексионистской буржуазии.

Съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

Второй Съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей.

Именем Республики Российской

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по делам национальностей

Иосиф Джугашвили — Сталин.

15 (2) ноября 1917 г.

России», опубликованная 16(3) ноября 1917 г. за подписями Ленина и Сталина.

Долгие годы буржуазная антропология твердила о превосходстве одних рас и о неспособности других к цивилизации; твердила о том, что есть народы, обреченные на вымирание. Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла этим идеям сокрушительный удар.

Под знаменем Советов, руководимых партией большевиков, народы, населявшие бывшую Российскую империю, возрождались и шли от победы к победе.

С ноября 1917 г. по февраль 1918 г., несмотря на помощь империалистических держав контрреволюционным силам внутри России, Советы победили от Минска до Владивостока, от Мурманска и Архангельска до Одессы, от Ростова до Ташкента.

На далеких окраинах Севера, где не было пролетариата, куда еще не проникли вести о победе революционных рабочих над царским самодержавием, — на Ямале, на Таймыре,—еще властвовали царские чиновники.

Вести об освобождении от колониального гнета донеслись туда значительно позже.

Страх капиталистического мира перед пролетарской революцией, стремление раздавить диктатуру пролетариата во что бы то ни стало привели к походу всемирного империализма на Страну Советов.

9 марта 1918 г. в Мурманске высадился морской английский отряд.

Усилению интервентов на Севере содействовал троцкист Юрьев, стоявший в то время во главе Мурманского совета. Вопреки распоряжениям Советского правительства, этот изменник заключил с английским командованием соглашение «о совместных действиях против немцев». В ответ на протесты широких масс Мурманский совет выпустил прокламацию, где заявлялось: «Всякие злостные слухи по адресу наших союзников должны рассматриваться как провокация германских империалистов». [116]

Немного позже началась интервенция на восточной окраине: 4 апреля во Владивостоке высадился японский десант. Мотивом послужила очередная провокация. В течение лета 1918 г., сомкнувшись с чехословацкими эшелонами, которые растянулись по протяжению Сибирской железнодорожной магистрали,— интервенты стали хозяевами Сибири и Дальнего Востока. А к осени англичане заняли уже и Архангельск.

Интервенты соединили свои силы с отечественной контрреволюцией «...война гражданская у нас... — писал Ленин, — ...слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехо-словацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию». [117]

На Архангельском Севере и в Сибири возникали под защитой интервенции меньшевистско-эсеровские правительства, готовилась почва для прямого торжества контрреволюции, для открытой военной диктатуры.

В ноябре 1918 г. в Сибири правые элементы при поддержке английских штыков поставили у власти Колчака, с титулом «верховного правителя и верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики». Тем временем японские империалисты на Дальнем Востоке покровительствовали белым бандам Калмыкова, Семенова и других...

Таким образом, уже в 1918 г. народы Севера оказались под властью белогвардейских правительств, поддержанных интервентами. Окраины были отрезаны от центральных районов, где рабочий класс в союзе с крестьянством все более и более сплачивался вокруг коммунистической партии и под ее руководством наносил сокрушительные удары внутренней контрреволюции и собирал силы для изгнания интервентов.

Большие услуги интервентам и белобандитам в их захватнических устремлениях оказала церковь — верный страж русского самодержавия.

В конце июля — начале августа 1917 г., т. е. после июльских событий, в Москве происходил V Всероссийский съезд миссионеров. Председательствующий митрополит Платон, напоминая собравшимся о надвигающейся «большевистской опасности», призывал объявить ей решительную борьбу. «Мы слишком пассивны, мягкотелы», — говорил Платон. Он требовал для активной борьбы с «большевизмом» учредить своего рода миссионерский орден. Участникам ордена предстояло «итти повсюду, и в народ, и в интеллигенцию, и итти во всеоружии... действовать и влиять на всего человека, на все существо его, и всеми... благодатными мерами...». [118]

К активной борьбе с «большевизмом» призывал и глава церкви — патриарх Тихон.

В послании, обращенном «ко всем верным чадам православной церкви российской», Тихон предавал анафеме революционных рабочих и крестьян и заклинал не вступать с «извергами рода человеческого» ни в какое общение. Заклинания Платона и Тихона духовенство восприняло как директиву. Во время интервенции в Сибири оно работало

в белой армии, следило за революционными организациями, за партизанскими отрядами, строчило доносы, — словом, всячески содействовало и продвижению колчаковских войск вглубь Сибири, и последующей расправе над революционными рабочими и крестьянами.

По отношению к народностям Севера белобандитские правительства проводили разнузданную великодержавную, шовинистическую политику. Ни о каком национальном самоопределении у них не могло быть и речи. Когда бурятская «Народная дума» просила Омское правительство легализовать бурятские органы национального самоуправления, колчаковский министр наложил на это ходатайство такую резолюцию: «Выпороть бы их».

Успехи Колчака на восточном фронте весной 1919 г. создавали реальную опасность для Советской республики. От ЦК партии большевиков последовала директива: «напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет разбит».

И Красная Армия, при неослабном руководстве Ленина и Сталина, перешла в наступление. А в тылу колчаковских войск кипела работа подпольных коммунистических организаций; партизанские отряды становились под руководство ВКП(б) и спешили на помощь Красной Армии.

Осенью 1919 г. Красная Армия перешла Тобол и повела наступление на столицу Колчака. 14 ноября Омск был занят. В течение декабря заняли Новосибирск (тогда Новониколаевск) и Томск, в начале января 1920 г. — Красноярск. В то же время восставшие иркутские рабочие, подкрепленные партизанскими отрядами, арестовали Колчака; еще до прихода частей Красной Армии он был расстрелян по приговору революционного суда.

На Архангельском Севере красные части в чрезвычайно тяжелых условиях также победоносно продвигались вперед. 21 февраля 1920 г. был занят Архангельск, а 13 марта — Мурманск.

Европейский Север и Сибирь снова стали советскими.

Братскому союзу трудящихся всех национальностей, предводимых партией Ленина — Сталина, теперь уже никто помешать не мог.

Продвинувшись за Байкал, Красная Армия оказалась лицом к лицу с вооруженным японским империализмом. Не желая начинать войну на Дальнем Востоке, Советское правительство выработало и ввело в жизнь такое положение, которое в данный момент было приемлемо для обеих сторон, а в дальнейшем обеспечивало победу советской власти. На территории Дальнего Востока (Забайкальская, Амурская области, Камчатка и Сахалин) в начале апреля 1920 г. была образована Дальне-Восточная республика, — формально буржуазно-демократическая, а по существу — советская.

Усиление влияния коммунистической партии в ДВР вызывало чрезвычайное озлобление со стороны японских империалистов; однако выступить открыто против ДВР они медлили, опасаясь противодействия Америки.

В конце мая 1921 г. японцы прибегли к одному из своих излюбленных приемов: организовали белогвардейский переворот во Владивостоке («Меркуловское временное правительство»), надеясь при помощи белобандитов захватить Дальне-Восточный край.

В декабре японские ставленники, белобандиты-меркуловцы, заняли Хабаровск.

Однако этот временный успех был началом разгрома интервентов и их наймитов.

В самых глухих уголках Дальнего Востока и в тылу у белых формировались партизанские отряды — боевые помощники Красной Армии. Это был героический подъем народных масс. На призыв коммунистической партии встали тысячи бойцов с лозунгом «Победить или умереть». В боях под Волочаевкой и Спасском Красная Армия показала всему миру, что нет предела героизму революционной борьбы.

25 октября 1922 г. был занят Владивосток, а в ноябре Народное собрание ДВР объявило себя распущенным и постановило «просить ВЦИК и Съезд Советов России присоединить Дальний Восток к РСФСР, распространив на него действие Советской Конституции и Советских законов».

Позже других районов освободился от интервенции Северный Сахалин. Он окончательно стал советским только к 15 мая 1925 г.

«Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, — говорил т. Сталин, — если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи». [119]

Когда на Кольском полуострове интервенты и белобандиты сделали некоторые попытки мобилизовать в армию саамов, те ушли из зимних погостов и кочевали в отдаленных и трудно доступных местах.

Но красным партизанам местное население оказывало большую помощь. В особенности это следует сказать о народностях, заселяющих Приамурье.

Во время господства на Севере интервентов местное хозяйство, подорванное хищнической эксплоатацией при самодержавии, пришло в полное разорение: катастрофически пало поголовье оленей, местные промыслы пришли в упадок, хлебозапасные магазины были пусты.

Из немногих существовавших ранее школ большинство совсем бездействовало, и только в редких школах, где учились по преимуществу дети русских, продолжалась кое-какая работа.

Интервенты видели в школе своего врага.

Из периода гражданской войны на Севере известен ряд фактов зверской расправы интервентов с советскими учителями и работниками просвещения.

В деревне Николаевке за декабрь была перепорота добрая половина крестьян; на японские штыки был поднят и брошен под лед бывший краевой комиссар просвещения Щепетнов, — учитель из деревни Николаевка.

А вот что сообщает учитель Туруханского края о репрессиях, примененных к учителям, сочувствовавшим советской власти.

«Группа учителей, которым не удалось скрыться от белобандитов, попала в Красноярскую тюрьму.

Часа в два ночи нас вывели из баржи, в которой мы были привезены из Туруханска в Красноярск. Сразу же оцепили нас тройным кольцом вооруженные люди и погнали среди ночной тишины в тюрьму. Когда мы пошли, то гарцующие на лошадях казаки подскакивали к нам и хлестали нагайками, в концы которых был вшит свинец. Женщин мы сгруппировали в середину. Мужчины шли по краям...

По дороге были убиты Ада Лебедева, Марковский и еще два товарища. Всех остальных так изувечили, что они долго не выходили из околотка и почти все остались инвалидами.

Режим постепенно «стабилизировался»: нельзя петь, нельзя громко говорить, отбирали шахматы, книги, лишнее белье, постельные принадлежности.

Тюрьма стала мертвой. Каждый шаг тюремного надзирателя, стук ключей эхом неслись по пустынным коридорам. Началась суровая пора. Выпускаемых на свободу убивали тут же у тюремной стены. Жуть. Протесты были напрасны и опасны...».

В отдельных школах Приамурья помещались партизанские отряды, а учителя или сражались в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах, или помогали им в тылу.

Красные партизаны-лыжники. *С картины художника Е. Мошкевича.*

Например, в Кондонской нанайской школе в годы интервенции одну половину помещения занимал штаб партизан, а другую — лазарет. На дверях этой школы и до сих пор сохранились надписи партизан.

Когда красные части, вынуждаемые к отступлению, покидали тот или иной район Севера, вместе с ними уходили и сочувствовавшие советской власти учителя. Тогда, вместе с белыми, в школу опять возвращались ее прежние «деятели» и в первую очередь попы. Так, в Нотозерской школе Кольского полуострова в 1918 г. вместо учительницы, вынужденной оставить свой пост, начал учить саамских детей поп Назар Синцов. Это был, по словам одного из бывших его учеников, «человек строгий». В класс он приходил с линейкой. Перед началом занятий ставил учащихся в ряды перед иконами и заставлял петь молитвы. Если кто-либо из учащихся не помнил молитвы, то Синцов бил линейкой по столу, а то и по голове ученика. Особенно доставалось сааму Никифору Глухих. Его поп и линейкой бил, и за уши драл, и за волосы таскал, и выгонял из класса.

«После уроков, — рассказывает тот же ученик, — ребята должны были для Синцова пилить и колоть дрова. Не хотелось, конечно. Каждый только и думал улизнуть. Однажды мы все бросили работу и разошлись по домам. На утро думаем: «итти в школу или нет?». Решили — надо итти. Пошли несколько раньше обычного. Класс холодный, нетопленый. Сидим в зимней одежде, в шапках. Входит Синцов. Встаем. Каждый думает: «Попадет за вчерашнее!». И, действительно, поп круто обрушился на нас. Начал с того, что как это мы, богохульники, перед иконами сидим в шапках. Потребовал, чтобы мы сейчас же сняли верхнюю одежду. Не послушаться было нельзя. Сидим в холодном нетопленом классе. Поповы дети на урок не пришли... А у наших ребят трясутся руки, щелкают зубы. Синцов будто не замечает. Дал задания и сам ушел из класса. Остались мы одни... В голове сверлит: «Скорее бы кончался урок! Бежать надо, бежать из школы!».

На следующий день учащихся пришло гораздо меньше. Трое заболели, а другие совсем отказались ходить в школу. Синцов стал заниматься только с детьми русских.

Сейчас вспоминаю я школу — и в памяти встает грязная, тесная комната в поповом доме. Вижу учителя в черной рясе, вижу его линейку, вижу детей, придавленных и забитых,— детей, ропщущих и ждущих случая бежать... В этой школе убивались мечты детства, убивалась детская радость. у детей отнималось их детство...».

Вместе с попом-учителем в школу вернулись все атрибуты прежнего миссионерского воспитания.

О работе школ на Дальнем Востоке в это время учитель М. Д. Муска рассказывает так:

«В 1918 г. Уданская ульчская школа была закрыта из-за отсутствия учащихся. В тот год я учительствовал в русской школе в поселке Софийск. В 1919 г. вновь вернулся в Уданскую школу; сделал набор детей из стойбищ Удана, Фермы и Верхней Гавани и еще провел там один год. Но школа работала очень плохо. До ученья ли было, когда на Амуре война?

В 1920 г. Амур был во власти японцев. Продержались они недолго. Ушли на Сахалин, снова вернулись в 1921 г. и заняли район от Николаевска до Пульцы.

С 1920 г. по 1921 г. я работал опять в русской школе в поселке Софийском. По занятии Софийска я был отстранен японцами от педагогической работы. И пока они были на Амуре, я пилил дрова, перевозил грузы на лодке и т. д. Вернулся к школьной работе с восстановлением на Амуре советской власти».

После освобождения Севера от интервентов и белобандитов стала развертываться культурно-просветительная работа среди населения. Первое время эта работа велась главным образом советской кооперацией.

В Нотозерской школе, где при интервентах свирепствовал поп Синцов, возобновились занятия. Но это уже была новая, советская школа. Местный кооператив снабжал ее продуктами питания, одеждой, обувью. До 70% учащихся получали обувь бесплатно. Заниматься с детьми стала жена местного начальника погранохраны Анна Яковлевна Костромичева. Бывшие ученики попа Назара, саамские мальчики, вновь попали в эту школу.

«Школа стала неузнаваемой, — рассказывает он, — молитвы отошли в область преданий. Появились уроки русского языка, арифметики, обществоведения. Учительница рассказывала нам, что в мире много стран и что одну шестую мира занимает Советская страна. Мы впервые услышали, что такое советская власть, кого она защищает: узнали о пролетариате, о его борьбе, о Красной Армии.

Анна Яковлевна много говорила о Ленине. Мы все были уверены, что Ленин приедет к нам в тундры и что здесь, так же как и повсюду, он сам лично будет организовывать советскую власть. Однажды Анна Яковлевна

принесла в класс газету и показала нам портрет Ленина. Мы были удивлены, как Ленин выглядел просто, — он такой, как и все остальные люди. Портрет Ленина мы тут же на уроке вырезали, вставили в рамку из бумаги и повесили в классе на самом хорошем, самом видном месте.

Урок вела учительница на русском языке. Рассказывала медленно, не торопясь: на трудных местах задерживалась. В школу приносила картинки, чаще всего из газет. Эти картинки мы перерисовывали в своих тетрадях на уроках рисования.

С бумагой школа испытывала трудности. Были периоды, когда учащиеся писали на газетах, на старых книгах. О чернилах и ручках говорить не приходилось. Писали карандашами. Но и их не всегда было достаточно.

Плохо было и с учебниками. Новых учебников тогда не было. Приходилось пользоваться тем, что осталось от старой школы. Из старых букварей, из книг для чтения учительница вырывала листочки с царскими портретами, монархическими стихами и т. п. По этим букварям с вырванными листочками мы и учились. Школу посещало до двадцати саамских детей.

В конце 1922 г., по постановлению общего собрания граждан Нотозерского сельсовета, под школу была передана церковь».

Некоторые кооперативные организации не только помогали существовавшим школам, но проводили большую организационную работу. В 1920 г. Ленрайсоюз (Иркутская область) поднял вопрос об организации «Культурно-просветительной экспедиции» к эвенкам бывшего Киренского уезда для «выяснения форм и способов организации культурной помощи и организации таковой в пределах возможного».

Предполагалось, что вначале будет организована «Малая разведочная культурно-просветительная экспедиция». Эту экспедицию думали направить в поселок Ербогачен, куда к началу декабря обычно съезжались эвенки для сбыта пушнины. Там, на этом «суглане»-ярмарке, можно было собрать сведения и на основе их детально разработать вопрос о большой «Культурно-просветительной экспедиции», ее составе, маршруте и т. п.

В 1923 г. в Ербогачене — центре нынешнего Катангского национального района Иркутской области — по инициативе местной кооперации и на ее средства было построено специальное здание и открылась школа.

На Архангельском Севере в Большеземельской тундре ненецкий кооператив «Кочевник» в 1922 г. часть прибылей кооператива отчислил на организацию школы. Это одна из первых советских школ для народностей Крайнего Севера — Тельвисоченская школа Ненецкого национального округа.

В улусе Хабаржане Улюнского сомона, Бурято-Монгольской республики, в 1921 г. была открыта также начальная школа, просуществовавшая, правда, всего один год: не было школьного здания, и учеников оказалось мало.

В стойбище Севани (Курурлинского р-на) общество решило в 1923 г. открыть школу и учителем пригласило Ахмылина, грамотного человека, приехавшего в стойбище.

В школе учились якуты, эвенки, русские и нанайцы. Твердого распорядка дня не было; занятия начались в декабре. Дети ходили, когда им вздумается: кто придет рано утром, а кто и к концу учебного дня. Учились читать, писать, считать и петь.

В апреле, когда нужно было итти на промыслы, дети перестали посещать школу. Ахмылин уехал и больше не возвращался. Так и закрылась школа в Севани.

Процесс советизации на Севере шел медленно. Мешала отдаленность, плохая связь, своеобразие экономических условий, кочевой образ жизни туземного населения. Не было кадров, знающих местные особенности, владеющих национальными языками; не изжито было еще некоторое недоверие отсталых масс к нововведениям и к самой советской власти. Только с организацией в 1924 г. при ВЦИК Комитета народов Севера начинается систематическая, планомерная работа на окраинах, — в частности, в области просвещения. Тем самым закладывается фундамент общего культурно-хозяйственного подъема, — более того, расцвета нашего Советского Севера.

Глава девятая

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПОСЛЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОМИТЕТА СЕВЕРА

Как только трудящиеся Советского государства благодаря блестящим победам Красной Армии получили возможность перейти к мирному социалистическому строительству, т. Сталин со всею силою выдвинул вопрос об упрочении союза центра России с окраинами.

«Чтобы упрочить этот союз, — писал в 1920 г. т. Сталин, — нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах, как наследие зверской политики царизма». [120]

Недоверие, а иногда и прямо враждебное отношение ко всему русскому наблюдались и у народностей Севера. Это нужно было ликвидировать.

Тов. Сталин указал, что для этого необходим целый ряд мероприятий.

Прежде всего «последовательная и продуманная экономическая политика»; «нужно дать народным массам вкусить от материальных благ революции». [121]

Далее, предстоит «ликвидировать народную темноту», «духовно сблизить центр и окраины России», «поднять культурный уровень народных масс окраин». [122]

Наконец, «Необходимо, чтобы советская власть стала... родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, советская власть должна стать прежде всего понятной для них. Поэтому необходимо, чтобы все советские органы на окраинах... составились по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения, чтобы... привлекались все лучшие люди из туземных народных масс, чтобы местные трудовые массы втягивались во все области управления страной,... чтобы массы видели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний. Только таким путем можно установить нерушимую духовную связь между массами и властью, только таким путем можно сделать советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин». [123]

В своем докладе на X съезде РКП(б) т. Сталин дал сжатую формулировку вопроса. «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях». [124]

На Севере разрешение этих задач встречало большие трудности.

Прежде всего, народности Севера разбросаны по необъятным пространствам тайги и тундры. Сообщения с некоторыми районами возможны по географическим условиям лишь один раз в год.

Территориальная разбросанность дополнялась и административной разобщенностью. Часть какой-либо народности жила в одном административном районе, а часть—в другом.

Но особенная трудность заключалась в том, что революция застала хозяйство народов Севера на крайне низком уровне развития. Разоренное население обнищало и вырождалось. В его среде почти полностью отсутствовали кадры культурных работников, чрезвычайно сильны были вековые предрассудки, суеверия,—их усердно поддерживали шаманы, старшие родовичи и князьки. К тому же и в центре отсутствовала иногда даже «первоначальная осведомленность» о состоянии отдельных районов. Понятно, что Крайний Север нуждался в особых мероприятиях.

В 1924 г. при Президиуме ВЦИК был учрежден «Комитет содействия малым народностям Севера» под председательством члена Президиума ВЦИК, старого большевика Петра Гермогеновича Смидовича.

«Основная задача Комитета заключалась в том, чтобы путем советизации, путем внедрения советских норм управления вовлечь самих туземцев в работу по строительству новой жизни, жизни социалистической». [125]

Перед Комитетом стояли не филантропические и не культурнические задачи. Он должен был вовлечь Крайний Север в строительство социализма.

Это не была организация только извне помогающая, но такая организация, которая, помогая, вовлекала народы Севера во все виды политической и культурной работы.

С первых дней Комитет в качестве задач текущей работы поставил:

1) определение и резервацию территории, необходимой для северных народов;

2) снабжение необходимыми для промыслов припасами, орудиями производства, кредитом;

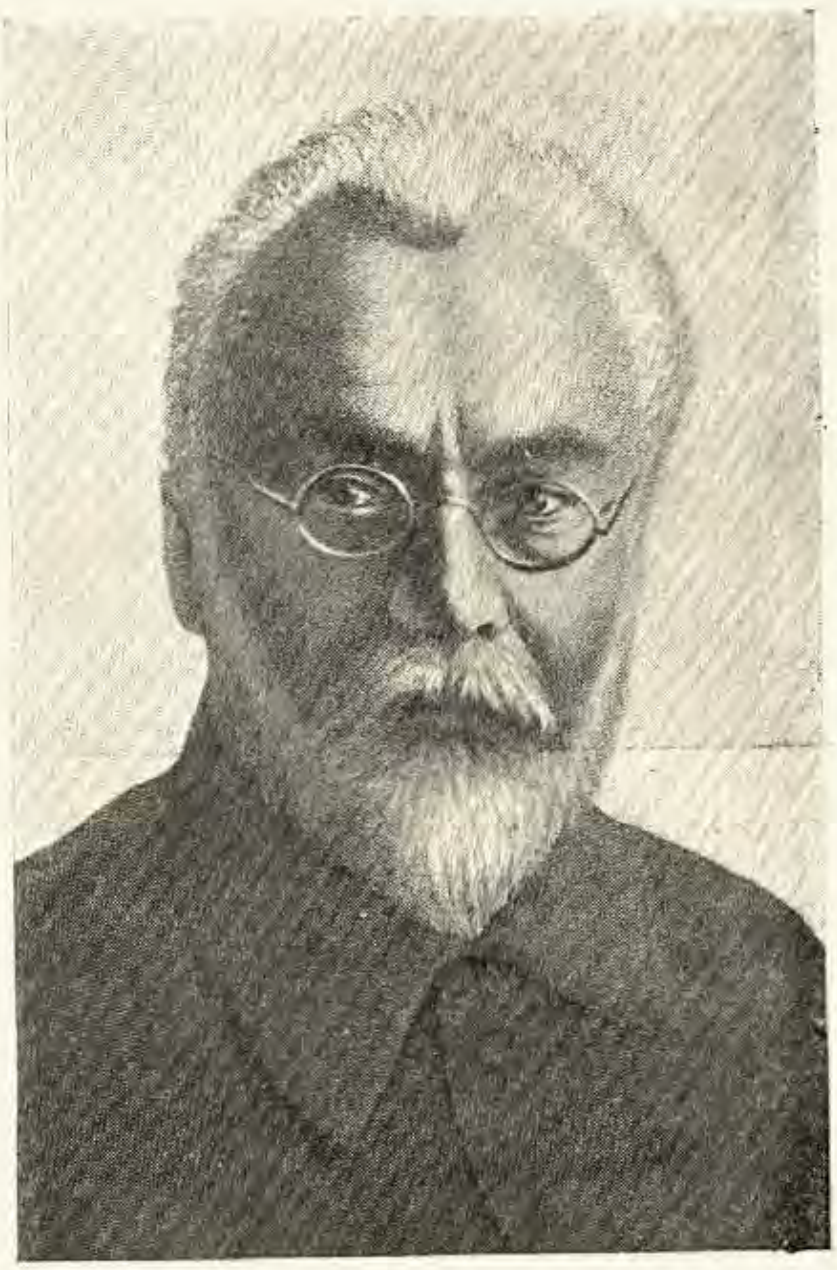
3) обеспечение продуктами первой необходимости;

4) защиту малых народностей от хищничества и эксплоатации;

5) содействие кооперированию малых народностей;

6) организацию санитарной и ветеринарной охраны;

7) содействие в организации школ;

П. Г. Смидович. *Фото.*

8) борьбу с распространением спиртных напитков;

9) содействие тесной связи народностей с культурными центрами СССР и связи их административного управления с центральными органами советской власти».

В качестве принципов, определяющих внутреннее содержание работы, были приняты два положения:

а) Малые народы Севера представляют главное богатство приполярных окраин..., а потому задача подъема хозяйства и культуры малых народов Севера является задачей государственного значения.

б) Успех работы Комитета зависит от пробуждения национального сознания и создания культурного слоя у народов Севера, и работа по подъему туземцев должна по возможности вестись руками самих туземцев.

Срочно были проведены мероприятия экономической помощи. Декрет СНК РСФСР от 16/VI 1924 г. узаконил льготное особо-планируемое товароснабжение районов Крайнего Севера. Далее народности Севера

Луораветланский (чукотский) кочевой совет. *С макета художника В. Башинского, Ленинград. Музей Арктики.*

были освобождены от каких бы то ни было налогов и сборов.

С 1925 г. на Севере началась организация хлебозапасных магазинов, которые выдавали хлебные ссуды нуждающимся, особенно во время стихийных бедствий и в непромысловые годы.

Одновременно с созданием Комитета Севера при Президиуме ВЦИК — в центре, организовались Комитеты Севера при Краевых и Областных исполкомах на местах. Они возникли в целях защиты прав и интересов трудящихся Крайнего Севера, в целях вовлечения их в дело управления, для наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства и для поднятия на более высокий уровень хозяйства и культуры.

Комитеты Севера провели на местах большую работу по советизации коренного населения.

Оседлое коренное население, живущее в селениях совместно с русскими, обычно включалось в смешанный сельсовет. Но кое-где в районах оседлости коренного населения создавались и свои туземные советы.

Несколько иначе обстояло с кочевым населением. Оно или приписывалось к сельсовету, в район которого прикочевывало зимой, или же, в редких случаях, создавало свои родовые советы.

26 октября 1926 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР утвердили разработанное Комитетом Севера «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР».

В качестве низового органа управления «Положение» выдвигает родовое собрание.

Родовое собрание «избирает родовой совет, состоящий из трех лиц».

«Роды ... одноплеменного или родственного состава, обитающие в определенном районе, ... избирают районный туземный съезд, который избирает районный туземный исполнительный комитет». Последний «является в промежуток между съездами, в границах своего района, высшим органом власти в пределах его ведения».

Среди ряда других мероприятий на районный туземный исполком возлагается:

«г) принятие мер к поднятию подведомственного ему района в культурном, хозяйственном и политическом отношениях;

д) принятие своевременных мер и забота о здравоохранении и просвещении». [126]

«Положение» устраняло от участия в выборах в органы управления эксплоататорские элементы: кулаков, бывших князьков и т. д.

Тем не менее эти люди нередко оказывались выбранными в туземные советы и становились во главе их. Этому способствовало то обстоятельство, что в основу организации тузсоветов был положен не территориальный признак, а родовой.

Принять же территориальный признак органов местного самоуправления на Севере было нельзя, так как не имелось никаких данных для объединения той или иной группы народов Севера, а равно для определения самой осваиваемой территории.

Как показал созванный в 1925 г. Комитетом Севера при Президиуме Дальревкома

первый туземный съезд ДВО, трудящиеся массы туземного населения горячо поддержали мероприятия, направленные на укрепление советской власти в тайге и тундре. На съезд приехали представители от самых разнообразных народностей, населяющих Север ДВО: нанайцы, нивхи, эвенки, ныгыланы и т. д.

Съезд прошел с большим подъемом. Впервые за всю свою жизнь народы Севера почувствовали себя хозяевами своей земли.

С трибуны съезда неслись слова глубокой преданности коммунистической партии, проводнику ленинско-сталинской национальной политики; выражалась готовность до конца бороться за укрепление советской власти на северных окраинах.

При общей горячей поддержке делегат-нанаец Александр Заксор заявил: «Если белогвардейцы опять поднимут голову, то полученные вчера винтовки помогут окончательно добить их!». [127]

Делегатка от эвенков т. Пономарева сказала:

«Я приехала сюда от Забайкальской губернии. Нас выбрали для того, чтобы при поддержке красной власти мы могли обсудить наши нужды и устроить нашу жизнь. Это мы и будем делать.

Да здравствует советская власть, которая поможет нам в этом!». [128]

«Советская власть, — заявил делегат-нанаец Михаил Бельды, — уже много дала нам, она созвала нас и на этот съезд, чтобы узнать, что еще нам нужно и как мы желаем наладить нашу жизнь. Будем всемерно поддерживать советскую власть!». [129]

Одна из первых мыслей, высказанных передовыми туземцами, это — мысль о школе, о просвещении местного населения.

Тут же Александр Заксор (нанаец) сказал:

«Советская власть хочет наладить дело, и мы верим, что дело пойдет, и жизнь туземцев улучшится. Необходимо строить школы, со школой будет легче жить». [130]

Другой делегат, нанаец Актанка, высказался так:

«Мы знаем, зачем просим школу — у нас слишком мало грамотных, и это очень плохо. Только приобретя знания, можно жить хорошо. Нужно нас обязательно учить, и учить хорошо». [131]

Любопытно выступление эвенской делегатки Чудиновой:

«Меня спрашивают, как среди наших женщин работу вести. В первую очередь образование нашей женщине надо дать, чтобы она сама понимала и работала для себя и советской власти. Конечно, такую старуху, как я, не образуешь, а вот на молодых в 15 — 16 лет нам надо обратить особенное внимание. Их, конечно, надо обучать...

Необходимо образование дать туземцам, чтобы они поняли, что советская власть для них же работает, и чтобы отдавали своих детей в коммунистические пионерские и комсомольские отряды. Только как вот это сделают тунгусы, когда они мало на одном месте сидят, с оленями кочуют? Об этом пускай товарищи в городах хорошенько подумают, а подумать и помогать тунгусу надо!». [132]

И действительно, над организацией школ для народностей Севера требовалось серьезно подумать. Ведь значительная часть местного населения Севера вела в то время кочевой и полукочевой образ жизни, а та, что перешла к оседлому, обитала в небольших поселках, далеко отстоящих друг от друга. Естественно, что обычные школы были непригодны в условиях дальнего Севера. Здесь требовался иной тип школы, соответствующий своеобразию жизни и быта местного населения.

Таким новым типом явились на Севере школы-интернаты, где дети могли не только учиться, но и жить в течение всего учебного года, получая от государства бесплатное питание, одежду, белье и т. д., имея возможность быстро и основательно овладеть элементарными культурными навыками.

Дети народов Севера часто впервые в школе слышат слово «баня», видят стул, стол, скамью, кровать, умывальник, полотенце, мыло, зубной порошок.

Кроме того, они еще во власти религиозных суеверий. С этими детьми необходима исключительно серьезная, длительная повседневная воспитательная работа.

Школа-интернат, где ученики проводят круглые сутки, и является очагом культуры, базой всесторонней воспитательной работы.

Но такая школа требует больших затрат на свое содержание; а местные бюджеты районов Крайнего Севера первое время не были в состоянии пойти на эти затраты.

С 1925/26 уч. г. Наркомпрос РСФСР начал оказывать им большую и систематическую финансовую помощь.

Из средств госбюджета в 1925/26 г. было отпущено 138 000 руб. На них содержались 6 школ-интернатов. В 1926/27 г. количество госбюджетных школ на Севере возросло до двенадцати.

Идея школьного обучения, выдвинутая передовой частью туземной общественности, не сразу дошла еще до сознания масс. Отсталая часть населения еще недоверчиво относилась к школе и противилась желанию детей учиться. Экономический и культурный уровень развития туземных масс был крайне низок; участие их в органах управления и в хозяйственно-кооперативных учреждениях было слабо, польза и необходимость грамоты еще не была ясна, и возникали, естественно, рассуждения «зачем детям учиться? — охотиться может и неграмотный».

Темнота и косность населения использовались кулаками и шаманами. Видя, что школа—одно из орудий уничтожения эксплоатации, они делали все возможное, чтобы дискредитировать деятельность советской школы и подорвать к ней всякое доверие у своих сородичей.

Нередко их агитация имела реальные результаты. Некоторые родители отказывались отдавать детей в школу-интернат, тем более, что родителям не хотелось на такой продолжительный срок расставаться с детьми. Особенно трудно было организовать школу в отдаленных районах с кочевым населением.

Уже на втором году существования Комитет Севера пришел к выводу, что хозяйство и культуру народностей Севера можно поднять значительно быстрее с помощью комплексных учреждений, организуемых в наиболее отдаленных, наименее обжитых районах Крайнего Севера, среди кочевого и полукочевого населения.

В качестве таких комплексных учреждений предположены были «Культурные базы». В их задачи входило: 1) всесторонне, т. е. и в хозяйственном и в культурном отношении, обслуживать туземное население района, 2) содействовать подъему хозяйства и культуры, 3) создавать актив из среды самих туземцев, 4) вести научно-исследовательскую и краеведческую работу в целях всестороннего изучения природных богатств, производительных сил, хозяйства и быта местного населения.

В этих целях культбаза должна включить в себя: кооператив, ремесленные мастерские, ветеринарный и зоотехнический пункты, больницу с амбулаторией, школу-интернат, дом туземца, баню, краеведческий пункт, научную лабораторию. При культбазе строятся жилые дома для сотрудников и для приезжающих. Здесь же должен работать и тузрик (туземный районный исполнительный комитет).

Конечной целью культурных баз является образование политических и культурных центров малых народностей — «туземных городков».

В повседневную практическую работу на культбазах должны быть вовлечены туземцы и в качестве членов совета культбазы, администраторов, и в качестве технических работников, санитаров, больничных сиделок, пастухов, дровоносов и др.

Неисчислимые трудности стояли на пути создания культурных баз.

Прежде всего нужно было наилучшим образом выбрать те пункты, где предстояло строить культурные базы. Потребовалось предварительное изучение соответствующих районов; нужно было собрать различные данные, позволяющие наметить тот или иной пункт для будущей базы.

Для этого на Север направилось несколько экспедиций: в Большеземельскую тундру, в Чукотский и Корякский округа, в Туруханский край и на побережье Охотского моря.

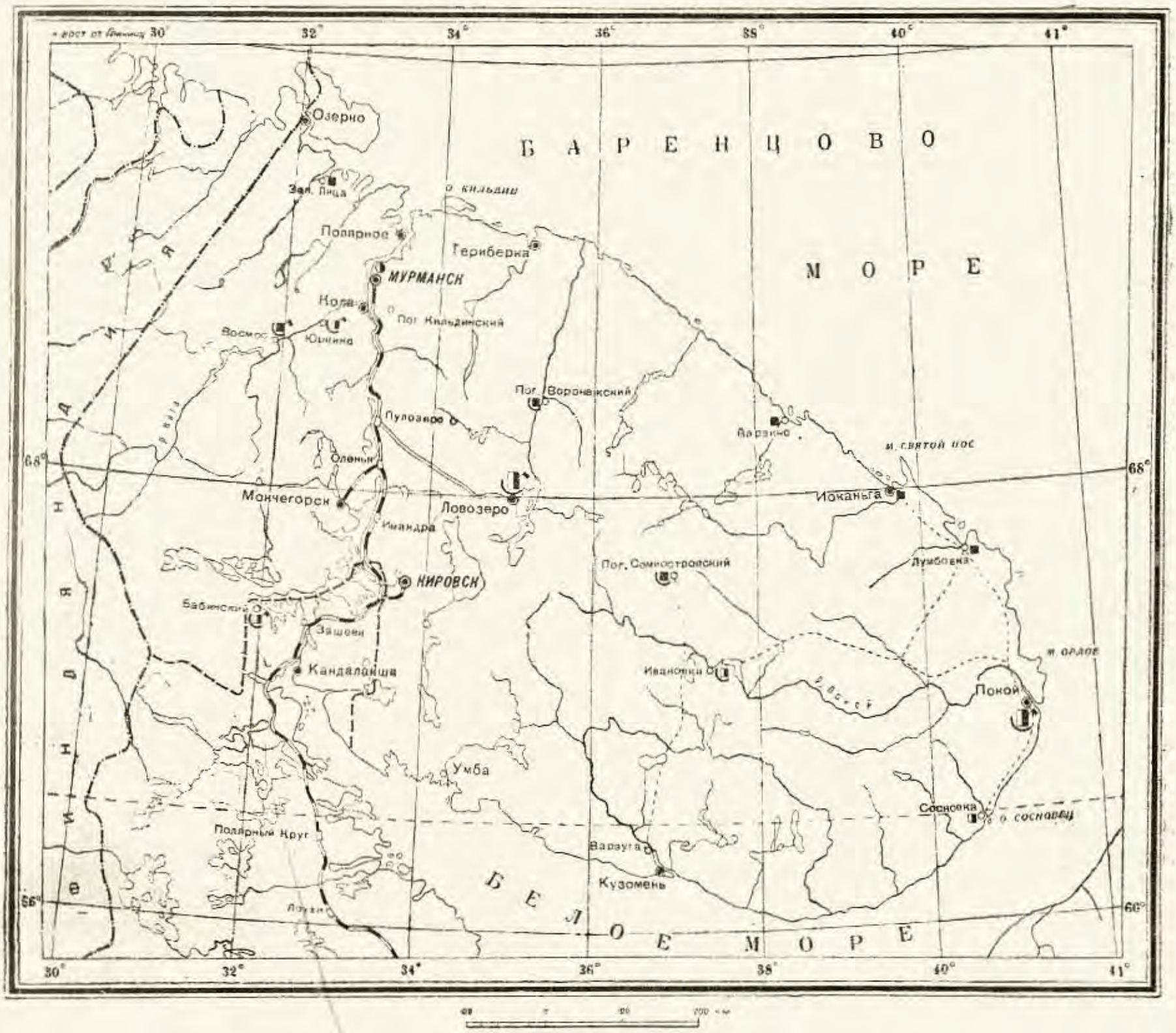
После выявления наиболее удобных пунктов начиналось самое строительство, что было делом крайне тяжелым.

Представление об этих трудностях дает летопись постройки Туринской культбазы. Лес для здания рубили зимой около Киренска, на расстоянии чуть ли не 1000 *км* от места постройки; экспедиционное обследование установило, что местный лес для жилого здания непригоден.

Весной, как только прошел лед, вниз по Нижней Тунгуске двинулось 22 плота, на которых сплавляли все заготовленное. Помимо строительного материала здесь было и продовольствие для рабочих на весь строительный сезон. На этих же плотах везли 12 коров и 6 лошадей.

«Тунгуска в верховьях быстра, извилиста, разбивается на рукава и преграждается порогами. Течение большое. Трудно сплавлять тяжелые плоты по такой реке: от одного берега отталкиваешься — в другой уткнешься. Во время причалов на быстрых местах снасти рвались как нити. Были случаи, когда трехсотлетнюю лиственницу, к которой был привязан плот, выворачивало с корнем и уносило вместе с плотом. Были случаи, когда плоты загоняло в мелкую протоку, и они, налезая друг на друга, запружали воду настолько, что она катилась через плоты, смывая имущество рабочих и мелкие строительные материалы»... [133]

Плавание продолжалось 35 дней; попали на место стройки только к концу июня.

Педагогическое училище со специальным отделением для учащихся коренного населения Севера.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Схематическая карта размещения школ в бывшем Мурманском окр. Ленинградской обл.

А если не закончить строительство к сентябрю месяцу, то дожди, снег и морозы не дадут возможности работать.

Предстояло прежде всего корчевать лес на месте постройки и поднимать материалы на берег. Оставлять его в реке чрезвычайно опасно: однажды ночью вода прибыла сразу на два метра и унесла плоты с тесом и со стропилами для здания. Пришлось по ночам из запасного леса делать новые стропила. Прежде чем рыть ямы для стоек, нужно было жечь костры, чтобы оттаять землю, находящуюся в состоянии вечной мерзлоты. Потом рыть по колено в воде и вычерпывать воду из ям, предназначенных для стоек. Кирпичи для печей приходилось делать из мерзлой глины.

Работали по шестнадцать часов в сутки, без всяких выходных дней.

К осени база вчерне была построена. Можно было уже размещать персонал. Но и работникам базы пришлось приложить много усилий, чтобы добраться до места работы. Доехать до самого места оказалось невозможно. Катера из-за мелководья не могли дойти до базы; пришлось перегрузить все имущество на лодки-илимки, а самим тащить их лямками целых 500 *км*.

Шли целый месяц.

«Люди волокут лямки, к которым привязан трос. Стоит тросу задеть где-либо за камень — он натягивается, как струна; идущих в конце лямки срывает в реку или отбрасывает на камни с такой силой, что только и смотри, чтобы кто-нибудь не размозжил себе головы.

На сливах между бурунами напряжение достигает такой силы, что люди, навалившись на лямку, изо всех сил, вцепившись в камни, замирают на несколько минут на одном месте.

Жуткие моменты. Если люди не выдержат такого напряжения, сдадут хоть на один момент — гибель илимки и увечья лямщиков неизбежны». [134]

Один из работников культбазы, опоздавший выехать вместе со всеми, отправившись санным путем, прибыл на базу совсем больным и тут же был положен в больницу.

Первые же месяцы показали, что и здания базы таят неожиданные сюрпризы.

«Кирпич, из которого были построены трубы, оказался плохим, — пишет в отчете завбазой. — Очевидно, глина была с подмесью ила». [135]

«Со второй половины ноября стало заваливать одну за другой центральные дымоходные трубы. Печи перестали топиться, а в это время ударил мороз 40—50°.

Пришлось на морозе производить ремонт труб.

В такой мороз иметь дело с мокрой глиной — это жуть. Наполненная глиной рука примерзает к кирпичу... Мне приходилось первому начинать эту работу, постепенно увлекая остальных». [136]

Но нет таких трудностей, которые бы были непреодолимы. У нас, в стране Советов, под руководством коммунистической партии, люди способны совершать чудеса. Не барыши, не стремление к наживе двигали людей, а передовые идеи ленинско-сталинской национальной политики, и в напряженной борьбе создавались культбазы — очаги новой культуры, учреждения, призванные помочь отсталым народностям Севера догнать далеко ушедшую вперед центральную Россию.

В числе культурных работников двигались на Север и учителя, — двигались с необычайными препятствиями.

Первые учителя, — указывается в одном из просмотренных нами отчетов, — направлены в 1924 г. Туруханским Уисполкомом в Янов-Становскую, Хатангскую и Чириндинскую школы; они поехали к месту работы с большим грузом. Везли инвентарь, постельные принадлежности, одежду, на всех учащихся учебники, учебные и наглядные пособия: счетные приборы (арифметический ящик, счеты), модели изделий для ручного труда, географические карты и глобусы, картины по физической географии, таблицы по ботанике и зоологии, картины по истории, различные игры (шашки, шахматы). В общем, груз, который везли с собой школьные работники, исчислялся сотнями пудов. Между тем, предстояло преодолеть громадные расстояния, при всем несовершенстве северного транспорта.

Легче и ближе всего было пробраться в Янов-Стан. Но и здесь учителю нужно было подыматься по реке Туруханке до места назначения. И этот путь в 500 *км* ему пришлось проделать на илимке, бичевой.

Труднее был путь на Хатангу и в Илимпийскую тундру.

Чтобы попасть зимними путями на Хатангу, учителя были отправлены еще в сентябре месяце пароходом на Дудинку. Однако пароход до Дудинки не дошел; пришлось пересаживаться на лодку.

Путь на лодке был чрезвычайно труден. Навстречу дул сильный северный ветер. В одном из станков по дороге пришлось оставить часть груза, в том числе ящик с учебными пособиями.

От Дудинки поехали на оленях в морозы и бураны. Но зимний путь еще не установился, так что в Илимпийскую тундру учитель смог выехать лишь в январе. В пути то и дело приходилось стоять, — пурга не давала возможности двигаться. Однажды, при переходе через высокий перевал, транспорт, застигнутый бурей, около полусуток провел на горной вершине, без одного полена дров, чтобы развести костер.

Целый месяц транспорт двигался до Чириды. А до Хатанги — даже полтора месяца.

Еще пример: в 1927/28 г. начала функционировать вторая культбаза на Севере — Чукотская.

Работникам, направленным туда, пришлось ехать в сентябре месяце, с последним пароходом.

Это был и пассажирский, и почтовый, и грузовой пароход.

Идя последним рейсом, он заходил почти во все пункты и поэтому только через полтора месяца подошел к берегам Чукотки. Уже показался залив Лаврентия, — конец путешествия. Но как раз в это время у парохода сломалась лопасть винта, и капитан приказал повернуть обратно.

Часть работников намеревалась вернуться в бухту Провидения или в Петропавловск и там дождаться зимнего пути. Но группа учителей, чтобы не срывать учебного года, решила высадиться на берег и двинуться на культбазу пешком. Они очутились на пустынном берегу, в 180 *км* от культбазы.

Это расстояние они частью прошли пешком, частью ехали на байдарках и нартах по тундре, еще не покрытой снегом.

Среди учителей северных школ было много ценных работников, стоявших по своему образовательному уровню значительно выше не только среднего, но даже и хорошо подготовленного учителя центральной полосы РСФСР. Были между ними и страстные энтузиасты Севера, проявлявшие живой интерес к изучению местной экономики, этнографии, языков; эти люди проделали огромную работу по организации и укреплению северных школ.

Об этих энтузиастах Севера Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в 1927 г. говорил так:

«Мы убедились, что среди них имеются люди высокой квалификации, не столько педагогической (хотя и в этом отношении оказалось несколько интересных работников), но я бы сказал — культурной и моральной.

Я считаю необходимым назвать несколько человек из этих людей нашей школы. В Архангельской губ., в селе Тельвисочном, учитель Димов работает за полярным кругом 15 лет. Его доклад о работе среди самоедов характеризует его как человека, полного знания и настоящей любви к окружающим народностям.

Затем имеется старый каторжанин Могульский и учительница Баранова в Карагасии, которые работают давно и успешно... На Севере у нас есть выдающиеся люди, и общий удельный вес этого небольшого отряда очень высок, потому что заурядные, поверхностные работники отсеиваются, — нечего им там делать, — и остаются наиболее ценные люди, т. е. те, кто имеет влечение к этой работе. Положение их там тяжелое, их мало, а квалификацию их нужно поднимать». [137]

Школа на Севере все больше и больше завоевывала авторитет и доверие населения. Этому содействовали не только учителя-энтузиасты, но и дети — учащиеся школы.

Вот что рассказывают бывшие воспитанники северных школ этого периода о том, как они попали в школу.

«Меня маленького, — говорит учитель Болонской школы, нанаец И. Н. Бельды, — родители часто пугали русскими». Они говорили: «Русские люди — злые; увидят тебя, увезут с собой, и у них тебе будет плохо. И я боялся русских.

Также внушали мне страх и к грамоте. Родители уверяли, что стоит только что-либо написать, как сразу же узнает злой дух и непременно за это накажет. Нанайцы живут очень давно и никогда не писали и не читали. А кто научится писать и читать, тот якобы перестанет быть нанайцем. Всему этому я верил. Верил, что русские люди — злые, и при виде их убегал, скрывался где-нибудь в тайге или на реке. Верил, что писать и читать — грех, что за это накажет злой дух, и боялся брать в руки книгу и карандаш. Если кто начинал говорить о школе, я старался не слушать.

Время бежало. Я рос. Русские уже не вселяли в меня страха. Я переставал бояться.

В 1926 г. на реке Харпи, в стойбище Джапя, нанаец Ходжер Давакса, работавший в отделении госпушнины, стал обучать грамоте нанайских детей. Училось у него пять человек, в том числе и я. Скоро я понял, что бояться грамоты нечего, что, наоборот, нужно стремиться каждому к образованию. Об этом все время нам говорил на уроках и Ходжер Давакса. В 1927 г. я стал проситься у родителей, чтобы отпустили меня учиться в Болонскую школу. Родители не хотели, боя-

лись, что если поеду учиться, то уже в стойбище к ним не вернусь.

Но я твердо решил учиться. И как только поехали нанайцы из нашего стойбища в Малмыж, с ними вместе до Болони поехал и я. Так началось мое учение в школе».

Один из бывших воспитанников Ухтинской ульчской школы о своем поступлении в эту школу рассказывает так:

«В 1926 г. в Ухте открылась первая ульчская школа-интернат. Когда кольчомские ребята, учившиеся в Ухтинской школе, приехали на каникулы домой, то целыми вечерами рассказывали о школе.

Мне страшно захотелось учиться. И вот однажды, зимой, мы с Дяталой Конюхом решили, никому не сказав, уйти в Ухту и поступить в школу.

Стояло морозное утро. Стойбище Кольчом еще спало. Мы пошли на лыжах по рыхлому снегу. Хотелось скорее, как можно скорее, пройти 25 *км* — расстояние от нашего стойбища до Ухты.

Вот Ухта. На берегу в протоке кутаются в снегу ульчские небольшие домики. Нас сразу же заметили ребята-школьники и выбежали навстречу. Они резко отличались от нас. Подстрижены, выглядят веселыми, чистыми, одеты в новое платье.

Привели нас в интернат. Там обстригли нам волосы, заплетенные в косы.

Вскоре пришла уборщица, повела нас в баню и вымыла теплой водой с мылом. Это первый раз в жизни я мылся.

Вместо нашей обуви и одежды из рыбьей кожи мы получили чистое белье, верхнюю одежду, кожаную обувь. Началась наша новая жизнь».

Вот еще рассказ:

«В феврале 1926 г. — говорит другой учитель-ульч, — к нам, в стойбище Монгол, приехал ульч и стал отцу рассказывать про Ухтинскую школу. Хвалил школу, говорил, что ульчские ребята хорошо живут там. Их одели в новое платье, хорошо кормят, и пройдет немного времени, как они станут грамотными.

Я стал просить отца, чтобы свез меня в Ухту. Но отец решительно отказал. «Если,— говорит,—отпустить тебя учиться, то некому будет работать дома. Не в школе учись, а на реке и в тайге. Наша грамота — уменье хорошо промышлять зверя и рыбу».

Но я продолжал настаивать...

После долгих бесед отец, наконец, сказал: «Ну, если так хочешь учиться, то поезжай». Это был первый случай, чтобы из нашего стойбища ребенка отдали в школу».

Так постепенно советская школа завоевывала симпатии и детей и взрослого населения.

Не везде этот процесс проходил одинаково. В районах с оседлым населением он шел значительно быстрее, в районах же кочевых — медленнее. Приходилось во всей школьной работе считаться с условиями жизни населения.

Одни школы начинали занятия в одно время, другие — в другое; зависело от того, насколько успешно учитель навербовал детей. Прием в школу не прекращался и по наступлении занятий. Не было одного срока и для окончания учебы. Как только наступала весна, школы, где учились дети народностей Севера, прекращали работу.

Учебный год часто не превышал трех-четырех месяцев. Но и за такой короткий учебный год учащиеся далеко не регулярно посещали школу. Делались перерывы или потому, что ученики со старшими уходили в лес и охотились, или потому, что наступали местные праздники и детей не пускали в школу. Такие перерывы случались даже в школах-интернатах: родители приезжали за учениками и увозили их на праздник к себе домой.

Об участии детей-ульчей в празднике медведя, имевшем в те годы широкое распространение не только среди ульчей, но и среди других северных народностей, учитель Муска рассказывает следующее:

«Праздник медведя до 1930 г. устраивался еще почти в каждом стойбище. Собиралось много ульчей. Большое участие принимали дети. Они вместе со взрослыми водили медведя на цепи по стойбищу, травили его, тыкали палкой, прыгали через него и т. д. Каждый желал показать свою храбрость, свое проворство.

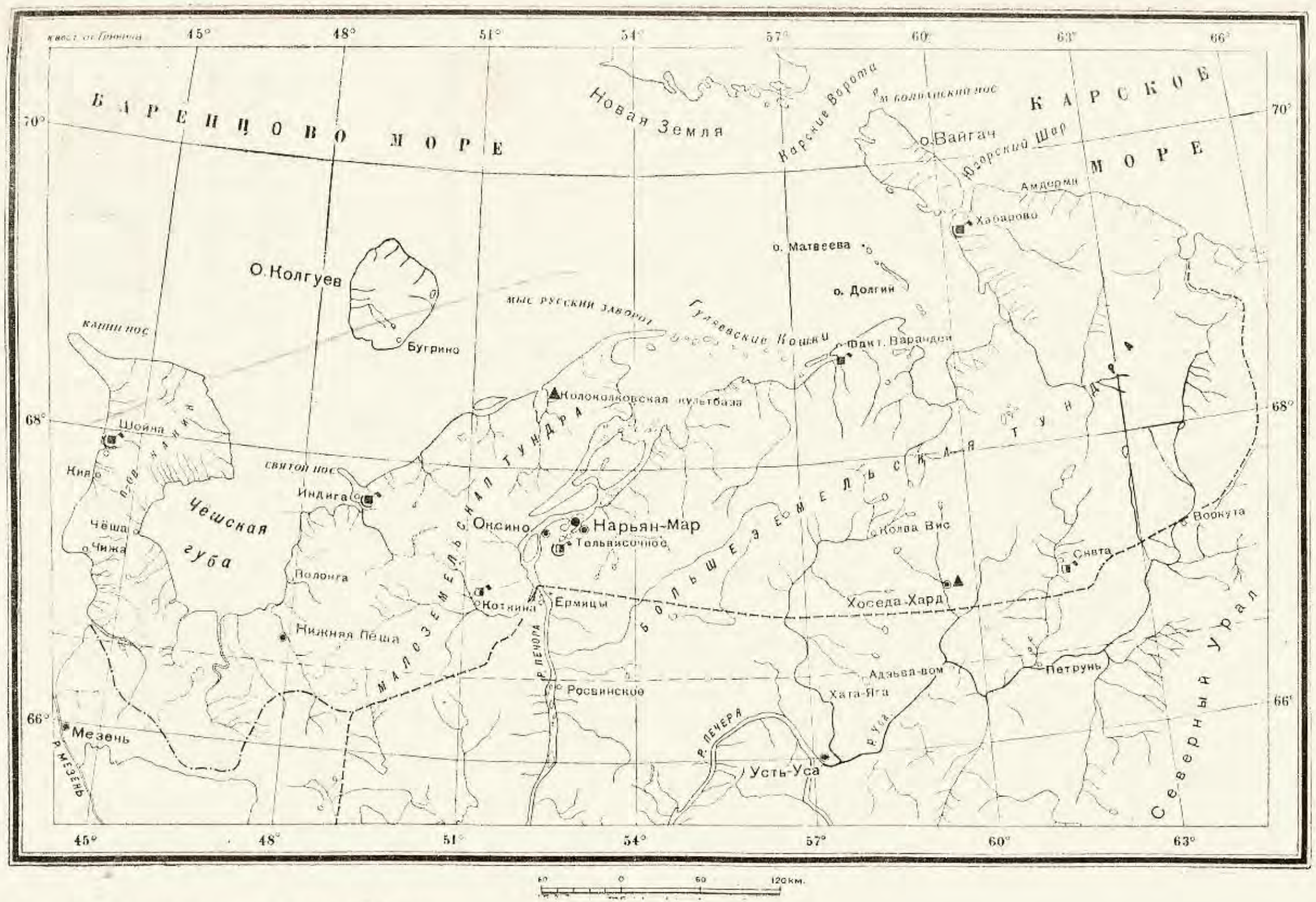
В один из праздничных дней медведя уводили в лес, в назначенное место, привязывали к заранее поставленным столбам и убивали его из лука.

Во время праздника медведя трудно было удержать детей в школе. Часто были случаи, когда родители просили учителя не заниматься в эти дни».

Другой учитель, работавший в нивхской школе, сообщает:

«Когда я учительствовал в Пауэрской нивхской школе, то, примерно, в марте месяце ребята мне заявили, что завтра они не придут на занятия, так как будет праздник медведя. И, действительно, на следующий день не явились.

Четыре дня ребята с шумом и гиканьем бегали по стойбищу, ходили из избы в избу.

● Педагогическое училище народов Севера.

▲ Культбаза.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети ненцев и коми-ижемцы.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети ненцев.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети ненцев и коми-ижемцы.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети ненцев и коми-ижемцы.

Схематическая карта размещения школ в Ненецком нац. окр. Архангельской обл.

Ненецкий мальчик. *Фото.*

На пятый день в стойбище приехали гости. С этого дня нивхи стали водить медведя по избам.

На празднике медведя детей учат стрелять из луков. Дети проявляют огромный интерес к этому и горько досадуют, когда стрела пролетит мимо, не задев медведя. Мальчики, обнаруживающие смелость, меткость, вызывают у взрослых восхищение и похвалу.

Во время праздника медведя, дней 10—12, дети совсем не посещают школы, а после праздника — очень неаккуратно: приходят на занятия — один-два, редко, когда больше».

Состав учащихся в национальных школах в возрастном отношении был довольно пестрый: от 9—10 лет до 25 и даже старше. Преобладающим контингентом являлись переростки. В числе учащихся были мальчики и девочки. В 1924/25 г. процент последних был крайне незначителен, но он постепенно возрастал. В национальных школах сибирского Севера, по данным Добровой-Ядринцевой, процент девочек по отношению к общему составу учащихся колебался от 12 до 28.[138] При этом любопытно отметить, что девочек было больше в тех школах, где преподавала учительница.

Начальной школы с 4 классами на Севере еще не было. В действовавших школах работал преимущественно первый, реже — второй и совсем редко — третий класс.

И так как еще не была создана письменность на северных языках, то все преподавание велось на русском языке и по русским учебникам, в которых громадное большинство слов и картинок взяты из природы и быта, совершенно незнакомых учащимся. Вполне понятно, что на преодоление этой серьезнейшей трудности и была направлена методическая мысль северного учительства.

В 1925/26 г. в школе Яновом-Стане приучали учащихся записывать слова на родном языке русскими буквами, считая, что, записывая свое родное слово (русскими буквами), ученик привыкает отдавать себе отчет в слышимых звуках; приучаясь же анализировать свой родной язык, он будет с большей легкостью разбираться в звуках чужого языка.[139]

По-иному обучал грамоте на русском языке учитель Тельвисоченской школы т. И. А. Димов.

Он вел обучение с помощью особых рисунков, им же самим изготовленных.

Первые слова, с которыми он знакомил учащихся, были «чум», «школа», затем «учитель» и «ученик».

После ряда таких предметных слов шли слова, обозначающие действие: «садись», «встань», «иди» и т. д. И только после накопления некоторого запаса слов шло обучение грамоте с помощью таблиц.

Такие таблицы существовали на все буквы.[140]

Так впервые делались попытки создать особую методику преподавания в северной школе.

В 1926 г. Наркомпросом совместно с Комитетом Севера были изданы программы для северной школы.

В программах нетрудно обнаружить то новое, что отличает советскую школу для народностей Севера от школы дореволюционной, миссионерской.

Отказываясь от руссификаторских целей, советская школа стремится помочь развитию национальной культуры, культуры тех самых народов, которые прежним строем были обречены на вымирание.

Новая школа в своей деятельности должна чутко и осторожно подойти к коренному населению Севера, к сложившемуся у него укладу жизни, обычаям, привычкам и т. д.

В этом нашли свое конкретное выражение общие требования ленинско-сталинской национальной политики, зафиксированные в программе партии: «... со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных». [141]

Школьные программы 1926 г. представляют собой попытку создания локальных программ, насыщенных местным североведческим материалом.

Подчеркивается также принципиально важное требование — начинать обучение на родном языке учащихся.

«Нормальными условиями занятий по языку,—говорится в программе,—следует считать те, когда они могут протекать в течение первого года на родном для детей языке». [142]

Однако в то время такое требование повсеместно и широко не могло быть реализовано, так как еще не было своей письменности, кадров учителей из местного населения, учебников, книг на родном языке. Это отчетливо представляли себе и составители программ, когда писали:

«На первых порах придется мириться с таким положением дела, что учитель-русский может не вполне овладеть туземным языком. В таком случае обучение грамоте будет итти прямо на русском языке». [143]

Программы для школ Севера 1926 г. были комплексными. Они рассчитывались на три года обучения.

На каждом году обучения учебный материал разбивался на четыре периода.

Первый период — осенний (с 15 августа по 15 октября), когда дети из чумов, юрт, стойбищ вовлекаются в школу-интернат. Они приходят сюда со своими привычками, представлениями, запасом наблюдений из окружающей их природы, жизни и быта сородичей. Учитель все это учитывает и постепенно, шаг за шагом, вводит их в жизнь школы и культбазы в целом.

Второй период — зимний (с 15 октября по 15 марта). В это время дети знакомятся с базой и ее работой более основательно и постепенно становятся активными помощниками базы и туземцев в их хозяйственной и общественно-политической жизни.

Третий период — весенний (с 15 марта по 1 июня), когда дети приготовятся к выполнению летних заданий по выявлению нужд туземцев, которым культбаза могла бы помочь. В этот период дети готовятся к уходу из школы к себе в чум, юрту, ярангу.

Наконец, *четвертый период* — летний. Дети находятся дома.

Страдая всеми недостатками, характерными для комплексных программ, по которым в это время работали и школы центральной России, программы все же давали то, чего не было в миссионерской школе.

Большое внимание программы уделяли изучению местной природы, хозяйства, промыслов, ознакомлению с общественной жизнью и общественными организациями.

Школа должна была помочь детям разобраться во всех окружающих явлениях природы и общественной жизни, понять их, найти пути к завоеванию природы, к улучшению быта, к поднятию хозяйства и культуры.

В программах устанавливался также (правда, только для первых двух лет обучения) определенный объем знаний и по языку, и по математике.

По арифметике объем знаний для первых двух лет устанавливался следующий:

«Счет в пределах первого и второго десятков: все действия над числами.

Счет круглыми десятками, в пределах 100.

Приемы и практика счета на счетах.

Половинные, четвертные и восьмые доли; третьи и шестые доли.

Десятые доли — в связи с ознакомлением с метрическими мерами: метр, дециметр, сантиметр.

Простейшие геометрические фигуры и их образование: квадрат, треугольник, прямоугольник, круг. Практические измерения площадей.

Простейшие тела: куб, шар, брус. Практические измерения объемов.

Умение определять время по часам: час, полчаса, четверть часа, минута». [144]

Конечно, ни одна миссионерская школа не давала детям Севера таких, сравнительно широких, математических знаний.

Разработка программ была только первым шагом в организации северной школы.

Одновременно была начата работа над учебниками и учебными пособиями для этой школы, построенными на природном, хозяйственном и бытовом материале Севера. К работе были привлечены крупные специалисты-североведы: проф. В. Г. Богораз-Тан и др.

В 1927/28 учебном году северная школа получила:

1) Букварь для северных народностей. Составили проф. В. Г. Богораз-Тан

и С. Н. Стебницкий, М. 1927, 129 стр.

2) «Наш Север». Вторая книга для туземных школ северной зоны РСФСР. Составили Н. И. Леонов и П. Е. Островских, М. 1927, 180 стр.

С первых страниц букваря вместо посева и жатвы, вместо лошади и коровы, пастуха и скота, введены предметы оленеводства, рыболовства, лесной охоты и морских зверобойных промыслов, — писали авторы в предисловии, отмечая несомненное преимущество нового букваря перед теми, которыми вынуждены были ранее пользоваться учителя северной школы.

Но новый букварь был составлен по методу целых слов. Ценность его была этим сильно снижена.

Недостатком букварей было и то, что в них совершенно отсутствовал материал, знакомящий детей со школьной обстановкой, а также с гигиеническими правилами и культурными навыками.

Составители букваря так и пишут в своем обращении к учителю:

«Обычный школьный материал, — описание школьной комнаты, классной доски, или такие наставления, как «чисти зубы», «мой руки», — совершенно исключен, так как ничуть не соответствует действительной обстановке северной жизни. Можно ли чукчу в тундре приучить умываться, когда ему трудно натаять достаточно снеговой воды затем, чтобы напиться». [145]

В практической работе северная школа все же не пошла по этому пути и, как мы дальше увидим, очень много сделала в деле воспитания культурных привычек у детей.

С самого начала развития советских школ на Севере наметился несколько практический уклон их работы. Он вызывался стремлением в минимальный срок подготовить необходимые кадры советских работников из среды местного населения.

В Янов-Становской школе, упомянутой нами, практический уклон выражался, например, в помощи лавке О-ва потребителей при отпуске товара. И в школе ученики также сами развешивали полагающиеся им по норме продукты питания.

«Для того чтобы практически были усвоены самые элементы делопроизводства, — пишет учитель в своем отчете, — все дела школьного коллектива ведутся в настоящее время в письменной форме: заведены журналы исходящих и входящих бумаг; свои отношения как от имени заведующего интернатом, так и от имени председателя школьного совета, я подаю в письменной форме; так же точно и ответы на свои отношения я получаю обратно в виде письма за № с приложением выписок из протоколов».

«Все это делопроизводство, — говорится дальше в отчете, — по существу, конечно, излишнее, введено мною исключительно с целью дать наиболее грамотным из учеников своевременную практику в этом деле». [146]

В отдельных районах возникло стремление превратить школу в своеобразные курсы по подготовке кадров из местного населения.

Вот как, например, определил задачи школы Туруханский исполком: «Учитывая развивающуюся кооперативную и административную деятельность населения, первоочередной практической задачей явилось: дать обученных в школах в кратчайший срок подготовленных сознательных работников из среды местного населения и, таким образом, продвинуть ускоренным темпом дело восстановления хозяйства и совстроительства среди народностей тундр. С этой целью возрастной состав учащихся определен не менее 17-летнего возраста». [147]

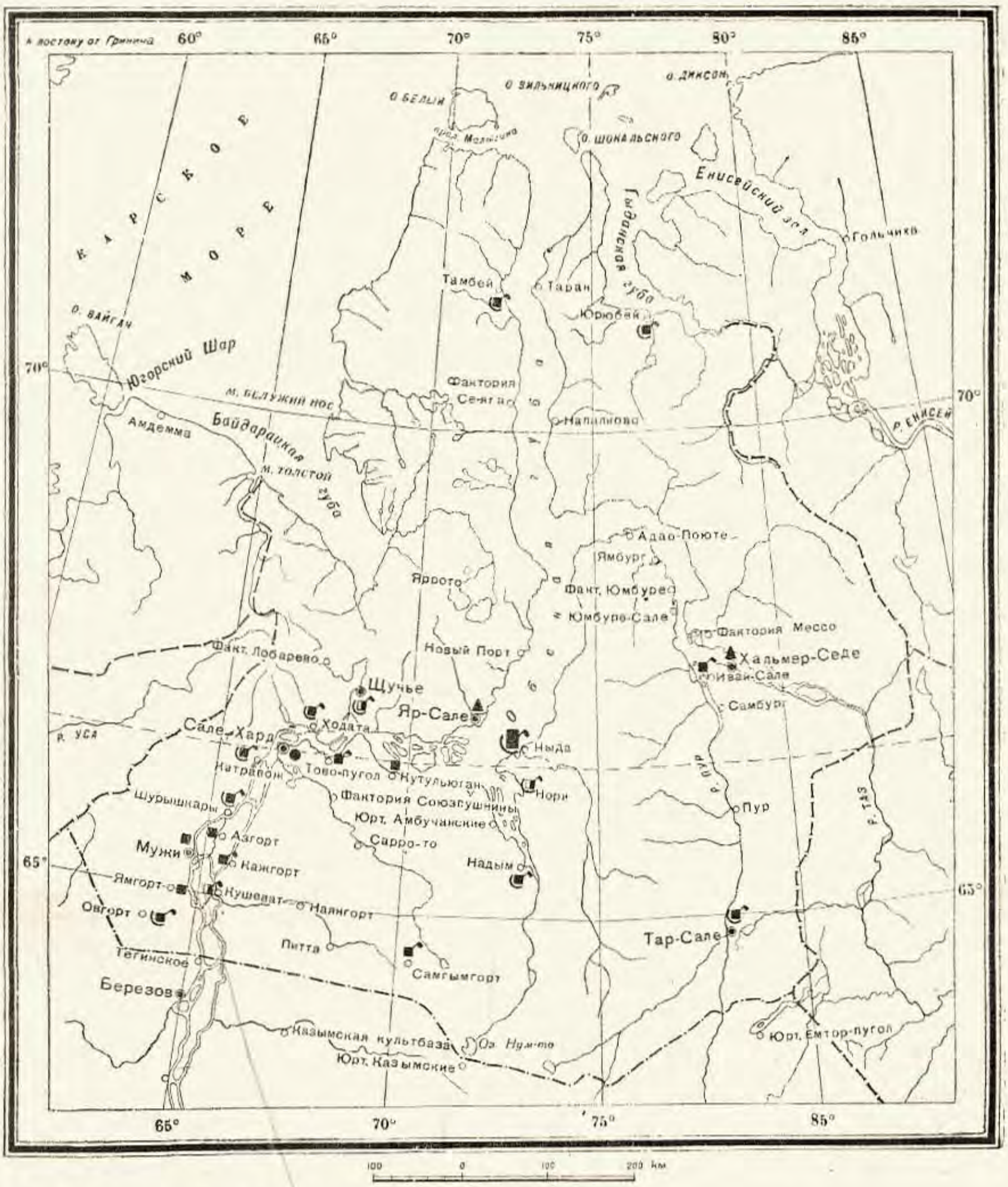
В 1927 г. тот же Туруханский исполком считал, что «учебно-воспитательная работа в школах определяется постановкой ближайшей практической цели: подготовить из взрослого туземного населения в возможно короткий срок своих административных и кооперативных работников, поэтому все содержание работы в этих школах заключается в усвоении технических навыков элементарной грамотности на русском языке». [148]

Красноярский комитет Севера, в ведении которого находилась Туринская культбаза, считал, что «основной задачей всей школьной работы на культбазе является подготовка из среды самих туземцев необходимого кадра таких работников, которые... впоследствии будут принимать активное участие в деле восстановления и развития туземных хозяйств».

Школа поэтому должна быть учреждением для «подготовки кооперативных инструкторов, продавцов и счетоводов для интегральной кооперации, охотоведов, зоотехников-оленеводов, секретарей родовых советов, медицинских и ветеринарных санитаров». [149]

Стремление придать школе производственно-промысловый характер свойственно не одному только Красноярскому комитету Севера. На этом настаивал и Дальне-Восточный комитет в своем отчете за 1927/28 уч. г.

В 1928 г. было решено при туземных школах «развернуть преподавание промыслового уклона».

● Педагогическое училище народов Севера.

▲ Культбаза.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Схематическая карта размещения школ в Ямальском нац. окр. Омской обл.

В понятие «промыслового уклона» включалось не только участие детей в промыслах, охоте, рыболовстве, но и обучение их столярному, слесарному и даже кузнечному делу. Усилить производственные элементы в обучении предлагали многие организации.

В 1928 г. в Туруханский край была направлена экспедиция специалистов по обследованию состояния охотничьего промысла. Она познакомилась также с работой различных местных учреждений по линии их содействия охотничьему промыслу.

Оценивая в своем отчете работу школы при Туринской культбазе, экспедиция отмечает: «К числу недостатков школы следует отнести отсутствие в ее программе обучения тунгусов различного рода мастерству: кузнечному, слесарному и т. д. Все эти ремесла среди тунгусов достаточно распространены, но тунгусам приходится доходить до всего самим, начиная почти с азов. Обучение же этим ремеслам с детства и применение некоторых новых для тунгусов навыков было бы вполне уместным и полезным».

«Помимо этого, — говорится дальше в отчете, — в работе школы культбазы... н е д о с т а т о ч н о ч у в с т в у е т с я п р о м ы с л о в ы й у к л о н (разрядка наша.— *Авторы.*), т. е. обучение тунгусов хотя бы основным началам... правильного использования охотничьих богатств, лова рыбы, оленеводства и т. д.».

И далее, чтобы не было никаких сомнений, отчет разъясняет, что дело идет «не о преподавании науки охотоводства, оленеводства или рыболовства, а о практическом ознакомлении с достижениями в этих отраслях промысловых знаний».

В этом стремлении придать школе практический характер, «промысловый уклон», нашли отражение левацкие установки (превращение школы в цех завода), которые в этот период культивировались сторонниками антиленинской «теории отмирания школы».

Некоторые северные школы держали оленей, имели свои промысловые угодья, промысловое оборудование: лодки, сети, невода, лыжи, ружья, ловушки. Имели свои планы и контрольные цифры по вылову рыбы, промыслу зверя, обработке шкурок; заключали договоры с заготовительными организациями и т. д.

В отчете за 1928 г. Ербогаченская школа докладывает Киренскому комитету Севера: «Организованная школой из числа воспитанников интерната рыболовная артель в течение полутора месяцев снабжала интернат рыбой». Туземная школа поселка Верте-Коса Нарымского края, в одном из отчетов перечисляла, что за учебный год ею добыто рыбы на 600 руб. (из них на 558 р. 38 к. сдано), пушнины на 41 р. 35 к. и дичи на 75 р. 89 к. Учащиеся сами вязали сети, помогали садить невод. В Туринской школе учащиеся делали чирканы, лыжи, санки, вязали сети.

В 1928/29 г. по линии ВСНХ были отпущены кредиты на организацию учебно-показательных мастерских при туземных школах-интернатах. Было организовано также снабжение школ промысловым инвентарем. В школьные штаты включались инструктора по мастерским и по промыслам.

В декабре 1928 г. в Наканновскую школу приглашали инструктора-преподавателя и ставили ему такие условия:

1) он должен организовать кузницу, столярную и слесарную мастерские;

2) проводить занятия с учениками по особому плану, вырабатываемому завшколой;

3) в процессе занятий с учениками ввести оборудование школы, как-то: поделка столов, шкафов, скамеек и тому подобные работы.

Внедрение «промыслового уклона» было закреплено новыми «Учебными программами для туземных школ северной зоны РСФСР», изданными НКП в 1929 г.

Эти программы, в отличие от программы 1926 г., содержали три варианта: 1) оленеводчески-кочевой, 2) оседло-рыболовный и 3) охотничье-кочевой и полукочевой. Внимание концентрировалось на общественно-полезном труде, ему подчинялся весь учебный материал. Работа школы по этим программам уже строилась по «методу проектов».

Учащиеся должны выполнить определенные практические задания: засолить рыбу, сплести сеть и гымги, починить ловушки, лодку, продолбить проруби на реке, вычистить у охотников ружья, сделать упряжь для собак и оленей, написать повестки, заготовить ярлычки расценок, нести дежурство в кооперативе, собрать статистические сведения и т. д. Предполагается, что в процессе этих работ они усвоят ряд знаний и навыков.

Весь учебный материал разбивался теперь не на три, как это было в прежних программах, а на четыре года обучения.

Профиль северной национальной школы с производственным уклоном более или менее отчетливо намечен Л. Н. Добровой-Ядринцевой. Она неоднократно выступала в защиту своих идей и в сибирской печати, и на заседаниях Комитета Севера.

Вот как представляла себе Доброва-Ядринцева северную школу:

«Подготовить кадры актива, несущего новые навыки и в хозяйственный и в повседневный быт туземца, является боевой задачей туземной школы.

Эта последняя задача, так же как и общий производственный характер школы, предопределяет ее тип. Школа должна быть образцово-показательным хозяйством для всего местного населения, являясь по своему содержанию осколком обычного туземного хозяйства данного района.

Поэтому, естественно, каждая туземная школа требует одновременно знаний и навыков, связанных с тремя-четырьмя видами производственных процессов в различных сочетаниях, в зависимости от окружающей среды, от естественно-исторических условий, климата и пр.

Укажем основные сочетания трудовых навыков, требуемых туземными школами Сибири:

1. Оленеводство, охотопромысел, рыболовство (школы: Туринская, Хатангская, Норильская, Янов-Стан, Неконна, Байкитская).

2. Рыболовство, охотопромысел, сельское хозяйство (школы: Жироковская, Усть-Кабрыз).

3. Рыболовство, охотопромысел, сельское хозяйство, оленеводство (школы: Карагосская, Токминская, Ларьякская, Ербогаченская).

В связи с переходом туземного населения к полуоседлому и даже к оседлому образу жизни, по мере появления у него новых, более культурных, навыков, в его среде возникает потребность в знании также и ремесл: кузнечного, слесарного, столярного, пошивочного и др. Отсюда необходимость соответственно расширить комплекс указанных сочетаний».

Доброва-Ядринцева для школ с промысловым уклоном считала необходимым установить и иную структуру учебного года, чтобы занятия в школе были приурочены к промысловому году.

Учебный год в северных школах Доброва-Ядринцева разбивала на два периода: летний, в течение которого школьники ведут работу по оленеводству, изготовляют рыболовный инвентарь, промышляют рыбу, и зимний, когда занимаются охотой, выделывают шкурки и т. д.

Известен частый тогда у туземцев мотив отказа отдать ребенка в школу: «дети, обучаясь в школе, перестанут быть охотниками и рыболовами». Доброва-Ядринцева как все «леваки» полагала, что школы с промысловым уклоном, обучая детей в первую очередь основным отраслям хозяйственной деятельности северных народностей, охоте, рыбному промыслу, оленеводству и лишь попутно «основам наук», вызовут со стороны этого населения самую лестную оценку. И что же? Вопреки уверениям «леваков», этого не получилось. Родители очень неодобрительно относились к тому, что их дети, живя в школе-интернате, работают: промышляют рыбу, зверя и т. д. И учитель часто слышал от родителей: «Работать дети и дома могут. Мы сами их научим промышлять белку и добывать рыбу. А ты учи грамоте! Пусть хорошо выучатся читать и писать».

«В разговоре со мною о школе председатель тузсовета, т. Ульхвурыным, — пишет один учитель лураветланской школы, — сказал: много про охоту в школе учат, про байдару, про ярангу. Лучше больше учили бы читать, писать, а тому мы сами их научим».

Все материалы, характеризующие работу школы в тот период, говорят о том, что школа Севера развивала у детей сравнительно широкий общественно-политический кругозор, прививала им культурные бытовые и хозяйственные навыки. В этом ее большая заслуга. Но в то же время школа не давала детям высокой грамотности. Мешали и программы, и неподготовленность учителей: незнание родного языка учащихся и недостаточная методическая вооруженность.

Большинство учителей, особенно молодые, обучали грамоте по методу целых слов.

И если этот метод тормозил дело даже в той школе, где обучение велось на родном языке, то он сводил почти к нулю все старания учителей там, где дети не говорили по-русски, а учитель не понимал языка своих учеников.

Учителя Чукотки, собравшиеся на совещание в 1929 г., отмечали, что в результате обучения детей по методу целых слов, школьники не смогли научиться прочитать даже простую коротенькую фразу. Было решено обучение вести по звуковому методу.

Но решительный шаг мог быть сделан только при условии, что учителя овладеют родным языком учащихся, будут начинать на нем обучение.

Наиболее передовые учителя на Севере старались овладеть национальными языками и создать на них буквари.

Так, в 1928 г. в Хабаровске был издан нанайский букварь «Бонго-Битхе». По этому букварю некоторое время вели обучение в Найхинской нанайской школе.

Появление букваря «Бонго-Битхе», далеко не совершенного с точки зрения наших сегодняшних методических требований, все же *было тепло встречено учащимися* и учащими.

В 1930 г. на Охотском побережье в Аркинской эвенской школе учитель Н. П. Ткачик составил букварь на эвенском языке, переписал его через копирку в двадцати экземплярах и по нему обучал детей эвенов грамоте.

Далее, группа учителей, работавшая в Корякской культбазе, — Н. А. Богданова, Ф. Логинов, Коваленко,— составила нымыланский букварь и размножила его в 50 экземплярах.

Некоторые попытки составить букварь на национальных языках делали учителя и в других районах *Крайнего Севера*. К 1930 г. были изданы два букваря и типографским путем. Это — букварь для эвенков (Василевич) *и для хантов* (Хатанзеев).

Появление букварей как рукописных, так и печатных встретило живейший отклик среди местного населения и, несмотря на все недостатки, они все же значительно помогли учителям в северной школе.

В 1929/30 учебном году на Севере насчитывалось уже 123 туземные школы. При 62 *из них были интернаты. Кроме того,* 5 школ-интернатов работали при культбазах: Хоседа-Хардская для ненцев, Туринская для эвенков, в бухте Лаврентия для луораветланов, Нагаевская для эвенов и Сахалинская для нивхов.

На строительство и содержание северных школ НКП было ассигновано:

В 1926/27 г.	354 000	р.
» 1927/28 »	536 000	»
» 1928/29 »	571 524	»
» 1929/30 »	842 133	»

Содержание одного учащегося в русской школе обходилось в то время 30—40 рублей. содержание же одного ученика в школе-*интернате* стоило 435 рублей.

Школьным обучением на Севере было охвачено до 3000 учеников — около 20 процентов всех детей школьного возраста.

Такой бурный рост сети школ на Севере и значительный процент охвата детей школьного возраста явился результатом неустанной заботы партии и советской власти, обеспечивших подъем экономического и культурного уровня угнетенных в прошлом народностей.

Глава десятая

БОРЬБА ЗА ВСЕОБЩЕЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

В истории нашей родины 1929 год есть год великого перелома на всех фронтах социалистического строительства.

«Перелом этот шел и продолжает итти, — говорит т. Сталин, — под знаком решительного *наступления* социализма на капиталистические элементы города и деревни». [150]

Еще на XII съезде партии т. Сталин говорил:

> «Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, — а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше как источники сырья, — необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности». [151]

Социалистическая промышленность начала свое движение из центра на восток, на юг, на север. Неузнаваемо менялось лицо советских окраин, менялся и Север. Там, где совсем еще недавно простирались тундра да тайга, теперь создавались мощные индустриальные центры. На Кольском полуострове, среди голой тундры, вырос Северный химический комбинат, дающий несколько миллионов тонн руды в год.

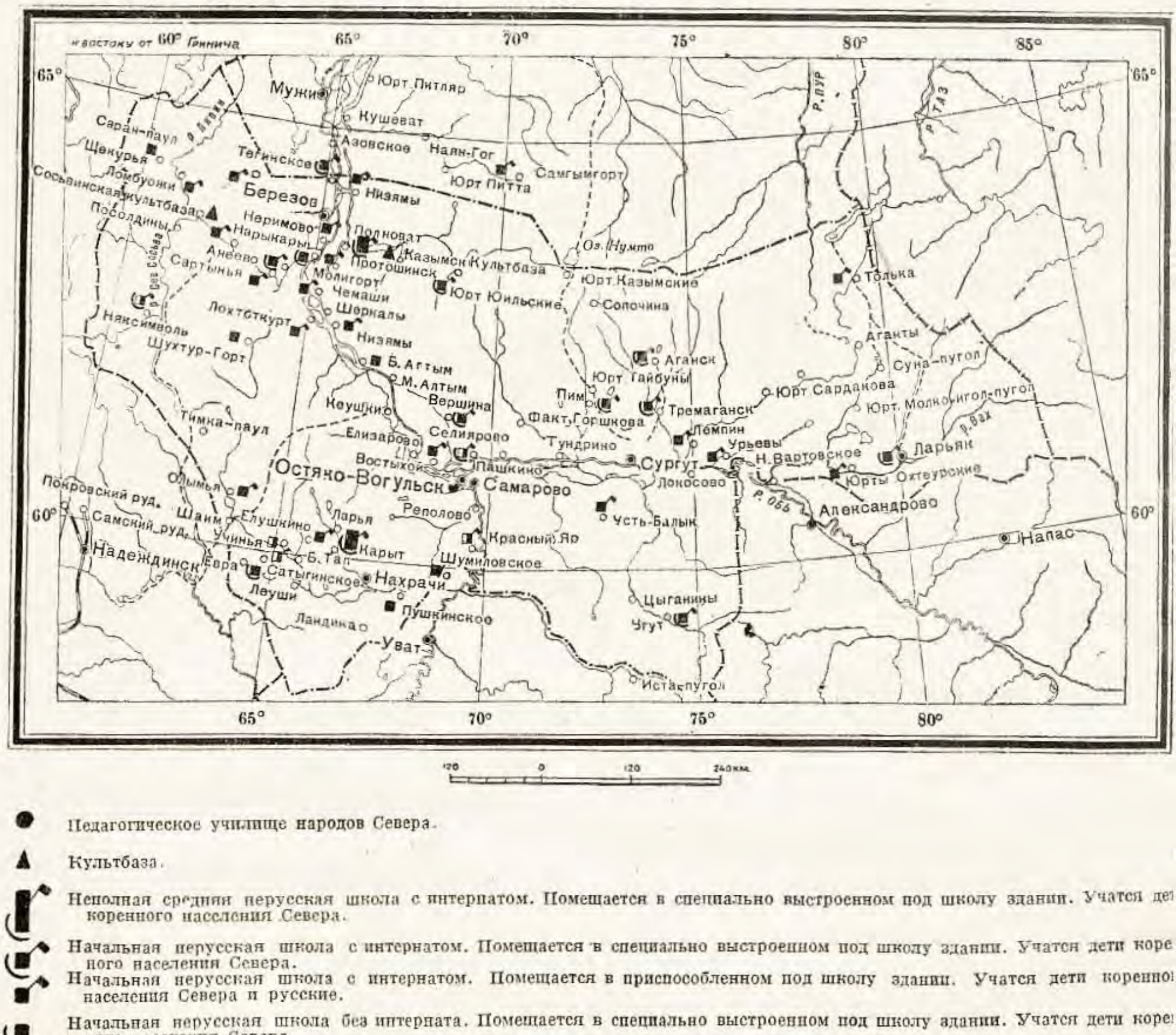
На месте апатитовых разработок, буквально в несколько лет, возник один из замечательных заполярных городов Советского Союза — Кировск, названный именем С. М. Кирова — одного из лучших учеников Ленина—Сталина, сыгравшего огромную роль в хозяйственном освоении Кольского Севера.

На Енисейском Севере вырос центр деревообделочной промышленности Заполярья — Игарка.

Одним из препятствий, которое задерживало развитие и подъем Крайнего Севера, было отсутствие там собственной продовольственной базы. До революции считалось, что это предуказано особенностями климата и почвы Крайнего Севера. Но еще Энгельс указал, что плодородие почвы не есть уж такое природное качество, как это может показаться: оно тесно связано с современными отношениями.

Советский Союз на практике доказал, что не климат и не почва мешали продвижению земледелия на Север, а эксплоататорские общественные отношения.

Уничтожая эксплоатацию и колониальный гнет, коммунистическая партия и советская власть продвигали на Север земледелие. Началось социалистическое наступление на природу тундры.

● Педагогическое училище народов Севера.

▲ Культбаза.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дет коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коре ного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренно населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коре ного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренно населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коре ного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренно населения и русские.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренно населения Севера и русские.

Схематическая карта размещения школ в Остяко-Вогульском нац. окр., Омской обл.

Под руководством т. Кирова, которому партия и советская власть поручили освоение Мурманского Севера, на Кольском полуострове появилось и земледелие. У хибинских апатитовых разработок вырос полярный совхоз «Индустрия». За Полярным кругом созданы огороды, поля, пасутся стада коров и свиней. Урожаи приносят сотни тонн овощей и зерна, спасая от цынги многочисленные человеческие жизни.

На Севере также организуются и оленеводческие, и охотничьи совхозы.

В апреле 1929 г. на Архангельском Севере в Малоземельской тундре был организован первый ненецкий оленеводческий колхоз «ПНОК»; в него вначале вошли шесть хозяйств, имеющих 240 голов обобществленных оленей. В следующем году появились колхозы: в Канинской тундре, в Тиманской, в Большеземельской.

Колхозное движение развернулось также и в других районах Крайнего Севера.

Одним из важнейших мероприятий, оказавшим исключительное влияние на возрождение хозяйства и культуры народов Севера, было национальное районирование и организация самостоятельных национальных округов и районов.

23 мая 1929 г. ненцы Малоземельской тундры на Архангельском Севере возбудили ходатайство перед Архангельским губисполкомом о создании единого Ненецкого округа.

«*Мы, ненцы*, — писали они в своем ходатайстве, — *просим дать нам полные национальные права, как велел Ленин*».

И в июне месяце того же года был организован первый на Севере Ненецкий национальный округ.

В 1931/32 г., в соответствии с постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г., были созданы на Севере еще восемь национальных округов (Остяко-Вогульский, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский, Витимо-Олекминский, Чукотский, Корякский, Охотский) и 16 самостоятельных национальных районов.

Национальное районирование создало условия для планового развертывания социалистического строительства на Севере, для вовлечения в это строительство местного населения, для еще более активного участия его в органах государственного управления.

Народы Севера нашли свою родину в Великом Советском Союзе.

1934 г. вошел яркой датой в историю борьбы за социалистический Север. Это — год челюскинского похода, героических подвигов нашей авиации, показавшей всему миру, что могут сделать люди Страны Советов.

Освоение морского пути между Мурманском и Владивостоком это — то основное звено, вокруг которого теперь развертывается огромная работа по поднятию хозяйства и культуры Севера и населяющих его народностей.

200 лет тому назад выдающийся русский ученый — северянин Ломоносов — мечтал о Северном морском пути. Со словами, проникнутыми глубокой верой, Ломоносов обращался к будущему:

«Я вижу, умными очами —
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок...
Ни бури, мраком изощрены,
Ни волны, льдами отягщены,
Против него не могут стать».

Этими выдающимися русскими Колумбами явились наши замечательные полярники. Неуклонно проводя в жизнь указания великого Сталина об освоении Севера, они упорно и настойчиво пробивают Северный морской путь. И теперь по нему ежегодно проходят в навигацию десятки пароходов, груженных сотнями тысяч тонн строительных материалов, промышленных товаров, продовольствия и т. д.

Одним из крупнейших достижений в деле освоения Севера является завоевание Северного полюса.

21 мая 1937 г. советский самолет, пилотируемый героем Советского Союза М. В. Водопьяновым, впервые в истории человечества сделал беспримерную посадку на дрейфующую льдину в центральном полярном бассейне у географического Северного полюса.

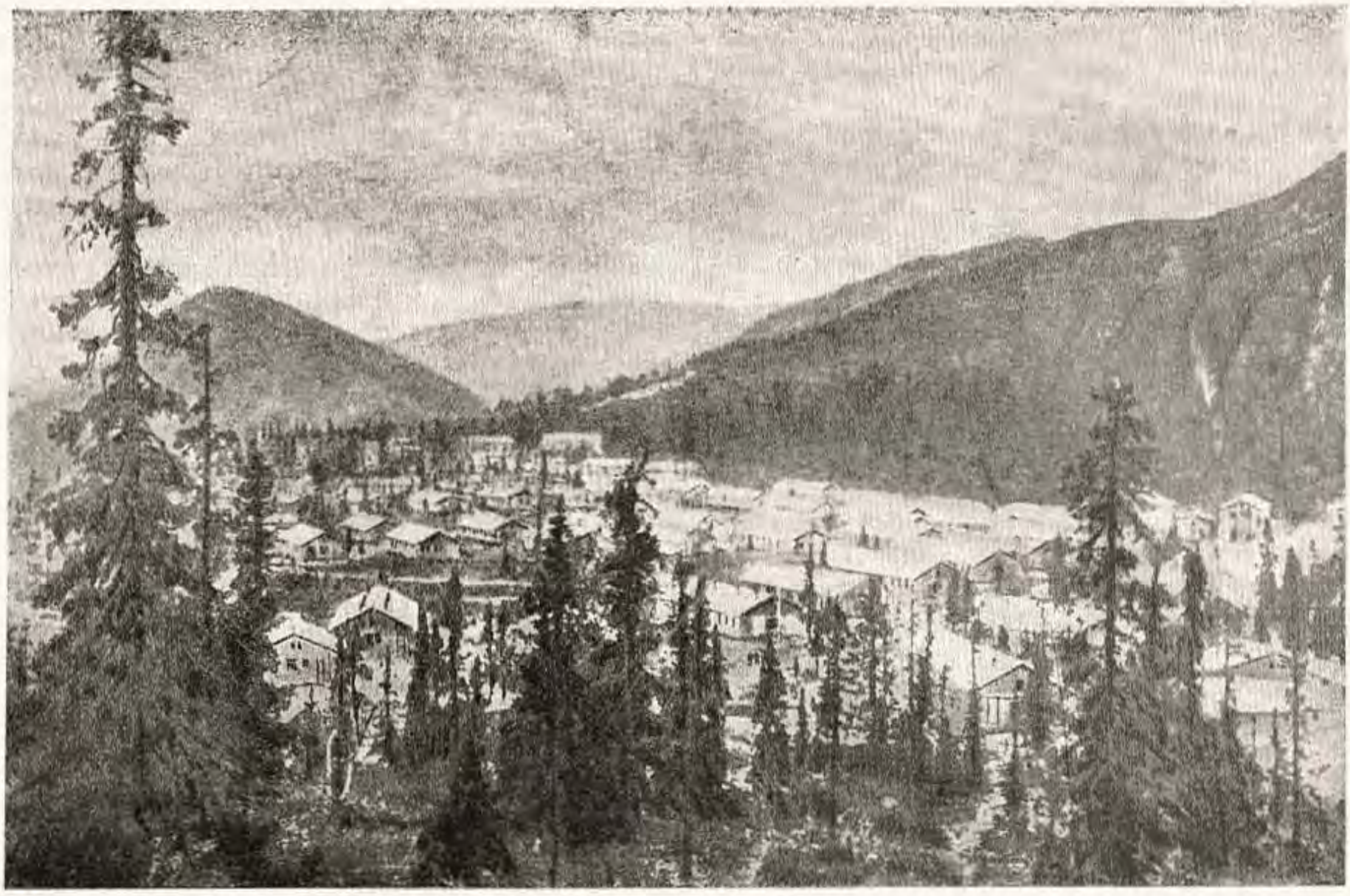
И месяца не прошло после поселения советских людей на Северном полюсе, как их работа была уже практически использована в замечательном полете тов. Чкалова через полюс в Соединенные штаты Америки.

Героическая работа по овладению тайнами Северного полюса, проделанная отважной четверкой в лице И. Д. Папанина, Э. Т. Кренкеля, П. П. Ширшова и Е. К. Федорова, принесла не только нашей великой родине, но и всему человечеству новую победу в борьбе с природой.

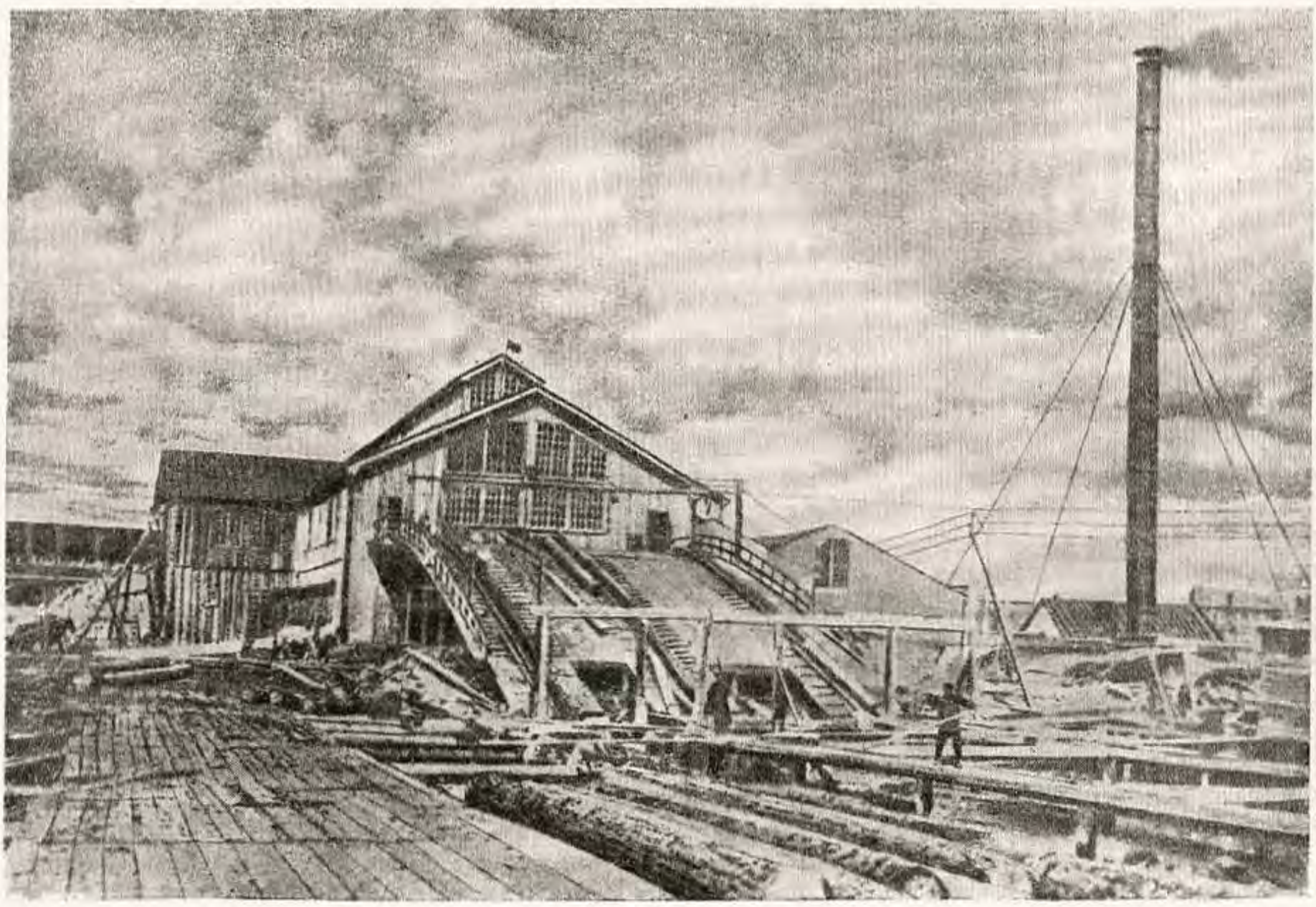
Папанинцы показали, что только люди сталинской эпохи могли дерзнуть и завоевать Северный полюс.

И чем глубже трудящиеся Советского Союза осваивают Север, тем выше и выше поднимается там уровень хозяйства и культуры.

Начатое в первую пятилетку хозяйствен-

Кировск. *Фото.*

Один из лесозаводов Игарки. *Фото.*

ное и культурное строительство получает во вторую пятилетку небывало широкое развитие.

На Таймыре, в районе полиметаллических месторождений (никель, медь, кобальт, платина), строится крупный промышленный центр Норильск. Ведутся разведки нефти, соли в бухте Нордвик, и в самом недалеком будущем здесь будет выстроен один из мощных промышленных центров Крайнего Севера.

Огромные рыбопромышленные предприятия выросли на Камчатке, нефтяные предприятия — на Сахалине. На Амуре, в глухой тайге, возник цветущий город молодости— Комсомольск.

На севере, в заполярной зоне, добываются тысячи тонн плавикового шпата, свинца и цинка, вырабатываются миллионы банок рыбоконсервов, создаются оленеводческие совхозы, и заготовляется пушнина на миллионы рублей.

На Севере налажено судоходное движение, проложены новые железнодорожные пути, организовано воздушное сообщение, установлены телефон и радиосвязь.

За Полярным кругом организованы овощные и зерновые совхозы. Большая работа проведена и по коллективизации: созданы товарищества по совместному промыслу рыбы, по совместной пастьбе оленей и т. д.

Развиваются основные отрасли хозяйства: оленеводство, охота, рыбный промысел, добыча морского зверя. Улучшается их техническая база: организуются моторно-промысловые станции, механизируется лов, особенно морской, вводятся более совершенные орудия производства. В районах с оленеводческим хозяйством организуются пастбища, устраиваются карали, создаются убойные пункты и т. д.

Наряду с развитием основных отраслей туземного хозяйства, народы Севера начинают также заниматься животноводством и земледелием.

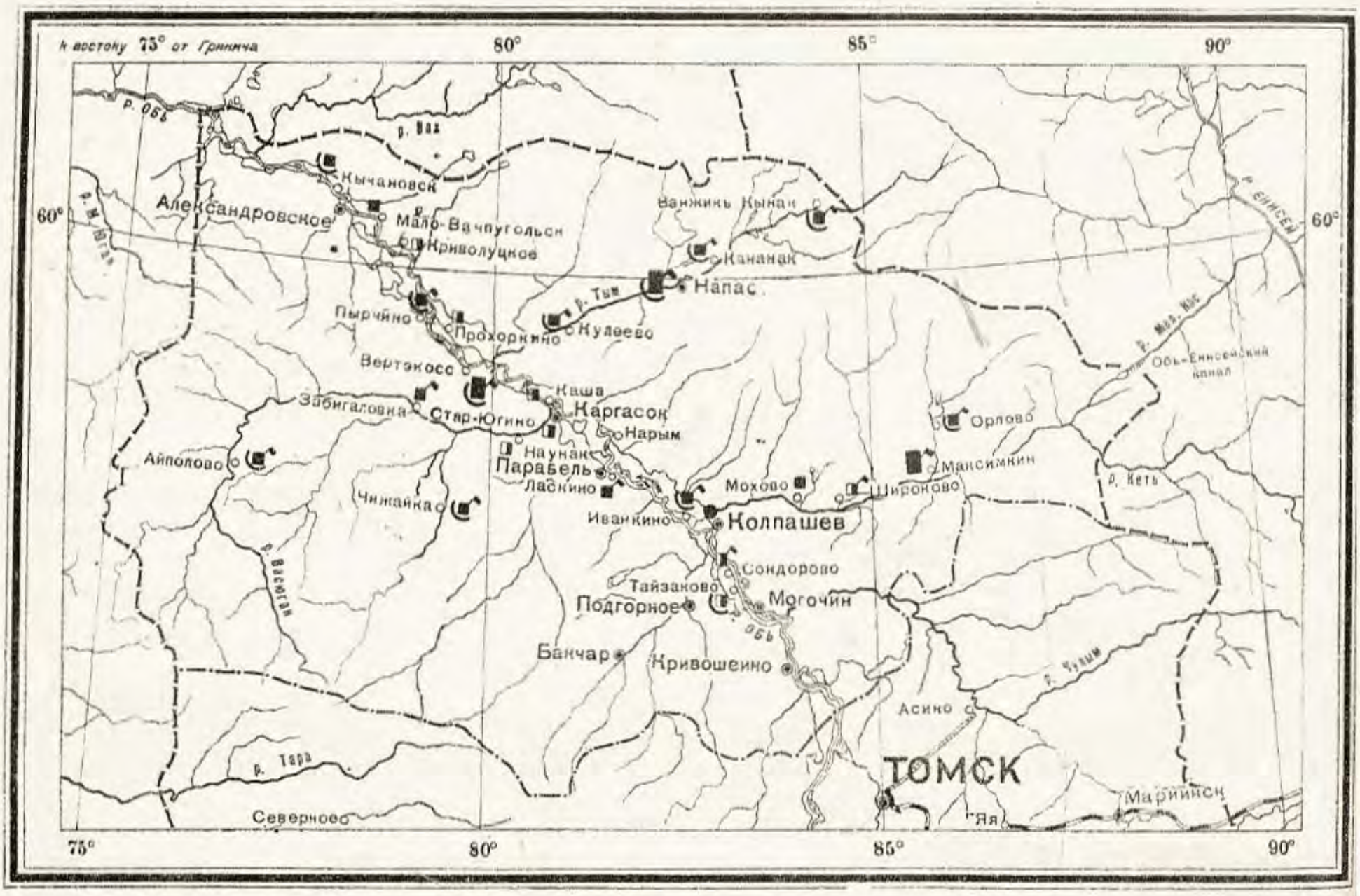
Все это создает условия для постепенного перехода кочевников к оседлому образу жизни, к изжитию так называемого бытового кочевания.

Зажиточная жизнь стала реальной действительностью среди народностей Крайнего Севера.

Все больше и больше они предъявляют спрос на товары широкого потребления. На-

Отважная четверка зимовщиков: *Э. Т. Кренкель, И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов. Фото.*

● Педагогическое училище народов Севера.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения и русские.

Схематическая карта размещения школ в Нарымском окр., Новосибирской обл.

встречу им в этом отношении идет советская торговля.

В далекой тундре Красноярского края открыты магазины, в которых охотники и оленеводы могут получать необходимые продукты питания и промышленные товары широкого потребления.

Там же создаются склады для хранения товаров, десятки новых хлебопекарен.

На смену полусырой лепешке из затхлой муки идет хороший, пропеченный свежий хлеб.

Значительно поднялся уровень политического самосознания народностей Севера, повысилось участие их в огромной созидательной работе по превращению диких окраин в цветущую социалистическую страну.

Народы Севера, в братском единении с другими народностями нашей Великой родины, получили Сталинскую Конституцию, единственную в мире — социалистическую Конституцию.

Народы Севера, как и все другие народности Советского Союза, активно участвуют в выборах как в местные, так и в высшие органы государственной власти, на основе всеобщего прямого и равного избирательного права при тайном голосовании.

Статья 35 Конституции СССР предоставляет право каждому национальному округу выбрать одного депутата в Совет национальностей, являющийся одной из палат высшего органа государственной власти СССР — Верховного Совета СССР.

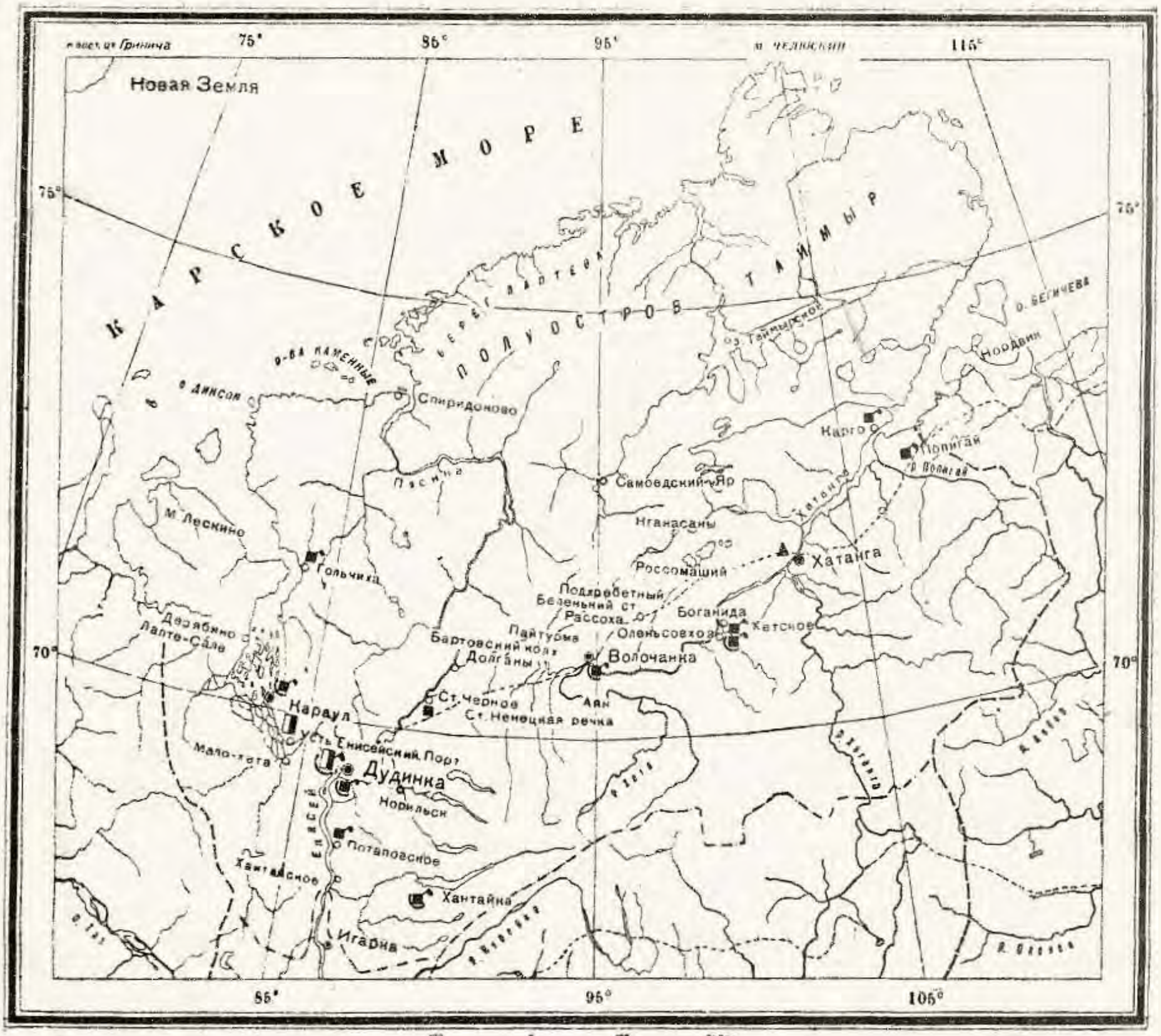
Ранее угнетенные народности Севера — ненцы, манси, ханты, эвенки и другие — Сталинской Конституцией еще больше приобщены к государственной жизни страны.

Развернутое социалистическое строительство с еще большей, чем прежде, остротой выдвинуло задачу — ликвидировать культурную и техническую отсталость широких масс трудящегося населения.

Осуществление этой задачи потребовало в первую очередь введения всеобщего начального обучения, являющегося основной «предпосылкой дальнейшего развития культурной революции».

Город Кировск. *Фото*.

▲ Культбаза.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

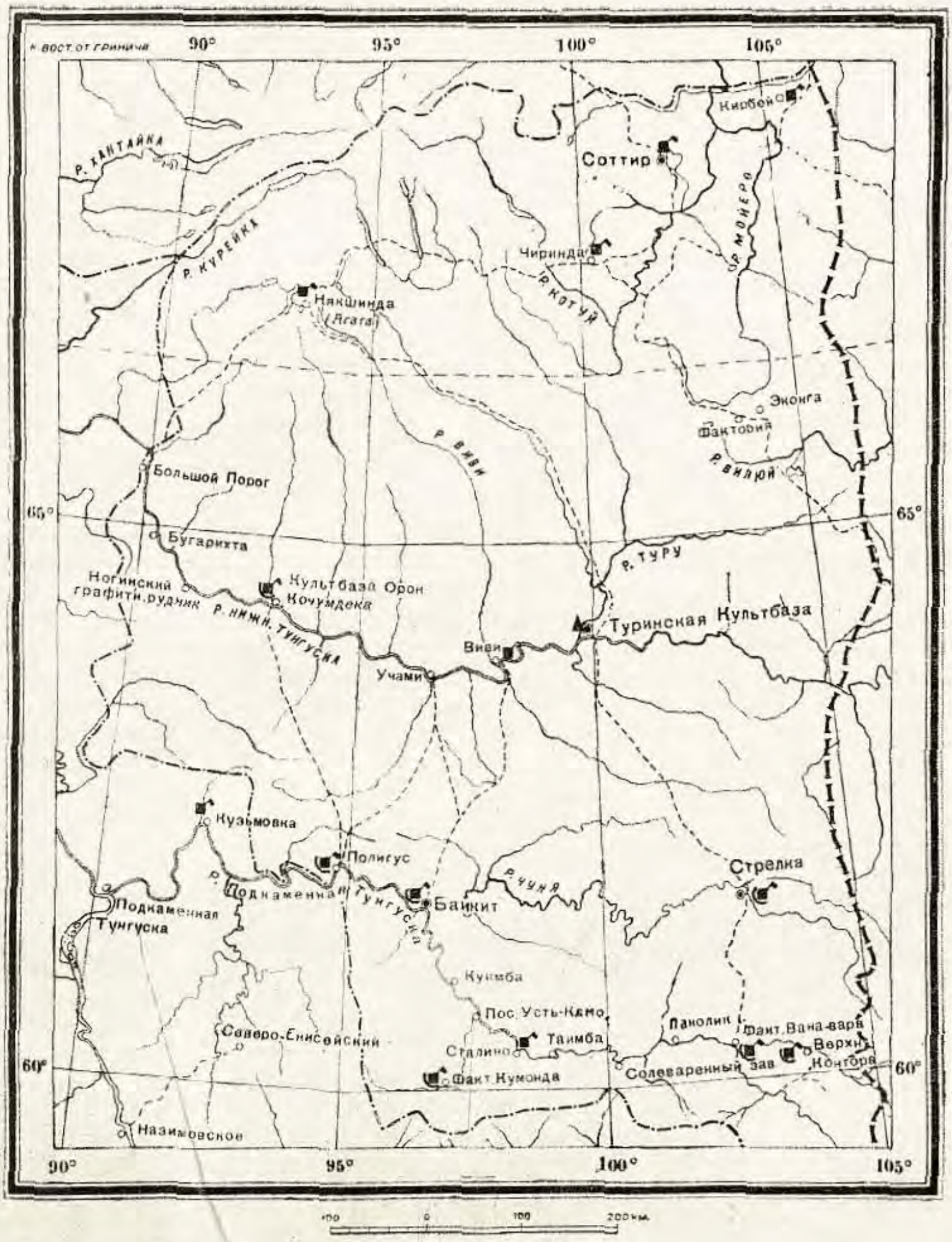
Неполная средняя нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Схематическая карта размещения школ в Таймырском нац. окр., Красноярского края.

▲ Культбаза.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Схематическая карта размещения школ в Эвенкийском нац. окр., Красноярского края.

Тов. Сталин на XVI партийном съезде, останавливаясь на необходимости введения всеобщего начального обучения, сказал:

«Главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь все необходимое для организации всеобщего первоначального образования в подавляющем большинстве районов СССР...

... За последнее время, однако, мы уже восстановили тяжелую промышленность и двигаем ее дальше. Следовательно, настало время, когда мы должны взяться за организацию всеобщего обязательного первоначального образования.

Я думаю, что съезд поступит правильно, если он примет на этот счет определенное и совершенно категорическое решение». [152]

XVI партийный съезд, в соответствии с указаниями т. Сталина, принимает историческое решение:

«Проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидация неграмотности должны стать боевой задачей партии в ближайший период». [153]

25 июня 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении», устанавливающее его повсеместное введение в 1930/31 уч. г.

Не везде можно было перейти к всеобучу в срок, поэтому в постановлении говорилось:

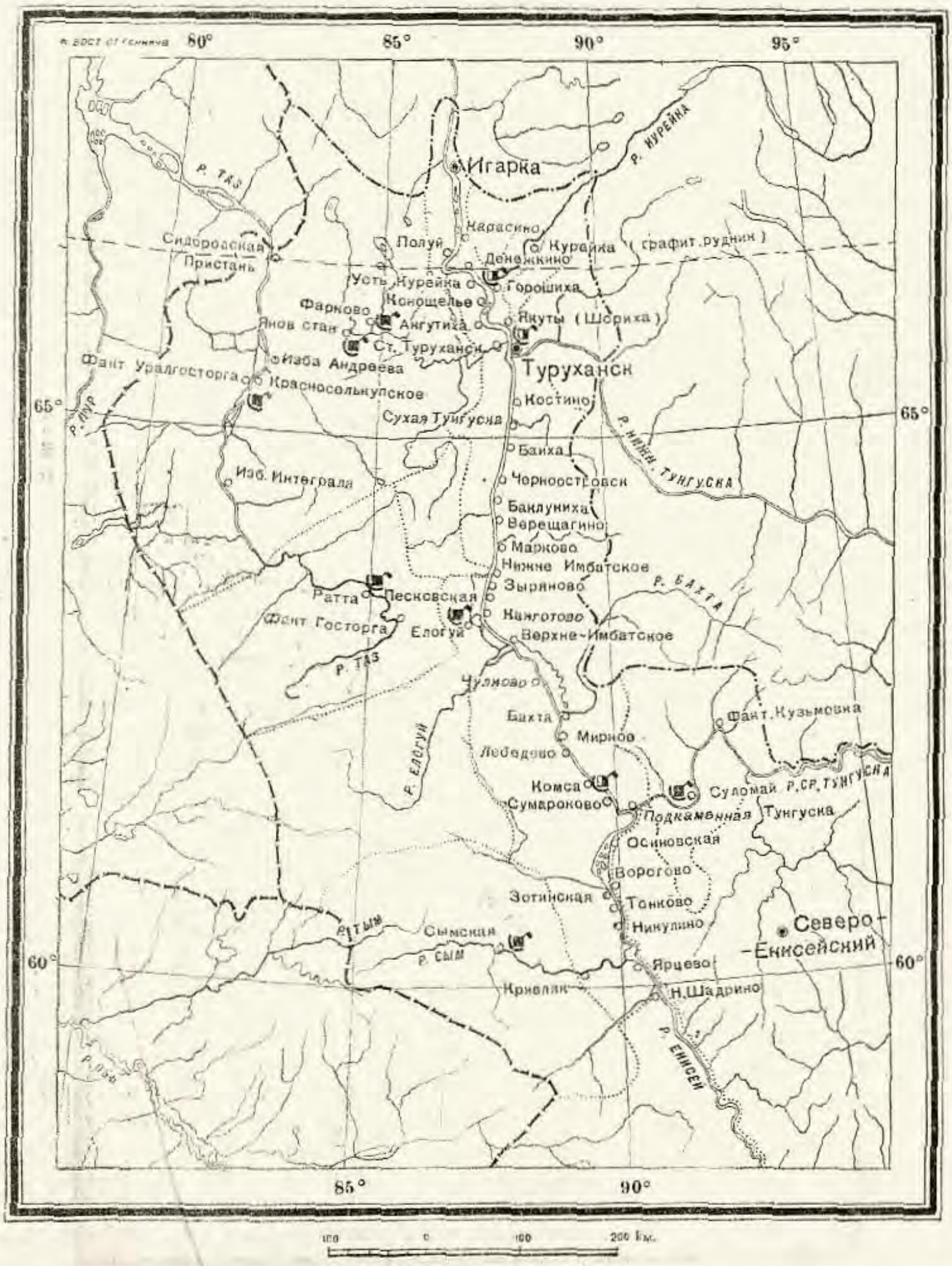
«В связи с особыми бытовыми и организационными трудностями допустить для внегородских поселений отдельных национальных республик и областей и некоторых отдельных районов отступление (не более чем на 1—2 года) от указанного выше срока проведения обязательного начального обучения». [154]

Решение партии обеспечило значительные успехи в развитии всеобщего обучения. Количество учащихся в начальной и средней школе только за один год по Союзу возросло с 13,6 до 20 млн.

«Однако, — как указал ЦК в постановлении от 5 сентября 1931 г., — советская школа далеко еще не соответствует тем огромным требованиям, какие предъявляются к ней современным этапом социалистического строительства. ЦК считает, что **коренной недостаток** школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает

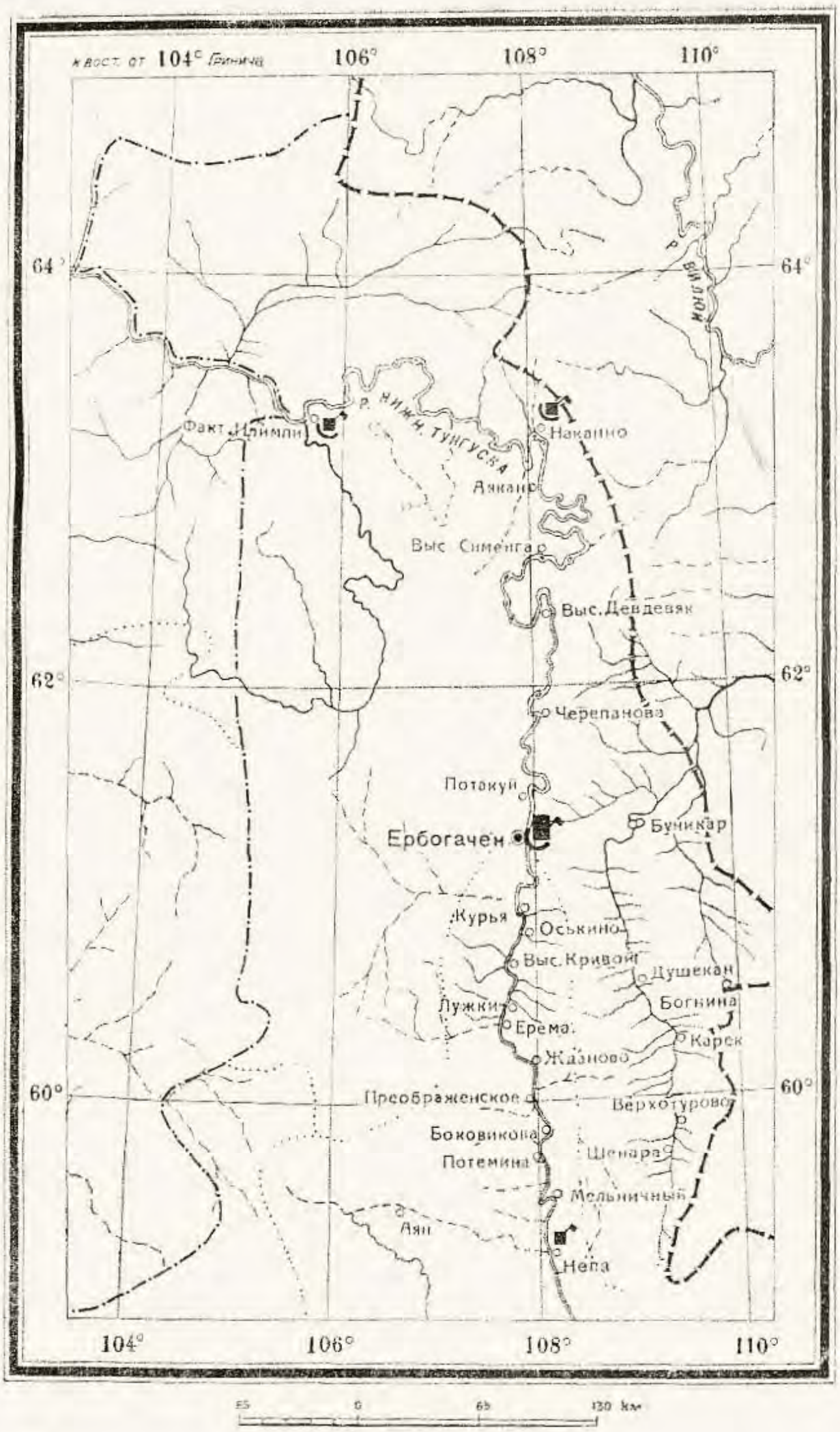
Совхоз «Индустрия». Мурманского окр., Ленинградской обл. *Фото*

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Схематическая карта размещения школ в Туруханском нац. районе, Красноярского края.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Схематическая карта размещения школ в Катанеском нац. районе Иркутской обл

задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)».[155]

Это указание партии в одинаковой мере касается как центральных районов РСФСР, так и Крайнего Севера, где введение всеобуча и коренная перестройка работы школ были сопряжены с рядом трудностей.

На всей территории Крайнего Севера в 1929/30 г. было 123 школы для народов Севера. В отдельных национальных округах, например: Ямальском, Эвенкийском и других, насчитывалось по одной, по две школы.

В этих 123 школах учились, главным образом, дети оседлого населения; дети кочевников учились лишь в незначительном числе.

Для развертывания всеобуча на Севере требовались помещения, приспособленные под школы. Но их, как правило, не было, особенно в полосе тундры, где нет леса.

Не было также кадров, владеющих северными языками, не было еще учебников на местных языках и т. д.

Из-за всех этих дополнительных трудностей сроки введения всеобщего начального обучения в национальных округах в районах Севера были отнесены на 1934/35 г.

Начиная с 1930/31 г. быстро растет на Севере школьная сеть. В 1931/32 г. число школ возросло до 134 и в 1932/33 г. — до 192. Значительная часть их помещалась уже во вновь выстроенных просторных светлых зданиях. Рост продолжался, главным образом, за счет школ-интернатов.

Возрастает и количество учащихся. Так, по Ямало-Ненецкому национальному округу во всех школах в 1930/31 уч. г. было 419 учащихся; в 1931/32 уч. г. — 766; в 1932/33 уч. г. — 1034. Рост же числа учащихся детей народностей Севера в Ямало-Ненецком округе выражается в следующих цифрах: в 1930/31 г. — 35 чел., или 8,3% общего числа учащихся; в 1931/32 г. — 61 чел., или 7,96%, а в 1932/33 г. — 544, или 41,8%. За этот год количество учащихся детей народов Севера в округе увеличилось в 9 раз.

То же наблюдается и в Остяко-Вогульском национальном округе:

Годы	Всего учащихся	В том числе детей народов Севера	В процентах
1930/31	3795	895	25,2
1931/32	4985	1245	25
1932/33	6280	2258	35,9

Политика партии и советской власти по отношению к ранее отсталым народностям такова, что чем отсталее народность, тем быстрее растет у нее сеть школ, тем больше тратится средств на дело ее просвещения.

Для проведения всеобуча, начиная с 1931 г., значительно возросли ассигнования на школьное дело как со стороны местного, так и государственного бюджета, как увидим из следующих таблиц:

Расходы на народное образование

По Ямало-Ненецкому национальному округу

В 1931 г.	221 000 р.	100%
» 1932 »	512 000 »	231 »
» 1933 »	886 800 »	400 »
» 1934 »	1 629 000 »	874 »
» 1935 »	2 370 000 »	1072 »

По Таймырскому национальному округу

В 1931 г.	42 200 р.	100%
» 1932 »	190 000 »	451 »
» 1933 »	810 900 »	1921 »
» 1934 »	894 400 »	2024 »
» 1935 »	1 090 000 »	2583 »

Мы не будем останавливаться на цифровых показателях по другим национальным округам Севера. Там также каждый последующий год дает все больший рост ассигнований на народное образование.

Если средства, израсходованные на одного жителя по Крайнему Северу, сравнить с аналогичными показателями других республик, то окажется, что расходы на народное образование по Северу стоят значительно выше, чем в РСФСР и других республиках.

Наряду со школами-интернатами открываются временные школы.

Эти временные школы открывались в отдаленных юртах и стойбищах, — в частности, в виде филиала школы при культбазе. Таковы школы-филиалы Казымской культбазы, культбазы бухты Лаврентия и др.

Практика работы показала, что эти школы были жизненно необходимы. Они сыграли большую роль в расположении к ним местного населения и смогли охватить значительные контингенты детей, подлежащих школьному обучению.

Приведем интересный в этом отношении опыт культбазовской школы бухты Лаврентия.

Первоначально школа культбазы бухты Лаврентия охватывала ребят не только ближайших селений, но и, частично, детей кочевых оленных луораветланов. Число последних было невелико. Так, в 1931/32 г. из

70 0 70 140 км

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Неполная средняя нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

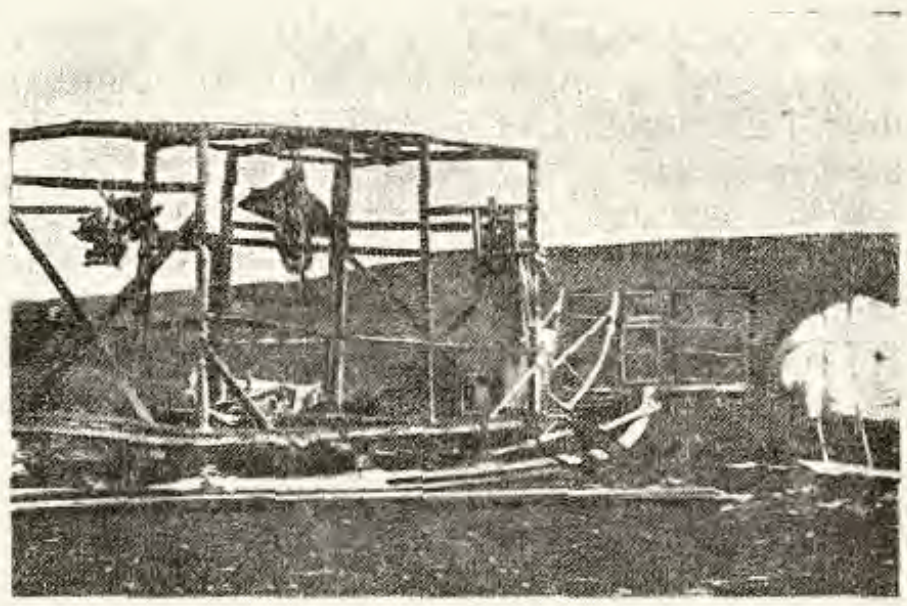
Схематическая карта размещения школы в бывшем Витимо-Олекминском нац. округе, Иркутской обл.

150 детей береговых луораветланов-оленных училось всего 45.

В зиму 1931 г. школа встала перед угрозой остановки занятий: не было топлива. Тогда учителя решили, пользуясь этим предлогом, перекинуть школу непосредственно в селения. Сначала учителя волновались: хорошо ли отнесутся луораветланы к переезду школы, не встретят ли ее враждебно. Однако вскоре пришлось убедиться, что луораветланы к переезду школ отнеслись приветливо и дали им помещение — яранги. Тем не менее работать в яранговых школах оказалось очень тяжело. У каждого из педагогов было около 20—25 ребят при площади полога приблизительно 7,6 $м^2$ и высоте в 3 $м$. Ребята сидели на полу, покрытом моржовыми шкурами, а перед ними стояли узенькие скамеечки, на которых они писали. Полог освещался одной тринадцатилинейной лампой и одним-двумя «жирниками», на которых хозяева во время занятий варили чай для себя и для приезжих гостей. Во время уроков хозяева никуда не уходили, они с увлечением следили за ходом занятий и в то же время пили чай и даже ели свой «капальхен» (подкисшее моржовое или нерпичье мясо). Едкий аммиачный запах моржовых шкур заполнял полог. Было очень жарко от жирников и от присутствия многих людей (школьники, родители, гости). На небольшой площади, при плохом освещении, наполнявшем помещение копотью и газами, скоплялось до 30 человек. Ребята сидели почти голые. Через каждые 30—35 минут лампа гасла и приходилось устраивать перемену; дети для освежения высовывали головы в холодную часть яранги. Полог в это время вновь наполнялся кислородом. Лампа опять загоралась, и занятия продолжались.

И при всем этом, итоги ученья были вполне удовлетворительными и родители довольны тем, что детей не нужно возить из селения в школу, что их можно было постоянно видеть и использовать в свободное время для помощи в промыслах и в домашних работах. Сами дети, в особенности мальчики, также были рады, что остались в кругу своей семьи.

С переходом школы в селение значительно увеличилась общественная работа школы и ее организующее влияние на перестройку туземного быта. Взрослое население с интересом участвовало в беседах педагогов со старшими учащимися. Общее отношение к школе заметно изменилось. Население осознало ее значение. Количество учеников стало расти.

Каркас школы-балок. *Фото.*

При работе школ в культбазе в 1930/31 г. охват детей в ближайшем с. Яндогай был равен 87 %, а в 1931/32 г., когда занятия шли в самом селении, он поднимается до 93 %. В более отдаленном селении Аккани в 1930/31 г. училось 21 % детей, а в 1931/32 г.— 82%; в с. Лорен в 1930/31 г. — 13%, в 1931/32 г. — 66 %.

Начинают появляться также и школы-передвижки, работающие в зимних и летних стойбищах, и школы кочевые.

Школы-передвижки создавались преимущественно в местах жительства туземного населения, ведущего полукочевой образ жизни. Зимой, когда население занимается оленеводством и охотой и живет в зимних стойбищах, там же работает и школа. Но как только, с наступлением весны, население из глубины тайги и тундры перекочевывает на берег моря, на берега рек, в летние стойбища, школа перекочевывает вместе с ними.

Такие школы-передвижки организовались, в частности, на Кольском полуострове, в саамских стойбищах Иоканьге и Лумбовке. Несколько позднее, в 1935/36 уч. г., была открыта школа-передвижка в Семиостровье. Зимой эта школа помещалась в Семиостровском зимнем погосте, а с наступлением весны вместе со всем населением перекочевывала на берег Баренцова моря в становище Варзино.

В Семиостровье школе предоставлялось типовое здание из восьми комнат, в Варзине же она ютилась в тесной саамской избе.

Кочевые школы по своему устройству примитивны, легки и приспособлены для работы в условиях тундры.

Большинство из них представляет собой обыкновенный туземный чум, балаган или палатку, которые можно легко сложить и без излишней затраты сил перевезти из одного места тундры в другое.

В такой кочевой школе, на Чукотке, в верховьях реки Анадыря, работал учитель Ф. Е. Еланцев. Вот что он рассказывает об этой школе:

«Кочевая школа представляла обыкновенный чум. Так как она работала в весенние, летние и, частично, в осенние месяцы до наступления холодов, то чум был покрыт не шкурами, а тонкой парусиной. Окон в чуме не было; свет проникал через парусину. Пол был земляной, как обычно в чумах. Посередине — место для огня. В апреле и в мае, когда еще стояла холодная погода, постоянно поддерживался огонь. За огневищем следили ребята и я, в зависимости от того, кто был свободен.

Во время занятий ребята сидели на оленьих шкурах. Парт, конечно, не было. Их заменяли фанерные доски, на которых дети писали».

Школа, в которой работал учитель Еланцев, называлась кочевой потому, что она была открыта на месте кочевий, но сама не кочевала. Как только подходили осенние месяцы и наступали холода, население перекочевывало с гор в леса. Школа на это время свертывалась.

«В кочевой школе, — говорит учитель Еланцев, — целесообразно вести занятия в летние месяцы, примерно, с мая по сентябрь. В это время стоит относительно теплая погода, дни бывают длинные. Но как только наступают холода, вместо парусины на чум натягивают шкуры, внутри становится темно; в этих условиях очень трудно заниматься».

Летние кочевые школы являются своеобразными подготовительными классами. Они втягивают в занятия детей кочевников, знакомят их с простейшими санитарно-гигиеническими навыками, а также и с первоначальными элементами грамоты. Из этих детей осенью черпаются контингенты для школ-интернатов.

Но есть на Севере и такие кочевые школы, которые кочуют круглый год вместе с населением тундры.

На Чукотке, в Анадырском районе, в такой кочевой школе работал учитель-луораветлан т. Анкудинов. Эта школа помещалась в небольшой яранге, специально приспособленной для кочевок. Устройство и внутреннее оборудование ее было так же примитивно, как и в школе т. Еланцева.

Кочевые школы на Таймыре помещаются в так называемых балоках. Балок — это каркасный вагончик, поставленный на большую нарту. Размеры их различны: от 2 до 4 *м* длины и от 1 до 2 *м* ширины. Снаружи балок обшивают ситцем, затем оленьими шкурами, шерстью наружу и сверху, — парусиной. Пол в балоках деревянный. Посередине одной стены проделывается дверь. Имеются три маленьких створчатых окна, посаженные на петли.

Такая школа обычно кочует вместе с населением по необъятным пространствам тундры.

Трудно представить себе поистине героическую работу, которую выносят на своих плечах учителя этих кочующих школ.

Учительница кочевой школы Гавриленко говорит, что под влиянием кулаков и шаманов ее школу в 1932 г. не приняли в трех стойбищах, и она вынуждена была проехать более 800 *км* по тундре.

В системе просвещения на Севере примитивные кочевые школы представляют, как сказано, временное явление. Они не имеют таких возможностей для учебной и воспитательной работы, как школы-интернаты. У них нет ни необходимого оборудования, ни условий для привития детям гигиенических навыков.

И все же эти школы делают большое дело. Они несут советскую культуру в самые отдаленные, в самые недоступные северные тундры.

В первые годы проведения всеобщего начального обучения работа школ на Севере, особенно вновь открытых, была еще плохо организована.

Учебный год был крайне непродолжителен и часто не превышал трех-четырех месяцев.

Состав учащихся был разновозрастный. В школах учились и дети 8—9 лет и переростки, достигшие уже 16—17 лет, а нередко и старше.

Стабильные программы Наркомпроса, изданные после постановления ЦК ВКП(б) от 5/IX 1931 г., на Крайний Север попали с большим запозданием.

Даже после опубликования новых программ, северные школьники долго еще занимались по преимуществу тем, что плели сети, гымги, писали и разносили повестки на собрания, рисовали плакаты. Работать над усвоением грамоты и счета им приходилось мало.

Школы на Севере не были обеспечены учебными пособиями и принадлежностями: не было наглядно-иллюстративных материалов, ощущался недостаток в чернилах, в ученических ручках, перьях, карандашах, тетрадях и т. д.

С развитием социалистического строительства на Севере все более и более обострялась классовая борьба. Кулаки и шаманы всячески мешали организации на Севере ту-

О-Врангеля
Чукотское море
Певек
Нижнеколымск
Островное
Усть Белая
Марково
Анадырь
Анадырский залив
Уэлен
Нунлигран
Наукан
Ванкарем
Колючин
Мыс Дежнева
Мыс Наварин
Мыс Олюторский
Мыс Лаврентия
Берингово море
Беринговский
Анадырь
Ново-Мариинская
Ново-Мариинская Культбаза
Культбаза
Культбаза

земных советов. Они пытались сорвать мероприятия советской власти и в области просвещения.

Следует отметить, что отдельные «теоретики» усердно распространяли вреднейшую «теорию» о наличии, якобы, у народностей Севера натурального хозяйства и родового строя. А отсюда делался вывод, что у этих народностей нет классовой диференциации и не может быть классовой борьбы...

Между тем, классовая борьба на Севере обострялась. Особенно сильно сопротивлялся классовый враг в оленеводческих районах; там, на почве владения оленями — основным средством производства — классовое расслоение имело особенно ярко выраженный характер. Достаточно сказать, что, по данным переписи 1926 г., 3,2% всех кочевых оленеводческих хозяйств владели 42,7% всех оленей. Переписью зарегистрированы единичные хозяйства, которые имели свыше 10 000 оленей. А ведь наряду с этим имелось и известное количество безоленных бедняков.

Вот как рассказывает учитель А. Н. Голошубин о первых попытках организовать тузсовет и школу на реке Ляпине в мансийских юртах Ломбуожи:

«В сентябре 1931 г. т. Хозяинов и я приехали в юрты Ломбуожи, чтобы организовать здесь туземный совет. По приезде в Ломбуожи мы жили на берегу реки Ляпина в кустах, в наскоро устроенных хвойных чумах. Питались мучными лепешками, пекли их на временной железной печке.

С большим трудом мы созвали манси на первое собрание. Для этого потребовалось провести большую разъяснительную работу. Понемногу из массы выделились активисты. С их-то помощью мы сломили кулацко-шаманское сопротивление и завоевали доверие трудящихся манси. Собрание проходило в летних юртах Ломбуожи, на берегу реки Кемпаш. Против организации туземного Совета в Ломбуожах выступили хурумпаульские шаманы Хозымовы. Их противосоветские настроения поддерживали ломбуожские манси: Шишкин Ефим, хранивший ключ от главного шайтана, и кулак Албин Кирилл. Доводы приводили такие, что если будет организован Совет, то будто бы рыба уйдет с Ляпина и Сосьвы и зверь покинет лесные урманы, — тогда манси перемрут с голоду.

Однако вопреки агитации классового врага, Совет в Ломбуожах все же был организован. Одновременно была открыта школа. А через два месяца при ней был организован интернат.

Как только дети устроились в нем, по юртам пошел слух, что в помещение интерната вселился «нечистый дух». Выяснилось, что ночью, во время сна, кто-то подходит к интернату и скребет стену. От шума дети просыпались, вскакивали и разбегались по юртам. Школа и интернат оставались пустыми.

Снова пришлось ходить по юртам, говорить с родителями, доказывать им, что нечистого духа в школе нет, что это «проказничает» классовый враг. После длительных переговоров и разъяснений дети вернулись. На ночь возле интерната поставлен был сторож. Тогда «нечистый дух» переселился во внутрь школы. Опять по ночам, когда дети спали, кто-то начинал скрестись, но уже изнутри. В интернате возникало смятение, дети покидали помещение и опять убегали в юрты.

Тогда было решено установить в интернате ночное дежурство. Обязанности дежурного взял на себя воспитатель интерната Федор Пантелеевич Репин.

В одну из ближайших ночей т. Репин обнаружил, что «нечистым духом» является ученик Алексей Хозымов, 14 лет, из юрт Хурумпаул. Выяснилось, что Алексей Хозымов был подкуплен для этих проказ хурумпаульскими шаманами — Иваном и Петром Хозымовыми. По их наущению живущие в интернате дети портили интернатское имущество, выпускали из матрацов сено, рвали подушки, полотенца...

7 января 1932 г. в Ломбуожи съехалось до 80 туземцев, примерно, на 40 нартах. Ночью они устроили собрание и после него взяли детей, которые находились в интернате, и увезли их по своим юртам. Из 32 человек продолжали учиться всего лишь 8. Это были дети передовых Ломбуожских манси, членов Совета. Остались в школе внучата Ивана Филипповича Албина, девочка Федосьи Гындыбиной и дети Петра Васильевича Таратова.

Снова, — говорит учитель А. В. Голошубин, — мне пришлось оторваться от школы, ехать по юртам и собирать учеников... В конце-концов дети были возвращены в школу.

В конце января хурумпаульские кулаки подослали в Ломбуожи Прокофия Лесманова и Василия Хазымова с заданием — выкрасть из школы и уничтожить учебники и тетради. Кулаки понимали, что тем самым будет сорван учебный год.

Однажды вечером ломбуожские ребята — Егор Вынгелев, Иван Сомянов и тот же Алексей Хозымов — утащили из школы учеб-

▲ Культбаза.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Схематическая карта размещения школ в Корякском нац. окр., Камчатской обл. ДВК.

*

ники и тетради, изорвали на мелкие клочки и разбросали по Ломбуожам. За это ребята получили от хурумпаульских кулаков 40 копеек.

Дальше терпеть было нельзя, следовало предпринять решительные меры.

... Вскоре в Ломбуожах перед народным судом предстали хурумпаульские шаманы, кулаки и их подкулачники. За подрывную работу в отношении школы суд приговорил их к 10, 8 и 5 годам лишения свободы».

Этот рассказ А. В. Голошубина, учителя, который много лет жил в мансийских юртах, отражает жизнь и деятельность не одной Ломбуожской, но и многих других школ Крайнего Севера.

Учителя должны были вести среди населения постоянную разъяснительную работу, для чего требовалось большое умение подойти к населению, знание его бытовых черт и особенностей суеверий и верований.

«По вечерам, когда манси собирались в своих юртах, — рассказывает уже знакомый нам учитель А. В. Голошубин, — я заходил к ним, долго беседовал о значении школы, о том, что надо учить детей грамоте. Мои беседы имели некоторые результаты. Через месяц в школу пришли первые 8 учеников. В числе этих учеников была Ульяна, дочь Федосьи Гындыбиной, — первая мансийская девочка, которая пришла учиться в школу.

Почему не хотели туземцы отдать своих детей в школу?

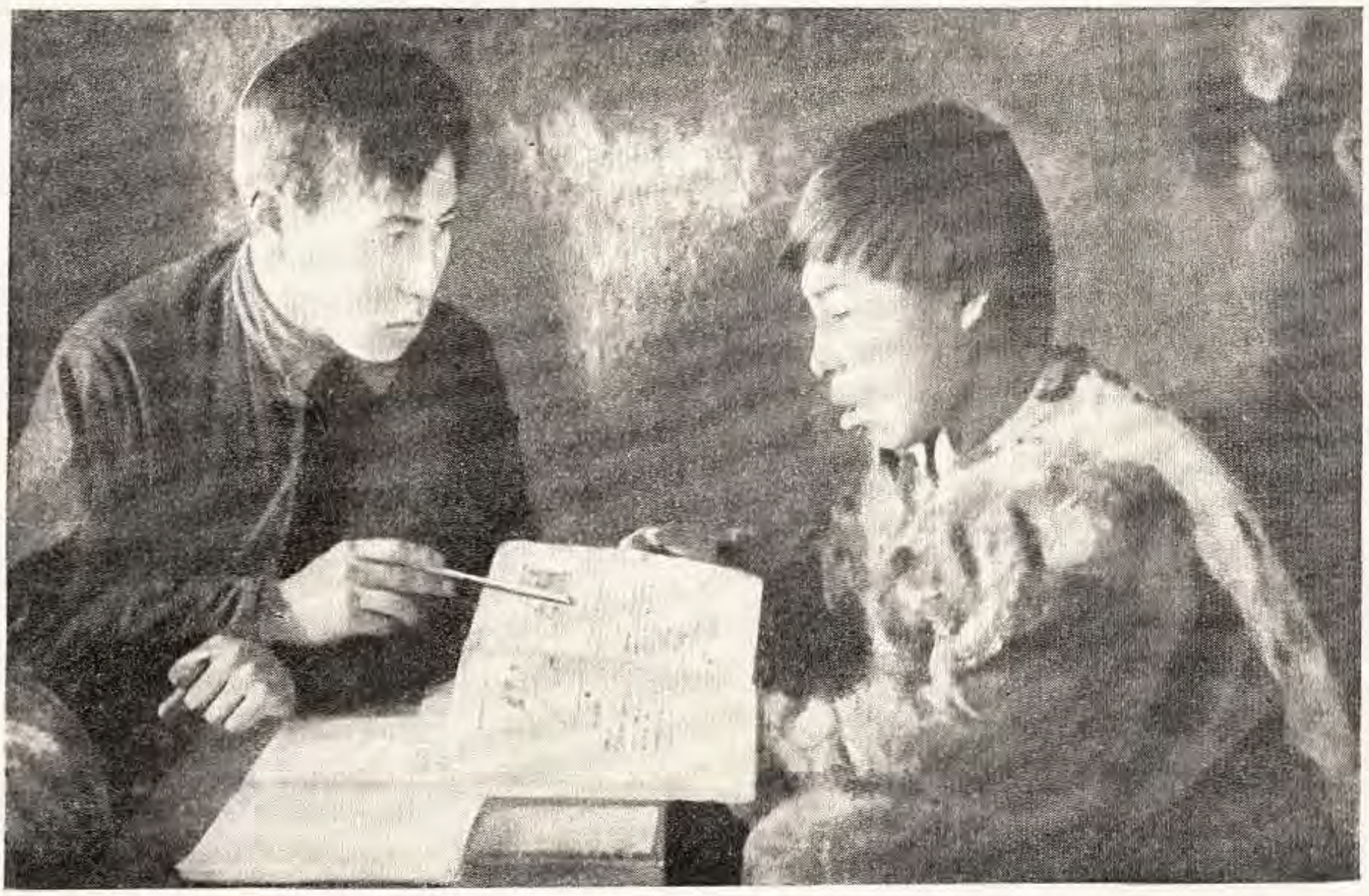
Они говорили: «если наши дети будут учиться грамоте, то они уйдут из юрт, — лесные урманы, рыболовные реки для них будут чужими. Они откажутся от охоты и рыбного промысла. Мы потеряем своих детей».

Вот, например, Иван Филиппович Албин. Ему уже около 70 лет. Когда я сказал старику: — Иван Филиппович, отдай-ка внучат, Мишу и Васю, в школу! Иван Филиппович недоверчиво посмотрел на меня, покачал головой, долго о чем-то думал и говорит наконец:

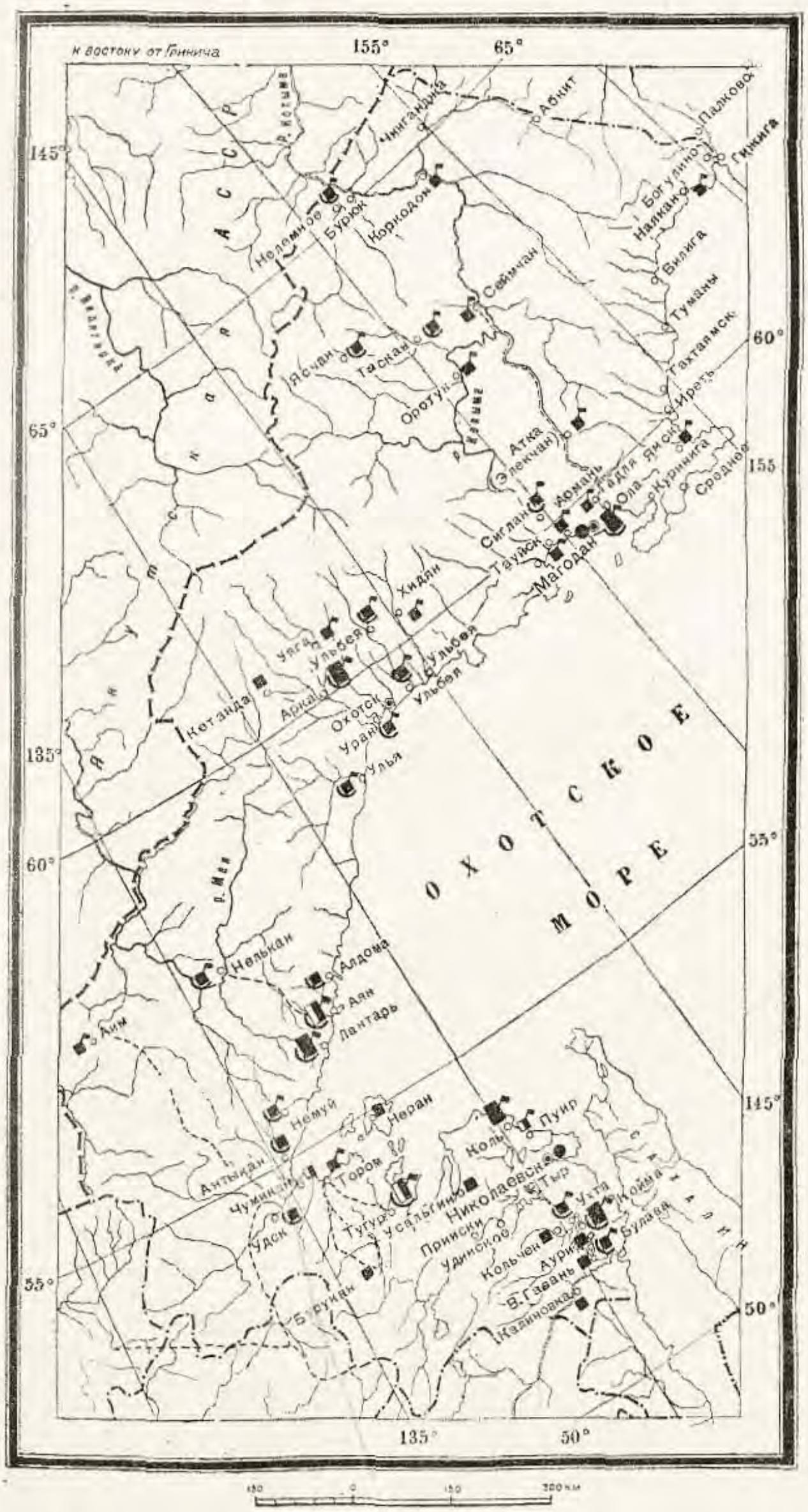
— Не верю. Дети манси не научатся грамоте. Им не под силу, это русские могут учиться. А мы живем издавна здесь, много работаем, ходим в лес, промышляем сырка, селедку. Для чего же нам грамота?

Я внимательно выслушал Ивана Филипповича, потом говорю:

— Нет, Иван Филиппович, ты говоришь

На ликпункте. *Фото, Ленинград. Музей Арктики.*

- Педагогическое училище народов Севера.
- Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.
- Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.
- Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.
- Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.
- Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.
- Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.
- Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.
- Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.
- Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Схематическая карта размещения школ в Нижне-Амурской обл. ДВК.

Образцы письменности, изобретенные лураветланом Теневилем. *Фото.*

неправильно. Мансийские дети могут учиться. Это только в старое время попы и царские чиновники говорили, что ваши дети неспособны к учебе. А на самом деле твои внучата так же легко, как и русские дети, станут грамотными людьми, и напрасно боитесь, будто грамотный не будет ни охотником, ни рыбаком. Этому грамота не мешает, ученые люди везде нужны — и на охоте, и на рыбной ловле. Вот сейчас в Ломбуожах организован туземный Совет. Сами теперь управляете своей жизнью. А хорошо управлять кто может? Только грамотный человек. Неграмотный — слепой, он ничего не видит. Не видит и того, зачем надо учить детей. А вот если б сам стал грамотным, то иначе бы рассуждал.

После ряда бесед старик Албин согласился со мной. Один из первых в Ломбуожах он привел внучат в школу и сказал:

— Вот, Алексей Васильевич, передаю тебе моих ребят. Смотри только, чтоб стали хорошими людьми. Учи их.

Или другая беседа.

Я убеждаю Федосью Гындыбину (она — заместитель председателя Ломбуожского тузсовета) отдать свою девочку в школу. Федосья Гындыбина хорошо понимала, что туземный Совет необходим, что туземцы сами должны управлять своей жизнью. А вот к вопросу о школе она отнеслась иначе.

— Не дело устраиваете вы в Ломбуожах, Алексей Васильевич, — заявила она мне. — Не отдам вам Ульяну! Зачем ей ученье? Она дома нужна, в хозяйстве. Пусть ездит в лес за дровами, ходит за ягодами, чинит обувь, одежду, ягушки. Я не отдам, Алексей Васильевич, Ульяну в школу.

Долго беседовал я с Федосьей Гындыбиной. Я понимал, что Федосья — советский человек, активистка, и если она возражает против того, чтобы девочка училась в школе, то только потому, что находится еще во власти прошлого, что для нее роль школы еще непонятна. Но уже плотина была прорвана. В один из вечеров Федосья Гындыбина сообщила мне, что согласна, чтоб Ульяна поступила учиться».

При наборе детей в школу учителям помогали и партийные организации и комсомол, местные активисты, и сами дети, уже учившиеся в школах.

Во время летних каникул в своих чумах, юртах, ярангах дети постоянно рассказывают о школе, об учителе, о том, как они живут в интернате. И на следующий год они, возвращаясь в школу, привозят с собой и новую смену учащихся.

Учащиеся школы при Ямальской культбазе обратились даже с письмом к своим товарищам в тундре.

Вот что они писали в этом письме:

«Мы, ребята школы при Ямальской культбазе, шлем вам привет. Мы уже три месяца учимся в школе. Мы научились писать буквы, писать цифры — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, прибавлять, отнимать.

Мы в школе каждый день моем руки и лицо мылом. Мы уже получили новые рубахи, брюки, пиджаки, шапки. У нас есть мясо, рыба, булки, крендели, масло. Мы едим хорошо. Ребята, идите к нам учиться — здесь хорошо. Мы вас ждем!»

В то время как на местах развертывалась школьная сеть, строились удобные здания, школа продвигалась все глубже в тайгу и тундру, в центре в это время велась работа по созданию учебных пособий на языках народностей Севера.

В 1932 г. были изданы первые буквари на двенадцати языках народностей Севера, составленные на основе латинского алфавита.

Еще до разработки письменности в центре, на местах делались попытки создать письменность.

Очень интересна, например, работа в этом направлении одного луораветлана на Чукотке.

Луораветлан Теневиль из района верхнего Анадыря изобрел особые письмена; они ему понадобились, когда он служил пастухом в большом совхозном оленном стаде. Этому письму Теневиль обучил своих сыновей и соседей. Убеждал он и учительницу Мельникову познакомиться с его системой записи: «Поймешь, что я пишу, — обогатишься чукотским разумом».

В письменах Теневиля каждое слово обозначается отдельным знаком. В общем ему удалось, — сообщает В. Г. Богораз-Тан,— собрать до 120—140 знаков. Писал Теневиль большей частью гвоздем на тонких дощечках. 14 таких дощечек с записями Теневиля вывезены в 1933 г. с Чукотки, расшифрованы В. Г. Богораз-Таном и переданы в Ленинградский арктический институт.

Еще любопытный пример своеобразной записи, к которой прибегали народы Севера, не имевшие до этого своего алфавита, сообщил бывший учитель Ербогаченской эвенкийской школы, ныне сотрудник Института народов Севера, т. А. А. Гарцевский.

У эвенков-кочевников по реке Илимпии (левый приток Нижней Тунгуски) проводилась подворно-хозяйственная опись. Работу эту, в основном, проводили члены Совета.

Один из них, неграмотный эвенк, знавший только несколько букв и нумерацию до 1000, перед проведением описи получил в Совете учетную ведомость. Не владея грамотой, он вынужден был сам изобрести способ обозначения учитываемых предметов. В верхней части ведомости, заранее для него разграфленной, он нарисовал объекты учета.

Например, в тех графах, где должно быть написано: «количество взрослых человек в хозяйстве», «количество детей», «количество оленей в хозяйстве (маток, самцов, быков, телят годовалых, телят до года)» и т. д., эвенк рисовал: взрослого человека, ребенка, оленя-матку, оленя-самца, быка, теленка годовалого, теленка до году и т. д. и против каждого изображения в графе соответствующего хозяина ставил цифры.

Эпизод этот доказывает, что тамги, различные клейма, зарубки, которыми обычно пользовались народности Севера как примитивным средством письма и счета, теперь уже перестали отвечать их потребностям.

Высоко поднялся политический и культурный уровень народов Севера.

Среди народов Севера вырос и окреп актив. Этот актив близок школе. Отдельные активисты готовы и сами выступить в качестве учителей, явиться проводниками грамоты.

Луораветлан Сидор Петушков в 1933 г. прошел курсы ликбеза и стал по собственной инициативе обучать луораветланских детей грамоте.

Он сообщает об этом в Анадырь своей бывшей учительнице Мельниковой письмом.

Вот оно:

«Пишу тебе письмо в том, что я начал учить с 15 декабря 1933 года. Я буду учить до 1-го мая 1934 года. Теперь ученики учатся хорошо. Уменя 4 ученика. Они учатся в 3-х группах. 2-я группа состоит из 2 учеников. 3-я состоит из 1 ученика. Нулевая группа состоит из 1 ученика.

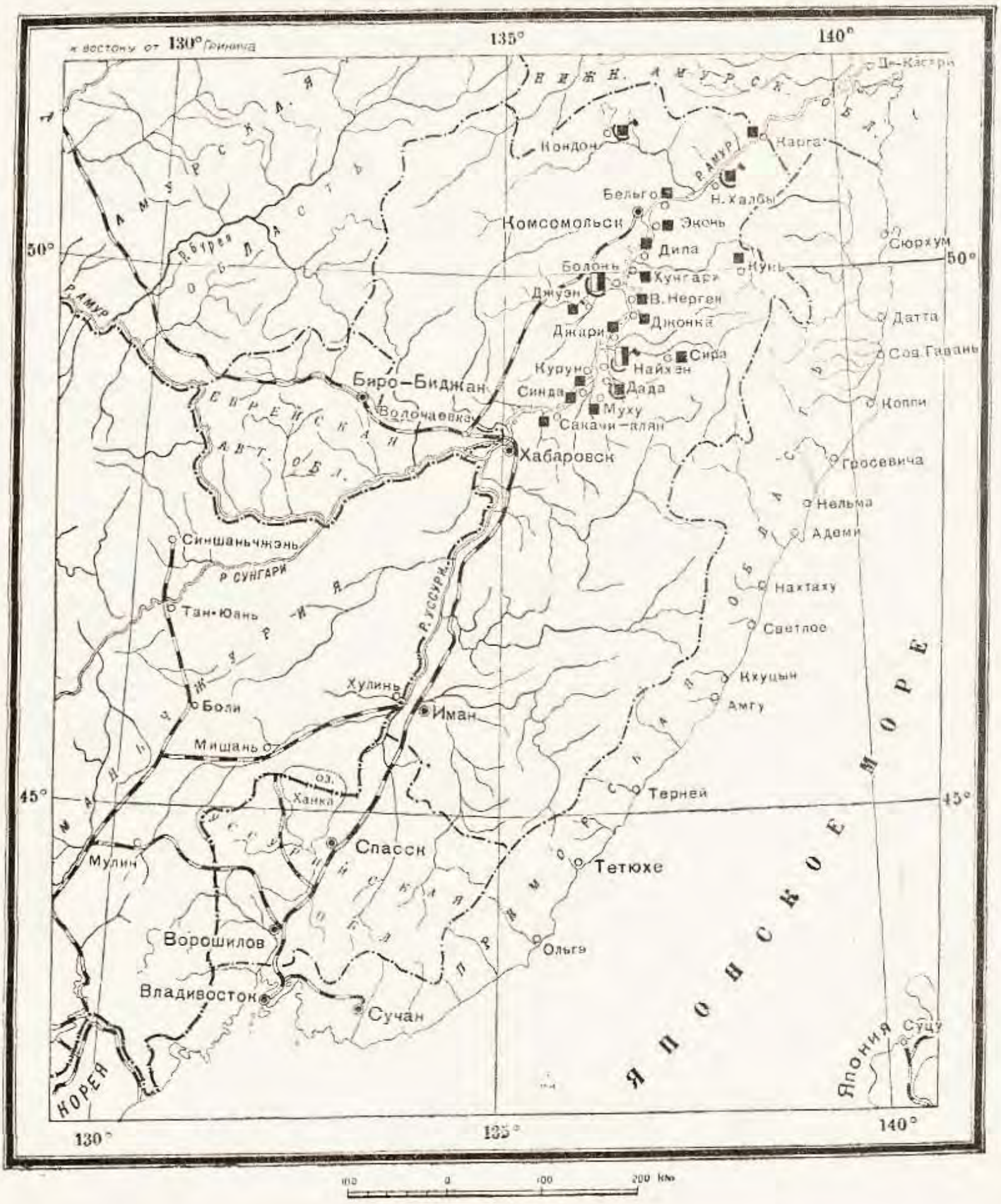
Ты пошли мне книжки для 2-й группы, задачники и тетради для 3-й группы, 2 книжки и 1 задачник, тетради для нулевой группы и 1 книжку с рисунками и тетради и карандаши для всех учеников. Теперь заканчиваю письмо. Все мои родные кланяются прямо до земли.

1 марта 1934 г. Усть-Майнг. В. Анадырь».

Правда, письмо луораветлана, этого учителя-добровольца, еще не совсем грамотно, но оно — свидетельство нового отношения населения к школе.

Народ, призванный сам управлять своей жизнью, сознавал, что он должен овладеть грамотой. Этой грамоты жизнь требовала у каждого человека, у избранного в Совет, у кооператора, у колхозника и т. д. Без грамоты стало — ни шагу шагнуть.

В Остяко-Вогульском национальном округе в 1933/34 уч. г. действовало 49 северных школ вместо 4 школ, имевшихся в 1925/26 г.;

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Неполная средняя нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

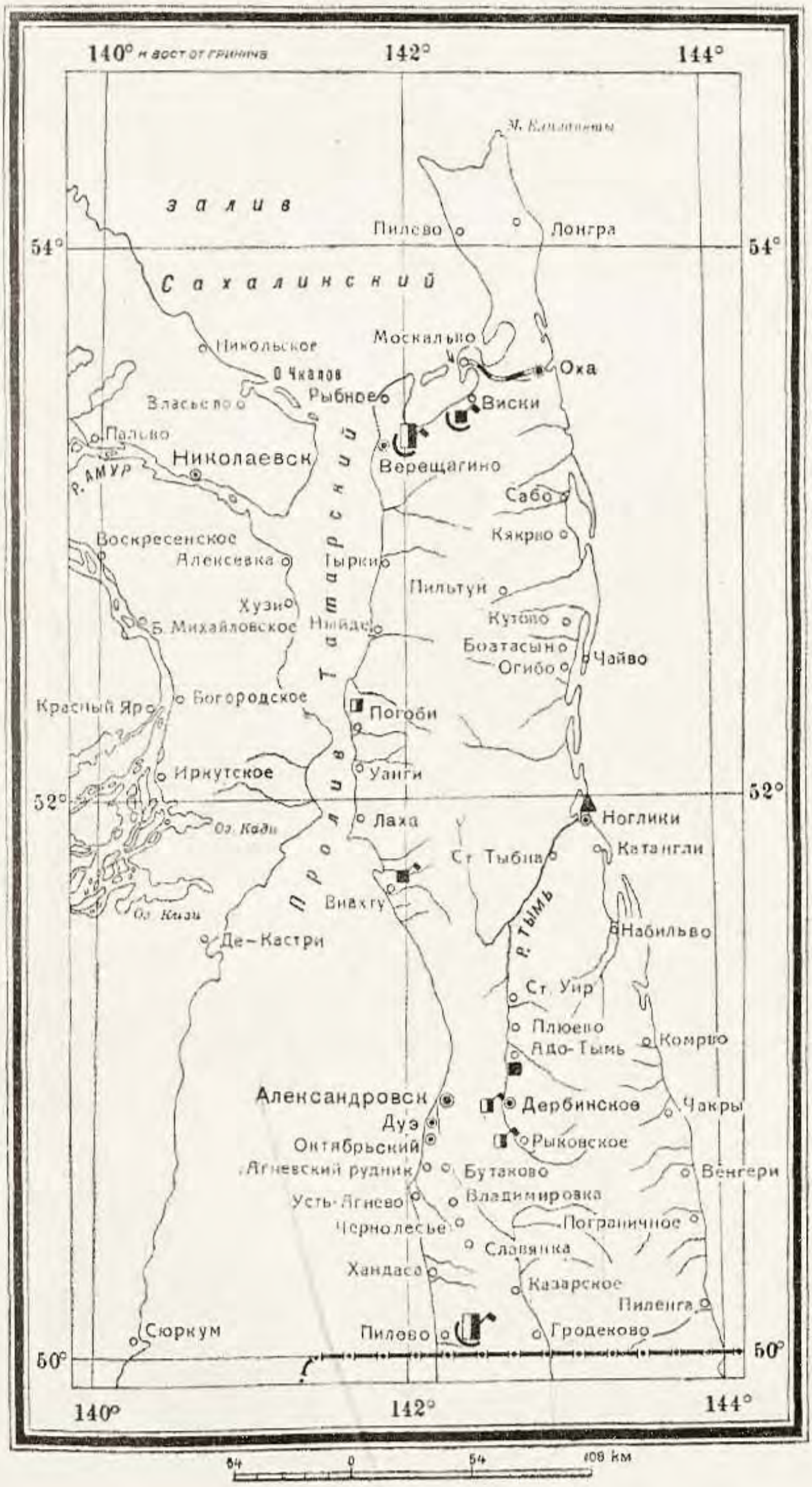
Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Схематическая карта размещения школ в Хабаровской обл. ДВК.

▲ Культбаза.

Неполная средняя нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения.

Начальная нерусская школа без интерната. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в специально выстроенном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Начальная нерусская школа с интернатом. Помещается в приспособленном под школу здании. Учатся дети коренного населения Севера и русские.

Схематическая карта размещения школ на Советском Сахалине.

в Восточной Сибири действовало 38 школ вместо 3 школ, имевшихся в 1925/26 уч. г.; в Нарымском округе — 17 школ вместо одной и в ДВК — 167 школ вместо 13.

С увеличением сети школ в 1933/34 уч. г. значительно повысился и процент охвата школьным обучением детей северных народностей.

В 1934 г. в Мурманском округе охват школой детей саамов был доведен до 100%, в Ненецком округе — до 80,8%, в Нарымском округе — до 97%, в Хатангском районе — до 83,9% и т. д. Процент охвата в южных районах национальных округов стоял значительно выше.

С каждым годом растет сеть школ на Севере.

Многие школы превращены в неполные средние с семилетним курсом обучения, открыты педагогические училища.

IV

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ШКОЛЫ

Глава одиннадцатая

ШКОЛЬНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Большинство действующих на Севере школ помещается в новых специально выстроенных зданиях: просторных, светлых, хорошо оборудованных.

Ловозерская — саамская и Найхинская — нанайская школы помещаются в больших, двухэтажных зданиях, со светлыми классами и просторными коридорами. Это — лучшие школы на Севере. Прекрасны также школы: Сосьвинская — мансийская, Ухтинская — ульчская, Казымская — хантыйская и многие другие.

Загляните в эти школы. Занятия там ведутся в одну смену. Каждый класс помещается в отдельной комнате, высокой, просторной, с большой светлой площадью. В классах в два ряда стоят новые парты, выкрашенные и покрытые лаком. Перед ними — стол для учителя. На передней стене висит классная доска. В стороне от нее стоят большие классные счеты, на простенках — гербарии местной фауны и флоры. Портреты вождей коммунистической партии и членов правительства любовно украшены ветками местных растений. Везде просторно, чисто.

В перемены учащиеся выходят из классов в коридор: классные помещения проветриваются.

Просторные школьные здания выстроены и в таежной полосе, и в безлесистой тундре, куда строительные материалы завозились с большими трудностями.

При многих школах на Севере выстроены помещения для интернатов, школьные столовые и другие подсобные помещения.

Интернат Сосьвинской мансийской школы помещается в благоустроенном здании.

Здесь полы регулярно моются и подметаются, пыли нет. В спальных помещениях рядами расставлены кровати. Они покрыты чистыми одеялами, на каждой — матрац, подушка, простыня, одеяло и белое покрывало. В столовой обеденные столы покрыты клеенкой. Вдоль стен в порядке расставлены скамейки.

Идя по интернату, вы всюду видите заботливую руку. В коридоре вывешены художественно оформленные плакаты на мансийском языке; они предлагают детям вытирать ноги, не заносить грязи в спальню.

В столовой висят лозунги: «Мой руки перед едой!», «Соблюдай тишину!».

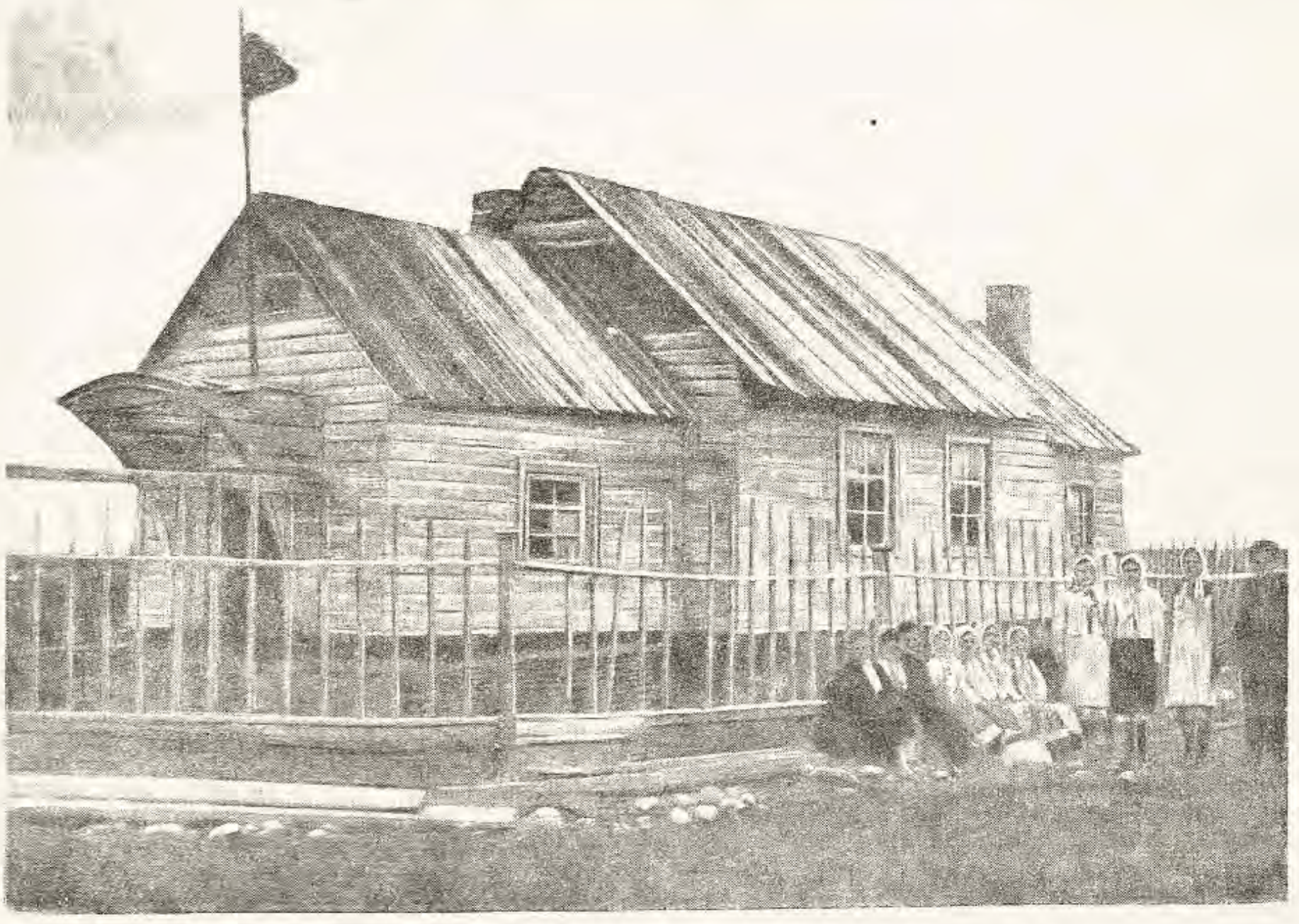
Дети в интернате чисто одеты, пострижены; у них жизнерадостный, веселый вид.

Или вот вы попали в Ухтинскую ульчскую школу-интернат на Амуре.

Ваше внимание сразу же останавливают

Мансийская начальная школа при Сосьвинской культбазе. *Фото.*

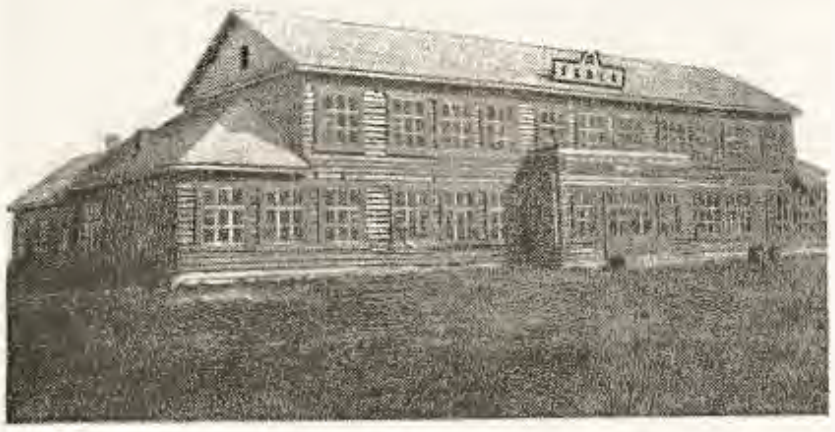
Сямская начальная школа в Лумбовке. Здание бывшей церкви. *Фото.*

Луораветланская (чукотская) культбаза. *С макета художника Л. А. Петровой. Ленинград. Музей Арктики.*

Нивхская начальная школа в Пуэре. *Фото.*

Нанайская неполная средняя школа в Найхине.
Фото.

Удехейская начальная школа в Гвасюгах.
Фото.

хорошее оборудование интерната, чистота, порядок.

Под спальни отведены просторные, светлые комнаты. На высоких окнах висят белые занавески. Ровными рядами, на значительном расстоянии друг от друга, стоят кровати с чистыми постельными принадлежностями. Каждый воспитанник получает белье, верхнюю одежду, простыни, одеяла, пододеяльники, подушки, наволочки и т. д.

В столовой тот же порядок, чистота, внимание к детям. В два ряда вытянулись квадратные столики, покрытые свежими белыми скатертями. Точно, в назначенные часы, заведующая столовой и дежурные учащиеся расставляют на столах приборы для каждого учащегося: тарелка, ложка, нож, вилка. И вскоре дети наполняют столовую без крика, без шума, без толкотни.

Тот же порядок и чистота в Красноперевальской удехейской школе-интернате. В 1936 г. Красноперевальскую школу обследовала инспектор Хабаровского облоно К. П. Акрицкая. Вот что она говорит:

«При школе устроен хороший интернат. В нем чистота и порядок. На окнах висят шторки. Кровати хорошо заправлены. У каждого ученика отдельное полотенце. На полочках лежат: мыло, зубной порошок, щетки. Дети выглядят чистыми, жизнерадостными».

Но наряду с этими специально выстроенными школьными зданиями на Севере можно встретить и такие школы, которые помещаются в бывшей церкви, в бывшем кулацком доме.

Одна из таких школ находится в отдаленном нанайском стойбище на Амуре — Каргах. Там была школа, ютившаяся в маленьком тесном домике, грязная, необорудованная. Такой она была еще в прошлом учебном году. К новому школьному году все неузнаваемо изменилось. Помещение небольшое: оно состоит из прихожей и класса; занятия ведутся в две смены, и все же Каргинская школа поражает посетителя чистотой, уютом, порядком.

Все в ней приятно глазу... Пол покрашен. Парты отремонтированы, покрыты лаком. Рамы окон побелены. На окнах белые чистые занавески, на подоконниках — цветы. В изящных рамках портреты любимых вождей — Ленина и Сталина.

В углу класса шкаф. В нем тщательно сложены учебники, тетради и другие школьные принадлежности и пособия. Привлекают внимание чистенькие чернильницы на партах. Каждая смена вытирает их ежедневно после занятий.

Есть на Севере также школы, которые помещаются в обычных чумах, яранга, юртах. Их с каждым годом становится все меньше и меньше.

В яранговой школе в 1933 г. работала на Чукотке учительница Е. М. Пименова. Об этой школе она рассказывает так:

«Школа в с. Окони помещалась в яранге, причем школьная яранга была сделана не из шкур, а из брезента. Полог был небольшой и уже порядочно износившийся. Оборудование школы состояло из низеньких столиков и низеньких скамеечек.

Во время хорошей погоды заниматься в школе-яранге было сносно. Но как только изменялась погода, наступала полоса осенних дождей — положение становилось невыносимым».

В дневнике Е. М. Пименовой есть такая запись в период ее работы в этой школе:

«В яранге озеро, вернее, многочисленные

Саамская неполная средняя школа в Поное. *Фото.*

Мансийская начальная школа в Сортынье. Помещается в бывшем доме купца Бешкильцева. *Фото.*

озера. Дождь на улице и дождь в яранге.

Или вот другая школа. О ней рассказывает учитель Ф. К. Зорин:

«По приезде в 1934 г. в лураветланское селение Энурмин, на общем собрании лураветланов я поставил вопрос об устройстве школы. Было выделено несколько человек, и им собрание поручило поставить ярангу под школу. В конце поселка Энурмин были установлены шесты — получился таким образом скелет яранги. Потом его обтянули шкурами. В середине яранги установили полог из оленьих шкур, привезенных мною из Уэллена.

Дневной свет в полог не проникал, и уроки проходили с керосиновой лампой и жирниками. Мебель заменяли шкуры, — на них ученики сидели или лежали».

В некоторых районах Крайнего Севера до сих пор еще существуют кочевые школы. В этих кочевых школах, как и в только что описанных школах ярангового типа, занятия протекают в такой же примитивной обстановке.

Школа на Севере с каждым годом все больше и больше завоевывает к себе доверие у коренного населения. Если в первые годы школьного строительства на Севере население с некоторым недоверием относилось к школе, то теперь окружает ее вниманием, принимает активное участие в строительстве новых школьных зданий, в оборудовании их.

В 1936 г. строительство Найхинской школы, одной из самых лучших на Амуре, из-за быстрой оттепели и распутицы очутилось под угрозой срыва. Видя это, население стойбищ Найхин и Дады изъявило полную готовность помочь строительству школы. Колхозники спешно выехали в тайгу и днем и ночью вывозили заготовленные для школы лесоматериалы. При активной помощи местного населения в Найхине к началу учебного года было выстроено большое, двухэтажное здание, — самое красивое и самое лучшее здание в Нанайском районе.

В Анеевских мансийских юртах выстроена новая школа; к началу учебного года она не была достаточно оборудована. Об этом возник вопрос на общем собрании Анеевских манси. В прениях выступил 60-летний Кирилл Сайнахов.

«Вы говорите — мало денег для того, чтобы оборудовать школу? — сказал он. — Не везде нужны деньги от государства. Мы сами многое можем сделать. Вот инспектор Алексей Баландин только что жаловался: в школе отходят двери, у скамеек ножки шатаются, табурет сломался. Вот я завтра встану утром, приду в школу, возьму скамейку, укреплю у ней ножки, возьму планку и прибью ее к раствору двери. Помогу этим школе. Не только я, все мы теперь должны помогать. Школа не чужая. Это наша школа».

Утром следующего дня дедушка Сайнахов выполнил свое обещание. Трудно переоценить значение этого маленького эпизода. Он — показатель движения населения к школе. Население искренно считает школу своей, заботится о ней, помогает, чем может.

Глава двенадцатая

УЧИТЕЛЬ

Еще совсем недавно на Севере царили сплошная тьма и невежество, и грамотные люди из среды местного населения представляли исключительно редкое явление.

С принятием постановления о всеобщем начальном обучении, школы стали открываться по всему советскому Северу — в самых глухих таежных углах, в тундряных просторах, в стойбищах оленеводов, в охотничьих паулях и юртах. Работать в эти школы ехали учителя из различных районов Союза: из Ленинграда, из Владивостока, из Москвы, из Иванова, из Поволжья, с Украины.

Им надо было проехать тысячи километров, чтобы добраться до места работы, и конечная часть пути была самой трудной и необычной — приходилось передвигаться верхом на оленях, в нарте, запряженной собаками, на лодке, а порой и пешком. Летняя дорога — это реки. Только водные полоски дают возможность преодолевать бесконечные пространства лесов, гор, болот. И хорошо еще, если к услугам путника есть моторный катер или хотя бы простая лодка, а то приходится иной раз плыть и на самодельном плоту.

Уже сама дорога — вернее, северное бездорожье — говорила едущим о диком своеобразии края, о трудностях, которые ждут непривычных людей. Дорога зато давала и первую закалку молодым учителям.

А кто они, эти будущие северные учителя? С какими мыслями и настроениями едут они на Север?

Вот студентка Ленинградского педагогического института имени Герцена Клавдия Маркова. Верхом на олене, без стремян, с двумя скользкими дощечками вместо седла, пробирается она через олекминские леса в селение Колар. Маркова — третьекурсница Северного отделения Ленинградского педагогического института имени Герцена. Для работы в начальной школе Маркова чувствует себя достаточно подготовленной, но хочет работать над собой и дальше. В личной библиотечке у нее «Вопросы ленинизма», книги по педагогике, брошюры по колхозному законодательству. В районном центре ее предупредили, что в селеньи по-русски не говорит ни один человек. Но Маркова не видит причин унывать.

Вот комсомолец Беликов из Владивостока. Он-то никак не думал стать учителем, и иной подготовки, кроме средней школы, у него нет. Совсем недавно он стоял у станка на заводе. Заглянул в цех секретарь комсомольского комитета.

— Беликов, зайди потом в комитет.

Учитель-удехесц К. Н. Киманько. Окончил Институт народов Севера. *Фото.*

Учительница эвенкийской Ербогаченской неполной средней школы Е. Г. Андрианова. *Фото.*

Кончил работу, зашел. Там уж собралось десятка полтора молодых рабочих.

Секретарь сказал:

— Комсомол взял шефство над всеобучем. На Дальнем Севере нехватает учителей. Мы отобрали лучших ребят, путевки вам уже пишутся. Поезжайте, учите грамоте детей.

И комсомолец Беликов едет на Чукотку.

Молодая комсомолка Ольшевская окончила педтехникум в том же Владивостоке на сплошные «отлично». Ей можно доверить ответственную работу.

— *Хочешь к юитам?* — *спросили ее.*

— К юитам? Кто такие?

— Эскимосы, по-старому. Грамотных среди них почти нет. Придется изучать их язык, конечно. Но это уж во время работы. Согласна?

Согласилась и Ольшевская.

В Чучуйске на Лене высаживается с парохода группа молодых учителей. Эти — из Томска. За ними уже много дней, проведенных в пути — в вагоне железной дороги, на автомашине, на пароходе. Им надо попасть в Катангский район Восточно-Сибирского края. От Чучуйска — 35-километровый перевал через хребет к реке Нижней Тунгуске. В Чучуйске учителя достали лошадей и поехали верхом. Ни костюмов, пригодных для верховой езды, ни соответствующих навыков не было. У Е. Г. Андриановой и у жены учителя Антонова — маленькие дети, это создавало дополнительные трудности, но все трудности преодолевались очень находчиво и даже весело. Детей привязали широкими полотенцами за спины мужчинам, женщины *нагрузились такими вещами, как гитара*, балалайка (остальное имущество отправлено на двуколках вперед) — и двинулись на перевал.

Попав в деревню Подволошину на Нижней Тунгуске, вспомнили о Томске как о далеком юге, а впереди было еще 900 *км* до Катанги. В дневнике одной из участниц группы С. Г. Белоусовой осталась такая запись:

«В Подволошиной наши мужчины пустились в поиски 2—3 лодок. Но эти поиски ни к чему не привели. Лодок они не достали. Обратились в «интеграл», а там предложили взять плот и спускаться на нем по реке до *самого Ербогачена*, а заодно свезти туда полторы тонны муки. Так как других средств передвижения не было, то мы решили принять предложение. Принялись за оборудование плота. К вечеру плот принял надлежащий вид: *на нем было устроено место для* груза, для шалаша, укреплены уключины для весел и т. д.

11 июня в 12 час. дня отплыли из Подволошиной. Примерно через 5—6 часов в пути произошла небольшая авария: связки застонали, плот налетел на коряжину, и было опасение, что он разобьется вдребезги. К счастью, мы поплатились только тем, что потеряли одно бревно. Дальше дело пошло лучше: или весла привыкли к нам, или мы к веслам, — плот нас слушался. Но вот поднялась непогода: дождь поливал целый день. В это время плот стоял на причале у берега, все мы страшно промокли и продрогли. А когда дождь стих, спал туман и выглянуло солнышко, поплыли дальше, со скоростью, примерно, 4 *км* в час. В некоторых местах шли быстрее, а кое-где или мчались, *как стрела*, *или двигались буквально*, как черепаха.

Много беспокойства доставляли нам порожистые места. Женщин с ребятами приходилось высаживать на берег, и они медленно двигались пешком. Оставшимся на плоту становилось жутко. Но, к счастью, обходилось без катастроф».

В Витимо-Олекминском крае едут на оленях четыре 18—19-летних девушки. Они из Читинского педтехникума. Третью неделю в пути. Уже проехали 400 *км*, часто совсем без троп; впереди до Калакана, окружного центра, еще 100 *км*. А уже начало осени. Проводник куда-то исчез: не то сбежал, не то заблудился. И девушки сумели одни выбраться в Калакан. Здесь отдохнули. Двум из них сразу же предстоял новый путь до их школ: еще 450 *км* верхом на оленях, а *двум надо ждать снега* и зимнего пути. Им еще дальше.

В тундре в зимнюю пору, когда наступают трескучие морозы и всюду лежит снег, учителя обычно ездят на собаках или на оленях. В пути приходится встречаться с самыми неприятными неожиданностями, худшая из них — пурга.

Тундра замирает во время пурги. Звери забиваются в свои глубокие норы, куропатки

зарываются в снег, олени ищут мест, защищенных от ветра, и там укрываются от снежных заносов. Во время пурги кочевники привязывают чумы к нартам, загруженным кладью, чтобы не разрушило их и не унесло далеко вглубь тундр.

Если путника в тундре застигает пурга, то он уже не пытается двигаться дальше. Он думает лишь о том, чтоб выбрать более удобное место и в нем укрыться.

Многим из учителей приходилось быть застигнутыми пургой и испытать на себе ее «прелести».

Вот что рассказывает учитель Энурминской луораветланской школы Ф. К. Зорин об одной из таких поездок по Чукотке:

«4 октября 1934 г. в Уэллен приехали две учительницы — Руденко и Максимкина. Они только что окончили Педагогический техникум и были назначены оно на учительскую работу: одна в Сешан, а другая в Эмелин. Я тогда направлялся в Амгуен. И так как эти товарищи не имели педагогического опыта и плохо еще ориентировались на Севере, то мне было предложено проездом в Амгуен остановиться в Сешане и помочь им организовать школу.

С нами вместе ехали еще учитель Энурминской школы и секретарь Чукотского рика.

Выехали мы из Уэллена на нартах, запряженных собаками. Дорога была тяжелая. В поселке Интоуне мы сделали первую остановку, и нас здесь на двое суток задержала сильная пурга.

Через несколько дней, когда мы были в поселке Меткулен, нас тоже застигла пурга.

Опять просидели несколько дней. Но только тронулись, снова поднялась пурга. Шел мокрый липкий снег, дул сильный ветер. Было очень холодно. Ничего не видя, мы сбились с дороги и решили возвратиться в Меткулен. Учительницы ехали на нартах, а мужчины, увязая по пояс в снегу, вместе с каюром, шли впереди нарт и пробивали дорогу собакам. Но пурга так сильно мела, что продолжать путь обратно в Меткулен стало невозможно, и мы сделали остановку. Взяли несколько нарт, сложили их одна к другой, связали веревками и покрыли сверху одеялами. Получился небольшой балаган, в который мы поместили учительниц. Я и учитель Энурминской школы достали спальные мешки, залезли в них и таким образом защитились от снега. А каюр-луораветлан и секретарь рика Мохов в течение всей пурги бегали или топтались на месте, спасаясь от сильного холода.

Учительницы в эту поездку пережили жуткие минуты. Балаган, сделанный из одеял и нарт, кругом был завален снегом и представлял собою большой снежный сугроб.

Находясь в нем, Руденко и Максимкина сильно прозябли, у них стыли руки и ноги. Пробовали кричать, но из-под снега крик их не был слышен. Решили, что мы потеряли их и они, погребенные в снежном сугробе, непременно погибнут, потому что не смогут сами высвободиться из-под снега.

Как только стало проясняться, мы вылезли из меховых мешков и освободили учительниц из снежного плена.

Нужно было видеть их радость, когда в балаган был проделан ход и они, выйдя из него, увидели всех нас благополучно здравствующими.

Мы вернулись в Меркулино, пополнили свои продовольственные запасы и поехали дальше».

Проделав такой трудный путь до места работы, учитель и здесь попадал, да и теперь еще иногда попадает, в необычные для него бытовые условия.

Темпы развертывания школьной сети на Севере настолько значительны, что строительство специальных школьных помещений и жилых квартир для педагогов отстает от роста школ.

И учителю приходится жить в избе, чуме, юрте, яранге и т. д.

Учитель Лумбовской саамской школы жил на квартире у саама Е. Я. Матрехина. Он не только не имел отдельной комнаты, но даже и кровати. Каждый вечер учитель расстилал в избе на полу свою постель и утром убирал ее. В той же комнате, где он жил, помещались сын и дочь хозяина.

Учитель Энурминской луораветланской школы Ф. К. Зорин жил в той же яранге, в пологе, где помещалась и школа. В углу полога он поставил небольшой столик, на котором находились: лампа, будильник, книги, дневник и т. д. Спал Ф. К. Зорин в углу полога в спальном мешке, который на время занятий убирался. Пищу готовил сам на жирнике.

В яранге жила учительница Е. С. Рубцова, когда работала в Сиреникоьской школе.

Бытовые условия осложнялись также и тем обстоятельством, что продвижение на Север предметов широкого потребления все еще недостаточно было налажено.

В силу неудовлетворительной работы торговых организаций и бездорожья, часто на Севере не было керосина, ламп, стекол и

других необходимых предметов широкого потребления.

Учителю приходилось пользоваться жирниками, свечами и при их тусклом свете работать над тетрадью и книгой.

Учительница Кондонской нанайской школы В. И. Пяхкель рассказывает:

«У нас в Кондоне не было даже простой керосиновой лампы. Два года я там жила *с сальником*. Наступает вечер, достанешь свою чашку с салом и фитилем, сделанным из ниток или ваты, зажжешь и сидишь целый *вечер с такой коптилкой*».

Работа учителя на Севере чрезвычайно сложна и ответственна. Она не ограничивается преподаванием *в школе. Как правило*, учитель является самым образованным, иногда единственным грамотным человеком в районе обслуживания школы. К учителю местное население тянется со всеми неотложными делами.

Таких дел — десятки, сотни. Тут и вопросы колхозного строительства, и разъяснение крупнейших политических событий, и учетная работа, и взаимоотношения с кооперацией и так далее, вплоть до распределения *нарядов на работу и даже* лечебной помощи.

Меняется вековой уклад жизни северных народов. Можно ли представить *себе* учителя, который в эту горячую пору не пошел бы со всей отзывчивостью навстречу запросам местного населения?

Особенно велика общественно-политическая работа на Севере у учителей-партийцев и комсомольцев. К ним население обращается буквально со всеми интересующими их вопросами.

Пришло какое-нибудь новое распоряжение или издан новый закон — туземцы обращаются *к учителю за* разъяснениями. Нужно написать жалобу, заявление — они опять же идут к учителю, и он им пишет. Обсуждается какой-нибудь *вопрос в совете* или колхозе — учитель непременно принимает в этом участие. Его спрашивают. С его мнением считаются.

Вот учительница Кондонской нанайской школы В. И. Пяхкель. Она — единственный член партии в Кондоне. Какое бы мероприятие ни проводилось в Кондоне, она непременно включается в него и оказывает населению необходимую помощь.

В. И. Пяхкель принимает участие в работе *сельсовета, колхоза, кооперации. За* помощь колхозу она три раза была премирована.

Осенью 1936 г. В. И. Пяхкель из Кондонской школы переведена в *Нижне-Халбинскую* школу. И здесь ее педагогическая *работа сочетается с большой* общественно-политической и культурной работой среди нанайского населения.

Пример В. И. Пяхкель не единичен. В числе педагогов-общественников можно назвать комсомольца Маркова, учителя Ербогаченской эвенкийской школы и других.

Многие беспартийные учителя умеют также хорошо сочетать работу в школе с общественно-политической работой среди местного населения.

Один из таких — А. В. Голошубин, работающий в мансийской школе Сосьвинской культбазы.

В 1933/34 г. т. Голошубин жил в мансийских юртах Ломбусяки по р. Ляпине. Он пользовался уже тогда большим авторитетом *среди коренного населения*. Этому способствовало как то, что т. Голошубин свободно владел мансийским языком, так и то, что он готов был всегда помочь *населению*. Летом, когда манси переехали из зимних юрт на пески, вместе с ними переехал туда и А. В. Голошубин и жил в туземной юрте без окон, с земляным полом, с низкими нарами и т. д.

Мансийское население к учителю Голошубину шло буквально с каждым, на первый *взгляд даже* мелочным, вопросом. И т. Голошубин всегда внимательно выслушивал своего посетителя, толково разъяснял ему, *советовал, что надо сделать, писал* заявление, ходил с ним в туисовет, беседовал с председателем артели и т. д.

Учитель, по мнению туземца, *должен все* знать. Туземцы говорят, что если учитель умеет учить детей, то он должен уметь и лечить их.

В Кондоне во время пребывания там т. Пяхкель не было врачебного пункта. Заболевшие нанайцы всегда обращались к т. Пяхкель, и она, по мере своих сил и умения, *оказывала* медицинскую помощь.

«О серьезном лечении, — рассказывает т. Пяхкель, — конечно, говорить не приходится. *У меня была небольшая* медицинская аптечка и в несложных случаях я оказывала нанайцам первую медицинскую помощь».

Тов. Пяхкель завоевала доверие и уважение населения, а это, надо сказать, не так-то просто для женщины.

Помимо тех затруднений, которые стоят перед каждым учителем, женщинам, работавшим на педагогическом поприще на Севере, приходилось преодолевать еще и дополнительные *трудности, заключающиеся в том,*

что у народностей Севера существовал взгляд на женщину как на существо «низшее». Она не могла участвовать наравне с мужчиной в общественной жизни, на промысле и т. д.

Так, женщина у манси и хантов обязательно вешала свои вещи ниже мужских, не могла чистить щуку, стоять на помосте, на который набираются рыболовные сети, ибо, согласно поверью, женщина может опоганить эти помосты и рыба перестанет ловиться.

В период менструаций и родов женщина считалась нечистой и не могла находиться в общих юртах. Она жила в маленьком домике, холодном, тесном и грязном. После менструаций и родов женщина должна была, раскалив на очаге топор, выкурить им «нечистого духа» из маленького домика, в котором жила, из вещей и предметов, которыми она пользовалась, и только после окуривания имела право входить в общую юрту.

Кое-где и теперь на Севере существуют еще остатки этого отношения к женщине.

Когда на Сосьве, в Сортынье в двухэтажном доме, до революции принадлежавшем купцам Бешкильцевым, была открыта школа для мансийского населения, то некоторые старики-манси не хотели входить в нижний этаж дома, где помещался интернат.

— Как же, — рассуждали они, — можно быть там, если над тобой, в верхнем этаже, будет ходить женщина.

В Сиреникovской юитской школе на Чукотке с 1929 г. по 1932 г. работала учительница Е. С. Рубцова, имеющая большой педагогический стаж и опыт. Е. С. Рубцова пользовалась любовью среди юитского населения. Но ей в работе иногда мешало то, еще сохранившееся от дореволюционного времени, отношение к женщине, которое было у населения...

Член школьного совета Сиреникovской школы, юит Маки, так отозвался об Е. С. Рубцовой прибывшему на ее место учителю Георгию Меновщикову:

«В прошлый год у нас была очень хорошая учительница Рубцова, которая хорошо учила детей, помогала работать кооперативу, организовала пошивочную женскую артель и еще взрослых учила по вечерам. Ее все очень любили, но она была женщина, и это плохо, потому что ее не слушали старые охотники, когда она говорила на собраниях о новых законах, о советской власти, о заготовках пушнины и морского зверя. Ее не слушали и не звали обмерять шкуры морского зверя, когда сдавали в кооператив, и говорили: «Если будем шкуры мерить, то ничего не убьем в море и будет голод, потому что «хозяин моря» будет сердиться, что слушали женщину».

Время, которое учитель урывает от прямой работы в школе и от своего личного отдыха, вознаграждается для него с избытком возможностью близко подойти к жизни местного населения, узнать и понять их быт и мировоззрение. А знать это ему необходимо для того, чтобы наладить нормальную работу в школе, в классе и в интернате.

Большинство учителей, приехавших на Дальний Север в первые годы всеобуча, по своей общеобразовательной и специальной подготовке удовлетворяло тем требованиям, которые предъявляются учителю начальной школы, т. е. имели среднее законченное педагогическое образование и достаточное политическое развитие.

Но был у приезжих и очень существенный недостаток, общий для всех них. От него не свободны были даже те студенты Ленинградского педагогического института имени Герцена, которые на Северном отделении изучали северные языки и этнографию. Недостаток этот заключался в том, что приезжие плохо знали Север, национальные особенности его населения, промыслово-производственную деятельность, быт. Они не владели разговорной речью народа, среди которого предстояло работать.

Потому-то и северный ребенок был во многих отношениях непонятен приезжим учителям.

Возникавшие из-за этого осложнения в работе были посерьезнее трудностей, доставляемых дорогой или бытовым неустройством.

Учитель должен быть хорошо знаком с условиями, в которых выросли дети. Приходя в школу, они приносят с собой взгляды, привычки, привитые им дома, и это находит свое яркое отражение в жизни детей в интернате, в их развлечениях, поведении, интересах, запросах.

От учителя северной школы требуется, чтобы он знал хотя бы основные факты истории народа, дети которого учатся в школах, был знаком с этнографией его, религиозными верованиями и т. д. От него требуется исключительный такт, осторожность, при подходе к местному населению.

Поспешность, механическое перенесение методов работы русской школы, без учета исторического и культурного развития данной конкретной народности, могут только испортить, затруднить работу учителя в школе.

Учительница-эвенк Х. И. Саватькина. Окончила Институт народов Севера. *Фото.*

Северная школа-интернат — не обычная школа, и учитель, работающий в этой школе, должен заниматься многими вопросами, которыми учитель обычной русской школы или совсем не занимается, или же если и занимается, то в значительно меньшей мере.

В северных школах-интернатах дети туземцев не только учатся, но и живут. И учитель заботится об их здоровьи, питании, обеспечении одеждой, обувью, организует и создает условия для разумного отдыха и развлечений.

Учитель школы-интерната скоро обнаруживает, что малейшие неурядицы в интернате (болезнь ученика, перебои в хорошо налаженном питании и т. д.) непременно найдут отзвук в туземных чумах, юртах, стойбищах и могут свести на-нет всю его работу по набору детей в школу, по организации учебных занятий и т. д.

Случалось, что в школе кто-либо из учащихся заболевал обычной простудной болезнью; сейчас же весть об этом с молниеносной быстротой разносилась по всей тундре, и среди родителей начинался разговор о том, что не надо было им отдавать детей в школу. Нередко они приезжали и увозили детей домой. Вернуть их в школу после этого бывало очень трудно.

В октябре месяце 1935 г. одна из учениц Сосьвинской школы, Катя Кугина, заболела гриппом. Болезнь у нее протекала тяжело. После осложнения у девочки возникло кровоизлияние в головном мозгу, и она умерла.

Весть о смерти девочки быстро разнеслась по всем юртам. Классовый враг стал нашептывать, что «чорт выплыл из страшного Сосьвинского омута и начал душить детей, которые учатся в школе». И некоторые манси поверили этому. Через сутки после смерти девочки с различных концов Сосьвы и Ляпина стали приезжать на нартах манси на культбазу и требовать, чтобы отдали им детей.

Много пришлось работникам культбазы разъяснять приехавшим родителям, что никакого чорта нет, что это одна лишь выдумка шаманов. Прожив на культбазе в течение трех дней, родители убедились, что в школе хорошо живется детям и что смерть девочки произошла не оттого, что чорт ее задушил, а от болезни.

Такие случаи, как только что приведенный, в данное время представляют редкое исключение.

Не всякому учителю под силу работа в северной школе, — причиной тому и суровая природа и сложность самой работы.

Отдельные учителя, будучи оторваны от привычной среды, проработав год-два, уезжали с Севера. Бывали и такие случаи, когда некоторые учителя опускались в культурном отношении, а то и спивались.

Вот учитель Болонской нанайской школы Ванников. Он — не плохой преподаватель. И нельзя сказать, чтобы недобросовестно относился к своим обязанностям. Но как только в Болоне появлялось вино, он запивал и пил по неделе, по две.

Встречаются и такие учителя, которых влекла на Север «экзотика».

Один из таких — учитель Сортыньинской школы Тарунин. Еще и года не успел он проработать в школе, как уже подал заявление в Березовское районо с просьбой перевести его куда-нибудь в другое место. Свой перевод в другую школу он мотивировал следующим образом:

«Уезжая на Север, я хотел как следует поохотиться на уток, гусей, хотел ловить осетров и стерлядь, по которым я считаю себя специалистом, рыбаком и охотником. Сюда я ехал как в царство птицы и рыбы. Здесь, в Сортыньинской школе, я живу уже 9 месяцев и не убил ни одной утки, не то, что гуся и только всего пяток рябчиков, хотя считаю себя специалистом-охотником. То, зачем я ехал на Север, в Сортынье меня не удовлетворяет».

Учитель Тарунин ехал, видите ли, на Север «как специалист-охотник». Свои успехи он измеряет количеством убитой дичи.

Большой вред делу просвещения приносят такие летуны, как Тарунин. Они подрывают доверие местного населения к школе, дискредитируют великое звание народного учителя.

Но в массе своей учительство, работающее в школах Крайнего Севера, страстные энтузиасты его.

Они освоились с Севером, стали близки населению, любят детей, овладевают их родным языком и достигают на своем маленьком участке школьной работы отличных результатов. С северной школой эти учителя-

Директор ульчской Койминской неполной средней школы И. П. Семенцов с учащимися школы. *Фото.*

энтузиасты крепко сживаются. И если и выезжают с Севера, то на год, на два. Потом они снова возвращаются туда и приступают к работе в школе с удвоенной энергией.

Некоторых из этих учителей мы уже знаем.

Вот, например, директор Койминской ульчской неполной средней школы И. П. Семенцов.

В 1927 г. И. П. Семенцов приехал на Сахалин, и в окроно ему было предложено приступить к учительской работе в одной из русских школ. И. П. Семенцов отказался от этого предложения и уехал в Совгавань учителем в Алексеевскую орочскую школу. И. П. Семенцов быстро приспособился к местным условиям. Он сам стряпал себе вместо хлеба мучные лепешки, ел юколу. И так как от школы т. Семенцов жил в расстоянии *4 км*, то он ежедневно ездил туда на собаках. Ничто его не задерживало. Он ездил на собаках и в хорошую и в плохую погоду.

В 1929 г. т. Семенцов поступил на северное отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена, окончил его и в 1934 г. снова уехал на Север. Тов. Семенцов работает среди ульчей. Он побывал во всех ульчских стойбищах, переписал население, выяснил степень грамотности его. Нет такой школы в Ульчском районе, в которой бы он не был, нет учителя, которого бы он не знал.

Как и на Сахалине, Семенцов завоевал уважение ульчей своей отвагой. Он, например, переплывал Амур в лодке во время такой бури, в какую ни один прирожденный амурец не рискнул бы сесть в лодку. А Семенцов не только решался на это, но и возвращался цел, невредим и спокоен. Он знал, что личное мужество и выдержка в условиях северной природы — ценные качества, и воспитал их в себе. Зато и авторитет его среди ульчей очень большой.

Или вот — комсомолка Е. Ф. Ольшевская, учительница Науканской юитской школы.

Способная, энергичная, сроднившаяся с Севером, Е. Ф. Ольшевская горячо предана педагогической профессии. Она считает, что педагогическое дело самое интересное, самое увлекательное и не может себя представить вне педагогической работы.

Учитель эвенкийской Ербогаченской неполной средней школы И. Е. Марков. Окончил северное отделение Педагогического института им. Герцена в Ленинграде. *Фото.*

«Педагогическая профессия, — говорит Е. Ф. Ольшевская, — самая интересная, самая увлекательная, самая ответственная. Я счастлива, что работаю в северной школе. Я живу этой работой и на своих плечах выношу все радости и невзгоды ее».

О результатах работы т. Ольшевской нам еще придется говорить далее.

Учитель Марков И. Е. — преданный делу работник.

В 1927 г., когда на Севере еще слабо была развернута школьная работа, комсомол направил т. Маркова на работу в эвенкийскую школу.

Через два года т. Маркова командировали в Ленинградский педагогический институт имени Герцена на северное отделение.

В 1932 г., еще не закончив учебу, он опять едет работать на Север, и теперь ему поручается заведывание районным отделом народного образования.

Нужно проводить всеобуч. Нужно строить новые школы. Нужно бороться за повышение качества работы школы, за грамотность, за знания, за перевод обучения на родной язык учащихся.

К 1933 г. т. Марков уже добился почти 100% охвата детей школой.

Постановлением Катангского райисполкома т. Марков был премирован «за большевистское отношение к развитию культуры в отсталом районе, за активную общественную работу».

В 1936 г. т. Марков, закончив северное отделение Педагогического института им. Герцена, возвратился на Север в Ербогаченскую эвенкийскую неполную среднюю школу.

В числе учителей северных школ есть и еще много прекрасных работников, настойчивых, упорных, хорошо владеющих педагогическим мастерством: Мельникова (школа при Чукотской культбазе), Ткачик (Аркинская школа Охотского района), Павлов и Рогозина (Ловозерская саамская школа), Лоскутов (Сортыньинская мансийская школа), Лысенко (Ферковская селькупская школа), Карпов (Канинская школа) и ряд других.

Это — все учителя, приехавшие для работы на Север из центра. Но на Севере есть и учительские кадры, подготовленные из среды самих народностей Севера.

В миссионерской школе, как правило, работали учителями русские.

Кое-где миссионерам удавалось, однако, подготовить учителей и из среды коренного населения. Такие учителя были на Амуре.

Но их было очень немного, и они не чувствовали близости со своим народом. Учительская работа в миссионерской школе противопоставляла их своему народу.

Один из таких учителей работает теперь в советской школе. И как он сам говорит, только в советское время почувствовал и громадное значение своей работы и радость педагогического труда. Это — М. Д. Муска, учитель Кольчомской нанайской школы. По национальности М. Д. Муска — нанаец. Он — первый учитель, вышедший из среды нанайского народа. Первоначальное образование М. Д. Муска получил в 90-е годы в Нижне-Тамбовской миссионерской школе. Потом стал учителем этой же школы.

«В раннем детстве, — рассказывает М. Д. Муска, — моей мечтой было выучиться на учителя. Я часто думал: «Вот я учусь, начинаю читать, писать. Значит, можно научить детей туземцев грамоте. И мне хотелось, чтобы не только я, но и другие дети, с кем я играл дома, охотился, ходил на рыбную ловлю, также стали грамотными».

После окончания Нижне-Тамбовской школы на выпускных испытаниях епархиальный наблюдатель Фатеев спросил ученика Муску: «Не хочешь ли ты быть учителем?». Муска был немного смущен этим вопросом. Конечно, ему хотелось быть учителем, и об этом он много думал, но ему это казалось невозможным, потому что до сих пор он не видел учителей из нанайцев. Муска недоверчиво посмотрел на епархиального наблюдателя Фатеева, но, увидев, что тот не смеет-

Учитель-нанаец М. Д. Муска. *Фото.*

Учитель-эвенк Н. В. Салаткин. В настоящее время аспирант Института народов Севера. *Фото.*

ся, а спрашивает вполне серьезно, ответил: «Да, хочу».

На лето Муска был оставлен у попа, и с ним должна была заниматься попадья с тем, чтобы подготовить его к экзаменам на звание учителя.

«Однако, — говорил Муска, — много заниматься мне с попадьей не пришлось. Вместо ученья она заставляла меня косить сено на поповском сенокосе, ходить за коровами, носить воду и выполнять другие домашние работы».

1 мая 1901 г. в Нижне-Тамбовск приехал епархиальный наблюдатель Фатеев. Была создана комиссия, в которую вошли Фатеев, поп, учитель и пристав, и Муска стал держать экзамен.

На экзамене Муску спрашивали катехизис, символ веры, заповеди, жития «святых» и т. д.

После экзаменов члены комиссии поздравили Муску со званием миссионерского учителя и выдали соответствующее удостоверение. М. Д. Муска стал учителем, но не таким, каким он мечтал быть.

С 1901 г. до самой Великой социалистической революции М. Д. Муска был миссионерским учителем, жил впроголодь и занимался делом, которого и сам не любил.

Он не рос, — от него и не требовалось культурного роста. Сиди в школе и заставляй учеников зубрить непонятные молитвы со всякими «коемуждо» и «дево радуйся».

Теперь М. Д. Муска 52 года. Педагогический стаж его исчисляется 32 годами. Свыше 10 лет он работает уже в советской школе.

«Учителем, другом своего народа, — говорит М. Д. Муска, — я стал только при советской власти. Только теперь сбылась моя мечта быть учителем, быть проводником образования среди нанайского народа».

У М. Д. Муска старший сын учился в Владивостокском медтехникуме, дочь учится в Николаевском педучилище народов Севера, второй сын учится в Койминской неполной средней школе, а третий сын и младшая дочь учатся в Кольчомской школе. Все они комсомольцы и пионеры.

«Дети мои, — заявляет Муска, — живут в счастливое время и учатся в школах, которые выковывают из них полезных и нужных людей для нашего социалистического Севера».

В советское время, будучи учителем, М. Д. Муска шесть раз был на курсах по переподготовке. Эти курсы помогли ему стряхнуть с себя неприятную накипь миссионерской

Учитель-нанаец Минчал. Окончил Педагогическое училище народов Севера в Николаевске-на-Амуре. *Фото.*

школы, помогли ему также в значительной мере вооружиться знаниями и методикой.

В настоящее время большинство народностей Севера, для которых создана своя национальная письменность, имеют и своих учителей. Есть учителя саамы, ненцы, ханты, эвенки, лураветланы, юиты, удехейцы, нанайцы, ульчи, нивхи и т. д.

В Нанайском и Ульчском национальных районах нет такой национальной школы, где бы не работали учителя из среды коренного населения.

Первые кадры таких учителей подготовлены Ленинградским институтом народов Севера, Николаевским педагогическим училищем народов Севера, краевыми курсами, а также путем практикантства.

На Чукотке, например, институт практикантства нашел довольно широкое распространение. Лураветланы и юиты, наиболее способные из окончивших начальную школу, назначались на педагогическую работу в качестве практикантов. Они работали под руководством опытных педагогов, которые помогали им составить план урока, подобрать для урока необходимый материал, давали методические указания, как лучше провести урок и т. д.

Практиканты обычно занимались с I и II классами, т. е. с теми классами, в которых обучение ведется на родном языке. По мере повышения общей грамотности и овладения педагогическим мастерством практиканты переводились в учителя и уже в дальнейшем вели педагогическую работу самостоятельно.

Среди этой группы учителей из среды коренного населения Севера есть учителя, сжившиеся со школой, любящие педагогическую работу, упорно работающие над повышением своего общеобразовательного уровня и педагогической квалификации. Из них выделяются прекрасные работники, достойные быть названными в числе лучших учителей Севера.

Вот, например, нанаец Аким Дмитриевич Самар, один из питомцев советской школы, ставший потом учителем.

Самару 20 лет. Он комсомолец. Общее образование у него небольшое, а специально педагогического почти совсем нет. Самар окончил всего лишь 3 класса Нижне-Халбинской нанайской школы, пятимесячные курсы политпросветработы и трехмесячные педагогические курсы.

Самар в школу пришел совершенно неподготовленным для педагогической работы. Да и сам он не чувствовал себя учителем. В школе А. Д. Самар ходил в шапке. Костюм у него был неопрятный. На уроках он занимался больше своим делом, чем с детьми.

Понравится Самару какая-нибудь книжка или газета, и он читает их, а класс предоставляет самому себе.

Во время перемен Самар в учительской не появлялся, а всегда был с учащимися. Это, конечно, не плохо. Но он с ними держал себя не как учитель.

Самар не обладал грамотностью. Это ему мешало по-серьезному заниматься педагогической деятельностью. Но Аким — энтузиаст, упорный, старательный парень. Он много работал над собой. Хорошее качество у Самара то, что он не скрывал своих недостатков. И если ему старшие, более опытные, учителя делали те или иные замечания, то он быстро исправлял свои промахи. Так, например, после бесед с заведующей учебной частью школы о том, какую роль играет костюм учителя в деле привития детям культурных навыков, Аким Дмитриевич стал приходить в школу в новом костюме, в чистой выглаженной рубашке и стал следить за собой. Аким Дмитриевич изменил и свое поведение в школе. Он быстро осознал роль учителя, и от былого мальчишества у него не осталось и следа.

Самару с его развитием и его подготовкой было особенно трудно стать хорошим учителем. Ему помогли русские товарищи.

Учитель-нанаец А. Д. Самар. Ныне студент Института народов Севера. *Фото.*

Надо особо отметить заслугу учителей Найхинской школы, которые разглядели в молодом нанайце большие возможности и поверили в его силы.

В школе для молодых учителей была организована педагогическая консультация. Аким Дмитриевич со всеми недоуменными вопросами обращался к консультирующим преподавателям. Даваемые ему задания выполнял аккуратно.

А. Д. Самар быстро рос на самой работе. Из него стал вырабатываться прекрасный педагог, осмысленно и с большим увлечением работающий на педагогическом поприще. И он заслуженно приобрел глубокое уважение и авторитет среди всего педагогического персонала и учащихся Найхинской школы.

«Если бы мне было предложено учиться на председателя рика, — говорит А. Д. Самар, — или председателя колхоза, врача, педагога и т. д., то я выбрал бы только педагогическое учебное заведение. Я, конечно, понимаю, что нам надо подготовить из своей среды и образованных председателей риков и образованных председателей колхозов, врачей и т. д. Но мне нравится педагогическая работа. Я люблю школу, люблю детей и на этом поприще, как мне кажется, смогу больше принести пользы».

Свою педагогическую деятельность А. Д. Самар хочет сочетать с творческой деятельностью писателя. Некоторые шаги в этом направлении А. Д. Самар уже делает.

О том, как возникло желание стать писателем и как он начал писать, А. Д. Самар рассказывает так:

«В 1933 г. я однажды зашел в Найхине в типографию. Там я в первый раз увидел, как печатается газета. На меня это произвело большое впечатление. Я не ограничился одним посещением типографии, а стал чаще заходить туда. В типографии я научился, как надо набирать газету и как ее надо печатать. В том же 1933 г. в Найхин пришли нанайский букварь и две маленькие нанайские книжечки, написанные В. А. Аврориным и А. Бельды: «Бедный человек Гара» и «Как Бага пошел учиться». Я прочитал эти книжечки, и у меня возникла мысль — «попробую я что-нибудь написать». Эту мысль я долго носил в себе и никому о ней не говорил. Очень хотел писать, но как-то боязно было начинать, — думаю, ничего не выйдет. Потом решил, что боязнь — плохое дело. Боятся зайцы, а человек — не заяц.

Я написал небольшую заметку о нарушении дисциплины комсомольцем Михаилом Заксор. Эту заметку я снес в редакцию газеты «Учебный путь», издававшейся в Найхине. Газета заметку напечатала.

Вскоре я прочитал свою заметку в газете. Это был первый мой, если так можно выразиться, писательский почин».

А. Д. Самар подолгу просиживал со стариками-сказочниками и записывал от них национальные сказки: о хитрой лисе, о нанайском герое Сынды и его сестре и ряд других. Некоторые из этих сказок он послал в Ленинградский институт народов Севера. Но сбором сказок он не ограничивался. Ему хотелось что-нибудь и самому написать. И он стал писать рассказы: «Я мало знаю — хочу больше знать», «Летний отдых», «Товарищи» и др.

Учительница школы при лураветланской (чукотской) культбазе Е. М. Пименова. *Фото.*

А. Д. Самар пишет и стихи. В них он воспевает Ленина, Сталина, новую жизнь, школу, чарующих своей веселостью нанайских ребят.

Вот нанайская песня Акима Самара «Гими вождю»:

Разум людей, как он широк—
Много шире топи лесной.
Разум людей, как он глубок —
Много глубже глуби морской.

В сердце людей сила крепка,
Крепче нет — и не найти.
Мощь головы — как велика,
Больше нет — и не найти.

Всех превзошел он высотой,
С облаком вровень встал над землей.
Зорко глядит вождь мировой,
Блещет людям яркой звездой.

Вот он стоит — твердой стопой,
Взором обводит шар весь земной.
Светит земле, в холод и зной,
Словно солнца луч золотой.

Всюду кругом свет и простор,
Воды текут прозрачно-чисты,
Всюду кругом алым ковром,
Землю крася, всходят цветы.

В небе, вверху, птицы парят,
Радостью сердце нам веселя,
Люди поют, строятся в ряд.
Вольной стала наша земля.

Сталин, ты — наш вождь и отец,
Первый товарищ в нашей борьбе,
Знай, миллионы верных сердец
Эту песню дарят тебе!

Осенью 1936 г. А. Д. Самар получил командировку в Ленинградский институт народов Севера на педагогическое отделение.

Он давно мечтал о том, чтоб поступить учиться. Теперь эта мечта его сбылась. Он учится.

Или вот еще один из таких учителей.

Директор Тельвисочной ненецкой неполной средней школы С. В. Ванеканев со своими учениками. *Фото.*

В ненецком национальном округе Архангельской области в качестве директора Тельвисочной ненецкой неполной средней школы работает молодой педагог-ненец С. В. Ванеканев.

Тов. Ванеканев — комсомолец, воспитанник Нарьянмарского ненецкого педучилища.

В 1935 г., по окончании педучилища, он был командирован в Варандейскую ненецкую начальную школу — одну из отдаленных школ ненецкого национального округа.

Два года т. Ванеканев проработал в этой школе и проявил себя как вдумчивый и хороший педагог. Ненецкий окроно выдвинул его в 1937 г. директором Тельвисочной ненецкой неполной средней школы.

Тов. Ванеканев любит свое педагогическое дело, пользуется авторитетом среди учителей и местного населения.

Немало времени он уделяет комсомольской и общественной работе. В Тельвисочном т. Ванеканев ведет среди населения кружки по вопросам политграмоты и по текущей политике.

Характерна тяга к учебе, к повышению своей квалификации у учителей из среды местного населения. Их уже немало, и с каждым годом число их растет.

Они близки к своему народу, повседневно с ним связаны. Работа их в своей родной школе, среди своего народа дает им много радости.

Народы, которые в недалеком еще прошлом имели сплошную неграмотность, теперь имеют свои школы, своих учителей.

Жизнь и работа каждого из них представляет исключительный интерес. Все они еще в самом недалеком прошлом пасли оленей, охотились в тайге, промышляли рыбу и были далеки от мысли, что выучатся и станут учителями.

Теперь они ими стали. Они работают с большим желанием.

О каждом из них можно написать книги, полные яркого, увлекательного содержания. Так богата и так разнообразна их жизнь и деятельность.

Педагогические кадры, подготовленные из среды народностей Севера, — это огромный результат ленинско-сталинской национальной политики, направленной к хозяйственному и культурному подъему ранее отсталых и вымиравших народностей Севера.

Конечно, работать на Севере не легко. Но тем-то и привлекает Север, что он еще не освоен. И для молодых инициативных учителей есть где проявить свои способности, свои волевые качества.

Их не пугают трудности роста, возникающие в процессе преобразования каторжного Севера в Север передовой, в Север социалистический.

Партия и советская власть, проводя неуклонно ленинско-сталинскую политику в отношении учителя, создают все возможности для плодотворной их деятельности. Никогда и нигде, ни в одной стране мира учитель не пользовался и не пользуется таким вниманием, заботой и любовью, как в нашей Стране Советов.

Учитель, работающий в национальных школах Крайнего Севера, по сравнению с массой учителей, работающих в центральных районах РСФСР, пользуется рядом преимуществ и льгот. Он получает повышенную ставку зарплаты. Он имеет удлиненный отпуск, сокращенный срок для получения периодических прибавок за выслугу лет, пенсии и т. д.

Партия и советская власть создают все условия к тому, чтобы учитель Крайнего Севера не отставал от развития советской педагогической мысли, чтоб он с каждым годом вооружался новыми знаниями и совершенствовал свое педагогическое мастерство.

У педагога никогда, в течение всей истории существования школы, не было таких богатых возможностей к повышению своей квалификации, какие у него имеются сейчас.

Учителя Севера вовлекаются в систему курсовых мероприятий (центральные, краевые, межрайонные, районные), методические конференции, заочное обучение и т. д.

Ежегодно с наступлением летних каникул значительная часть учителей Крайнего Севера выезжает в свои областные и краевые центры, в Ленинград и Москву и здесь знакомится с культурно-историческими памятниками, с новыми достижениями в области науки и техники.

Большое количество учителей Крайнего Севера в летний сезон отдыхает в местных домах отдыха и санаториях.

О многих трудностях первого года всеобуча учителя вспоминают теперь с улыбкой.

Стоит сравнить, например, прежний и новый путь в стойбище Джуэн. Это было одно из самых отдаленных и труднодоступных нанайских стойбищ. Учитель ехал в Джуэн так: от райцентра Троицкое на Амуре до Малмыжа пароходом. От Малмыжа до стойбища Болон лодкой или катером по протоке. Дальше — озеро, по которому в лодке же предстояло проехать 40 *км*. Если непогода застает в пути, приходится отсиживаться на безлюдном берегу, мокнуть и мерзнуть под дождем у костра. Впрочем, ночь у костра была неизбежна во всяком случае: без ночевки озера не переехать. Только после этого учитель попадал в Джуэн: два десятка маленьких фанз, длинные ряды сетей, развешенных для просушки на кольях.

Учитель-нанаец К. С. Деду. *Фото.*

А теперь в Джуэне слышны гудки паровоза — всего в 8 *км* от стойбища проходит железная дорога Волочаевск — Комсомольск.

Учитель мансийской школы Голошубин, — тот самый Голошубин, которому манси сначала не давали юрты под школу и жилье, который разбил свою палатку в кустах и пек лепешки под открытым небом, — он теперь живет там же на Сосьве, но в прекрасной отдельной квартире. Вечерами он готовится к урокам не при свете дымного жирника или свечи, даже не при свете керосиновой лампочки — у него в квартире электрическое освещение.

Очень неплохие квартиры для учителя, иногда из нескольких комнат и оборудованные мебелью, имеются при школах Найхинской, Нижне-Халбинской, Коймпнской, Ухтинской и в культбазах.

Главное, северный учитель не ощущает больше заброшенности, беспомощности своей. Как ни велики расстояния на Севере, они преодолеваются радио и самолетами. Учитель может за сотни верст получить консультацию. Он слушает концерты, новости о событиях, происходящих во всех концах родины (раньше, бывало, он получал «новости» оптом: в виде пудовой пачки «Правды», доставленной по первопутку). А случись с учителем несчастье, заболей он — самолет доставит в стойбище врача или вывезет, если потребуется, самого учителя в город. Такая помощь была оказана, например, одной сахалинской учительнице. Самолет же увез заболевшего школьника, ненца с Ямала, в Тюмень.

И сам труд учителя стал еще более радостным благодаря атмосфере внимания и заботы, какой он окружен.

Учительница юитской (эскимосской) школы Е. Ф. Ольшевская. Ныне студентка Педагогического института им. Герцена в Ленинграде. *Фото.*

Комсомолка Е. Ф. Ольшевская, с увлечением работавшая в Науканской школе, у юитов, очень скромно расценивала свои успехи. Ведь, за плечами только техникум. Сколько сложных неразрешенных вопросов методики, какие пробелы и в знаниях о крае и в общем образовании! Правда, молодая комсомолка работала, не покладая рук. В юитское стойбище она привезла «Капитал» Маркса и изучала его по-настоящему — с выписками, с конспектами. Усиленно читала экономическую, политическую и художественную литературу, не говоря уж о специальной педагогической.

Но так много встает ежедневно мелких практических вопросов, требующих немедленного разрешения; из них-то и складывается педагогическая практика. А верно ли она разрешает их?

С радостным смущением узнала Ольшевская, что ее школа признана лучшей в районе.

Ее спросили:

— Чем вас премировать, Елена Фадеевна?

— Учебой! — не задумываясь ответила девушка. — Пошлите меня в вуз. Кончу — вернусь сюда.

И вот Ольшевская — студентка педагогического вуза. В институтской библиотеке взяла комплект журнала «Начальная школа» — почитать, поучиться на опыте лучших, как надо работать.

Со страницы журнала глянуло на нее знакомое лицо — да это она сама! Ее фото помещено в журнале и снимки ее школы, ее ребятишек. О ней, о ее работе сообщают всем учителям страны, как об образце, достойном изучения и подражания.

Гордостью загорелось лицо молодой комсомолки, гордостью за страну, где так почетно звание учителя, где так велика забота о нем.

Глава тринадцатая

ПЕРВЫЕ ДНИ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ

Дети являлись в школу в довольно непривлекательном виде. Воспоминания учителей о внешности и привычках новичков в первое время всеобуча вполне единодушны.

«Мансийские дети, — рассказывает учитель А. В. Голошубин, — пришли в школу в своих малицах, ягушках и меховых сапогах. У всех мальчиков длинные волосы, заплетенные в косички и пропитанные рыбьим жиром. Лица детей немытые, грязные...».

Речь идет о мансийских детях юрт Ломбуожи в 1931 г.

А вот воспоминания учительницы Чукотки Е. М. Пименовой о лураветланских детях, пришедших в Энмиленскую школу:

«Первые дни в школе дети сидели на занятиях в меховых одеждах, сшитых из нерпичьих и оленьих шкур. Когда им становилось жарко, они снимали одежду до пояса и сидели голыми. У двоих учеников были ситцевые легкие рубашки. Но они никогда не стирались и выглядели очень грязными».

В таких же приблизительно выражениях описывает учительница Е. С. Рубцова юитов, учащихся Сиреникoвской школы:

«В чумах, ярангах, юртах, где дети живут до школы, их окружает самая незатейливая обстановка. Последняя часто состоит из очага, в котором круглые сутки поддерживается огонь, из низеньких нар, маленького, низенького столика и оленьих шкур вместо постели».

Е. С. Сергеева, работавшая в Привиденской юитской школе, сообщает:

«Эскимосы не моются потому, что имеется определенный бытовой закон, по которому мыться запрещается. Посуду дома также мыть нельзя — шаман запрещает снимать «священную» копоть.

Старуха-знахарка надевает девочкам, вступившим в биологическую зрелость, что-то вроде трусиков и плотно-плотно зашивает их. И религиозный закон запрещает менять эти трусики до тех пор, пока они не рассыпаются».

Стрижка волос тоже осложнена ритуальными обрядами и условностями. У каждого юита своя форма стрижки. Если все дети будут одинаково подстрижены,—думают они,— то они заболеют. У лураветланов выстригают детям макушку, а по краям оставляют спутанные грязные космы. Если остричь эти космы, детей возьмет «келе» — злой дух.

Дети привыкли есть сырое оленье мясо или сырую рыбу. С ранних лет они часто уже курят трубку, так же как и взрослые, их родители.

Но вот эти дети попадают в школу со светлыми, просторными комнатами, в кото-

Долганский школьник. *Фото.*

рых стоят столы и стулья, кровати, покрытые чистым бельем и одеялами. Их ведут на медицинский осмотр, где они часто впервые в жизни видят человека в белом халате, со странными и непонятными для них инструментами.

Этот человек, которого, как потом они узнают, называют доктором, пристально вглядывается в них, с помощью какой-то блестящей металлической трубки слушает у них биение сердца. Затем возле лопаток стучит молоточком, о чем-то расспрашивает учителя и т. д.

Поражает детей и тот распорядок дня, который установлен в школе, те требования, которые к ним предъявляются.

Учителя и воспитатели хотят, чтобы дети постриглись, надели чистое белье и новое верхнее платье.

Они хотят, чтобы дети каждый день мылись и систематически ходили в баню.

Пища необычна, дают ее в отдельных мисках или тарелках, и есть ее нужно ложками или вилками.

А когда кончается день и пора спать, то нужно ложиться не на низкие нары и привычные оленьи шкуры, а на кровати, с которых нетрудно и упасть.

К такой обстановке дети привыкали не сразу. Часто утром, придя в спальню, учитель видит: кровати стоят пустые, белье на них сбито, а дети, достав свою зимнюю одежду, одев ее на себя, спят на полу.

«Вера Осимбурова, — сообщает т. Канат из Остяко-Вогульского национального округа, — осталась в интернате, а мать ее ушла к себе в юрты.

Мою новую ученицу я положил спать на кровать, застланную чистым бельем. Рано утром на следующий день я зашел в интернат посмотреть, что стало с моей Верой. И оказывается, Вера разыскала свою одежду, надела на себя малицу и в ней спала на полу».

Привыкшая у себя дома в юрте спать на низких нарах и оленьих шкурах, Вера Осимбурова, попав в интернат, предпочла пол кровати и меховую малицу — чистому постельному белью.

С такими фактами учителям, работающим в школах на Севере, приходится встречаться не редко.

Стрижка у детей волос — эта простая санитарная мера — требует от воспитателей большого такта и выдержки, чтобы дети не увидели в ней насилия или похода против национальных обычаев вообще.

Дети, впрочем, соглашаются стричь волосы довольно скоро. А вот с родителями их на этой почве возникали иногда осложнения. На Чукотке, в культбазе, как только дети были пострижены, об этом быстро узнала тундра, и отовсюду, с различных ее концов, из самых далеких мест стали приезжать луораветланы на собаках в культбазу с тем, чтобы взять детей из школы и отвезти их обратно в свои стойбища.

Много потребовалось усилий со стороны учителя, чтобы родители отказались от своего намерения.

Научившись курить дома, дети продолжают курить и в школе. Отучить их от этой привычки не легко. Нужна серьезная воспитательная и разъяснительная работа и не только среди детей, но и среди их родителей.

Однажды учитель А. Д. Самар (нанаец) заметил, что один из учеников II класса в школе во время перемены курит трубку. Аким Дмитриевич раз поговорил с этим учеником, второй... Не действовало. Тогда он, заметив еще раз курящего ученика, отобрал у него трубку. Мальчик разобиделся, пошел домой и пожаловался отцу. На следующий день в школу пришел отец и заявил: «У моего сына вы отняли трубку. Больше я его не отпущу в школу».

Этому отцу долго пришлось разъяснять установленный порядок и правила поведения учащихся в школе, вред от курения особенно детям, прежде чем он согласился снова отдать своего сына в школу.

Большой такт и выдержка требуются от учителя, когда он ведет детей первый раз в баню.

Многие дети с опаской смотрят на баню. Не ждет ли их там что-нибудь страшное? Дома родители им говорили, что в бане живет «нечистый дух», что раньше никто из них не мылся в бане, что это — вредная выдумка учителя.

Учитель школы при Сахалинской культбазе пишет:

«Теперь остается еще один барьер — баня. У новичков она вызывает необыкновенный страх. Дома ребята никогда не мылись, а тут надо было обнажаться на глазах у чужих людей. Некоторые подолгу и упорно отказывались итти в баню. Зергула я, наконец, упросил пойти со мной вдвоем. Но, сняв верхнюю одежду, он наотрез отказался снимать белье:

— Давай так мыться, все скидывать не могу...» [156]

А вот что рассказывает о посещении бани детьми учитель луораветланской школы:

«В первые дни нельзя было пугать школьников баней, и мы ограничились выдачей белья. И только когда дети были острижены.

мы решили осторожно поднять вопрос о бане. После целого ряда бесед с детьми была затоплена баня.

... Всего вызвалось пять душ, не больше. Желающим принесли белье и банные принадлежности. Мы отправились. Оставшиеся провожали нас, затаив дыхание.

В бане было тепло, и дети с удовольствием начали сбрасывать одежду. Они давно уже не ходили по-домашнему, т. е. голыми, и теперь эта история с баней им очень понравилась. Дети с любопытством перескакивали с одного предмета на другой и бесконечно слышалось:

— Раным? (Что такое?)

... Я подошел к баку с холодной водой, подставил под кран таз, и оттуда полилась вода. Ребята, как бронзовые статуэтки, стояли полукругом около меня и посматривали.

Налив немного воды, я вылил ее на пол. Вода пошла мальчикам под ноги. Как ужаленные, они повскакали с места и забрались на скамейки.

— Что такое? — спрашиваю.

— Плохая вода.

Лураветланы боятся воды, ибо они верят, что в воду также вселяются злые духи «келе». Море, например, всегда холодное.

— Ну, идите, я вам покажу другую воду.

... Ребята не слезали со скамеек, а я составлял смесь из холодной и горячей воды. Затем, обходя ребят, каждому подносил таз с водой, и все они по очереди пробовали осторожно воду одним пальцем. После того как попробовал последний, я вылил на него весь таз. Не то от удивления, не то из-за «приличия», но карапуз разразился громким раскатистым смехом и сейчас же слез со скамейки». [157]

Учитель, работающий на Севере, встречает немало трудностей и при составлении рациона питания детей. Дети часто не едят пищи, приготовленной из продуктов, имеющихся в кооперативе, и требуют тех продуктов питания, которые употребляются у них дома, и притом в сыром виде.

«Трудно было, — рассказывает учитель Ломбуожской школы А. В. Голошубин, — организовать в интернате питание для мансийских детей. Многие продукты, которые школа получала из кооперации, дети не ели. Иногда прекрасно приготовленный, вкусный суп дети выливали на пол и взамен его просили сырое мясо и сырую рыбу. Хотя и редко, но все же мы давали им в сыром виде мясо. Не давать было нельзя, так как в этом случае дети ушли бы домой и ели бы там. Уход же ребят домой для нас был невыгоден, так как сейчас же по юртам поползли бы слухи, что «детей в школе кормят плохо, что они там голодают и т. д., а это привело бы к самым нежелательным для школы последствиям».

Или вот еще один пример:

Воспитательница Ловозерской саамской школы-интерната Н. А. Рогозина как-то купила в кооперации крупу и попросила повариху приготовить на обед молочную кашу. Ну, думала Рогозина, ребята сегодня останутся довольны обедом. Приходит в обеденный час в столовую — и что же? Дети коми едят кашу и «облизываются», а саамские дети размазывают кашу по столу и по тарелкам. Ни один из них даже не попробовал ее. И как учительница ни старалась доказать ребятам, что это очень вкусная и питательная каша, ее убеждения были тщетны. Ребята кашу не ели. Так и не удалось приучить ребят к манной каше, и от этого блюда пришлось отказаться.

Или однажды подали на завтрак картофель с маслом. И опять — дети коми едят, а саамы оставляют на столе свои блюда нетронутыми. Но это, однако, продолжалось недолго. Через три-четыре дня и саамы стали есть картофель. Потом это блюдо было одним из самых любимых блюд.

В октябре месяце 1935 г. в Ловозерскую школу-интернат привезли маленьких поросят. Для интерната это было целое событие. Дети то и дело стали появляться на кухне, кормили маленьких поросят, дали им имена, ухаживали за ними.

На следующий год, к 1 Мая, выращенный интернатом большой боров был заколот. Из мяса стали варить суп. И тут повторилась история с манной кашей и картофелем. Дети коми ели суп, а саамы решительно отказались от него.

Приходит однажды повариха и заявляет воспитателю Рогозиной: «Наталья Александровна, саамские дети говорят между собой, что суп из свинины они не будут есть».

И, действительно, когда дети пришли на обед, то ни один из них до супа не дотронулся. Тов. Рогозина стала упрашивать детей, чтобы они ели суп. Но, однако, как и в прошлые разы, ее уговоры не достигали цели. Ребята заявляли, что это не их пища, и отказывались есть. Прошло несколько дней. Повариха продолжала варить суп из свинины. Кое-как ребята к нему привыкли и стали есть. Мясо же они всегда выкладывали из своих тарелок и оставляли несъеденным.

Буквально то же самое было и в Найхинской нанайской школе:

«У ребят-нанайцев, — указывает воспитатель М. Н. Козулин, — требования к столу несколько иные, чем у русских детей.

Прошлый год мы варили молочный кисель. Ребята из русских семейств с удовольствием едят кисель, а нанайцы свои порции оставляют несъеденными. Однажды мы испекли пирог с брусникой. Хороший был пирог. Русские дети с большой охотой ели его, а нанайцы отказывались есть.

Нанайские дети, живущие в интернате, часто просят талу (сырую рыбу, настроганную мелкими ломтиками).

Вначале я отказывался давать им рыбу в сыром виде, но так как нанайские дети очень настойчиво просили сделать талу, то потом все же я пошел им навстречу. Узнав об этом решении, ребята ликовали. Из своей среды они выделили несколько человек для приготовления талы. Когда из мороженой рыбы была сделана тала и подана на стол, они ели, как самое лучшее, самое любимое кушанье».

Или вот, например, такой факт из жизни луораветланских школьников культбазы бухты Лаврентия.

Стол был накрыт. Учительница стала рассаживать детей. Впервые дети готовились к еде такой большой семьей. Они сидели за столом неподвижно и все посматривали на учительницу, которая сидела в конце стола и готовилась тоже ужинать вместе с ними.

Учительница пододвинула к себе ближе тарелку, взяла ложку и стала есть. Все, без всякого предупреждения, взялись за ложки, словно по команде, и принялись за суп.

Но, едва успев проглотить одну ложку супа, все побросали ложки на стол. Учительница в недоуменьи.

— В чем дело? Почему?

— Соль варкен (соль есть), — сказал один из них.

— Соль плохо.

Дети отказались от супа, потому что суп был посолен. Солить же не нужно было совершенно. Луораветланы не употребляют соли. Ребята сидели неподвижно, как и перед едой. Кормить кашей было уже нельзя, она тоже была варена с солью.

Пришлось приготовить детям другой ужин.

Вопрос правильной организации питания в школе-интернате на Севере имеет большое значение. Тут от учителя требуется большая гибкость, знакомство с бытом, привычками, религиозными верованиями народности, дети которой учатся в школе.

На почве неумелой организации питания в школе-интернате, особенно из-за пренебрежения к специфическим особенностям народностей Севера, и сейчас еще встречаются у учителей различные недоразумения с родителями.

В школе при Ямальской культбазе учился один ненецкий мальчик. Учителям пришлось употребить много усилий, чтобы завербовать его в школу. Отец мальчика, Анагурьян Павел, никак не соглашался отдать своего сына учиться. Лишь после ряда бесед, проведенных работниками культбазы, Анагурьян Павел изменил свое отношение к школе, и тогда он не только отдал своего сына учиться в школу, но и сам стал принимать активное участие в вербовке в школу других детей ненцев.

Маленький Анагурьян вначале в интернате чувствовал себя прекрасно. Это был подвижной, веселый, жизнерадостный мальчик. Но потом, на почве перемены питания, мальчик заболел расстройством желудка. Настроение его резко изменилось. Он часто стал плакать, скучать о доме и т. д. Учителя решили на несколько дней маленького Анагурьяна отпустить домой.

Когда он вернулся в чум и родители узнали, что у него неблагополучно с желудком, то, естественно, спросили, что он ел в школе-интернате. А он там, как и все другие дети, ел рыбу и, в частности, щуку. Об этом маленький Анагурьян и рассказал своим родителям. Оказалось, что в роду Анагурьяна щуку не едят, и то, что в школе его сына накормили щучьим мясом, резко изменило отношение Анагурьяна Павла к школе. Он наотрез отказался вторично послать сына в школу. Глядя на него, и другие ненцы стали поговаривать о том, чтобы взять обратно своих детей из школы.

Оказывается, здесь и щука имеет значение в деле отношения населения к школе. И с этим нельзя не считаться.

Конечно, все те трудности, о которых только что шла речь, не остаются на всех годах обучения. Они характерны скорее для первых дней пребывания детей в школе. И как только проходит месяц, второй,— дети уже становятся неузнаваемыми. Их перестают пугать кровати, стулья, столы. Они привыкают к новой пище, привыкают к бане и уже охотно ее посещают.

Учитель Марков даже растерялся, когда дети пришли к нему и потребовали: «Учитель, топи баню!». —«Но баня вчера была».— «Давай баню каждый день!»

Наконец, дети усвоили, что по интернатскому распорядку баня бывает в десятые

Пионерка-юитка Кагак. *Фото.*

числа (10, 20, 30 каждого месяца). И задолго до «банного числа» начинаются горячие споры, кому в какую смену итти. Каждому хочется попасть непременно в первую.

В выработке и закреплении культурных навыков очень помогают учителю общительные дети, обычно — пионеры, из числа «старых» учеников, т. е. проучившихся в школе год-два. По своей инициативе они берут как бы шефство над новичками.

Там, где учитель и воспитатель потратили бы недели на убеждения, такие пионеры-шефы своим примером, кстати сказанным словечком добиваются результатов в один миг.

В Науканской школе у т. Ольшевской таким драгоценным помощником была 12-летняя пионерка, юитская девочка Кагак, которая выделялась своим уменьем сплотить вокруг себя товарищей.

Особенно заметна роль пионеров в уничтожении элементов замкнутости среди учащихся в школах смешанного национального состава. Благодаря воспитательной работе учителя и его помощников-пионеров дети начинают чувствовать себя членами одной интернациональной семьи. У них появляются близкие теплые взаимоотношения.

Влияние школы в смысле привития детям санитарно-гигиенических и культурных навыков сказывается и на их жизни и быте, и у себя дома в своих юртах, чумах, яранга.

Георгий Меновщиков, бывший учитель Сиреникoвской юитской школы, говорит:

«Самым культурным элементом в среде эскимосов являются дети. Они несут культурные навыки из школы в семью».

Первыми в Сиреники стали стирать белье ученики Сиреникoвской школы.

«Вспоминаю, — говорит Меновщиков, — один замечательный случай, которому с трудом бы раньше поверил. Проходя как-то с ружьем по берегу маленькой Сиреникoвской речки, я увидел на камнях троих ребят; они нагнулись над самой водой, с большим увлечением перебирали в своих руках какие-то тряпки. Когда я окликнул их, на меня с удивлением уставились детские глаза и послышался ответ:

«Сам всегда говоришь: стирайте рубашки, чесотки не будет. А только очень вода холодная, руки мерзнут...». Все трое сидели на корточках и усердно комкали в ледяной воде раскрасневшимися руками щедро намыленное белье. И всего замечательнее было то, что в числе ребят был признанный неряха, наш математик — Пираус, и что ему-то и принадлежал этот почин»...

Если вы, будучи на Кольском полуострове, зайдете к саамам, то там, где есть дети, учащиеся в школе, вы непременно увидите на стене чистое отдельное полотенце, отдельный уголок для занятий, сумку с книгами, портреты вождей, рисунки...

Школа на Севере, воспитывая детей, является одним из каналов, по которым культура проникает в среду местного населения — в чумы, юрты, яранги.

Но и само население Севера, жизнь которого с каждым днем становится все зажиточнее, все больше и больше предъявляет требований к чистоте, уюту, культуре и в школе и дома.

Глава четырнадцатая

УЧЕБНАЯ РАБОТА

Когда дети из тайги и тундры впервые попадают в школу, они вначале боязливо входят в класс, недоверчиво посматривают на длинные ряды парт, на черную доску, висящую на стене, на счеты со странными желтыми деревянными шариками. Дома всего этого нет. Еще вчера мальчик или девочка были в своем чуме, копошились у очага, бегали по шуршащему белому ягелю, пасли оленей, выходили во время отлива на берег и осматривали гарвы, просиживали ночами у перевесей; и вдруг очутились в школе, в просторном светлом классе, за партой, в коридоре, который, как муравейник, кишит детворой, уже привыкшей ко всей школьной жизни.

На уроке учитель чувствует новичка. Не сразу тот привыкает к классной работе. Учитель спрашивает мальчика или девочку, а они прячутся за стол, закрываются книжками, тетрадями и молчат, а то и совсем выбегают из класса.

Но проходит неделя-две — и новички становятся веселы, с интересом проводят часы классных занятий, вечерами готовят домашние задания, играют, ходят в лес и охотятся на бурундука.

Значительная часть школ на Севере — школы-интернаты. Дети живут в них в течение круглых суток. Заведенный в интернатах распорядок и режим дня создают нормальные условия для учебных занятий в классе.

Труднее обеспечить нормальную работу в школе, при которой нет интернатов, где учатся дети приходящие. В этих безинтернатных школах не всегда, например, точно в 9 часов утра начинаются занятия.

Местное население еще не привыкло пользоваться часами и точно регламентировать во времени свой трудовой день. Бывает, что на стойбище ни у кого и часов-то нет. Вопрос о том, как оповестить о начале занятий учеников в школах с приходящим составом учащихся, приобретает большое значение.

Способы оповещения на практике встречаются самые разнообразные. У отдельных школ можно видеть висящий осколок железа, небольшой кусок рельса, колокол. Учитель, сторож в назначенное время бьют в железо или звонят в колокол. Таким образом, например, созывают детей в Калиновскую ульчскую школу.

В юитских и лураветланских школах на Чукотке за полчаса до начала занятий над зданием школы вывешивается флаг.

На крыше школьного домика, — рассказывает учитель Сиреникovской юитской

Нанайская школьница. *Фото.*

школы Георгий Меновщиков, — возвышается высокая мачта с веревками, как у парохода. Каждое утро в определенные часы школьный сторож Теуля подходит к основанию мачты, торопливо распутывает на морозе веревки и поднимает флаг.

Поднятый на мачту флаг широко развевается по ветру. Когда флаг поднят, это значит, что школьникам дан сигнал итти в школу, это значит, что для маленьких обитателей стойбища начинается трудовой день, — тогда по всему стойбищу из юрты в юрту, в снежную тундру, несутся звуки детских голосков:

— Флаг! Флаг! Флаг!

С радостными криками, проваливаясь в свеженаметенные сугробы, дети бегут в школу... Их лица покрыты здоровым румянцем от утреннего мороза, от радостного возбуждения... Они искренно любят школу, и, когда по утрам на школьной мачте поднимается красный флаг — спешат. Кто скорее!?

Так повторяется каждый день.

Некоторые трудности вносят полярные большие дни с незаходящим солнцем. Дети в это время стремятся подолгу задержаться на улице, поиграть.

«Весной, — говорит учительница Е. Ф. Ольшевская. — у наших ребят появляется неудержимая тяга к охоте. Разговоры в это время вращаются вокруг охоты. Как только кончается урок, они бегут на берег моря и возятся там с убитым зверем».

По рассказам учителей, дети ложатся спать нередко часа в два-три ночи. Естественно, что они или просыпают, или же приходят в школу невыспавшиеся, вялые.

В некоторых школах Заполярья с марта месяца учителя бывают вынуждены классные занятия отодвигать на более поздние часы: начинать уроки не с 9 часов утра, а с 12 или с часу дня.

Мешают нормальным занятиям и зимние пурги.

Жизнь северных школ богата такими эпизодами. Дети пробираются в школу во время пурги. Одетые в малицы, ягушки, пряча лица в меховую одежду, цепляясь друг за друга, идут они в школу. Идут бесстрашно, упорно. Идут, увязая в снежных сугробах,

Учитель-нанаец П. И. Бельды на уроке. *Фото*.

помогая друг другу справиться с ураганными шквалами ветра.

«Наше селение Наукан, — рассказывает Е. Ф. Ольшевская, учительница юпгской школы на Чукотке, — расположено на двух горах, разделенных протекающей посередине речкой. Школа стоит на склоне горы. Во время сильной пурги детям опасно бывает одним подниматься. Тогда их сопровождает кто-нибудь из взрослых. Он идет впереди детей, спускает веревку, те цепляются за нее и гуськом, один за другим, поднимаются в гору».

Но бывает и так, что из-за сильной пурги приостанавливаются занятия или переносятся с ранних часов на более поздние, чтобы дать время ученикам собраться. То же бывает весной и особенно осенью, когда разливаются реки и протоки и путь из ближних туземных селений становится непроходим. Тогда ученики едут в школу на лодках. В это время они часто запаздывают, особенно в непогоду.

Несмотря на отдельные случаи срывов учебных занятий из-за зимней пурги, из-за весенних разливов и т. д., все же учебный год в северных школах по количеству учебных дней приближается к нормальному. А во многих школах занятия уже стали вестись без всяких перебоев, начинаться и кончаться в одно время со школами центральной части РСФСР.

Существенным недостатком в работе северных школ, не изжитым еще до сих пор, является большой процент отсева и второгодничества. Пресловутые педологи, влияние которых сказалось и на работе северной школы, пытались объяснить это неспособностью детей народов Севера. Они усиленно пропагандировали так называемую «теорию» скидок на национальность, принесшую не мало вреда школе.

Были случаи на Севере, когда под прикрытием лженауки педологии целые группы учащихся относились в число отстающих. В отдельных районах даже поднимался вопрос об организации специальных школ для отстающих детей.

После постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов» проделана большая работа по выкорчевыванию вреда, причиненного школе практикой педологов.

Как никогда, теперь повысилась ответственность учителя за правильную организацию учебной работы в школе, за улучшение педагогического мастерства.

Достигнув значительных успехов по охвату детей, школа на Севере успешно борется за максимальное повышение качества своей работы, за прочное овладение основами наук, за воспитание активных строителей коммунистического общества.

Родной язык

В советской школе все национальности получили возможность обучаться на родном языке.

Это обстоятельство очень резко и наглядно подчеркнуло для местного населения разницу между старой миссионерской и новой советской школой.

Учительница Пименова рассказывает:

«Когда кто-нибудь из лураветланов приезжал в то селение, где я учительствовала, то непременно заходил в школу и слушал, как я преподаю на их языке. Это им очень нравилось. Один старый лураветлан, присутствовавший на уроке, был крайне удивлен тем, что мальчик, которого я вызвала при нем к доске, так много знает.

Иногда приезжие лураветланы, услыша в школе свою родную речь, поражались и недоумевали, как это русская женщина научилась говорить по-лураветлански».

Наряду с огромным политическим значением, обучение в школе на родном языке учащихся имеет также и большое педагогическое значение.

«Дитя, — писал великий русский педагог К. Д. Ушинский, — входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно через посредство отечественного языка, и, наоборот, мир, окружающий дитя, отражается в нем своей духовной стороной только через посредство той же среды отечественного языка».

Обучение на родном языке ускоряет процесс развития детей, вызывает у них интерес, любознательность, содействует сознательному и прочному усвоению ими знаний.

Можно себе представить, какая неимоверно большая затрата энергии, терпения и выдержки требуется от детей, когда они слушают рассказ учителя и не понимают его, в силу той простой причины, что они не владеют тем языком, на котором им рассказывает учитель. Такие уроки превращаются для них в тяжелое бремя и вызывают не любовь, а отвращение к школе.

И пусть в этом случае учитель не сетует на детей, когда на его уроках они занимаются посторонними делами: думают об охоте,

рыбном промысле, жизни тайги и т. д. Дети не виноваты в этом.

Большинство учителей, работающих на Севере, понимает, что обучение на родном языке учащихся — важнейшая политическая и педагогическая задача, одно из основных условий, обеспечивающих авторитет школы в глазах местного населения и успешность всей ее учебной работы. Но конкретные шаги в этом направлении встречают затруднения. Литературные языки для народов Севера создавались на основе одного наиболее передового и понятного из многих диалектов, на которых говорит данная народность, с использованием и других диалектов.

Однако между диалектами некоторых народностей существует такое различие, что говорящие на одном диалекте плохо понимают говорящих на другом.

Так, значительные различия имеются между кильдинским и иоканьгским диалектами у саамов, между сосьвинским и кондинским — у манси, между казымским и кондинским — у ханты и т. д.

Дети, выросшие в юртах, ярангах и чумах, придя в школу, говорят на том диалекте, на котором они говорили дома с родителями и жителями кочевья, поселка и стойбища. И часто учитель, хорошо владеющий литературным языком данного народа, сталкивается с тем, что дети не вполне понимают этот язык и учебные книги.

«Наши ребята, — говорит учительница Иоканьгской саамской школы, по национальности саам А. Л. Матрехина, — далеко не все слова понимают в саамском букваре. Это происходит потому, что букварь составлен на кильдинском диалекте, а наши учащиеся говорят на иоканьгском диалекте, а между этими диалектами есть значительная разница».

Трудности в обучении на родном языке происходят и оттого, что в значительном числе школ на Крайнем Севере учатся дети нескольких национальностей: саамы и русские; саамы, ненцы и русские; ненцы, коми и русские и т. д. В таких школах со смешанным составом учащихся не легко обеспечить обучение на родном языке.

В этих школах родной язык учащихся

Лувраветланская школьница. *Фото.*

На уроке родного языка в Болонской нанайской школе. *Фото.*

играет, в лучшем случае, вспомогательную роль и используется лишь тогда, когда детям непонятны объяснения учителя. Но это возможно лишь в случае, если учитель владеет северным языком.

Среди учителей, к сожалению, встречаются еще и такие, которые не только не знают национального языка, но и явно не дооценивают его политического и педагогического значения в обучении.

И обычно в школах, где работают такие учителя, низка грамотность учащихся, дети отстают в своем развитии.

Чрезвычайно сложен вопрос о преподавании на родном языке в северных школах. Те или иные мероприятия, не учитывающие своеобразия развития народа и его отдельных групп, его особенностей, его положения среди других народностей и взаимоотношений с русскими, ведут к искривлению национальной политики. Поэтому всякий раз при решении, казалось бы, самых мелких вопросов от учителя требуется четкое и всестороннее знание основ ленинско-сталинской национальной политики. Приходится в северной школе сталкиваться с такими примерами, когда некоторые учителя и работники отделов народного образования заставляют учиться по национальному букварю тех детей, которые с малых лет в семье своих родителей привыкли говорить только по-русски.

Есть целые группы населения среди народов Севера, которые, в силу ряда исторических причин и, в частности, в силу частых и близких соприкосновений с русскими, утратили свой родной язык и почти не говорят на нем.

В этих случаях недопустимо начинать обучение детей на языке, незнакомом им и забытом их родителями. Такое обучение будет только тормозить развитие детей. Оно может принести столь же плачевные результаты, как и тогда, когда детей, знающих до прихода в школу только местную, родную речь — один из северных языков, сразу начинают обучать на русском языке.

В некоторых школах, где учитель не владеет родным языком учащихся, в качестве помощников учителей привлекаются переводчики.

Опыт работы с переводчиками показывает, что эта мера не обеспечивает прочных результатов в обучении детей грамоте.

Вот что говорит по этому поводу учительница Науканской юитской школы Е. Ф. Ольшевская:

«Я стала привлекать на свои уроки переводчика Эммо. Я объясняла учебный материал на русском языке, а Эммо переводил его детям на родной язык.

Но эти уроки с переводчиком производили на меня грустное впечатление и продолжались очень недолго. Я старательно готовилась к урокам, подбирала интересный материал, излагала его в увлекательной форме.

Переводчик говорил сухо, монотонно, вяло, думаю, что и не особенно грамотно.

И я решила сама заняться изучением юитского языка».

То же говорит и учительница Е. М. Пименова.

«Когда я приехала на Чукотку и приступила к работе в качестве учительницы Энмиленской школы, я знала только три слова на луораветланском языке: мури (мы), тури (вы), тогам (пошли).

Чтобы лучше подойти к детям, я приглашала на уроки взрослых луораветланов, владеющих русским языком, чаще всего луораветлана Яйвансяу.

Но потом я отказалась от переводчиков, так как они передают ученикам не то, что говорит учитель.

Я принялась за изучение луораветланского языка. Моими учителями были и взрослые и дети. Ребятам очень нравилось то, что я с каждым днем все лучше и лучше говорила на их родном языке.

Задавая им уроки, я одновременно брала задание (урок) и себе.

Если на уроках я не могла найти то или иное слово на луораветланском языке, то ребята сейчас же подсказывали мне его. Они мне часто говорили: «Как хорошо было бы, если бы ты знала наш язык». Когда же я более или менее овладела луораветланским языком, они мне напоминали: «Помнишь, как ты плохо раньше нам рассказывала».

Когда я изучила луораветланский язык и присутствовала на уроках в других школах, в которых привлекались переводчики, то каждый раз я убеждалась в том, что работа с переводчиком далеко не дает тех результатов, на которые рассчитывает учитель».

Каждый педагог, если он с любовью и ответственностью относится к работе, не может не притти к такому решению: изучить национальный язык, овладеть им, использовать его как можно полнее в процессе обучения детей. Это — единственный правильный путь, на который должен стать учитель и на который уже и стали многие учителя школ на Севере.

Вот молодая учительница-комсомолка, Ирина Ивановна Наумова, окончившая в 1933 г. Николаевское педагогическое училище народов Севера. Она с большим успехом занимается в нанайской школе с 1 классом.

Вот учительница О. С. Миронова, работавшая в течение нескольких лет в нанайских школах.

Она окончила северное отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена. Она много времени уделяла изучению нанайского языка, завела специальную тетрадь и записывала в нее каждое вновь услышанное нанайское слово.

К урокам по родному языку т. Миронова кропотливо, тщательно готовилась: изготовляла наглядные пособия, по отдельным вопросам родного языка консультировалась у местного населения и у своих учащихся. Тов. Миронова к себе, как педагогу, предъявляла очень большие требования. Успехи учащихся в этой школе были хорошие.

С 1936/37 уч. г. в Нижне-Халбинской школе вместо О. С. Мироновой работала другая учительница — В. И. Пяхкель. Она тоже окончила Северное отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена и тоже успешно работала в школе.

Если вы зайдете в класс на урок к В. И. Пяхкель, то первое, что задержит ваше внимание, — это самодельные наглядные пособия. У В. И. Пяхкель, в результате большого педагогического опыта, накопленного за несколько лет ее работы на Севере, сложилось твердое убеждение в том, что наглядные пособия в северной школе имеют исключительное значение, несравненно большее, чем в обычной русской школе.

«Я не представляю себе урока в I классе, — говорит В. И. Пяхкель, — без применения наглядных пособий».

И так как для северной школы не созданы еще наглядные пособия, в которых она так остро нуждается, то В. И. Пяхкель почти каждый вечер, готовясь к урокам, изготавливает и наглядные пособия.

В качестве наглядных пособий на уроках родного языка В. И. Пяхкель широко использует картинки для рассказа и т. д.

Или вот учитель Сосьвинской мансийской школы А. В. Голошубин. Он имеет большой педагогический стаж и хорошо знает мансийский язык. Про него в своем инспекторском отчете А. Н. Баландин пишет так:

«Будучи опытным педагогом и хорошо владея педагогическим мастерством, А. В. Голошубин всю работу по преподаванию мансийского языка строил так, чтобы она давала наибольшую эффективность в смысле усвоения детьми учебного материала. Широко применяя наглядность, беседы по картинкам, составление коллективных рассказов в устной и письменной форме, используя различные виды диктанта (зрительный, свободный и т. д.), т. Голошубин во всех классах добился хорошей техники чтения и хорошей осмысленности прочитанного, развил у ребят природные задатки — четко и ясно излагать свою мысль на родном языке — и достиг неплохих результатов по развитию письменной речи».

Беглость чтения учащихся Сосьвинской мансийской школы к концу 1935/36 уч. г. по отдельным классам иллюстрирует следующая таблица.

Среднее количество слов на одного учащегося в минуту			
I класс	II класс	III класс	IV класс
23 (от 13 до 43)	35 (от 31 до 40)	46 (от 27 до 57)	50 (от 48 до 58)

Сочинение по картинкам, написанное учащимися IV класса, поражает читателя простотой языка, четкостью изложения мысли и отсутствием грубых орфографических ошибок.

В качестве одного из примеров приводим письмо ученика IV класса Сосьвинской школы Вингилева Егора, написанное им в течение 10 минут своему брату, студенту Ленинградского института народов Севера. Письмо даем в русском переводе с сохранением особенностей мансийского языка.

5 апреля.

Добрый день.

Я живу в культбазе. Шлю тебе свой привет. Мы, десять мальчиков, живем в одной комнате. В других комнатах живет больше. Два раза были каникулы. Я домой не ездил. Жил в культбазе. Во время учебы мы кушаем 4 раза в день. Пища очень хорошая. Питаемся сытно. Осенью плоховато жил. Теперь стал жить хорошо. Начал я теперь жить так, как мне говорит учитель и как говорит воспитатель. В интернате домашние задания тоже хорошо выполняю. Ждал от тебя вести. Верно — весть от тебя пришла. Алексей мне рассказал, как ты живешь. Теперь до свидания, твой братишка Вингилев Егор Егорович.

В этом письме Вингилев Егор сделал только одну орфографическую ошибку.

Преподавание на родном языке в школах на Севере ограничивается пока только двумя первыми классами. С третьего класса обучение ведется на русском языке, и родной язык, перестав быть языком обучения, продолжает быть учебным предметом школы.

Но преподавание родного языка в старших классах, к сожалению, один из самых слабых участков работы северной школы.

В значительном количестве школ на Севере родной язык в старших классах или совсем не преподается, или преподается неудовлетворительно. Последнее зависит от ряда недостатков: от отсутствия программы, разработанной методики, учебников родного языка, наглядных пособий и т. д.

Это приводит к тому, что многие навыки чтения и письма, которые учащиеся получают в I и II классах, быстро утрачиваются в III и IV классах.

В IV классе Иоканьгской школы ребята читают саамский букварь хуже учащихся I класса. Не закрепленные чтением книг на родном языке навыки быстро исчезли.

Русский язык

Русский язык является языком братского общения многочисленных народов, населяющих Союз Советских Социалистических Республик. Роль русского языка в условиях построения в СССР бесклассового социалистического общества поистине огромна.

Без овладения русским языком ранее угнетенные и отсталые народности не смогут подняться на вершины мировой науки, искусства, культуры. Вместе с тем русский язык чрезвычайно распространен в обиходе хозяйственной и общественной жизни народов Севера. Преподавание на родном языке в начальных школах Севера возможно ставить лишь только в первых двух классах. Поэтому русский язык с III класса становится не только предметом обучения, каким он является во II классе, а в некоторых школах и в I классе, но и языком обучения: в III классе учащиеся изучают русский язык и в то же время учатся на нем.

Преподавание русского языка, как учебного предмета, во II классе и обучение на русском языке в старших классах в северной школе встречает ряд трудностей.

Русскому языку начинают обучать тогда, когда дети еще очень слабо владеют грамотой на своем родном языке.

Кроме того, до 1937/38 г. детям приходилось, в связи с обучением русскому языку, начинать изучение другого алфавита.

Враги народа, буржуазные националисты, работавшие в Комитете нового алфавита, разработали письменность для народностей Севера на основе латинского, а не русского алфавита, с тем, чтобы помешать сближению этих народностей с русской культурой, помешать строительству социализма на Крайнем Севере.

Дети, учившиеся в северных школах, таким образом изучали два алфавита, две орфографические системы.

Необходимость перехода на другой алфавит значительно затрудняла обучение русскому языку.

На местах, в национальных округах и районах Севера передовой частью коренного населения неоднократно поднимался вопрос о переводе письменности с латинизированного алфавита на русский.

Многочисленные решения конференций, постановления и ходатайства туземных обществ Советское правительство удовлетворило и 7 марта 1937 г. вынесло соответствующее постановление о переводе письменности для народов Севера на основы русского алфавита.

Работа над созданием букварей, книг для чтения, учебников, грамматик, словарей, общественно-политической и художественной литературы на северных языках проводится сейчас на основе русского алфавита и русской орфографической системы.

Решение советской власти о переводе письменности народов Севера на алфавит, построенный на основе русского, еще быстрее двинет вперед культурное развитие народов Севера и значительно облегчит народам Севера изучение русской письменности и русского языка.

Существенная трудность при обучении русскому языку в северной школе заключается в фонетических, морфологических и синтаксических различиях русского языка в сравнении с родным языком учащихся.

Дети саамов, например, не различают *п* и *б*. В их языке нет звуков, обозначаемых буквами *б*, *г*, *д* (так называемых звучно-смычных). И при диктовке дети спрашивают: «Какое *п* писать — с хвостиком или без хвостика?», имея в виду *п* и *б*.

Трудно дается маленьким саамам и различение шипящих (*ш* и *ж*) звуков.

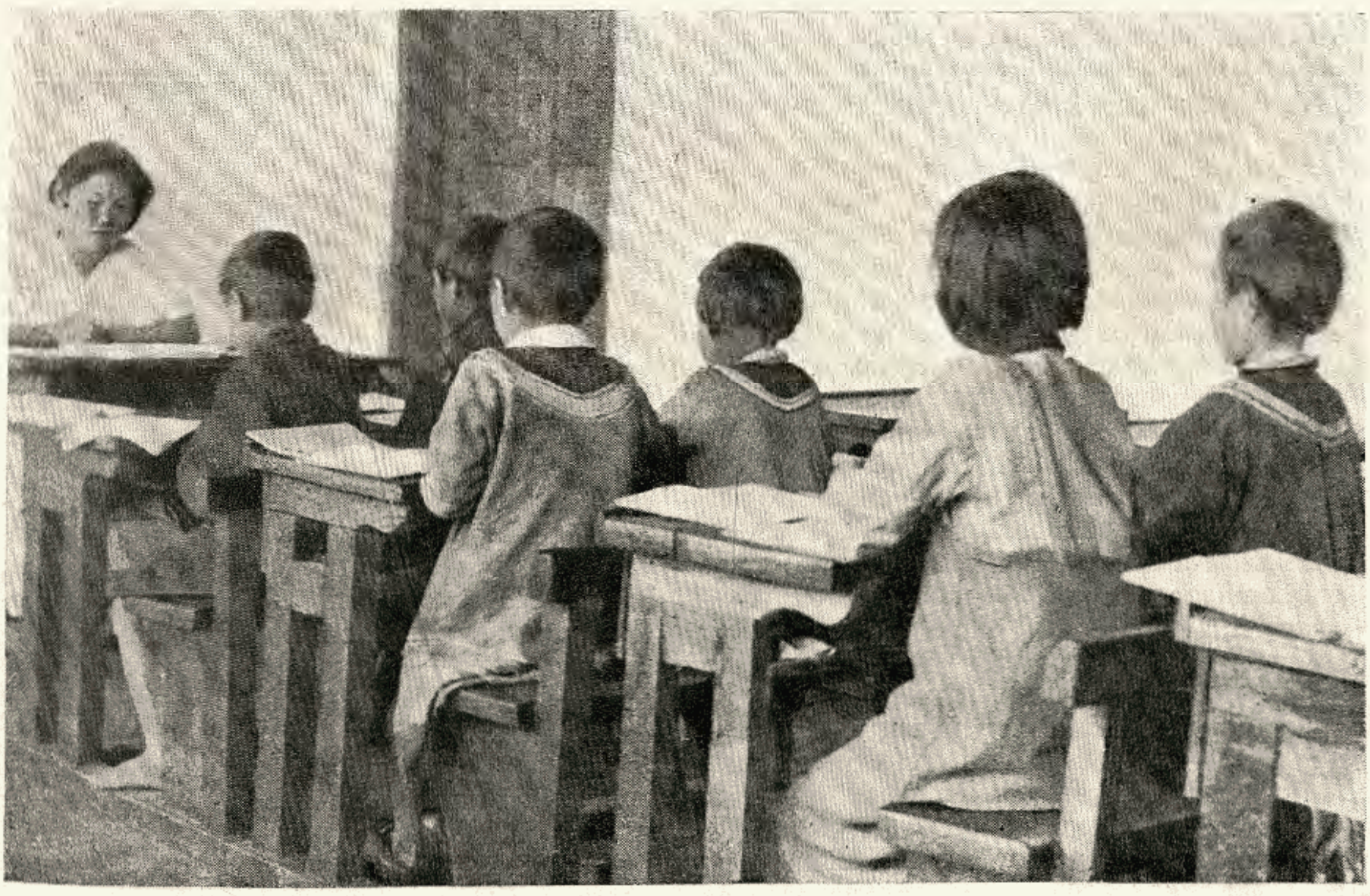
Просматривая тетради учащихся IV класса Иоканьгской школы, нельзя не заметить следующие типичные ошибки: Петр Куроптев вместо *голубого* пишет *колупого*, вместо *сугробом — сукропом*, вместо *ослепительного — ослебительного*, вместо *пахнет — бахнет*, вместо *запотели — заботели*, вместо *зашевелились — зажсевелились* и т. д.

Аналогичные ошибки фонетического происхождения представляют обычное явление в тетрадях других учащихся Иоканьгской школы, а также Лумбовской, Ловозерской и Пулозерской саамских школ, причем характерно, что дети-саамы, особенно старших классов, пишут более или менее грамотно до тех пор, пока не встретится слово с одной из указанных букв.

Такие явления встречаются в школах и других народностей Севера.

Так, например, в языке хантов отсутствуют звонкие и глухие звуки, а есть средний звук между глухим и звонким. И поэтому учащиеся-ханты, когда при диктантах встречаются такие буквы, как *п*, *б*, становятся втупик и часто пишут наугад.

Совершенно так же не различают *п* и *б* (вообще глухие и звонкие звуки) юиты, луораветланы и нымыланы.

На занятиях в Болонской нанайской школе, *Фото*,

На уроке в Ербогаченской эвенкийской школе. *Фото.*

У нымыланов семь звуков — *с*, *з*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* — воспринимаются как один и тот же звук *с*. Ученики, чтобы не запутаться в столь похожих между собой звуках, сами выдумали названия различным буквам. Букву *ш* они назвали «*с* — ипаранцу», то есть «*с* — подпорки», букву *б* — «*п* — номнылькен», то есть «*п* — хвостатое».

В лураветланском и юитском языках есть ряд таких звуков, которых нет в русском языке, и наоборот, в русском языке есть такие звуки, каких нет в лураветланском и юитском языках.

Так, например, в лураветланском и юитском языках нет звука, обозначаемого буквой *б*. В словах, в которых встречается буква *б*, учащиеся вместо нее пишут *п*. Юиты *я* произносят как *а*, часто они также путают *о* и *у*, *и* и *е* и т. д.

На фонетические трудности при преподавании русского языка указывают и учителя, работающие в нанайских школах.

Вот что сообщает по этому поводу преподаватель русского языка Найхинской неполной средней школы:

«Учащиеся-нанайцы трудно усваивают раздел программы со звонкими и глухими согласными и безударными гласными. Например, пишут: вместо *пил — бил*, вместо *гудок — гуток* и т. д.».

Фонетические различия — не единственная трудность при обучении детей народов Севера русскому языку. Серьезные затруднения встречаются и в области строя языка.

Например, в северных языках нет категории грамматического рода. И поэтому в ученических тетрадях часты ошибки в согласованиях. Слушая речь нанайского учащегося, часто замечаешь, что он говорит: не «человек пошел», а «человек пошла», не «дом большой», а «дом большая» и т. д.

Совершенно недопустимы приемы, к которым прибегают иногда некоторые учителя.

Побуждаемые, казалось бы, самыми «добрыми» чувствами и намерениями — сделать свой рассказ доступным и понятным для учащихся, такие учителя начинают говорить с детьми на ломаном русском языке, становятся на путь подражания им.

Тогда фразы: «я пошел в тайгу», «ты пошел в тайгу», не дошедшие сразу до сознания детей, подаются в такой редакции: «моя пошла в тайгу», «твоя пошла в тайгу».

Такие уроки, какими бы побуждениями они ни были продиктованы, — издевательство и над детьми и над самим русским языком.

Отсутствие в родном языке предлогов затрудняет понимание русского синтаксиса учащимися.

«Одной из самых слабых сторон преподавания русского языка в мансийских школах, — совершенно справедливо пишет в своем отчете инспектор по северным школам Омской области А. Н. Баландин, — является незнание русскими учителями родного языка учащихся и механический подход к преподаванию русского языка детям.

Преподаватели, не уделяя должного внимания изучению северного языка и его фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, при обнаружении в контрольном диктанте до 50 ошибок ахают, удивляются: «Как, мол, это могло случиться? Подвели меня ребята».

Не ребята подвели учительницу, а она подвела и себя и, *главное*, *ребят* тем, что не смогла поставить преподавание русского языка так, как это нужно в условиях северной школы.

Отсутствие последовательной работы над звонкими и глухими согласными, гласными и т. п. является одной из очень важных причин низкой грамотности учащихся по русскому языку. И инспектор т. Баландин совершенно прав. Нельзя научить детей народностей Севера хорошо владеть русской речью, если учитель не может объяснить происхождения типичных ошибок, являющихся следствием фонетических, морфологических и других особенностей языков — родного и русского.

Что касается методики преподавания русского языка, то учителя северных школ пользуются двумя методами — натуральным и переводным. Учителя, вышедшие из среды народов Севера, родной язык которых является одновременно родным языком и уча-

щихся, чаще используют переводный метод. Русские же учителя, плохо владеющие родной речью учащихся, больше используют натуральный метод — показ предметов. Лучшие учителя комбинируют во время урока оба метода и этим единственно правильным путем добиваются очень хороших результатов.

«В процессе обучения детей-саамов русскому языку,—говорит учительница Иоканьгской школы А. Л. Матрехина,—я часто прибегаю к родному языку. С помощью родного языка я помогаю ребятам овладеть русским языком. На уроках русского языка каждое непонятное слово я перевожу на родной язык.

Без знания учителем родного языка учащихся научить их читать и писать на русском языке очень трудно.

Чтобы несколько разнообразить уроки, я привлекаю разрезные картинки».

А. В. Голошубин, учитель мансийской школы, хорошо владеющий мансийским языком, очень широко использует на уроках наглядные пособия.

Попадающий на урок русского языка к А. В. Голошубину педагог сначала несколько недоумевает: да урок ли это русского языка?

Такой вопрос сам собою напрашивается, когда вы смотрите на учительский стол, заваленный детскими рисунками, различными иллюстрациями, предметами растительного и животного мира и т. д.

Но скоро вы убеждаетесь в том, что все эти предметы в класс принесены А. В. Голошубиным не случайно. Они ему нужны как материал для заранее подготовленного, педагогически продуманного и хорошо спланированного урока разговорной речи по русскому языку.

Учитель А. В. Голошубин берет со стола ветку ели и, держа ее в руках перед классом, спрашивает одного из учащихся — «что это?».

Мальчик отвечает: «тов».

— Нет, нет, ты мне скажи по-русски!

Мальчик дает новый ответ: ветка.

Потом он показывает детский рисунок и спрашивает, что на нем нарисовано, затем поднимает перед классом шкурку белки и т. д.

Урок проходит оживленно, интересно. В памяти у ребят плотно откладываются русские слова.

На следующий урок А. В. Голошубин приносит новый, заранее им подобранный материал и так постепенно прививает детям навыки разговорной речи на русском языке.

В одной из нанайских школ в I классе, наряду с обыкновенными буквами, вырезанными из картона, вывешены две буквы *б* и *п* большого формата, окрашенные в красный цвет.

Обследователь поинтересовался у учителя, почему такое большое внимание уделяется буквам *б* и *п*? Учитель ответил:

«Нанайские дети с большим трудом различают звуки, обозначаемые буквами *б* и *п*. Я не могу добиться того, чтобы дети правильно читали и писали слова с употреблением этих букв. Я, конечно, стараюсь выяснить фонетические качества каждого звука, обозначаемого той или иной буквой. Но этого мало. Надо, чтобы дети и зрительно хорошо усвоили эти буквы. И вот, когда я составляю из букв ту или иную фразу, то вместо маленьких букв *б* и *п* в этой фразе вставляю большие красочные буквы *Б* и *П*. Результаты от этого получаются неплохие. Дети, видя выделенные большие буквы, вспоминают обозначаемый ими звук и произносят слова фонетически правильно».

У детей Севера — прекрасная зрительная память. Известно, что они легко ориентируются в самой глухой тайге. Раз увиденную засечку на дереве дети запоминают надолго.

Эти качества детей, выросших в своеобразных условиях Севера, нельзя не использовать в школе и, в частности, на уроках русского языка, и тогда процесс овладения ранее незнакомой речью пошел бы гораздо быстрее.

Во многих северных школах, особенно в тех, где работают инициативные учителя, любовно относящиеся к порученному делу, в числе самодельных наглядных пособий можно встретить вырезанные из картона буквы, цветные плакаты с отдельными словами и фразами, самодельные картины с северной тематикой для развития устной речи учащихся.

Многие учителя, обращая серьезное внимание на постановку преподавания русского языка в северной школе, внимательно следят за правильным чтением и письмом учащихся дома и в классе, ведут учет индивидуальных и групповых ошибок учащихся, составляют на наиболее распространенные ошибки специальные диктанты и т. д.

Решающая роль учителя в постановке преподавания хорошо видна из сравнения результатов работы двух школ Канинской тундры.

Две школы работали рядом: одна для ненцев, другая для русских детей. В ненецкой школе много лет преподавал русский язык старый, опытный, инициативный учитель Карпов. Весной 1937 г. на проверочных испытаниях по окончании IV класса его ученики-ненцы дали гораздо лучшие показатели по русскому языку, чем их русские товарищи из русской школы. У ненцев оказалось меньше орфографических ошибок и правильнее была построена речь.

Математика

Учитель одной эвенкийской школы диктовал ребятам задачу:

— Охотник за день убил 1000 белок. Второй охотник убил за день 1200 белок. Сколько белок убили *оба охотника?*

Ребята переглянулись. Некоторые опустили глаза в явном смущении. Ни один не приступал к решению задачи.

Учитель недоумевал: примеры на такие *числа школьники* решали без труда. Начал повторять условие.

Тогда в классе *поднялся смех. Кто-то* крикнул: «Попробуй сам убить хоть 100 белок в день!».

Учителю стало ясно, что задача крайне неудачна, что в ней неправильно отражена *действительность*.

Преподавателю математики приходится считаться с особенностями счета, имеющимися в языке отдельных народностей Севера.

В языке некоторых народностей совсем *не существует* абстрактного числа.

В нивхском языке, например, установлено более двадцати *категорий разнообразных* числительных. У нивхов нет счета вообще, а есть счет конкретных предметов. Одни числительные служат для орудий труда, совсем другие для предметов труда. Людей *считают числительными одной* категории (нин), но зубы и глаза числительными другой (ник), волосы, ребра — третьей (*н, эх*), а руки — четвертой (н, васк).

У нивхов нет единого порядкового счета «первый», «второй», «третий» и т. д., который распространялся бы на все предметы, независимо от *их формы. Когда нивху нужно* обозначить, например, первый в порядке расположения дом в стойбище, то он не скажет: «первый дом», а говорит: «дом, находящийся в верхнем конце стойбища», или «дом, *находящийся в нижнем конце стойбища».* Если же нужно указать на «третий дом», нивх скажет так: «дом, находящийся в *верхнем* конце деревни, еще следующий находящийся (за ним) дом, еще следующий находящийся (за ним) дом, — выражая, таким образом, понятие третий. Таким же описательным способом *выражается понятие «четвертый* дом» и т. д.

Учитель, не знакомый со счетом у нымыланов и лураветланов, будет очень удивлен тем, что взрослые и дети легко считают *двадцатками и не справляются* со счетом до пяти.

Чрезвычайно трудно приходится учителю, когда он приступает к объяснению учащимся понятий увеличения или уменьшения числа на несколько единиц или в несколько раз.

Эти математические понятия усваиваются детьми северных школ с большим трудом *благодаря тому*, что во многих северных языках нет предлогов. И поэтому учащимся совершенно непонятен смысл, *который* придают предлоги тому или иному слову и выражению.

Но все эти трудности, порожденные историей развития северных народов, преодо*лены. Преодолены с помощью* соответствующих методических пособий, облегчающих труд учителя и помогающих детям прочнее и основательнее усваивать математические знания.

Особенно важно наладить обмен опытом работы среди самих учителей; это дало бы *возможность вовлечь в методическое твор*чество массового учителя, часто тихо и незаметно достигающего больших и интересных результатов.

Арифметика в северных школах завоевала *себе прочное положение* и является одним из любимых занятий учащихся.

Многочисленные *наблюдения учителей в се*верных школах говорят о наличии у детей народов Севера не только интереса к математике, но и определенных математических способностей. Среди учащихся северных *школ нередко выделяются талантливые* юные математики, поражающие и учителя-практика и ученого-исследователя быстротой, *а* иногда и своеобразным методом решения задач.

«*Увлечение* математикой, — говорит учитель А. В. Голошубин, — является характерной чертой *большинства мансийских* детей.

В первый год работы в мансийской школе меня всегда поражала быстрота, с которой мансийские дети производят арифметические *вычисления. Они часто не прибегают к* записям, а операции с числовыми величинами производят в уме.

Особенно оживленно проходят уроки по арифметике в I и во II классах, когда *арифметические* задачи даются детям на знакомом и близком для них локальном материале».

В Иоканьгской саамской школе в I классе выделяется своими математическими способностями Федя Матрехин.

В школе Федю Матрехина прозвали счетоводом. В *представлении саамских* детей самым лучшим математиком является сче-

товод колхоза или кооператива. И так как Федя Матрехин всегда быстрее, чем кто-либо не только из I класса, где он учится, но и из II класса, решает арифметические задачи, то товарищи ему «пророчат» в будущем быть «счетоводом».

Арифметика — это самый любимый предмет Феди Матрехина. Если в I классе идет урок родного языка, а во II, занимающемся в одной комнате с I, — математика, то Федя Матрехин непременно прислушивается к тому, какие примеры учительница задает детям. Федя Матрехин про себя тоже их решает, и как только тот или иной ученик затрудняется дать правильный ответ, Федя Матрехин непременно поднимет руку и скажет: «Я отвечу».

Талантливым математиком, Пашей Албиным, по праву гордится Ломбуожская мансийская школа.

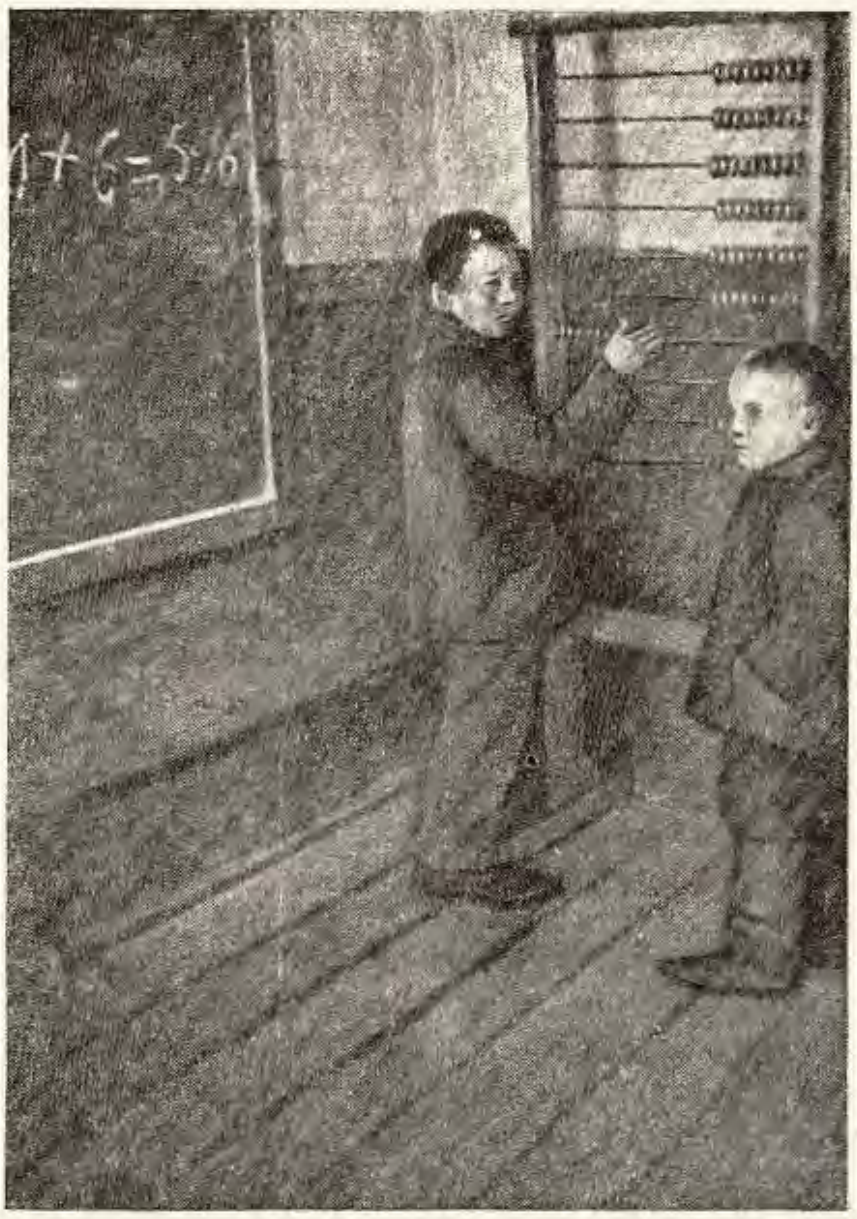
Математические способности Паши известны всему мансийскому населению Ломбуожских юрт. Однажды население даже обратилось к учителю с просьбой, чтобы он послал Пашу Албина в оленье стадо с тем, чтобы Паша произвел там учет поголовья. Паша Албин ведет постоянно учет рыбы, добытой Ломбуожской артелью.

В другой, тоже мансийской, школе — Сосьвинской, среди учащихся по своим математическим способностям выделяется ученик III класса Вася Албин, 10 лет. Про него рассказывают, что на весенних испытаниях он поразил представителей ГУСМП своими математическими способностями. Задачи, которые не могли решить учащиеся IV класса, Вася Албин решал правильно и быстро. Если ученики IV класса успевали решить 3 задачи, то в то же время Вася Албин решал до 6—7 задач.

О таких же талантливых математиках-юнтах рассказывает учитель Сиреникovской школы Г. Меновщиков:

«Во II классе, — говорит он, — у меня был очень неварачный, часто грязный ученик-юит Пиураус. Но, несмотря на свою неряшливость, которой в школе мы объявляли самую непримиримую борьбу, он был моим любимейшим учеником. Это — поистине талантливый мальчик по математике и способный ученик по прочим дисциплинам в нашей школе.

Я проводил занятия по математике в IV классе. Во II классе, здесь же рядом, проходил самостоятельный урок арифметики. Пиураус сидел на первой парте, часовое задание выполнял в несколько минут и затем наблюдал за работой IV класса. В IV

На уроке математики в Иоканьгской саамской школе. Справа Федя Матрехин. *Фото.*

классе мы проходили дроби и проценты. Когда тот или иной ученик из этого класса не мог решить на доске задачи или примера, а остальные товарищи не могли ему в этом помочь, тогда обычно поднималась маленькая рука Пиураус, и он смущенно, но с вечной улыбкой на широком лице, спрашивал:

— Можно, я отвечу?

Я разрешал ему отвечать за четвероклассников и всегда быстро получал точный ответ.

Часто на уроках практиковали мы устный счет. В устном счете на любые величины Пиураус превосходил иногда даже меня.

Однажды правление Сиреникovской артели сдавало большую партию сырья морского зверя и пушнины в кооператив. Принимал заготовки продавец кооператива — юит Кирчи, бывший мой ученик на курсах ликбеза. Между Кирчи и членами правления колхоза завязался спор о сумме денег, причитающейся за сданное сырье: цифры общей стоимости сырья, полученные при подсчете обеими сторонами, были различны. Обратились ко мне. Мой подсчет дал третью цифру. Тогда был приглашен Пиураус. Пиу-

раус подсчитал три раза и получил ту же цифру, что и я. С этого времени он стал *непременным членом всякого рода* ревизионных комиссий стойбища».

Большое значение в правильной постановке преподавания математики играют в северной школе учебники и арифметические задачники на родном языке учащихся.

В тех школах, где в младших классах *обучение ведется* на родном языке учащихся, учитель широко пользуется ими. В школах же, где обучение ведется на русском языке, в качестве учебников используются обычные русские учебники.

Учебники, составленные на родном языке с привлечением локального материала, *близкого и знакомого* детям, очень облегчают труд учителя и делают уроки живыми и интересными.

Дети с большим увлечением подсчитывают количество добытых белок, подстреленных и сданных в кооператив бурундуков, выловленной рыбы и т. д.

Зная это, многие учителя северных школ, не довольствуясь задачами, приведенными в учебнике по арифметике, сами занимаются составлением задач. Учительница Иоканьгской саамской школы *А. Л. Матрехина*, занимавшаяся с I и II классами, сама составляла задачи, стараясь привлекать *местный* материал, который для ребят является близким, доступным, интересным. «Если дать задачу на вычисление ряжи, — говорит она, — то такая задача не вызовет интереса у ребят, так как они не *имеют* представления о ряжи. Иначе относятся ребята к решению задач, построенных на местном *материале*, например:

— Отец Феди Матрехина поймал с помощью гарвы 3 семги, а отец Алексея Матрехина поймал 2 семги. Сколько всего было поймано семг?».

Вот урок арифметики, проходивший в I классе Коймицкой ульчской школы.

— *Достаньте* свои кубики, положите на парты. Шура, просчитай до десяти!

Это сказано по-ульчски: весь урок идет на родном языке.

Шура приподнялся из-за парты и спокойно начал считать: «один, два, три, четыре...».

— Ваня, просчитай ты!.. Петя, ты *просчитай!*». После этого учитель дал для решения задачу:

— Колхозники закинули два раза невод. Первый раз поймали три кеты и второй раз — четыре кеты. Сколько всего колхозники поймали рыбы?

Ребята взяли кубики, стали подсчитывать. Рука за рукой поднимались вверх — решили! Учитель не торопится, незаметно поглядывает на Ваню, самого слабого ученика в классе. Тот еще перекладывает нерешительно свои кубики.

Восемь, девять рук вытянулись — учитель ждет. *Дисциплина в классе отличная; никто* не выкрикивает решения раньше времени.

Только когда поднялась одиннадцатая, последняя, Ванина рука, учитель спросил — и именно Ваню:

— Сколько, Ваня, колхозники выловили кеты?

— *Семь рыб*, — *ответил Ваня*.

— Ну, Шура, а по-твоему?

— Тоже семь.

— Петя, а ты как думаешь?

— Семь рыб.

— Верно!

Ваня сияет.

Для учителя с двухлетним всего стажем — очень неплохо: весь класс втянут в работу, получил нужное поощрение отстающий ученик.

Дальше урок проходит так же живо, учащиеся с интересом решают задачи на добычу бурундуков, белки, на улов рыбы и т. д. *Кубики так и живут в ребячьих руках.*

Далеко не во всех школах, однако, дело с преподаванием арифметики обстоит хорошо.

Вот идет урок арифметики во II классе Каргинской нанайской школы. В классе присутствуют всего 7 учащихся. Занимается учительница В. П. Волгина. Дети почему-то *сидят за высокими* партами, когда рядом стоят парты, приспособленные к росту учащихся. Наглядные пособия на уроке отсутствуют.

Учащиеся достали тетради. В них ведутся записи и по арифметике и по русскому языку, тут же рисунки и другие записи.

Учительница спрашивает:

— Ребята, все решили задачи?

— Я решил... Я решил...

Остальные молчат.

— Боря, прочитай первую задачу.

Боря поднимается из-за высокой парты и тихо читает:

— *Один да один* — два.

— Шура, ты прочти задачу.

Шура встает и тоже читает:

— Один да два — три.

Учительница примеры называет задачами. Она уверена, что решает с ребятами много задач, но на деле ограничивается только примерами.

Урок продолжается. Учительница спрашивает девочку:

— К 5 прибавить 1 — сколько получится?

Девочка молчит.

— Ну, сколько получится? — повторяет учительница.

Девочка робко отвечает:

— Семь.

— Неправильно, пересчитай.

Девочка смотрит на пальцы, считает. В это время учительница обращается к одному из учеников:

— Андрюша, встань и отвечай.

Андрюша сидит. С первой парты Боря поднимает руку и говорит:

— Он не понимает по-русски.

Андрюша, очевидно, догадывается, что речь идет о нем, встал и молчит.

Учительница обращается к другому ученику:

— Кирюша, почему не выполнил домашнее задание?

Кирюша молчит. За него отвечает девочка:

— Он бегал за бурундуками.

Андрюша и Кирюша садятся на свои места.

Учительница неровными чертами нарисовала квадрат на доске.

— Такой же квадрат, ребята, и вы рисуйте у себя в тетрадях. Рисуйте квадрат так, чтобы все четыре стороны его были между собой равны.

Кирюша посмотрел на доску и провел у себя в тетради такую же неровную черту. Потом он снова взглянул на доску и провел новую черту. Через несколько минут у большинства ребят был нарисован квадрат такой же, как и на доске: с кривыми сторонами, не равными между собою.

Если ребята и затвердят: «прямые линии», «равные стороны», — все-таки поверить в это они не смогут: глаз говорит другое.

Такой урок — не просто растрата 45 минут времени, гораздо хуже: он — агитация против школы.

Как урок может служить агитацией за школу — видно из другого примера.

В Йоканьге саам-отец хотел взять сына из школы: «Пусть теперь пасет оленей! Два года учился, хватит».

Учитель постарался привлечь старого саама в школу на урок арифметики.

К доске был вызван сын старого саама. Он решал задачу, в которой шло дело об оленьем стаде.

Сын бойко постукивал мелом у доски. Отец, нахмурив брови, решал ту же задачу, сидя на парте.

Первым решил задачу сын. Учитель похвалил его. Неизвестно, какой ответ получился у отца, но только после урока он подошел к учителю и сказал:

— Ладно, не возьму. Пускай еще учится. Я всю жизнь не мог тому научиться, чему он за два года успел. Ты хорошо учишь.

Естествознание и география

В объяснительной записке к программе по естествознанию, по которой работала начальная школа до 1937/38 уч. г., следующим образом определена роль естествознания в начальной школе:

«1. Исходя из имеющихся у детей представлений о жизни природы, о природных явлениях, уточняя эти представления и борясь с извращениями религиозного и обывательского характера, расширить кругозор учащихся знаниями новых факторов из живой и неорганической природы.

2. Раскрыть учащимся, на базе конкретного материала, простейшие закономерности развития природы в доступной и понятной для них форме.

3. Показать яркую картину овладения стихийными силами природы в процессе социалистического строительства.

4. Разбудить у детей интерес к изучению природы и вооружить их элементарными навыками исследования природных явлений».

Своеобразные природные условия, в которых работают школы на Севере, потребовали локализации стабильной программы по естествознанию, особенно для I и II классов.

Например, в стабильной программе по естествознанию стоит тема «Огород и сад осенью».

На Крайнем Севере, как известно, «огород» представляет редкое явление, а сады и совсем отсутствуют.

В локальной программе поэтому тема «Огород и сад осенью» заменена темой «Осень» в двух вариантах: для тундровых и для таежных школ.

ОСЕНЬ

Вариант для тундровых школ

Экскурсия в тундру. Вид тундры осенью. Распознавание растительности тундры. Древесная растительность тундры: карликовая береза (ерник), карликовая ива (тальник). Ягодная растительность:

морошка, клюква, брусника и др. Олений мох (ягель).

Календарь погоды. Осенние изменения в природе. Отлет птиц. Наиболее распространенные перелетные птицы: гуси, утки, лебеди, гагары. Зимующие птицы: белая куропатка, полярная сова.

Подготовка к зиме диких животных: песца (линька, перекочевка), ушанка (линька), суслика (спячка).

Волки — истребители оленьих стад. Волк не делает запасов на зиму и не впадает в спячку.

Подведение итогов проработки темы.

ОСЕНЬ

Вариант для таежных школ

Знакомство с пришкольным земельным участком. Сбор семян на участке. Экскурсия в тайгу. Вид тайги осенью. Распознавание четырех - пяти видов деревьев. Хвойные и лиственные породы. Кустарники. Сбор листьев, семян, ягод, кедровых орехов.

Календарь погоды. Осенние изменения в природе (отлет птиц, листопад, заморозки, осенняя линька животных) и в трудовой деятельности человека (отепление жилища, сбор ягод, орехов, осенняя охота, осенняя ловли рыбы).

Подготовка к зиме диких животных.

Белка (внешний вид, чем питается, зимнее гнездо, запасы на зиму).

Медведь. Зимняя спячка медведя.

Волки — истребители домашних животных (оленей, коров).

Волк не делает запасов на зиму и не впадает в спячку.

Подведение итогов проработки темы.

Программа по естествознанию выполнялась далеко не во всех школах на Севере.

Учитель Долганской кочевой школы Авамского района на Таймыре Дм. Худоносов в отчете о работе школы за 1935/36 уч. г. пишет:

«По естествознанию в производственный план школы входят разделы: «Осень» и «Зима». Но не все эти разделы мы прорабатывали. Знакомство с материалами по разделу «Осень» проходило не путем наблюдений, а через беседы, рассказы, воспоминания. Раздел программы «Весна» совсем не прорабатывался, так как кочевые школы кончают занятия до наступления весны».

Учителя часто не использовали локального материала, не учитывали уже имеющихся естествоведческих представлений детей, строили уроки естествознания без демонстрации наглядных пособий, без постановки опытов, без наблюдений, без организации экскурсий и т. д. Такие уроки естествознания фактически превращались у них в уроки чтения, на которых детьми прочитывались статьи с естествоведческим материалом.

У детей эти уроки не вызывали и не могли вызвать интереса и проходили бледно, скучно.

Учитель Лумбовской саамской школы о постановке естествознания в своей школе рассказывает так:

«Уроки по естествознанию у нас, по существу, превращались в уроки по чтению. Мы брали книжку Фортунатовой «Книга для чтения», ч. II, и в соответствии с прорабатываемым разделом читали из этой книжки отдельные рассказы.

Например, когда прорабатывали тему: «Огород и сад осенью», то в классе были прочтены такие рассказы, как «Наш огород», «Корешки или вершки», «Бабочки-капустницы», «Жаба», «Сад», «В Мичуринском саду», «Верные сторожа», «Воробышки в гнезде». Экскурсии мы не устраивали, наблюдений не вели, иллюстрации на уроках не демонстрировались.

Тему «Домашние и дикие животные», как и первую тему, проходили также только по книжке Фортунатовой. Это тоже были скорее уроки чтения, чем уроки естествознания».

Нетрудно себе представить, какие ничтожные знания получали дети на таких уроках. В лучшем случае они зазубривали то, что им сообщалось, не имея конкретного представления о тех явлениях и предметах, о которых шла речь на уроках.

Дети северных народностей часто до школы не имеют представления о таких животных, как: свинья, овца, коза, осел, не говоря уже о животных жарких стран. Приходя в школу, они не знают также, что такое «рожь»: «Некоторые новички-саамы, — рассказывает преподаватель Ловозерской школы Н. А. Рогозина, — полагали, что зерно, из которого делается мука, растет на дереве».

Хороший опытный учитель находит средства, чтобы обо всем этом дать детям живые и конкретные представления.

В той же Ловозерской школе, в IV классе, по естествознанию прорабатывался раздел о пресмыкающихся животных. На уроке учитель рассказывал ребятам о ядовитых и неядовитых змеях. Ребятам очень хотелось посмотреть, что это за страшное, чудовищное животное, которое ползает по земле, быстро свертывается в клубок, которое, настигая человека, пускает смертоносный яд.

Некоторые даже не верили, что есть такое животное. Помогли дети Риддеровской школы из Казахстана. Они в одном из своих писем, присланных в школу, рассказывали о страшных змеях, а вскоре за этим послали

в посылке кожу гадюки. Этим-то письмом и посылкой и воспользовался на уроке учитель. Он прочитал детям отрывок письма, а потом показал кожу гадюки.

«С большой любознательностью, — рассказывает учитель, — дети рассматривали кожу гадюки. Некоторые из них трогали руками, другие же, наоборот, не брали кожи, и когда ее им передавали, то отворачивались в сторону, как от чего-то страшного, ядовитого».

Некоторые учителя пытаются «доказать», что условия работы на Севере часто не дают возможности хорошо поставить ознакомление детей с явлениями природы путем организации наблюдений, экскурсий и т. д.

Учитель Долганской школы «Ненецкая речка» Авамского района на Таймыре Н. А. Ивашкин в отчете о работе школы за тот же год пишет:

«В производственный план школы на 1935/36 уч. г. были включены темы: «Зима», «Весна» и «Осень». Все эти темы проходили путем бесед и рассказов учителя. Наблюдений за происходящими изменениями в природе не проводилось. Почему? Потому что, если я, примерно, прорабатываю тему «Весна», то мне нужно с ребятами провести наблюдения за распусканием веток и почек на деревьях и организовать экскурсию в лес. Всего этого в наших условиях провести невозможно, потому что в это время еще стоят холода и много снегу. То же самое относится и к проработке темы «Осень».

Это «невозможно» звучит, конечно, совсем неубедительно. Наблюдения за распусканием почек, за прорастанием семян можно провести, если не полениться организовать «уголок живой природы» в школе. Сами ребята в некоторых школах охотно создают такие уголки.

Дальше мы приведем примеры удачной работы учителей по использованию уголков живой природы теплиц, пришкольных участков не только для учебной работы, но и для пропаганды среди местного населения продвижения в полярную зону сельскохозяйственных культур. От учителя при этом требуются, главным образом, любовь к своему делу и настойчивость, уменье не падать духом при первых неудачах.

Велика роль естествознания в деле коммунистического воспитания детей. Дети приходят в школу с личным опытом и с теми взглядами на устройство мира, которые они усвоили от старших. Их головы часто заполнены удивительной смесью религиозных предрассудков с трезвыми выводами,

Нанайский школьник Борис Оненко. *Фото.*

доставленными наблюдательностью охотника и рыболова. К сожалению, достоверность тех и других для них одинакова.

Дети знают отлично все породы и даже разновидности уток, какие водятся в их районе, знают повадки каждой разновидности и наилучшие приемы их добывания. Могут по следу лисицы на снегу определить, насколько ценна ее шкурка. По незначительным изменениям в форме и окраске облаков предсказывают перемену погоды с точностью, поражающей приезжего европейца.

Но не менее твердо дети «знают», что комары произошли из пепла великана, убитого и сожженного на костре национальным героем Ичей (тазовские ненцы). Лед, который стоит зимой на реке, это — мертвый лед, но лед, плывущий во время ледохода, — живой.

Вода в реке живая, но умирает, когда ее зачерпнуть в ведро; мы пьем мертвую уже воду.

«Молнию, — указывает преподаватель Найхинской нанайской школы М. Н. Козулин, — даже ребята старших классов объясняют тем, что с неба падают раскаленные камни. Эти камни при своем падении задевают друг друга, и вследствие этого образуется шум».

Явления грома юиты объясняют тем, что якобы «маленькая девочка, живущая на небе, сидя на моржовой шкуре, повернулась и согнула ее, шкура сухая и при изгибании издает треск». А ветер в их представлении есть не что иное, как «дыхание чорта».

Дети «твердо убеждены», что лес переполнен духами, злыми и добрыми, от вмешательства которых зависит успех охоты.

Слова учителя воспринимаются на основе уже имеющихся элементов мировоззрения.

Доводы учителя иногда принимаются в штыки.

— Как, земля вертится вокруг солнца?! Да ты посмотри! Солнце вон где утром было, а теперь где?

— Как, ты не знаешь о стране Мортим — Маа?! Это — птичья страна, туда птицы на зиму улетают. Там есть старуха. Птицы у старухи между колен проходят, и у них перья делаются красивыми.

Учитель должен хорошо знать природу края и учитывать корни туземных суеверий.

Учитель должен прежде всего на близком, как будто хорошо известном, показать то, чего дети совершенно не знают. Это им поможет по-новому взглянуть на знакомое.

Учащиеся-селькупы представляли себе, что комары живут «вечно»:

«Комары, — говорят они, — как родились, так все и живут». И на утверждение учителя, что каждую весну появляется новое поколение комаров, ученики отвечали: «Никто никогда не видел, чтобы у комаров бывали парнишки (т. е. детеныши). Вот посмотри: у глухаря бывают парнишки, у оленя, у собаки бывают парнишки, у рыбы бывают парнишки. А комар век большой бывает».

Переубедить детей можно только одним способом: наловить комариных личинок и дать ученикам возможность наблюдать, как появляются на свет крылатые комары. На основе этого наблюдения уже легко вести борьбу с религиозными предрассудками и шаманскими поверьями.

Постановка естествознания во многом зависит от инициативы учителя. Прав учитель Голошубин, который говорит: «Большое значение я придавал и придаю организации при школе уголка живой природы! В Ломбоужской школе уголок живой природы создали дети сами. Они в этот уголок принесли горностая, белку, различных птиц. Здесь же дети под моим наблюдением выращивали растения: поливали, ухаживали, следили за их ростом и т. д.

Уголок живой природы очень помогал мне на уроках естествознания своим материалом».

Работа по естествознанию не может замыкаться в стенах школы. И лучшие учителя организуют экскурсии в тайгу, на реку и т. д.

А в районах, где имеется у школы или у кого-либо из местных жителей огород, проводятся экскурсии учащихся на огород.

Вот одна из таких экскурсий, проведенная учителем Нижне-Халбинской нанайской школы В. С. Пироговым с учащимися II класса.

Еще за несколько дней учитель В. С. Пирогов стал обдумывать план экскурсии и методы ее проведения. Он два раза предварительно сходил на огород к З. И. Батурину, одному из жителей ст. Нижне-Халбы, обстоятельно познакомился с огородом, тщательно отобрал естествоведческий материал для экскурсии. И когда 5 сентября утром учитель В. С. Пирогов вошел во II класс и объявил ребятам, чтобы они собирались на экскурсию, он точно представлял себе каждый ее шаг, каждую мелочь.

«Ребята, — обращается учитель в самом начале урока к только что рассевшимся на парты учащимся, — на прошлом уроке по естествознанию мы говорили о том, какие овощи растут в огороде.

Сегодня мы пойдем в огород к Батурину и познакомимся там с этими овощами. Спокойно, спокойно, ребята! Не торопитесь, времени у нас хватит. Оденьтесь и выходите на улицу!».

Джолор Вера, Ходжер Таня, Ходжер Миша, Заксор Лена и другие, один за другим, потянулись на улицу. Там, возле школы, они построились в ряды и стали спускаться к реке, близ которой расположен огород.

«Вот, ребята! — обращается к детям учитель, когда они вошли в огород, — грядка картофеля. Потяните за ботву и вытащите одно-два гнезда! Посмотрите — сколько выросло плодов от одной картошины, посаженной весной?».

Ходжер Миша и Дигор Борис, стоявшие посередине грядки, не замедлили потянуть стебли и тут же, чувствуя, что ботва оторвалась от картофеля, стали, как кроты, руками разрывать на грядке место, откуда была ими только что выдернута ботва.

«Шесть картошин», — кричит Ходжер Миша, держа в обеих руках и несколько приподнимая их, чтобы было видно всем ребятам.

«У меня больше... Девять картошин — и вот еще на грядке осталось несколько маленьких». — вторит ему Дигор Борис.

Продвигаясь далее по огороду, дети стали рассматривать кочаны капусты. Хангени Володя на одном из кочанов капусты, большом и упругом, нашел гусеницу, съедавшую капустные листья.

Тут же сразу возле Хангени Володи сгрудились ребята и стали внимательно рассматривать обнаруженного им вредителя.

Учитель сосредоточил внимание детей на вредителях.

Кто-то из ребят крикнул: «Бурундук тоже

вредитель. Он съедает овощи. Его надо, как и гусеницу, убивать».

Дети перешли к грядке с огурцами, затем к грядке с морковью, со свеклой, бобами, тыквой и т. д. — и везде они узнавали все новое и новое.

Время урока истекло. Ребята с овощами возвращались с экскурсии в школу».

На Севере есть школы, где учителя являются пионерами продвижения в полярную зону сельскохозяйственных культур. Есть школы, у которых имеются свои пришкольные сельскохозяйственные участки, свои огороды, парники и т. д.

Один из авторов данной работы, А. Г. Базанов, в июле—августе 1933 г. был в Остяко-Вогульском национальном округе, в районе рек Сосьвы—Ляпина.

При встрече с учителями ему неоднократно приходилось слышать: «у нас здесь суровый климат», «у нас ничего не растет».

Однако в Сартынье он увидел прекрасный огород у доктора Д. Д. Поддубского. Хороший пришкольный огород был создан учителем В. И. Танатиным в Сараипауле, хотя это — одно из наиболее северных селений по реке Ляпину. В огороде Сараипаульской школы росли: картофель, брюква, свекла, репа, морковь, редиска, огурцы, помидоры. Небольшой участок земли был засеян рожью, ячменем и различными сортами пшеницы. Осенью школа устраивала выставку достижений школьного огорода, которую с большим интересом посещало местное население. В этой же школе учителем В. И. Танатиным был организован пришкольный музей. Собранные в этот музей экспонаты отражали производственно-промысловую деятельность, культуру и быт местного населения. Значительное место в музее занимал уголок живой природы.

Привлекала к себе пристальное внимание местного населения выставка, организованная Туринской эвенкийской школой к XV-летию Великой социалистической революции. В создании выставки участвовали хозяйственные организации и местное население района.

На выставке можно было увидеть: брюкву, выращенную в условиях Крайнего Севера, свеклу, картофель, морковь, капусту, помидоры, злаковые культуры и т. д.

Каждый из этих экспонатов являлся живым доказательством возможности организации на Севере огородного хозяйства.

Выставка сыграла огромную роль в распространении агрономических знаний и в расширении естествоведческих представлений местного населения и учащихся-эвенков, многие из которых не видели до этого, как растет картофель, брюква, ни другие овощи и не знали их витаминозных свойств.

Неплохой пришкольный огород создан при Ербогаченской эвенкийской школе Катангского района Иркутской области. Здесь среди учащихся-эвенков есть свои школьные агрономы. Особенно выделяется Коля Комбагир, который по естествознанию получает только «отлично».

Как только начинает приближаться весна, Коля Комбагир, под руководством опытного педагога и одного из энтузиастов-северников А. А. Барахтенко, принимается за выращивание рассады.

В классах на окнах появляются ящики с землей, и Коля Комбагир со своими товарищами все свободное время копошится возле них. Дети поливают рассаду, наблюдают за ростом, ведут дневники и т. д.

Летом 1934 г. Коля Комбагир, как сообщает преподавательница С. Г. Белоусова, впервые в Ербогачене на пришкольном участке вырастил подсолнухи. В 1935 г. весной Коля Комбагир вырастил рассаду табака. Летом эту рассаду он высадил на грядки и получил хороший табак. Все свое свободное от занятий время, — говорит С. Г. Белоусова, — наш юный агроном проводит или в огороде, или же в крольчатнике, или, наконец, на охоте. Коля Комбагир мечтает поступить в сельскохозяйственное училище и стать агрономом.

Из приведенных примеров видно, что там, где учитель проявляет интерес к естествознанию, где занятия по естествознанию он не превращает в скучные уроки, где наряду с рассказом выступают и показ и наблюдение, и опыт, и работа детей по организации уголка живой природы, по созданию выставки, где проводятся экскурсии, — в тех школах естествознание пользуется успехом и считается одним из интересных и увлекательных предметов. С 1937/38 уч. года естествознание как отдельный предмет преподавания оставлен только в III и IV классах.

География проходится в начальных школах в III и IV классах.

ЦК партии и СНК СССР в своем постановлении от 16 мая 1933 г. «О преподавании географии в начальной и средней школах СССР», констатируя неудовлетворительность постановки преподавания географии в школе, отметил крупнейшие недостатки:

«... отвлеченность и сухость изложения, недостаточность физико-географического материала, слабая ориентировка по карте, пере-

На уроке географии в Лумбовской саамской школе. *Фото.*

грузка преподавания и учебников по географии статистико-экономическим материалом и общими схемами».

Эти недостатки в преподавании географии в северной школе не изжиты еще и по настоящее время.

Многие учителя, работающие в северной школе, считают, что преподавание географии *в III классе значительно* легче, чем в IV классе. Это они объясняют тем, что для прохождения программного материала в III *классе* окружающие школу местность и природа служат богатейшим наглядным пособием и источником познания.

«В III классе, — говорит учитель Иоканьгской школы, — дети знакомятся с формами поверхности земли: с равниной, холмом, горой, низиной, оврагом. Достаточно ученику посмотреть из окна школы, как он видит и гору и низину. Там дальше он видит овраг, холм и т. п.

Проходя раздел о поверхностных и грунтовых водах, совсем нетрудно с учащимися сделать экскурсию на берег реки, и там пред*ставляются прекрасные возможности* познакомить детей с подземными ручейками, показать им устье реки, исток, русло, притоки, правый и левый берег и т. д.

Все это дети знают и до школы. Школа только эти знания приводит в определенную систему и углубляет их.

То же самое можно сказать, в основном, и про другие разделы».

Конечно, далеко не все школы Крайнего Севера находятся в таких природных условиях, в которых имеются разнообразие и богатство географического рельефа.

*Тундровые школы встречают большие труд*ности при ознакомлении детей с реками, возвышенностями и т. д., вследствие однообразия и бедности рельефа местности.

Труднее с детьми Крайнего Севера проходить раздел «Картины природы и жизни населения в различных тепловых поясах земного шара». В арктическом поясе ребята ориентируются хорошо. У них имеется и большой личный опыт и знания. Но как только учитель отправляется с ними в «экскурсию» из Арктики в теплые страны, ближе к тропикам, ребята начинают те*ряться*.

Это справедливо будет сказать не только про учащихся III класса, но и про IV класс.

Из 2-го раздела программы для IV класса «Картины природы, жизни населения и хозяйственного строительства в различных зонах СССР» в тундровых школах относительно легко усваиваются такие темы, как: «Полярная зона», «Зона тундры». Встречаются некоторые трудности при усвоении темы «Зона тайги» (а для таежных школ, наоборот, — «Зона тундры»). Значительно большие трудности встречаются при прохождении тем: *«Зона черноземных степей и лесостепей»*, «Зона сухих степей», «Зона пустынь» и особенно темы «Тропическая зона».

Для знакомства ребят с этими темами требуются наглядные пособия, а их-то, зачастую, в северных школах и нет.

Рассказ учителя по только что указанным темам, если он не сопровождается показом наглядных пособий, что часто имеет место в северных школах, не вызывает и не может вызвать у ребят такого интереса, какой он мог бы вызвать, если бы эти наглядные пособия были привлечены к уроку.

«Без наглядных пособий, — *справедливо за*являет один из учителей школ Крайнего Севера, — трудно преподавать разделы геогра*фии, связанные с теплыми странами*. Рассказываешь-рассказываешь ребятам, но получается все очень неубедительно. Ребята не представляют себе теплые страны с их своеобразной природой, климатом, своеобразной растительностью и миром животных».

Как бы мог оживленно пройти урок при соответствующей его организации и подготовке учителя, если бы, при знакомстве детей с Кавказом, им были показаны виды Кавказа: «Эльбрус», «Казбек», Военно-грузинская дорога, типы местного населения, их занятия,

образ жизни и т. д. Или при знакомстве с Крымом детям были бы показаны отдельные виды побережья, растительности, гор, санаториев, здравниц, домов отдыха, пионерлагерь «Артек» и т. д. Все это дало бы конкретное представление об изучаемом объекте, обогащало бы детей знанием географии, воспитывало бы в них чувство любознательности, интерес, безграничную преданность и любовь к своей социалистической родине.

В деле создания наглядно-иллюстративных материалов многое может сделать, конечно, и сам учитель, — было бы у него к этому стремление.

Известно, что многие северные учителя во время летних каникул выезжают в областные и краевые центры, на курорты, в дома отдыха и, возвращаясь в школу, везут с собой открытки виденных мест, альбомы и т. д. Такой материал учитель часто удачно использует на своих уроках по географии.

«Я бывал, — рассказывает учитель Найхинской нанайской школы М. Н. Козулин, — в Крыму и на Северном Кавказе. При проработке соответствующих тем я восстанавливаю в памяти то, что видел во время этих поездок, и в качестве иллюстраций привлекаю свои альбомы, открытки и другие материалы».

Есть школы на Севере, которые переписываются со школами других районов СССР. Получаемые в обмен письма, а нередко даже и целые посылки, иногда хорошо используются учителем как наглядно-иллюстративный материал при прохождении той или иной темы по географии.

Особого внимания в этом отношении заслуживает опыт Ловозерской саамской школы.

IV класс Ловозерской школы в 1935/36 уч. году переписывался с IV классом начальной школы Риддера Казахск. ССР.

И когда учащиеся IV класса Ловозерской школы по географии проходили раздел «Промышленность СССР», им учитель рассказывал об огромных каменноугольных богатствах Союза, о Донбассе, Кузбассе, Караганде.

Особенно он задержался на Караганде. И не потому, что Караганда ему более близка, чем Донбасс или Кузбасс. О Караганде ему много интересного сообщила учительница Риддеровской школы Н. А. Каргаполова и сами учащиеся этой школы в одном из писем, незадолго перед этим им полученном.

Вожатая пионерского отряда показывает риддеровским пионерам (Казахстан) подарки, полученные от саамских школьников из Ловозера. *Фото.*

В этом письме риддеровские учителя и учащиеся рассказывали о каменноугольных богатствах Караганды, о растительности, населении КССР, о том, как жило в прошлом казахское население и как оно живет сейчас, о том, что представлял в прошлом Риддер и что он представляет теперь, о строительстве, которое там проводится.

Учитель достал географическую карту, четко обвел границы КССР, показал Риддер, сообщил основные сведения о каменноугольных залежах Караганды, частью взятые им в учебнике по географии, а большей частью заимствованные из письма риддеровской учительницы Н. А. Каргаполовой и учащихся.

«Теперь, ребята, — говорит учитель, — я прочту вам письмо, полученное нами из Риддеровской школы КССР».

Ребята притихли. С напряженным вниманием они слушали письмо своих риддеровских друзей.

А учитель читал:

«Здравствуйте, теперь уже знакомые нам, милые ребята, — пишут учащиеся Риддеровской школы.

Как мы ждали ваше письмо, некоторые даже думали, что не получим — так много прошло времени.

И вдруг 23/XI в час дня на 4-м уроке принес почтальон ваше письмо.

Весь класс хлопал в ладоши. Мы взяли указку и, прежде чем читать письмо, нашли на карте место, где вы живете.

Тихо-тихо сидели и слушали письмо. Несколько раз прерывали чтение письма взрывами восторга, а как прочитали его, то горячо стали обсуждать и все до одного решили что-то вам послать.

Какое хорошее ваше письмо, как оно обогатило наши знания!

Хотя мы проплли по географии Полярную зону, но все же некоторые подробности о вашем крае до вашего письма нам были неизвестны. Нам было жаль, что ваше письмо не такое было толстое, как тетрадь; хотелось еще и еще читать и знать до мельчайших подробностей о вас, о вашей жизни и работе.

Не знаем, так же ли вы интересуетесь нами, как мы вами, но мы очень и очень рады нашему знакомству. Мы очень жалели, что отдельные ребята побольше не вложили своих писем. Из нас многие хотят индивидуально переписываться с вами. Кроме общих писем, мы посылаем вам свои фотографии и будем надеяться, что, может быть, увидимся когда-либо и по-настоящему.

Ведете ли вы еще с кем-нибудь переписку? Напишите нам подробнее о полярной ночи, о жизни в это время, про лето — как вы его проводите, о зиме, о ваших играх, про охоту, как проводите праздник 1 Мая, праздник Великой социалистической революции и др. Дружно ли живете между собой, как учитесь, сколько учеников во всей школе, бывают ли у вас школьные спектакли, вечера, смотрите ли кино-картины и какие? Напишите про диких оленей. Не можете ли прислать нам маленькие кусочки от их шкуры, а то многие из нас видели оленей только на одних картинах. Учительница нашей школы ездила летом на курорт в Среднюю Азию и привезла черепаху, величиной с тарелку, серовато-зеленого цвета с узорами. Черепаха покрыта толстым панцырем, неуклюжая: выставит голову, небольшой хвостик и своими четырьми лапами тихо передвигается. Мы ее кормим хлебом, травой, но ест она очень мало. На картинках вы наверное видали черепах.

Вы спрашиваете, почему Риддер называют жемчужиной Казахстана? Потому что ему предстоит большое будущее, он очень богат различными ископаемыми.

До Великой социалистической революции Риддер царское правительство отдавало в концессию иностранной буржуазии. Разработки велись неправильно, лишь бы получить больше выгоды, рабочим жилось тяжело. Немного сказано о прошлом Риддера в книге «Свинцовая сопка», — мы ее посылаем вам. После Октября Риддер стал расти во всех отношениях. Раньше школа была одна в 3 класса, сейчас около 10 начальных, несколько средних школ. Есть горный техникум и очень много разных курсов.

Этой осенью Риддер завершил озеленение — по всем улицам насажены аллеи. Улучшают дороги, строят массу домов. Заканчивают новую железную дорогу: ветка Рубцовка—Риддер. Автомобилей очень много, и во время революционных праздников мы на них катаемся. Мы коллективно ходим в кино, недавно видели мировые картины: «Чапаев», «Веселые ребята», «Дочь партизана», «Будеными» и др. Бывают у нас в школе утренники, выступаем мы сами.

При школе есть музыкальные инструменты: гитары, балалайки, и мы играем на них.

Очень трудно только доставать интересные детские песенки. У нас очень хорошо декламируют Шипунов Юра, Ершова Маня. Хорошо танцуют Волкова Нина, Шелестова Таня, Загайнова и др.

Хорошие физкультурники у нас: Степановская Тася, Потапова Лора, Горбовская

Лена, Александрова Надя, Степанова Нора, Лысенко, Бурова и др.

Наши лучшие ребята: Глазова Маруся, Чернова Катя, Игнатов, Степановская, Мадалиев, Парневова Дуся, Загайнова, Ершова. Мы посылаем вам свои тетради за 1-ю четверть средних учеников по грамматике и математике; пошлите и вы нам.

Мы со следующим письмом пошлем вам хорошее наглядное пособие, которое сделаем сами: календарь погоды и номер стенгазеты «Ударник».

В Октябрьские дни у нас был большой праздник с постановкой, докладом, премированием и угощением. Под пионеруголок нам отдали совсем один класс; его украсили флажками, цепями, лозунгами, картинами, портретами, цветами; там стоят различные игры: лото, шашки, домино и др.

При школе есть хорошая библиотека. Особенно любят ребята: «Том Сойер», «Робинзон Крузо», «Сказки» Чуковского, Пушкина, Маршака и много других. Некоторые книжечки мы пошлем и вам.

Любите ли вы читать? Что читаете? Есть ли у вас книжки?

Напишите, пожалуйста, видели ли вы тюленей, моржей, белых медведей. Или они далеко от вас? Какие у вас жилища?

Пока все. Желаем вам всего хорошего. Ждем от вас скорого ответа, длинного, интересного. Привет вашим родителям и всему Ловозеру.

Наш адрес не забывайте:

КССР, г. Риддер, Больничная улица, 4. Школа № 4.

Целуем вас.

24/XI 1935 г. Учащиеся IV класса».

Вместе с письмом дети-саамы получили книги, гербарий, фотографии с видами Казахстанской флоры и фауны.

Письмо учащихся Риддеровской школы вызвало живейший отклик у учащихся Ловозерской саамской школы.

Из Ловозера отправили по почте в Риддеровскую школу письма учащихся, собранные гербарии местной флоры и фауны, образцы национальной одежды, тетради, письма и т. д.

После урока ребята задержались в классе, собрались у карты, обводили границы КССР, показывали друг другу, где находится Риддер, много говорили о карагандинском каменном угле, о Риддеровской школе, казахских ребятах и т. д.

Спросите теперь их о Кавказе, о Крыме, об отдельных республиках и областях СССР — и вы поразитесь: лучше всего они знают КССР. И в этом им помогла Риддеровская школа, живая переписка, которая велась между ними и риддеровскими школьниками.

География, бесспорно, является одним из увлекательных предметов в начальной школе, образовательное и воспитательное значение которого очень велико.

На уроках географии дети Крайнего Севера узнают о нашей замечательной стране, об ее обширных территориях, богатствах, населении.

И неудивительно, что к этому предмету маленькие патриоты своей родины проявляют большой интерес.

Учитель Лумбовской школы говорит:

«Когда во время рассказа говоришь о Беломорском канале, показываешь его на карте, объясняешь его значение, указываешь, каким путем до постройки этого канала могли итти суда из Мурманска в Ленинград и насколько сокращается путь продвижения судов с постройкой канала, то ребята полны интереса и внимания. Они слушают рассказ сосредоточенно, не обронят ни одного слова. Глаза их впиваются в карту».

А вот что сообщает нам преподаватель Найхинской нанайской школы М. Н. Козулин:

«Наибольший интерес проявляют дети к изучению Севера и промышленных районов Союза.

Ребята очень интересуются Северным морским путем. Когда погиб «Челюскин», учащиеся часто обсуждали между собой причины его гибели, следили за полетами летчиков. Имена их они хорошо знают.

Есть в школах на Севере учащиеся, которые прекрасно знают географию. Вот, например, Киля Митрофан, ученик Найхинской нанайской школы. Ему 15 лет.

Киля Митрофан хорошо ориентируется по карте. Спросите его любой более или менее крупный город, озеро, возвышенность, — он безошибочно покажет их на карте.

Киля Митрофан любит читать газеты. И когда в газете он встречает указание на какую-нибудь местность, то непременно обращается к карте и разыскивает ее.

Другой школьный географ — Бельды Ваня. Ему 16 лет.

Бельды Ваня мечтает о большом кругосветном путешествии и очень недоволен тем, что социализм только в СССР, а не во всем мире. «Если бы социализм был во всем мире, — рассуждает Бельды Ваня, — то я свою мечту мог бы безусловно превратить в действительность».

Рисунок Шуры Самар,
ученицы I класса.
Нижне-Халбинская нанайская школа.

Рисунок Веры Джолар,
ученицы II класса,
Нижне-Халбинская нанайская школа.

Рисование

Рисование преподается на Севере во всех четырех классах начальной школы. Преподаватель должен сообщить ученикам определенную сумму знаний и навыков изобразительной грамоты, а также использовать уроки рисования как одну из форм художественного воспитания детей — развить в них чувство формы и цвета и организовать их творческое отношение к окружающей действительности.

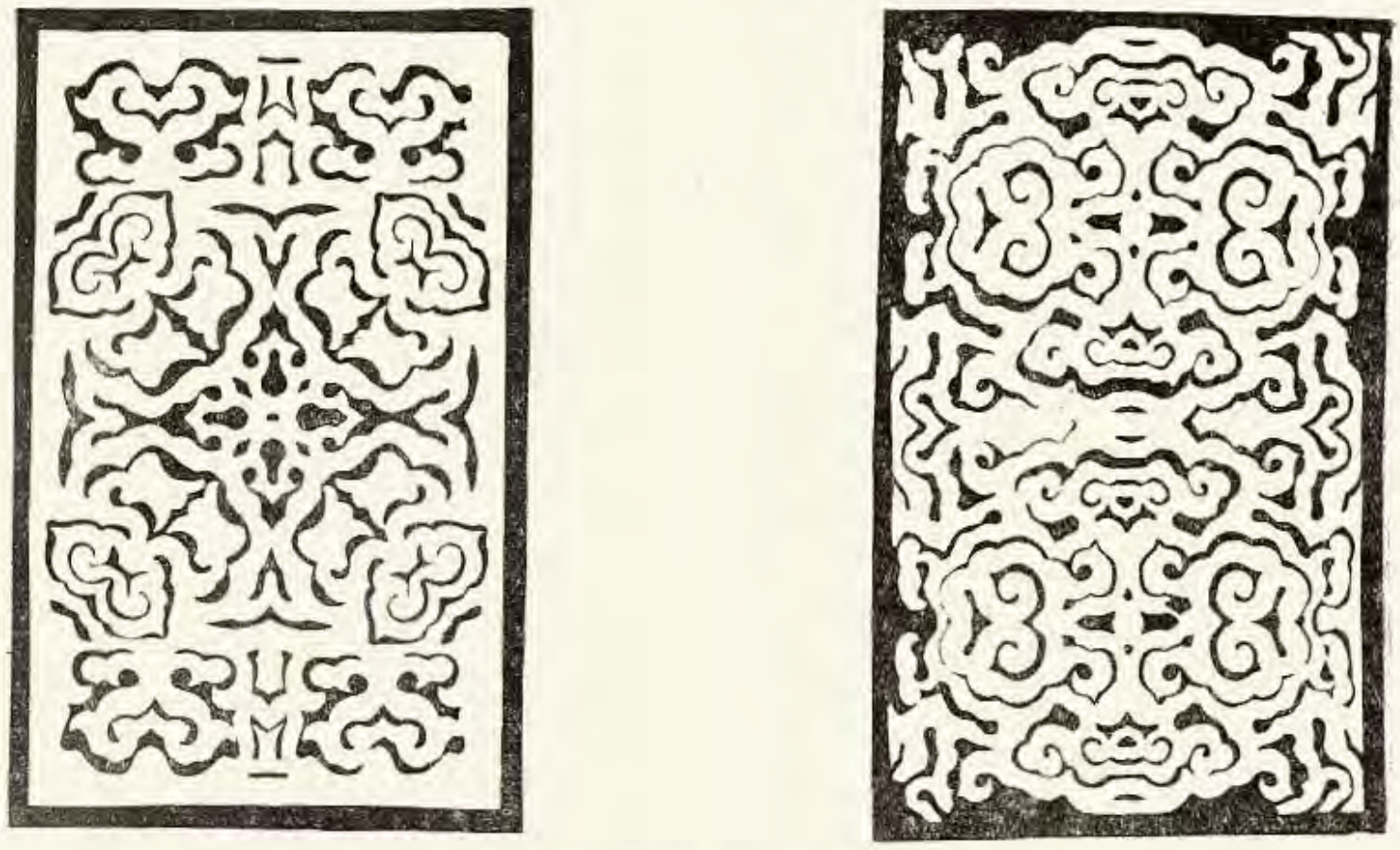
Дети народов Севера проявляют большую склонность к изобразительному искусству. Почти все они приходят в школу уже обладая некоторыми изобразительными навыками. Эти навыки воспитаны художественной культурой, которую мы называем искусством северных народов. Ломка традиций северного искусства или подмена их нашими художественными традициями была бы грубой ошибкой преподавателя. Он обязан бережно отнестись к тому богатству, которое ученик приносит в школу, и научить его разумно пользоваться этим богатством.

Искусство народов Севера богато и разнообразно. В долгие зимние вечера при свете камелька, чувала или жирников в юртах, чумах и ярангах безымянные северные художники давали выход непосредственному чувству изящного, украшая свою утварь, орудия промысла и предметы культа. Мужчины вырезали сцены охоты и рыбной ловли на ручках ножей, на трубках, ларчиках, пряжках и на других изделиях из кости, дерева или металла. Женщины покрывали сложными вышивками, украшали аппликациями из ткани, меха и кожи свои одежды, шапки, пояса, кисеты, одеяла, подушки, коврики. Из поколения в поколение передавалась художественная традиция — отбор форм, тонов и линий, наиболее отвечающих художественному чувству той или иной группы северных народов.

Ребенок с малых лет видит, как его отец и мать украшают бытовые вещи, и сам принимает в этом участие. Для своих первых школьных работ он черпает мотивы из великой сокровищницы северного бытового искусства. Маленькая школьница, быть может впервые получившая в руки карандаш и бумагу, рисует национальный халат и украшает его узором. Узор подчеркивает конструкцию одежды — он расположен рядами полос вокруг ворота и обшлагов, вдоль подола и вдоль линии застежки. Свободный узор из завитков заполняет остальное поле халата. Таков рисунок Шуры Самар (1 кл. Нижне-Халбинской нанайской школы). Еще отчетливее подчеркивает конструкцию халата 14-летняя Вера Джолар: широкие полосы с крупным узором расположены на ее рисунке по краю одежды, а узкие полосы с мелким рисунком образуют как бы

Работа Лены Киле, ученицы II кл.

Нанайский орнамент. Работа из бумаги нанайской школьницы. *Фото.*

переход от орнаментального обрамления к гладкому полю халата. Уже одна эта черта свидетельствует о художественном такте школьницы. Нанайцы нередко прибегают к трафарету, составляя свои симметричные узоры. Они намечают рисунок ногтем на листке бересты, который затем складывают в 2, 4, 8 раз. Трафарет налагают на украшаемую поверхность и выдавливают по нему рисунок ножом. По рисунку делают вышивки гладью или тамбурным швом, или нашивают ажурную апликацию, подложив под прорезы цветные клейма. Иногда рисунок просто раскрашивают самодельными красками, не прибегая к вышивке и вырезанию.

Эти традиции сказываются в работах нанайских школьниц. Монита Киле, приготовляя декоративную «занавеску» для пионерского клуба, написала акварелью на листе бумаги разноцветные «клейма», а на эти «клейма» наклеила вырезанное из белой бумаги изящное кружево. Дарья Ходжер изготовила бумажные коврики, не прибегая к вырезанию. Она перевела рисунок на бумагу при помощи трафарета, закрасила некоторые части орнамента синей, зеленой, красно-коричневой и черной краской и оставила между ними белый узор. В работах обеих школьниц налицо богатая, красочная гамма и сложный по построению, утонченный по линиям орнамент.

Девочки Севера склонны к декоративным композициям. Мальчиков привлекают изображения людей и природы. В их рисунках больше движения и экспрессии. Дети тундровой зоны, ведущие кочевой образ жизни, изображают стойбища, пастьбу оленей, нарты. Дети, живущие в тайге, рисуют сценки охоты и рыбной ловли.

И в этих набросках, навеянных окружающей действительностью, сказываются традиции северного искусства — плоскостной рисунок, свободная композиция и реалистическое изображение природы. Было бы грубой наивностью предполагать, что плоскостной рисунок, лишенный теней, объемов и иллюзорной перспективы, есть результат технического неумения и дикарской отсталости. Эта черта закономерно свойственна большому искусству народов Севера. Художник, побывавший в заполярьи, знает особенности северного освещения. Зимой, когда солнце не поднимается над горизонтом и его косые, отраженные лучи создают белые, полярные сумерки, в природе разлит мягкий, рассеянный свет. Предметы не дают падающих теней, восприятие объемов ослаблено, глаз ошибается, измеряя пространство. Далекие горы представляются зрению очень близкими; поезд оленей, везущих нарты, кажется на белом снегу плоским силуэтом с четко-прорисованным выразительным контуром.

Плоскостные рисунки северян по-своему натуралистичны — художник изображает природу такой, какой он ее видит.

Резьба по кости, дереву и металлу выработала на Севере особый лаконизм средств изображения: простоту форм и четкость ли-

Рисунок Шуры Матрехина, ученика II класса. *Поканьгская саамская школа.*

Рисунок нымыланского школьника. *Ленинград. Музей Арктики.*

Рисунок нымыланского школьника. *Ленинград. Музей Арктики.*

Рисунок нымыланского школьника. *Ленинград. Музей Арктики.*

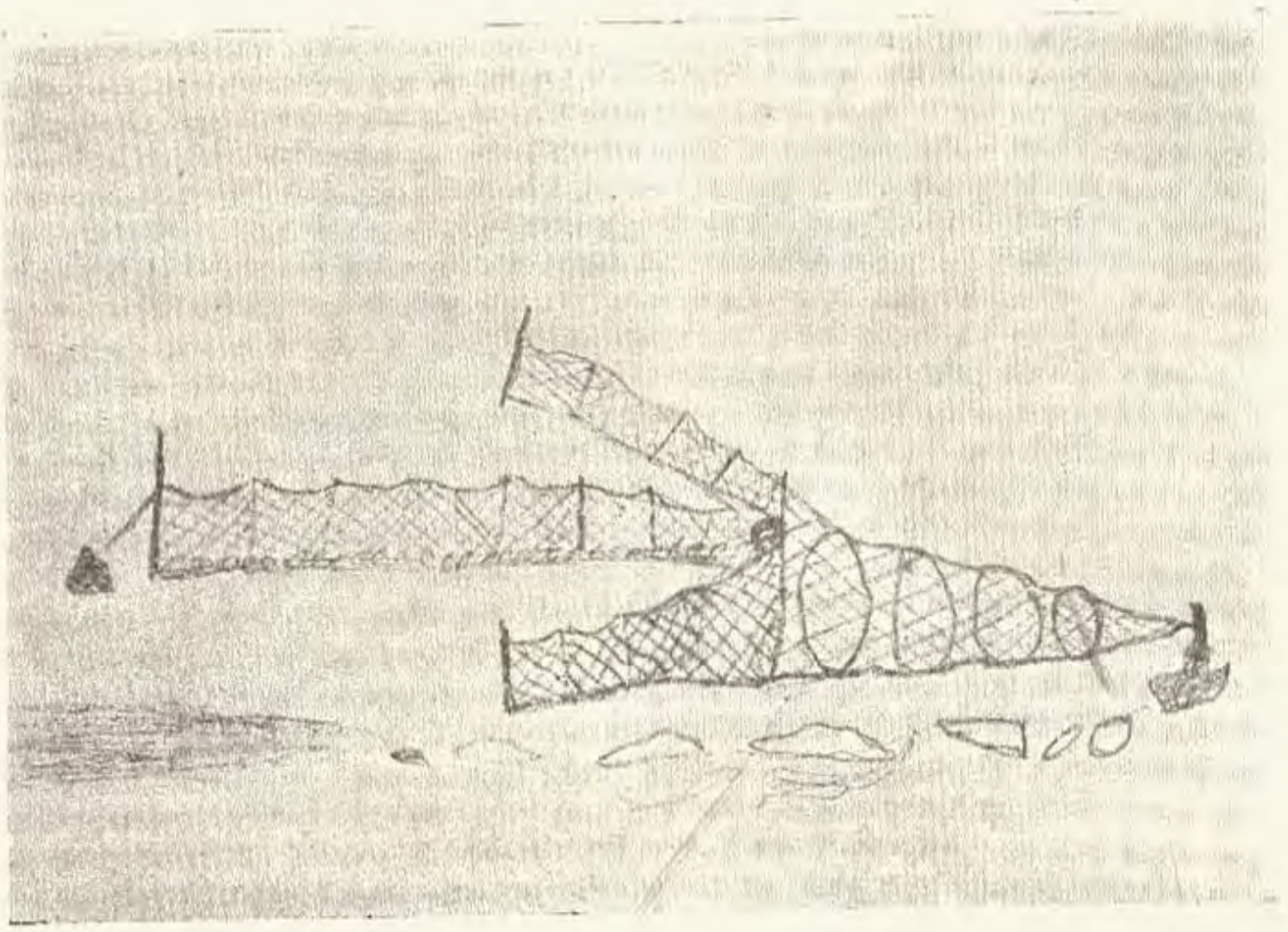

Рисунок Дуси Телышевой, ученицы IV класса. *Лумбовская саамская школа.*

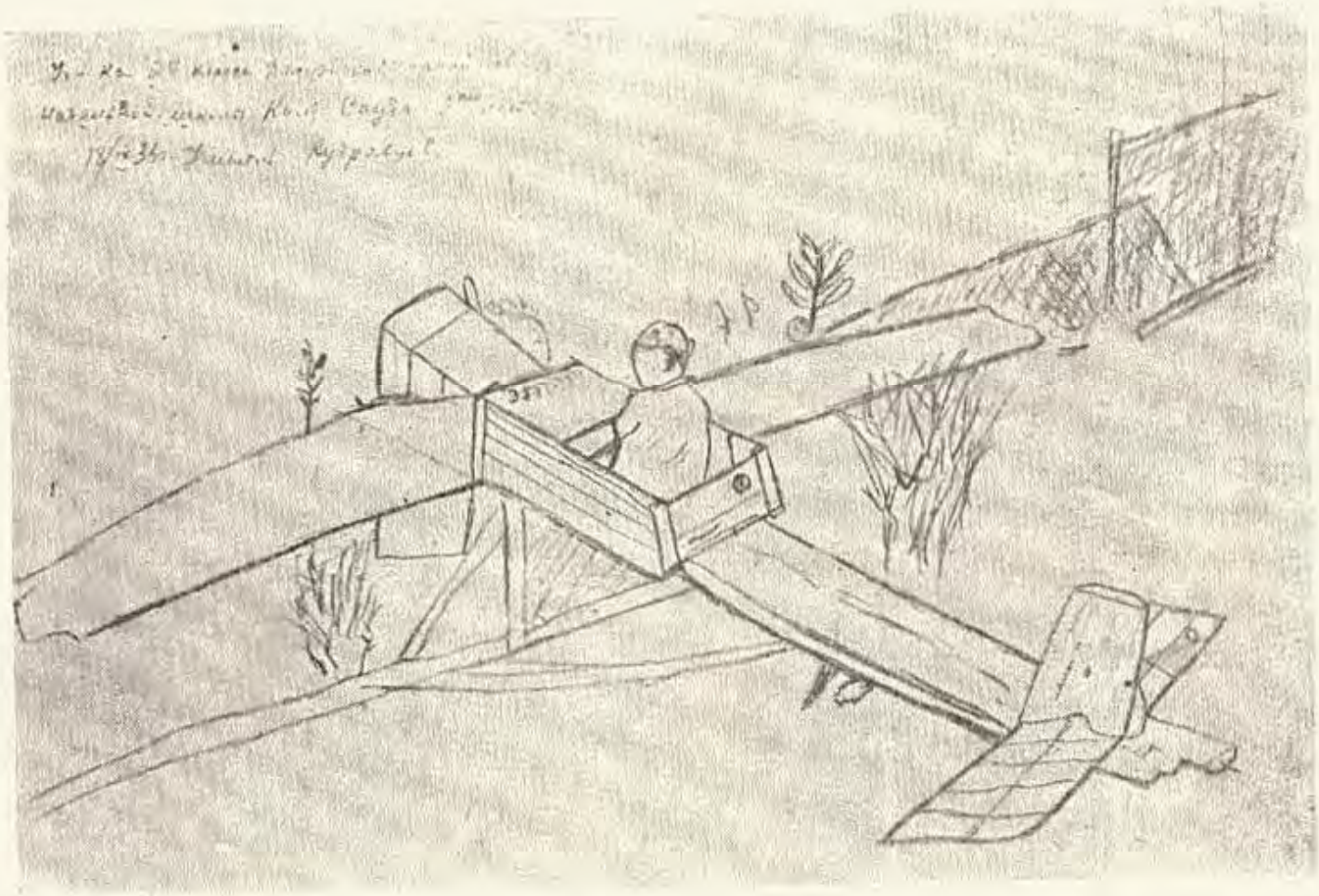

Рисунок Коли Сауд, ученика III класса. *Джуэнская нанайская школа.*

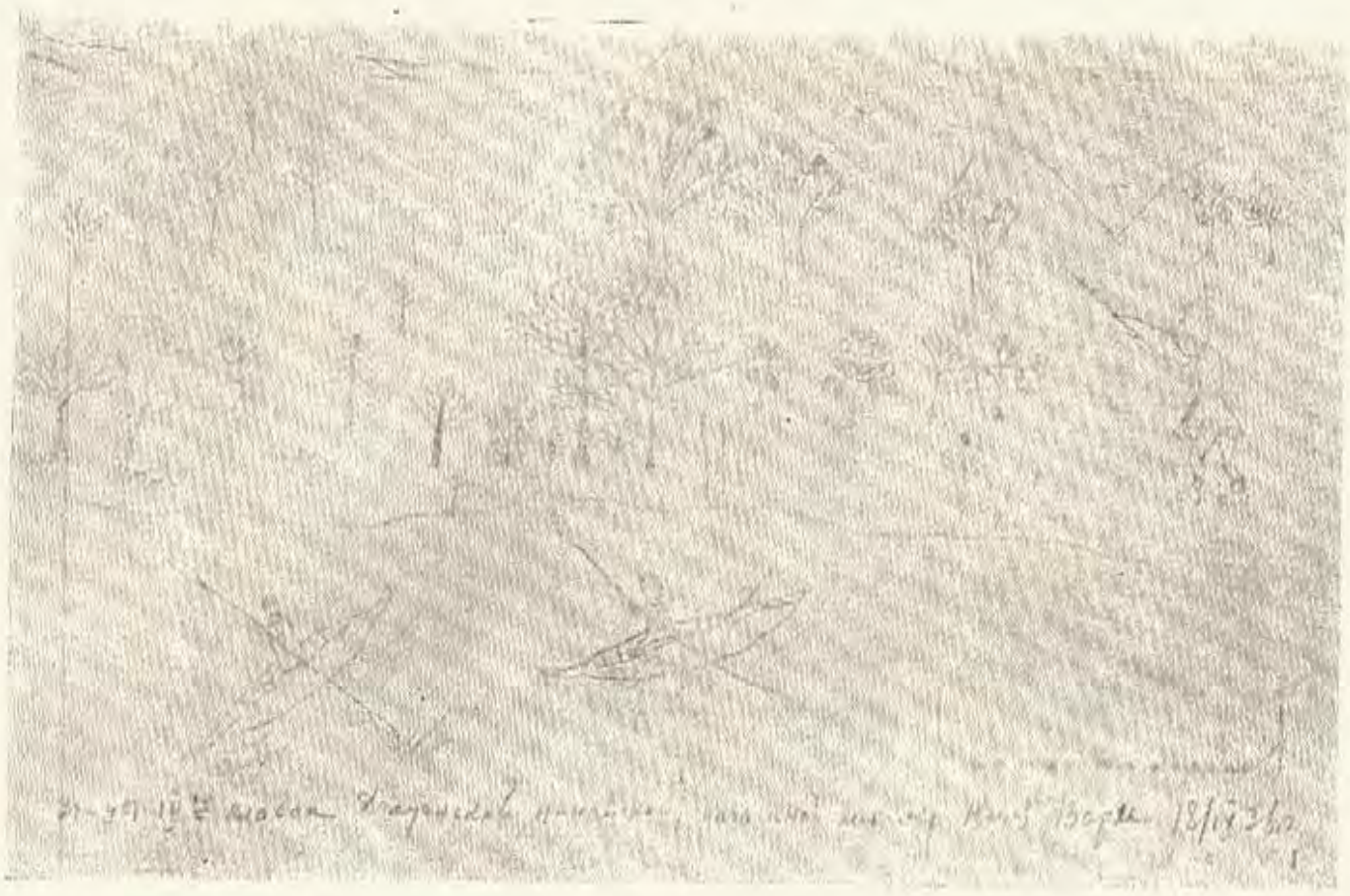

Рисунок Вари Киле, ученицы III класса. *Джуэнская нанайская школа*

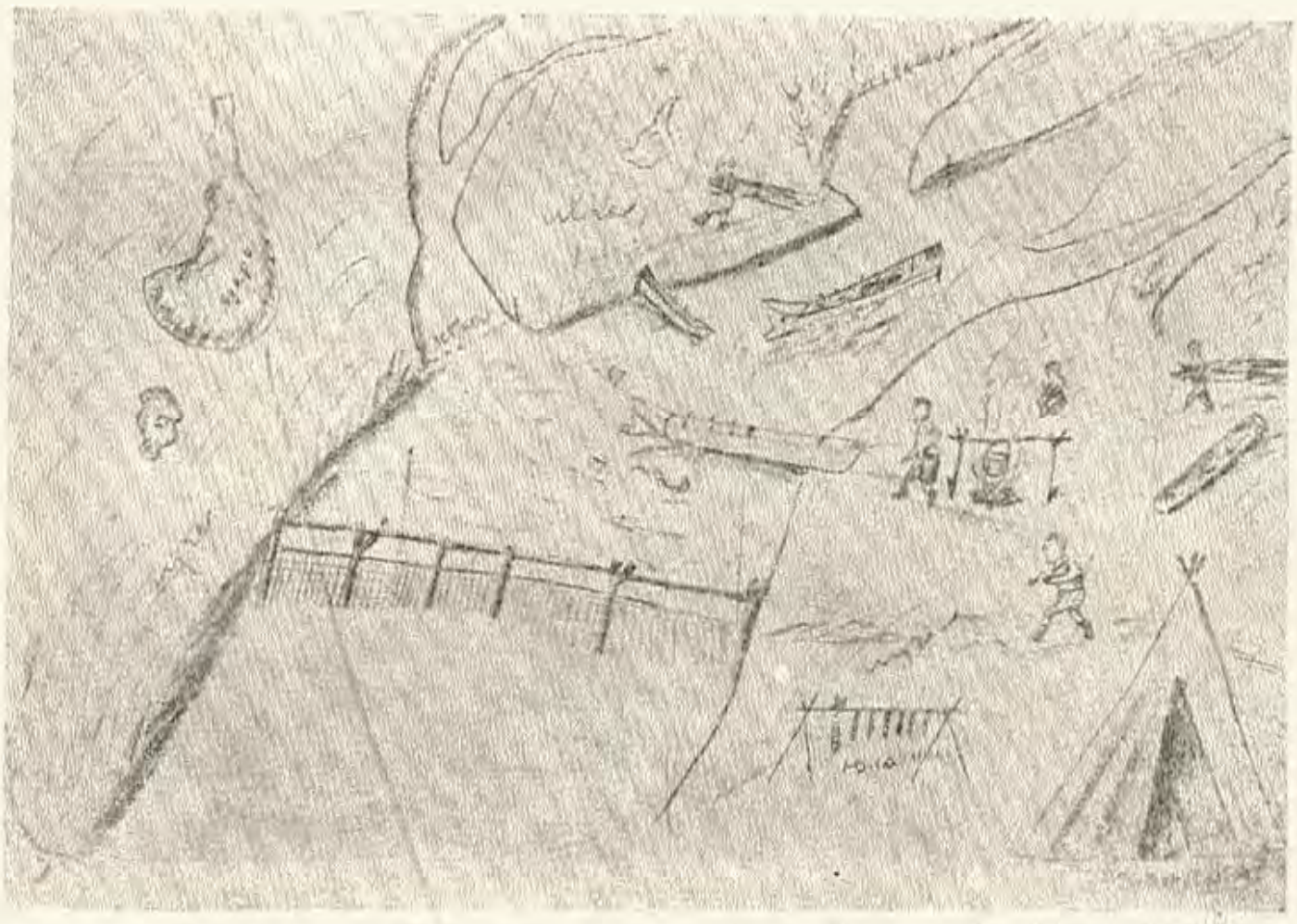

Рисунок Владимира Лифунчи, ученика V класса. *Койминская нанайская школа.*

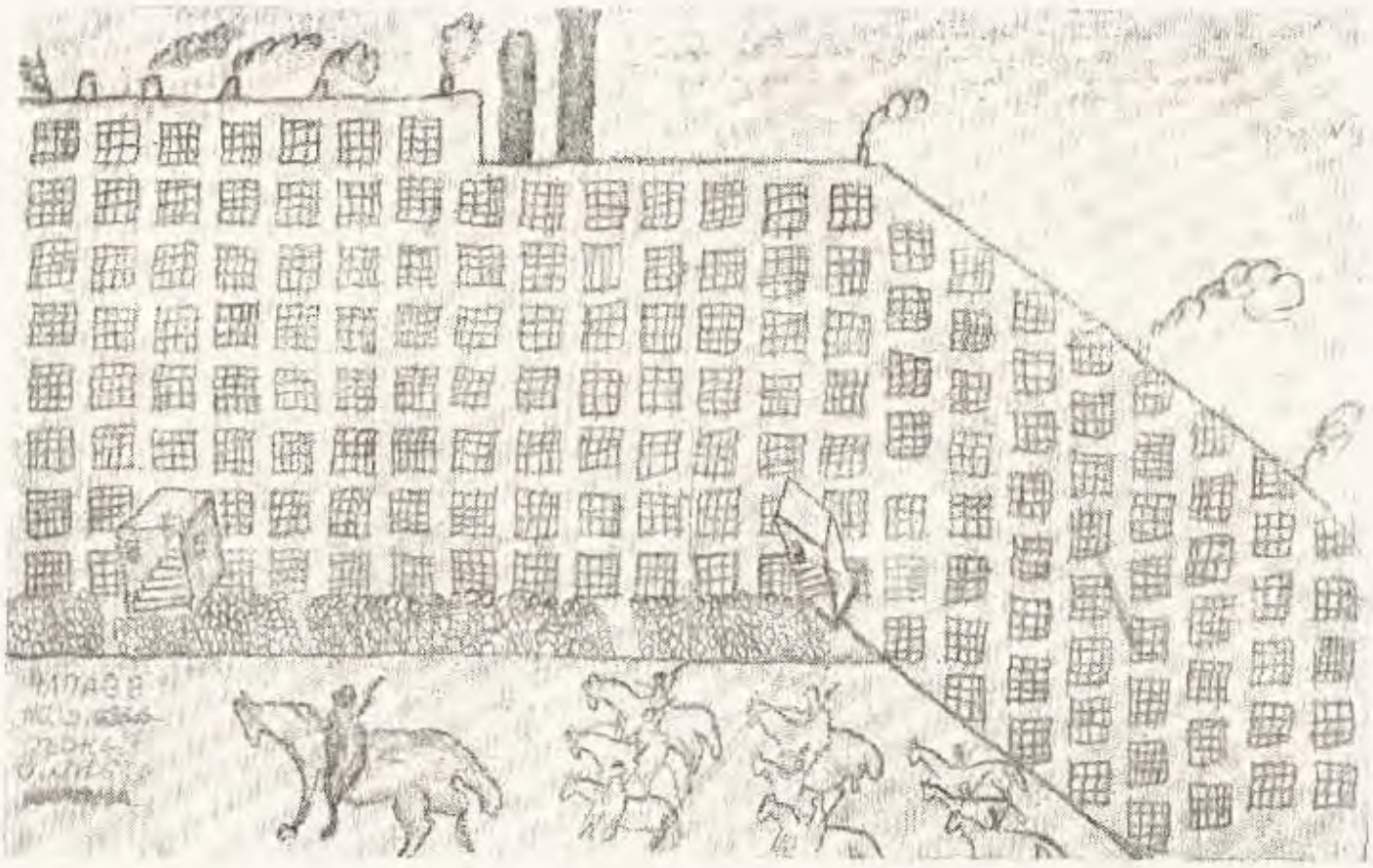

Рисунок Луки Матрехина, ученика I класса. *Поканьгская саамская школа.*

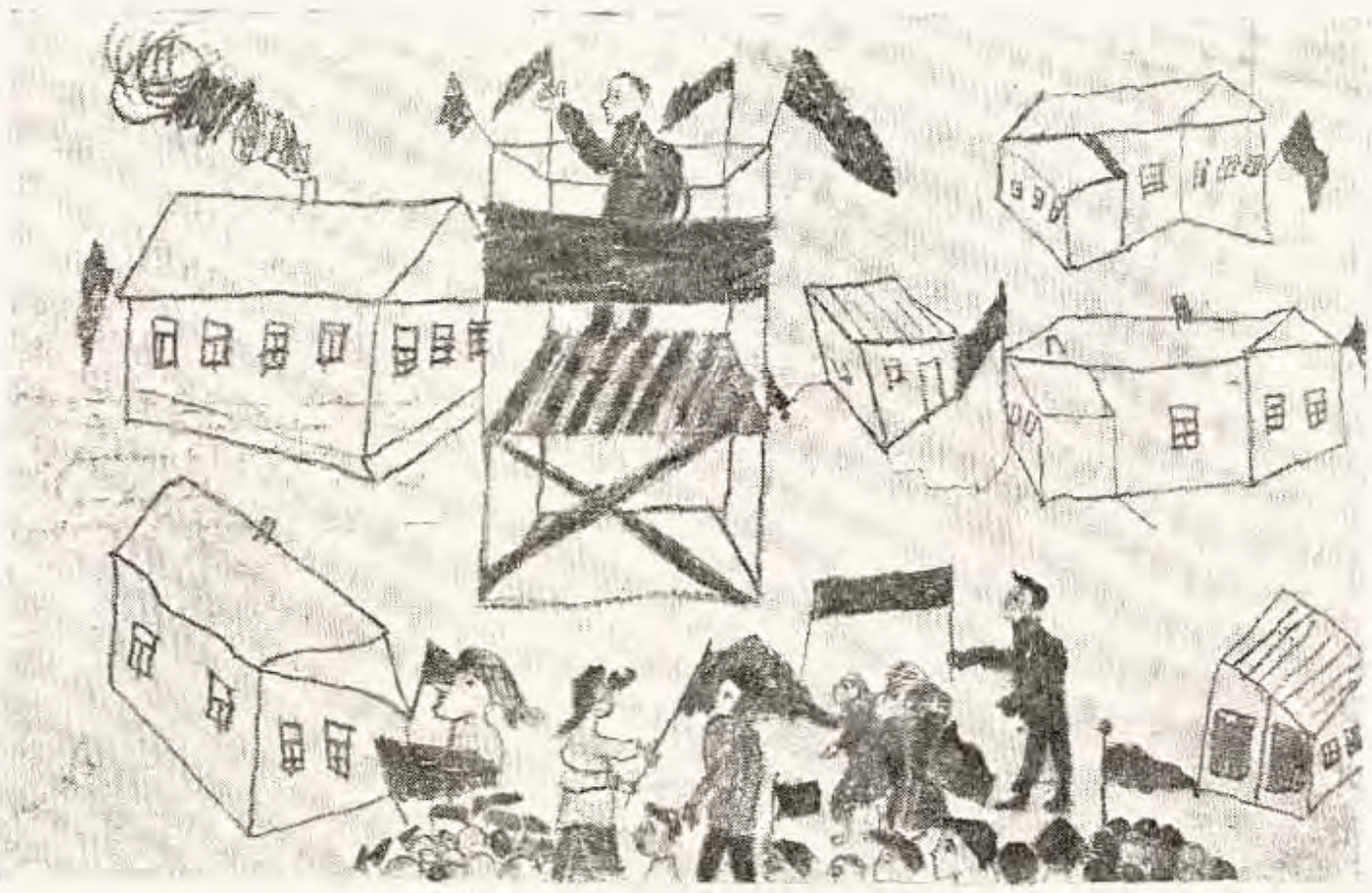

Рисунок Луки Матрехина, ученика I класса. *Поканьгская саамская школа.*

Рисунок Афанасия Самара, ученика IV класса. *Нижне-Халбинская нанайская школа.*

ний, подчеркивающих в случайных, неопределенных явлениях природы их характерные, обобщающие признаки. Интересен в этом плане рисунок Шуры Матрехина (стр. 160), ученика Йоканьгской школы.

Много движения в линейном рисунке, изображающем крутую, снежную улицу: по улице мчатся лыжники, едут на салазках дети, один мальчик упал, другой съезжает с горы, сидя на снегу. Дома городского типа, телеграфные столбы на улице, антенна на одной из крыш — все это показывает, что набросок сделан с натуры в одном из современных поселков, но лаконизм линий роднит его с древним искусством костяной резьбы. Северные школьники с увлечением занимаются резьбой по кости в свободные часы.

Дети Севера любят природу и охотно ее изображают. На рисунке Вари Киле (III кл. Джуэнской нанайской школы) изображена тайга со всем ее населением. На горах растут деревья разных пород, цветут колокольчики, зреют ягоды; птицы сидят на ветках и расхаживают по траве; охотник в вышитой рубашке целится в белку; рыболовы переправляются через реку в лодках, взмахивая двулопастными веслами; цепочка поплавков на поверхности воды отмечает место, куда погружена сеть.

Варя Киле склонна к орнаментации: свои горы, цветы и деревья она превратила в декоративный, пригодный для вышивки узор.

Иного характера рисунок Владимира Лифунчи (V кл. Койминской ульчской школы). Мальчик подчеркнул в рисунке конструкцию предметов: точно показал, как укреплена сеть поперек реки, как подвешен котелок над костром, как построена рыбачья лодка. Река на его рисунке делится на рукава; хвосты рыб, торчащие из воды, указывают направление потока. Дети-рыболовы и охотники с большой любовью рисуют орудия промыслов: капканы, гымги, запоры, чирканы, слопцы, лодки и другие принадлежности. Дуся Телышева (IV кл. Лумбовской саамской школы) мастерски нарисовала гарву — одно из орудий ловли семги. Во время отлива вода отступила, обнажая камни и стройный скелет рыболовного снаряда. Афанасий Самар (IV кл. Нижне-Халбинской нанайской начальной школы) нарисовал лесной пейзаж и прекрасно передал карандашными штрихами мягкую хвою, жесткие стволы деревьев и пушистые следы на снегу. В этом лиричном пейзаже не последнее место занимают четко нарисованные самоловы и капканы, расставленные охотниками на снегу для ловли зверьков.

Северным детям свойственна предельная конкретность образного мышления.

Некоторые иллюстрации в наших северных букварях вызывают их смех, другие — негодование. Ученики Казымской хантыйской школы увидели в букваре изображение мальчика, плывущего в лодке без весел, и вынесли свой приговор:

«Нехорошо нарисовано, без весел в лодке у нас никто не ездит».

Саамские школьники, рассматривая картинку, посвященную охоте на тюленя, сразу заметили, что промышленник подошел к тюленю слишком близко и что тюлень может сбить его с ног ударом хвоста.

«Наверное не охотник бьет тюленя, не научился промышлять. Тюленя не бьют так!»— сказали дети.

В том же букваре изображен человек с палочкой в руке, погоняющий стадо оленей так, как пастух гонит коров. За оленями с лаем гонится собака, а они спокойно идут вперед.

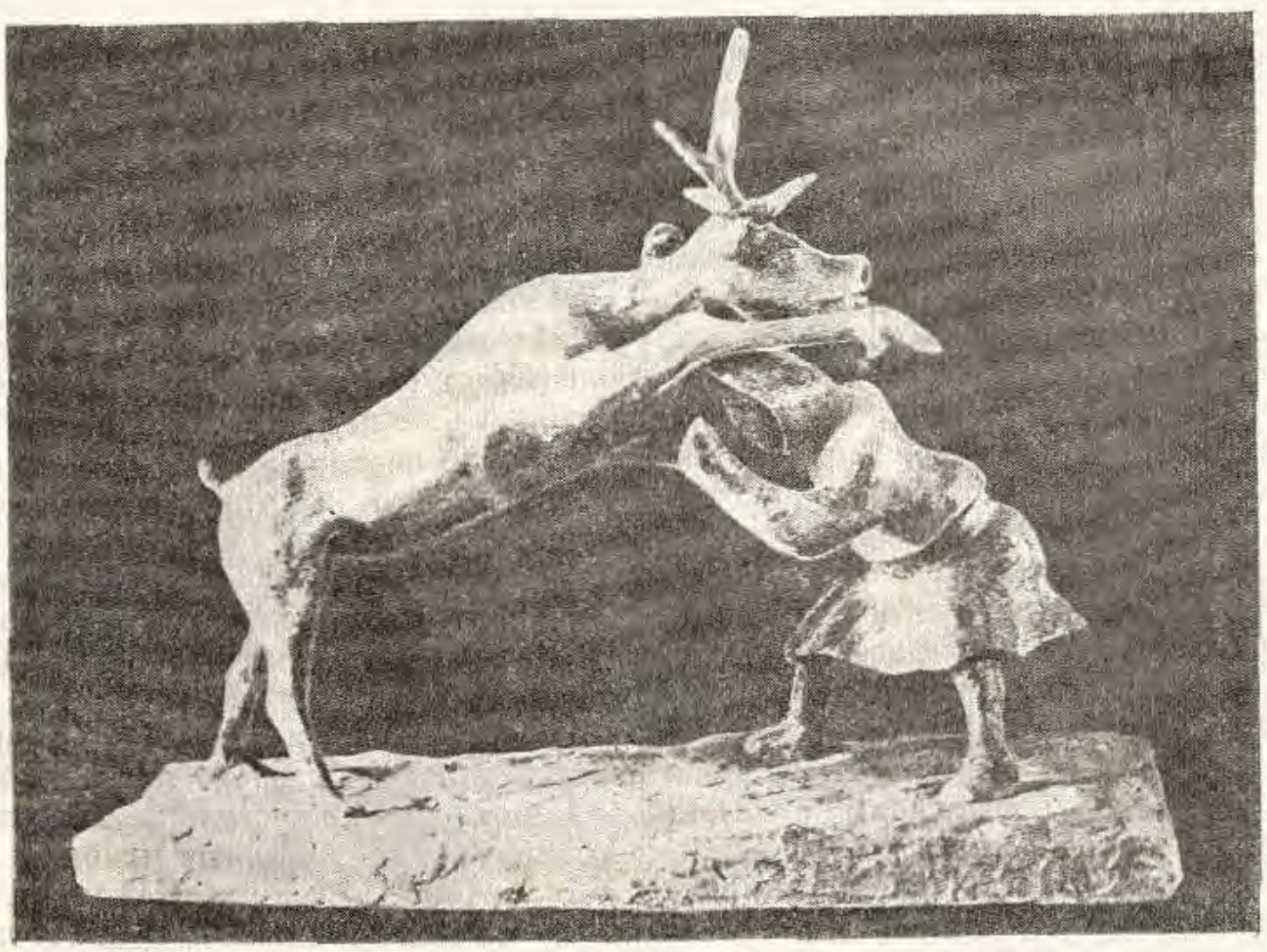
«Олени у нас такие не бывают. При виде собаки они сразу разбегаются...», — заметили школьники.

Тематика школьных рисунков не ограничивается сценками охоты, рыбной ловли, оленеводства. Советский Север живет напряженной жизнью. На глазах у детей происходит процесс внедрения социалистической техники в основные отрасли экономики Крайнего Севера. Здесь создаются промышленные предприятия, строятся электростанции, на реках заводится судоходство, в тайге проложены железные дороги, в поселках выстроены школы, клубы, больницы. Все это подняло культурный уровень населения. Быт изменился. Великие имена Ленина и Сталина звучат в каждом чуме, в каждой юрте и яранге. Дети рисуют портреты Ленина, Сталина, Ворошилова, они рисуют портреты Героев Советского Союза.

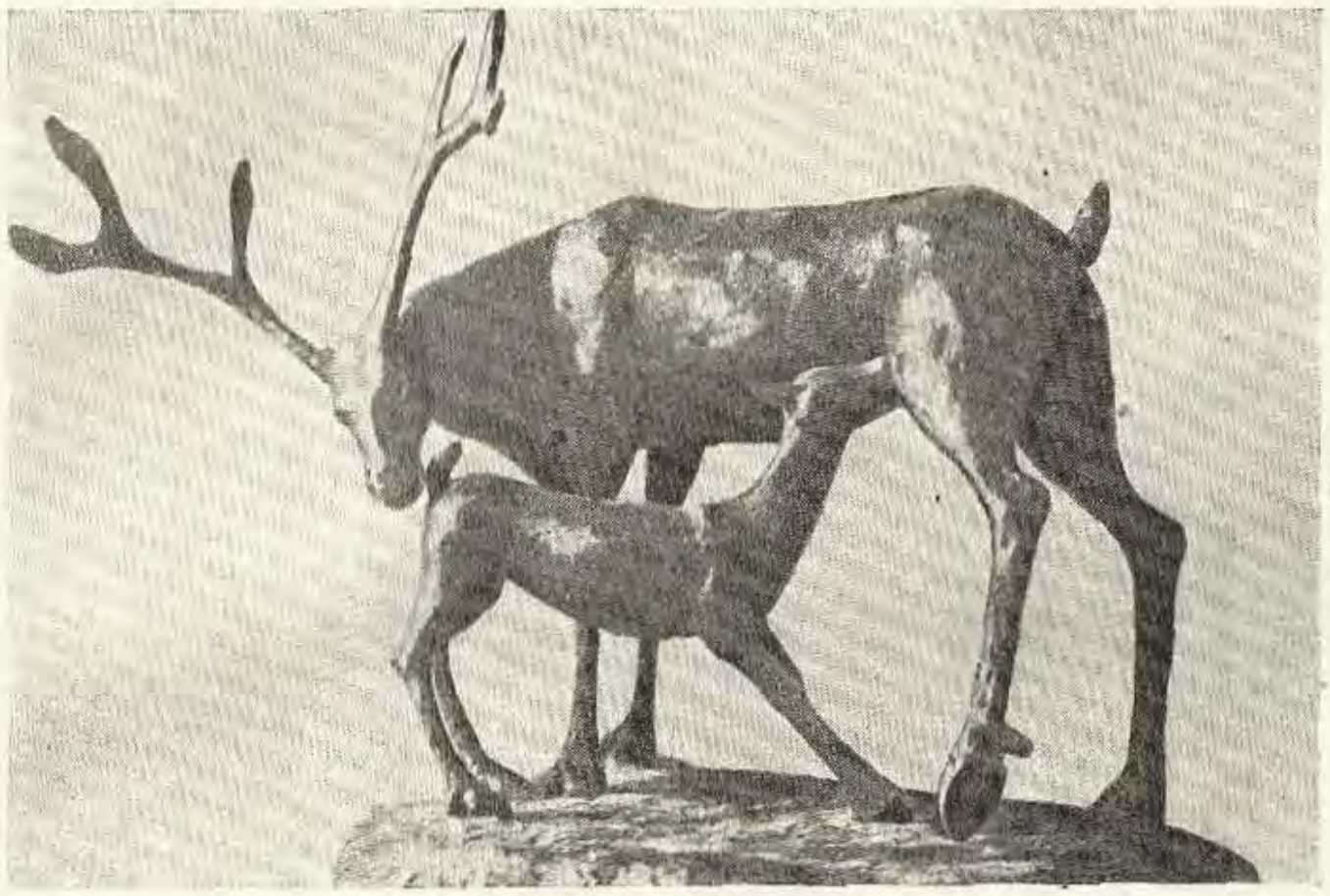
Дети отражают в своих рисунках новую жизнь Севера. Они с увлечением рисуют и пароход, впервые прорезавший неспокойную северную реку, и самолет, пролетевший над стойбищем, и отдельные эпизоды из понравившегося кинофильма. Они изображают гибель «Челюскина» и героическое спасение *«челюскинцев» нашими летчиками*.

Школьники Джуэнской нанайской школы сделали из досок довольно большой самолет; вместо кабины летчика они поставили ящик, вместо пропеллера — укрепили чурбашку. *Один мальчик уселся в «кабину»*, а другой, девятилетний Коля Сауд, зарисовал «самолет» и «летчика». С обычной для северных детей конкретностью он показал устройство этого «самолета», очертил сочной линией толстые доски, наметил легкими штрихами неровности и щели в их поверхности, не забыл нарисовать и кустики на школьном дворе, торчащие из-под «самолета».

Девятилетний Лука Матрехин (I класс Иоканьгской саамской начальной школы) нарисовал Первомайский митинг в стойбище. Дома и трибуна украшены красными флагами. Саамы в ярких одеждах со знаменем

Работа студента Ф. К. Болотникова (ненец). Борьба с оленем. *Гипс. Фото.*

Работа студента М. Т. Кичигина (коряк). Важенка. *Бронза. Фото.*

Работа студентки М. Г. Бояровской (эвенки). Всадник. *Гипс. Фото.*

Работа студентки М. Терентьевой (ненка). Кочевье. *Акварель.*

Работа студентки Е. Соловьевой (эвенки). Лоси в тайге. *Акварель.*

Работа студента Киле Пячка (нанаец). Рыбацкий колхоз. *Акварель.*

Работа студентки К. Тавелеевой (ненка). Стойбище, *Акварель.*

в руках слушают речь оратора. В рисунке выражено радостное, праздничное настроение.

Тот же Лука Матрехин изобразил отряд Чапаева, вступающий в город. Громада фабричного здания с бесчисленными окнами, с дымящими трубами замыкает горизонт. Перед ней — огромная, многоголовая толпа рабочих. По пустой площади движутся вооруженные всадники. Впереди, на могучем коне — сам Чапаев. Сбоку рисунка мальчик написал «Чапаев наш. Огонь, огонь!». В рисунке прекрасно выражено напряженное ожидание толпы рабочих и уверенная сила маленького отряда. Сопоставление легендарного героя Красной Армии и трудящихся масс, за интересы которых он боролся, показывает, что мальчик прекрасно понял и оценил содержание фильма.

Северных детей привлекают темы труда, борьбы, геройства. Их рисунки отзываются на большие события современности и стоят на высоком идейном уровне.

Дети Севера, попав в школу, впервые знакомятся с приемами акварельной живописи. Их акварельные наброски сочны по краскам и выразительны по настроению.

Рисуя часто в обычных школьных тетрадях жестким, бесцветным карандашом, дети и при этих скудных средствах создают рисунки радостные, реалистичные, свидетельствующие о большой одаренности их создателей. На выставке детского рисунка в 1934 г. в Москве рисунки северных школьников вызвали всеобщее внимание и оживленные толки. Посетители отмечали оригинальность этих рисунков, их органическую связь с национальной культурой народов Севера, тонкое художественное чутье маленьких художников.

К сожалению, не все школьные преподаватели умеют бережно подойти к ученикам. В некоторых школах учителя не только показывают детям третьесортные картинки и малохудожественные открытки, но и предлагают детям копировать эти объекты. Еще в 1936 г. на выставке детских рисунков в Найхинской нанайской школе преобладали копии открыток, убогих по художественному качеству и чуждых северным детям по своему содержанию. Такой метод преподавания притупляет художественное мышление, искажает вкус ребенка, ослабляет его творческие способности.

Между тем, если преподавание ведется разумно, если учитель учитывает специфические черты художественного мышления северян и умело направляет их работу, — такое преподавание дает прекрасные результаты. Примером этого могут служить рисунки, живопись и скульптура студентов Института народов Севера в Ленинграде. Многие работы студентов представляют собой подлинные произведения национального искусства. Их высокая художественная ценность не раз отмечалась на выставках и в печати. Они являются крупным вкладом в художественную культуру народов Советского Союза и открывают перспективы дальнейшего роста и развития национального по форме и социалистического по содержанию северного искусства.

Работа Дарьи Ходжер, ученицы III кл.

Работа Мониты Киле, ученицы III кл.

Работа Нюры Бельды, ученицы II кл.

Глава пятнадцатая

В ЧАСЫ ДОСУГА

Шаманы запугивали туземцев:

— Не отдавайте детей в школу! *Испортите их!* Грамоте научатся, а промысла знать не будут. Зачем в тайге грамота? А плохой охотник как жить будет? Пропадут ваши парнишки!

Хитрые шаманы знали, чем пугать! И родители этими самыми словами отвечали на уговоры учителей отдать детей в школу.

Учителя обещали, что школа не оторвет детей ни от промысла, ни от их народа. Впоследствии родители убедились, что обещание *свое школа сдержала*.

Когда дети собираются к началу учебного года, они приносят с собой луки и стрелы, некоторые даже ружья, малыши — рогатки, из которых очень метко стреляют камешками. Ружья и луки обычно бывают развешаны на стене над кроватью каждого школьника.

А некоторые школы сами приобретают мелкокалиберные винтовки, чтобы дети могли *упражняться в стрельбе. Иногда заводятся* школьные капканы, школьный невод. Ученики готовят чирканы (на горностая), силки (на куропаток) и иные охотничьи снасти. В часы досуга дети могут промышлять.

Нет, школа не отрывает детей от промысла! Этого и нельзя было бы сделать, не превратив их в убежденных противников школы. Дети народов Севера — страстные охотники. *У них меткий глаз, прекрасно развита сноровка* подкрадываться к добыче, они бьют в нее без промаха. Они хорошо знают лес, его жизнь, хорошо ориентируются в нем. Иногда, уходя в лес, дети удаляются от своих юрт или от школы на много километров. И нет опасений, что они заблудятся. В лесу они как дома.

Своей страстью они заражают и учителя. Дети показывают, где поставить капкан *и как его поставить, чтобы попался* в него колонок. По лесу они идут и все к чему-то присматриваются, что-то вынюхивают. И столько они видят, столько узнают по следам, что учитель поражается: он, идя рядом, кроме кустов и деревьев ничего с непривычки не увидел.

Хорошо рассказывает о маленьких охотниках т. Семушкин:

«Однажды, — говорит он про *луораветланских детей*, — учителя с группой мальчиков ушли далеко по торосистым льдам в море, где была полынья. Здесь появились нерпы. Они показывали только свою небольшую черную голову и красиво плыли по темной воде ледяного озера. И учителя и ученики — все были вооружены винчестерами. Как только нерпа показывалась, *учителя откры-*

Отличник учебы авиамоделист пионер Коля Мирных. *Фото.*

вали канонаду и, конечно, «садили в небо». На воде требуется особый прицел. Ученики были крайне поражены: как это учителя, такие большие люди, а нерпу не могут бить. Авторитет учителей значительно упал бы, если бы ученики не узнали, что на нашей земле нет нерп и на нерпу нам никогда не приходилось охотиться.

... Учителя вынуждены были принять к руководству разумный совет и, сложив оружие, спокойно стали наблюдать за охотниками в возрасте от восьми до двенадцати лет.

Показалась нерпа. Она плыла, положив свои редкие, твердые усы на поверхность воды. Но ни один мальчик не пошевелился. Они так и застыли на ледяном берегу. Никто из них даже не вскинул винчестера. В этот момент учителя вошли в охотничий экстаз. Один из них даже вскочил и закричал:

— Нерпа, нерпа!.. Стреляйте ее!

— Гамам (нельзя), — спокойно сказал ему мальчик.—Все равно потом ее не достанешь.

Но вот нерпа показалась вновь, и моментально, когда из учителей никто еще не заметил ее, раздался выстрел.

Нерпа перевернулась и осталась лежать в луже собственной крови. Вот тут-то и началась суетня, спешка, соревнование между детьми. Каждый из них бросал на длинном ремне специальное деревянное приспособление «заброску» с острыми, как когти, гвоздями. Тонкий ремень собран в кольцо, и, размахивая им, мальчики пускали «заброску». Ремень вытягивался, и «заброска» со свистом летела на убитую нерпу.

... Наш вчерашний пугливый школьник здесь, среди широкого ледяного простора, чувствовал себя властелином». [158]

В Нижне-Халбинской нанайской школе есть ученик Егор Самар. Его повадки и весь внешний облик очень оригинальны и обличают в нем заядлого охотника.

Он не идет, а точно всегда выслеживает зверя и подкрадывается. Со своим оружием не расстается ни на минуту. В неучебный день с утра до вечера пропадает в тайге. Да и в учебный день, если только сядет где-нибудь возле школы утка, Егор непременно это увидит и сообщит учителю. Раз утка показалась, то никак нельзя оставить ее не застреленной.

На голове Егора большая серая фуражка козырьком назад. Пиджак защитного цвета он надевает так, что пуговицы застегиваются на спине. Это уж, как будто, и не обязательно для охотника, но нет — и тут, как всегда у Егора, на первом месте охотничий расчет. — Егор замечательный стрелок. Оружие его — рогатка. Бурундука он бьет с одного разу.

Но почему, все-таки, пиджак задом наперед?

— Карман разорвался, — коротко отвечает Самар.

— Ну и что?

— Правый карман.

Оказывается, камешки должны быть в правом кармане: вынимать удобнее. А так как этот карман порвался, то Егор додумался перевернуть пиджак.

То же и с фуражкой: она велика, козырек сползает на глаза, мешает целиться. Егор непрочь бы его отрезать. Но портить фуражку нельзя — школьное имущество! — и он предпочитает носить ее козырьком назад.

В Ербогаченской школе один из самых страстных охотников Максим Комбагир. Ему 17 лет. Есть у него свое ружье. Максим тщательно ухаживает за ним. Ружье висит на стене вместе с рисунками на охотничьи темы и с трофеями охоты: хвостом глухаря, полосатыми шкурками бурундука и т. д. За лето 1935 г. Максим убил 150 бурундуков.

Другой ербогаченский охотник — Миша Каплин. Этот гораздо моложе, ему всего 9 лет. Учится в 1 классе. Низенький, толстый, ходит вперевалку. Своего ружья у Каплина нет. Он бьет добычу из лука. Меткостью своей славится. За лето добыл 30 бурундуков и сдал в Госторг. На вырученные деньги купил там конфет и сушеных яблок, которые он называет оленьими грибами.

У Каплина есть своя собака. Он держит ее возле школы и заботится о ней с большой любовью. Охотится он вблизи школы. Но если удается пристроиться к старшим, то вместе с ними идет и подальше в лес.

А старшие — те уходят в лес с ночевкой. Иногда небольшими группами проводят в лесу, промышляя, все зимние каникулы.

Не меньший интерес, чем к охоте, дети народов Севера проявляют и к рыбному промыслу. Река так же им родна и близка, как и глухой лесной урман.

Учитель Болонской нанайской школы С. И. Шумских о нанайских детях рассказывает так:

«В июле месяце я ехал из Троицка в Болон. На Амуре стояла непогода. Дул ветер. Волны катились одна за другой. Я сидел на катере. Сзади катера на канате тянулась лодка, на которой ехали с районной олимпиады учащиеся нанайских школ. Лодка беспрерывно ныряла и скрывалась в гребнях волн. Страшно было смотреть на Амур. Но дети непогоды не чувствовали. Они всю дорогу пели.

Я, только что приехавший в этот край, невольно подумал: какие замечательные, самоотверженные, храбрые дети! Сразу чувствуется, что это — дети Амура, реки, которая при тихой погоде кажется спокойной, а при непогоде представляет страшное зрелище».

Подойдите осенью к Болонской школе, в которой учатся дети-нанайцы,— и вам прежде всего бросится в глаза эскадра маленьких оморочек. Это приехали учиться из стойбища нанайские дети. Как только занятия кончатся, они гурьбой выбегают из школьного здания, веселые, улыбающиеся, берут в свои руки изящные, маленькие весла с лопастями на обоих концах, садятся человека по два, по три в оморочку и отплывают от берега.

В воздухе поднимается целый лес весел, которые, напоминая крылья ветряной мельницы, то поднимаются в воздух, то снова погружаются в воду.

Волна детского гула катится по водной глади. На этих утлых оморочках дети ездят

Нанайская пионерка Манита Киле.
Фото.

в тихую погоду, когда протока ласково смеется, и в непогоду, когда она ревет и кипит.

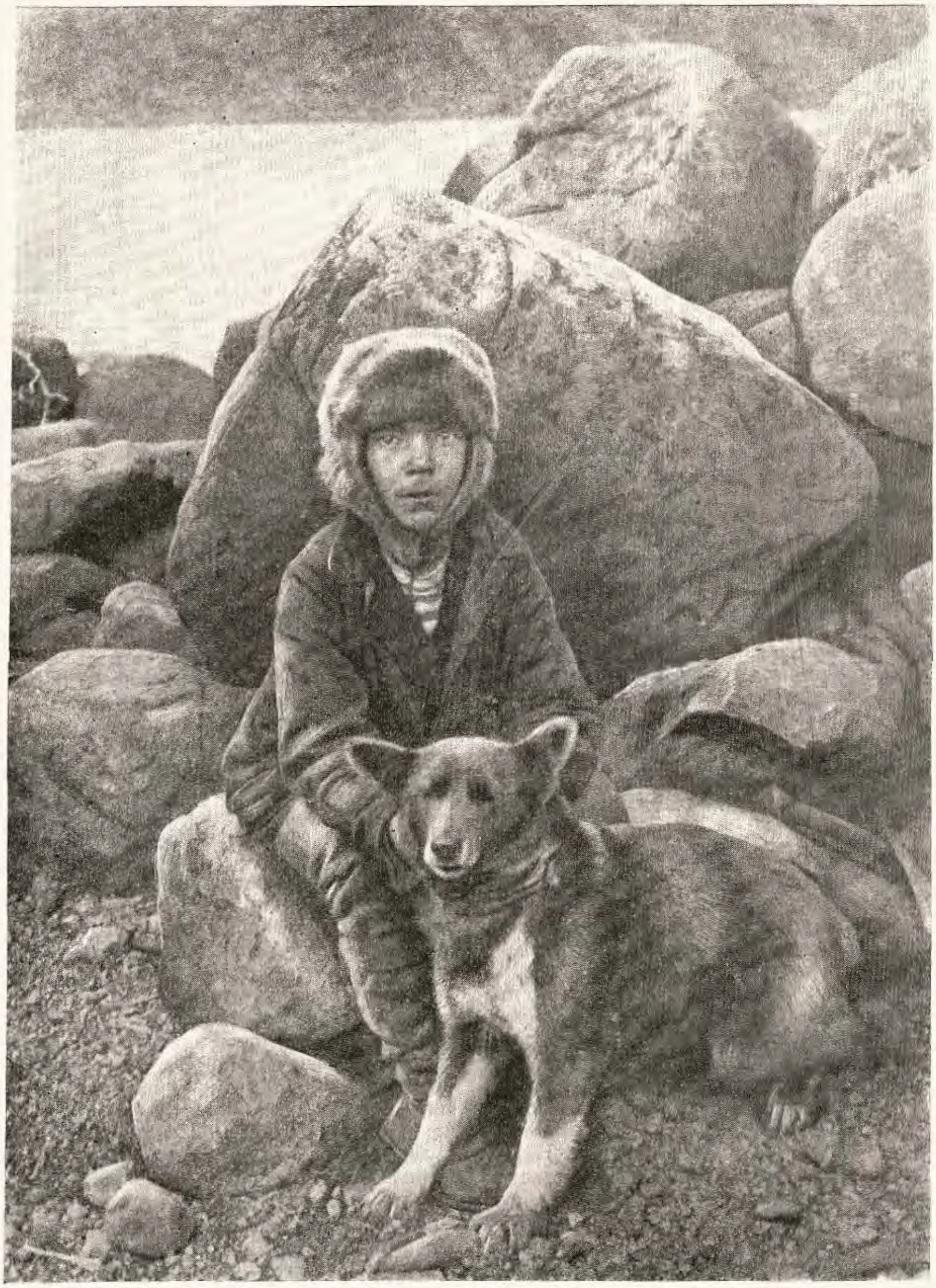
С очень ранних лет мансийские дети втягиваются в рыбный промысел. Они еле-еле ходят, а родители уже берут их с собой в лодку. А как только начинают подрастать, для них часто делают маленькие весла, обучают управлять лодкой, приучают к жизни реки. Дети, достигшие 9—10 лет, помогают родителям в сорах ставить запоры гымги, сети. Подростки 12—14 лет часто участвуют вместе со взрослыми в неводьбе.

Мансийские дети отлично знают, когда поднимается вверх по реке рыба, в каких местах ее больше водится, в какие сроки и какими орудиями ее лучше ловить.

То же можно сказать и про детей других северных народностей, расселенных по берегам широких и обильных рыбой северных рек и, в особенности, про амурских детей.

Когда осенью по Амуру начинается ход кеты, дети-нанайцы рвутся на берег, в места, где дается тонь. Пусть малышей и не берут в лодку — все равно, уйти нельзя! Ребята подпрыгивают от возбуждения на берегу, сверлят глазами воду, по цвету и количеству воды в реке, по первым тоням предсказывают, какой будет улов.

Дни хода кеты — крупнейшее событие в хозяйственном году прибрежных жителей,

Саамский школьник Матрехин со своим верным другом. *Фото.*

Ребята знают, что эти дни решающие, что делается запас рыбы на весь год.

Школы учитывают увлечение ребят рыбной ловлей. Найхинская школа завела даже свой школьный невод. Ученики старших классов под руководством опытных учителей в часы, свободные от занятий, уезжают в лодке промышлять рыбу на отведенный им участок на реке.

На берегу можно наблюдать такие сценки.

Вечер. Учащиеся отдыхают у костра. Они сидят на корточках и глядят в большой котелок среди пламени. Закипает варево из свежепойманной кеты.

— Как дела, рыбаки?

Из-за кустов показывается учитель естествознания, тихоголосый и скромный Козулин, любимый учениками за то, что «все знает», и еще за то, что амурской природой увлечен не меньше их.

— Как дела?

— Ничего, есть кета! — отвечает дружный хор.

Козулин бережно разбирает пойманную рыбу, находит самую большую и измеряет ее складным метром по всем правилам: от середины глаза до начала хвостового плавника.

Потом все достают ложки, начинается ужин. «Случайно» ложка оказалась захваченной из дому и у учителя. Ужинают долго, плотно.

— Пора домой, — говорит учитель после ужина. — Завтра занятия, отдохнуть вам надо.

Бригадир Ваня Бельды что-то шепчет учителю, тот беспомощно разводит руками: нельзя. Тогда ребята говорят хором:

— Еще раз! Одну тонь еще. Можно, Матвей Назарович?

— Вот выдумали, — не очень твердо возражает учитель. Ему самому досадно, что надо возвращаться домой.

Бригада чувствует, что согласие недалеко, и усиливает просьбы. Ребята уверяют, что нисколько не устали, что к занятиям выспятся хорошо. Наконец, учитель разрешает еще один заезд.

— Коля Панси — на корму. Юрий Актанка, Вася Бельды... — третьего гребца бригадир не успел назначить.

Лодка двигается по протоке, невод постепенно сползает с кормы и погружается в воду. Гребцы напрягаются изо всех сил.

Тонь брошена. Лодка повернула обратно и быстро приблизилась к берегу.

Вот ткнулась в вязкую глину берега. Ребята выскочили, выбирают невод.

Невод пополз на берег. Все ближе и ближе подходит мотня, в ней уже мелькает живое серебро. А когда мотня приблизилась к самому берегу, ребята вошли по пояс в воду и стали выбирать добычу.

Смех, радостные крики несутся по протоке, хотя улов и невелик на этот раз.

— Десять штук? — недовольно переспрашивает учитель. — Немного же. Прошлый год с каждого заезда не меньше 70 штук брали.

И добавляет тоном знатока:

— Немудрено. Нынче вон вода какая большая!

— Впрочем, не только в воде дело. Надо было вот куда заезд сделать. За ту иву. Вот будет рыбы!.. Но это завтра.

В тундровой полосе увлечения школьников иные — в прямой зависимости от промысловой деятельности взрослых.

Тем, кто бывал на Севере в тундрах, не раз приходилось видеть детей-школьников вместе со взрослыми пасущих оленей.

С ними непременно есть собака. И если стадо ходит вразброд или сворачивает с ягельного угодия в сторону, маленький пастушонок прибегает к помощи собаки.

Стоит ему поднять руку и дать соответствующее направление, как собака вихрем бежит к головке стада и загоняет его на нужный ягельный участок. Дети лет 10—11 уже умеют обращаться с оленями. Умеют запрягать и распрягать оленей, садятся на нарты и уезжают на гору, к ягелю. Там распрягают оленей, привязывают к шее оленям веревку и пускают пастись.

В выходные дни дети-школьники часто вместе со своими родителями ездят в стада и, когда возвращаются, с восторгом говорят о том, каких видели оленей, как на них ехали и кто упал с нарты.

Промысловые склонности детей сказываются и в их играх.

Среди саамских детей одной из самых любимых игр является «игра в оленей». Эту же игру можно встретить и среди детей других северных народностей, занимающихся оленеводством: ненцев, эвенков, лураветланов, нымыланов и др.

Зимой во время каникул, в выходной, а нередко и в обычный день, после занятий, в назначенном месте собираются учащиеся — мальчики и девочки, берут в руки оленьи рога, приподнимают их над головами, покачивают в воздухе и с криком бегают где-нибудь по заросшему снегом угору. Дети во время игры подражают оленям. В холодном воздухе раздается гулкое хорканье: хор-хор-хор!

Дети-сказочники, учащиеся мансийской школы при Сосьвинской культбазе. *Фото.*

По краю угора, крепко держа в руках имальницу, бежит мальчик, изображающий «пастуха». Приблизившись к стаду, «пастух» делает взмах правой рукой — и в воздухе взвивается имальница. Если бросок меткий, петля имальницы падает на рога одного из играющих.

*Роль пастухов, в зависимости от количе*ства играющих, выполняют двое-трое, а иногда и больше мальчиков. За «пастухом» бегут дети, изображающие собак. Они громко лают и по первому знаку пастуха забегают в сторону и сгоняют разбегающееся стадо в одно место.

Пойманные дети отводятся в сторону, и они уже выбывают из числа играющих. Вот имальница цепко упала на рога, которые находятся в руках одной из девочек. «Пастух» так сильно потянул эту имальницу к себе, что девочка не выдержала и рога вырвались из ее рук. В воздухе раздается звонкий детский крик, смех — важенку поймали.

В игре принимают участие и дети дошкольного возраста. *Они изображают телят.* Дошкольники также бегают и издают самые разнообразные звуки, стараясь подражать маленьким телятам.

Игра эта очень оживленная. Она длится час-два, а то и больше. Часто бывает, что дети, изображающие пастухов, запрягают пойманных мальчиков и девочек в маленькую нарточку и по очереди катаются на ней.

Сидящий на нарточке в руках держит палку и делает вид, что он едет в становище.

«Олень», запряжённый в нарточку, устал, тогда седок сходит с нарточки, распрягает оленя и отпускает его на свободу. Кричит вслед: «Беги, поправляйся лучше!».

Если оленя изображает какой-нибудь толстый мальчик или девочка, возница кричит: *«хороший бык!» или «хорошая важенка!»*, «можно на мясо!».

Иногда роль оленей выполняют не сами участники игры, а оленьи рога. Это чаще бывает тогда, когда в оленей играют малыши.

Где-нибудь на улице дети разбрасывают в беспорядке ветвистые оленьи рога, вооружаются арканами и стараются метко набрасывать на рога свои маленькие арканы. *Затем оленьи рога связывают веревкой*, как это бывает в действительности при ловле оленей, «запрягают» в санки, или просто садятся на снег без всяких санок и представляют, что едут на оленях где-нибудь

далеко по заросшей снегом безлюдной тундре.

Игра в оленей является одной из любимых игр и у луораветланской детворы.

Среди народностей таежной полосы очень распространена «игра в медведя». Так же, как и игра в оленей, она имеет многочисленные оттенки и варьируется в зависимости от творческой выдумки играющих.

Вот группа ребят собралась играть в медведя. Один из них, наиболее рослый и сильный, заявляет, что он будет медведем, другие соглашаются стать охотниками. «Медведь» скрылся в кустарнике. «Охотники», взяв в руки палки, вместо пик, пошли на поиски «медведя». Дети лазят в кустарнике и тщательно разыскивают медведя. Но не скоро они нападают на его след.

Выполняющий в игре роль медведя, видя тщетные попытки найти его, сам решил дать знать о себе. Из глубины кустарника послышался рев. Услышав этот рев, дети-охотники идут по направлению к нему.

«Вот там, возле дерева, «медведь» ест орехи, — крикнул кто-то из играющих. И «охотники» вмиг, один за другим, начинают подкрадываться к «медведю». Вот подобрались совсем близко. «Охотники» нападают на него. Один из играющих зашел к «медведю» сзади и с силой схватил его за уши.

«Охотники» повалили «медведя» на землю. Не обошлось при этом, конечно, без борьбы и сопротивления со стороны «медведя». «Медведь» всячески старался высвободиться, но он был один, а нападающих целая гурьба.

Как только «охотники» свалили «медведя», его стали колоть пиками. Куда исчезла его звериная, страшная сила? Он лежал плашмя, и его сильный рев теперь чередовался с протяжным хрипом, будто он доживал уже последние минуты.

«Медведь» «убит». Теперь возле него копошатся маленькие охотники и своими движениями показывают, что они обдирают с него кожу, режут мясо, кладут на нарты и собираются отвезти в свое стойбище».

Игра детей в медведя протекает очень живо. Она представляет прекрасную инсце-

Фехтование на палках — любимая игра удехейских школьников. *Фото.*

нировку охоты на медведя. Поиски «медведя», нападение на него, борьба, колотье и т. д. изображаются с исключительным сценическим мастерством.

Вот другая игра — «охота».

«Охотник» находится в укрытом месте неподалеку от начерченного на земле круга, изображающего озеро. «Охотник» дожидается прилета уток. А утки, — остальные играющие дети, — сидят за холмом и «пьют» воду. Некоторые из них крякают. До «охотника» доносятся их голоса. Он насторожился и ждет своей добычи.

Вот, наконец, «утки» поднимаются со своих мест, приближаются к «озеру» и садятся.

«Охотник» стреляет. Одна «утка» «убита». Вслед за этим делается второй выстрел, третий и т. д.

Часть «уток» успела улететь. Пристреленных же «уток» «охотник» достает с озера и с добычей отправляется домой.

Дети юитские и лураветланские соответственно играют в охоту на нерпу.

Те игры детей Севера, в которых не изображаются прямо промысловые сценки, состоят все-таки из упражнений, закаляющих в участниках свойства, необходимые охотнику или кочевнику: ловкость, выносливость, меткость удара и броска. Эти игры: прыжки, бегание по кругу, борьба, мяч, метание копий.

Учитель Уэлленской школы И. Е. Усенко рассказывает, что учащиеся-лураветланы прыгают на один-два, а некоторые даже и на три метра, а бегают часто на расстояние четырех километров.

Подвижным играм дети уделяют много времени, но такие игры все-таки не заполняют всего досуга школьников.

В длинные зимние вечера дети собираются в интернате вокруг сказочников и песельников из своей же среды.

Нет, пожалуй, на Севере такой школы-интерната, в которой не было бы талантливых юных рассказчиков, сказочников, песельников.

Фольклор народов Севера чрезвычайно богат и оригинален. Это понятно, — при отсутствии письменности, при разобщенности с другими, более высокими культурами, для поэтического творчества народа оставался один выход: в устную поэзию. Память сказочников и певцов сохранила старинные легенды о богатырях, о замечательных охотниках, мифы, в которых силы природы выводятся под видом божков и духов. В иной песне встречаются обороты и целые фразы, непонятные даже самому исполнителю, — свидетельство глубокой древности песни.

Школьники хранят в памяти старые национальные сказки,— например, Проша Карсавин, селькуп, ученик Фармаковской школы, знает их до двадцати; но больше в ходу среди детей другие жанры фольклора: загадки, песенные импровизации, рассказы «из жизни», т. е. о действительных случаях на промысле, и т. п.

Темы для своих песен маленькие поэты избирают не задумываясь, — иногда вдохновляются самыми обычными предметами и явлениями окружающей среды.

Мансийская девочка Даша Костина поет о возвращении проточинских школьников, ее товарищей:

«Как посмотрим мы на воду,
Верхнего Обского плеса:

Приближается к нам маленький катер
С опущенным носом.

После этого
Смотрим мы, девушки,
Двумя глазами спелой смородины
На беловодную питательную Обь.
Как посмотрели мы на воду
Нижнего Обского плеса,
Приближается к нам маленькая
Четырехсаженная лодка.

В корме лодки
Кто это сидит?

Старика Матвея маленький Коля,
Он сидит.

В середине лодки
Кто это сидит?

Старого Давыда маленький Васька,
Он сидит».

(Запись и перевод А. Н. Баландина).

В Койминской ульчской школе лучший рассказчик — Баявсал Генчу. К нему каждый вечер пристают ребята: «Баявсал, расскажи сказку!». Как настоящий артист, Баявсал не всегда и не сразу соглашается на просьбы: ждет «настроения». Зато, когда он в настроении, то, по его выражению, сказки, «как кета, из головы лезут, сетями не удержишь». Каких только сказок ни рассказал он товарищам: и о рыбе-великане, и о затонувшем острове, и об ульчских богатырях, и о хитрой лисице и т. д. Это, большей частью, старые народные сказки, детям давно знакомые, но в умелой передаче Баявсала Генчу старые сказки становятся особенно увлекательными.

Не меньшим успехом пользуются у ребят и рассказы Баявсала о том, что он «сам видел».

Видел он, например, как медведь ловил

Ученики Тельвисочной неполной средней школы за патефоном. *Фото.*

рыбу. Рассказывая об этом, Баявсал чуть не уморил школьников со смеху — так живо изобразил он простофилю-медведя. Дело, будто бы, происходило на небольшой лесной речке. Кета, поднимаясь к истокам метать икру, шла густо-густо. Медведь забрался в воду до половины туловища и выхватывал когтями любую рыбину. Но — жадный! — не уходил с нею на берег, а складывал под себя одну за другой. А когда решил, что запасся достаточно, и хотел взять всю добычу в охапку, — не нашел под собой ничего. Уплыла рыба.

Веселье слушателей доходило до предела, когда Баявсал рассказывал, как медведь с досады ударил лапой по воде и, кряхтя, побрел на берег, мокрый и голодный.

В интернате Сосьвинской школы собрались однажды вечером все ученики для обычной беседы. На этот раз присутствовало и несколько человек взрослых манси, приехавших навестить детей. Началась беседа с загадок. Мальчик Егор Хазымов загадал:

— По сердцевине березы бежит красная лиса. Что такое?

Дети разгадали сразу.

— Огонь! — закричали они.

— Так. А это что: одна сторона — лес, другая — Урал?

Не только дети, но и взрослые не знали ответа. Переглядывались, молчали.

— Ай-ай-ай, трудная загадка, — покачал головой старик-манси. — Никак не могу разгадать эту загадку. Скажи сам.

Егор выждал еще минуту и с важностью сказал:

— Невод.

— Верно! — обрадовались одни. — Конечно, невод.

— Почему невод? — не понимали другие.

— Мудрая загадка, — подтвердил старик. — Поплавки у невода из бересты — это лес, а груз — камень — это Урал: каменные горы.

И старик сказал свою загадку:

— В доме за семью замками богатырь сидит.

— Кедровая шишка! — закричали дети.

— Верно.

Еще загадал несколько загадок, и все были немедленно разгаданы.

— Твои загадки легкие, расскажи лучше мойт, — попросил Егор Хазымов.

— Мойт, мойт! — поддержали его остальные.

Мойт это — сказка. Старик стал рассказывать одну из историй про Эквапырища, веселого и ловкого героя мансийского фольклора:

«Жил Эквапырищ со своей бабушкой.

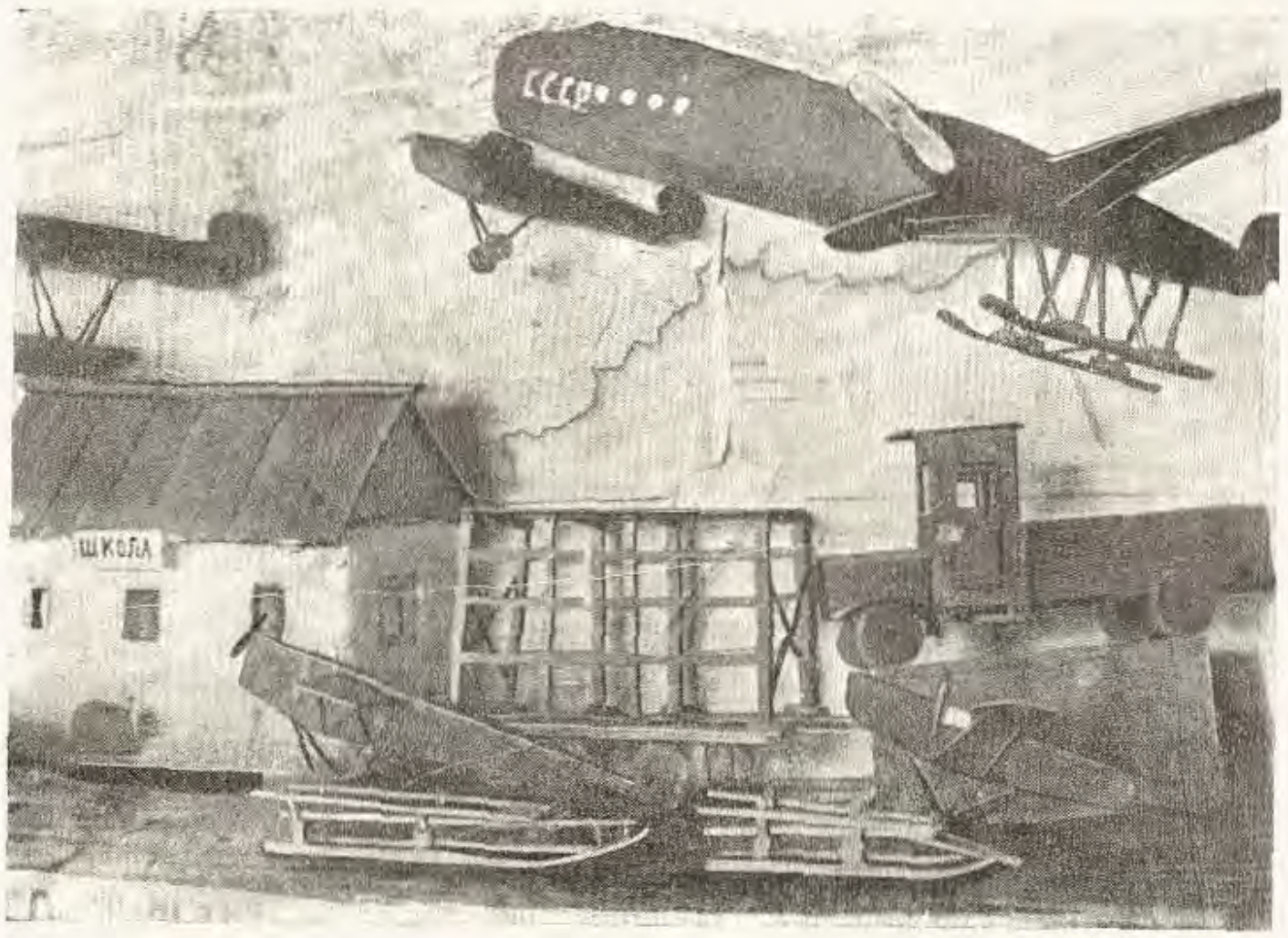
Бабушка говорит: «Ты ступай, промышляй».

Эквапырищ говорит: «Не пойду, купцы и попы все равно даром заберут».

Эквапырищ встал и начал плясать: на большом пальце, на маленьком пальце пляшет.

Бабушка говорит: «Сынок, почему ты так живешь, иди, промышляй в лес».

Эквапырищ вскочил, бабушку обнимает,

Поделки учащихся долган и юраков. *Караульская школа. Фото.*

целует, говорит: «Бабушка, я в город схожу».

— Ай, сынок, не ходи! В городе большие русские живут — *убьют тебя*.

— Нет, не убьют, я не боюсь.

Эквапырищ оделся, обулся — пошел.

Долго шел, коротко шел, явился в божий город, явился в царский город...».

Дальше в сказке говорилось, как Эквапырищу удалось провести «главного попа», казаков и самого царя. Эквапырища зашили, было, в мешок из сырой коровьей шкуры, но он хитростью заманил в мешок вместо себя попа. Поповскую одежду надел и пошел к царю в гости.

«Царь говорит: — Откуда ты, поп, приехал?

— Из другой царской земли, из другой божьей земли.

— Ну, ладно, гостем будешь.

Пьяную еду, медовую еду едят.

Царь говорит:

— Пойду в другой дом, дело у меня есть.

Царица говорит Эквапырищу:

— Ты — Эквапырищ, *я тебя узнала*.

— Верно, я — Эквапырищ.

Эквапырищ говорит:

— Давай, так сделаем, пусть царь со мной кататься поедет.

Царь согласился. Запрягли они трех лошадей и поехали. Выехали за город.

Царица говорит:

— Здесь хорошее место, остановимся.

Эквапырищ говорит царю:

— *Царь, давай поиграем*.

Начали играть. Эквапырищ царя в кусочки разбил. Надел царские одежды и вместе с царицей поехал в город. Говорит казакам:

— Соберите всех попов и купцов.

Собрались попы, купцы и начальники. Эквапырищ вышел и начал речь держать:

— Вы, — *говорит*, — Эквапырища убить не могли. Я сам Эквапырища убил.

Попы заорали: —

— Мы убили!

— Где?

— Там!

— Пойдем!

Пошли. Смотрят, а они главного попа убили, который вместо Эквапырища в мешке остался.

Эквапырищ всех попов в тюрьму засадил. Собрал бедный народ и начал такую речь держать:

— *Попы и купцы с бедным народом хорошо* жить не умеют, я бедному народу буду помогать».

Дети заранее знают, что всякое похождение Эквапырища должно кончиться благополучно — уж такой он герой! — и все-таки радостными возгласами и вздохами облегчения встречают развязку.

Если не унимать детей, они способны всю ночь просидеть, слушая рассказы.

Так и бывало: воспитатель ночью заглянет в спальню узнать, как-то спится детям, и, к удивлению своему, застает их бодрствующими. Сидя на корточках в углу или сдвинув тесно кровати, дети заслушиваются рассказчика и забывают о сне.

Особенно удивляться тут нечему: ведь такие беседы заменяют детям, еще не овладевшим грамотой, и журнал, и книгу. Да и в дальнейшем не всякая книга сможет конкурировать с живым талантливым рассказыванием на родном языке.

Мы намеренно ограничивались пока примерами детских развлечений, которые дети организуют сами, которым они научились еще за стенами интерната.

Разумеется, интересы детей не исчерпываются промыслом и его многовековыми традициями. Появляются новые игры и развлечения, начинается знакомство с новой техникой, с книгой.

Новая техника врывается в жизнь северных школьников очень стремительно.

В той самой вечерней беседе, на которой Баявсал Генчу рассказывал о встрече с медведем-рыболовом, участвовал ученик той же Койминской школы Паша Урангин. Он тоже рассказал историю — об одном важном событии в его жизни.

— Однажды летом, — говорил Паша, — я стоял на берегу Амура. Смотрел, как грузят дрова на пароход. Около меня стояла ульчская женщина из другого стойбища. Вдруг слышу — шум какой-то в воздухе! Сначала тихо, далеко... Потом громче-громче — прямо ухо режет. И ничего не видно.

Не пароход, думаю, и не моторная лодка. Те так не шумят. Посмотрел вверх, а там какая-то птица, голубая, большая!

Я испугался, закричал, хотел бежать в лес прятаться.

А ульчская женщина сказала: «Не бойся. Это летающий пароход. Там люди есть».

У этой женщины сын в Ленинграде, в большом городе, учится. Он приехал домой на лето и рассказывал, что в Ленинграде иногда сразу сто «летающих пароходов» подымается в воздух, и никто их не пугается, привыкли.

Тут и я перестал бояться, смотрел-смотрел, пока «пароход» не улетел.

В этом месте рассказа Паши Урангина два его соседа принялись хохотать и просить Пашу:

— Ты дальше расскажи! Расскажи, как ты нос разбил себе, когда полететь захотел.

Учитель лураветланской школы Кудрявцев помогает школьникам мастерить модель самолета. *Фото.*

Паша смутился и замолчал. Было такое дело. Пробовал он полетать.

Первый виденный им самолет пленил Пашу и вызвал тучу неразрешимых вопросов: «Как пароход, такой большой и тяжелый, может летать в воздухе?». «Как не падают люди, эти удивительные храбрецы, поднявшиеся выше птиц?». «Почему «пароход» ни разу не взмахнул крыльями?».

В поисках ответа Паша дошел до ленинградского студента, сына той женщины. Студент подтвердил, что в Ленинграде таких «летающих пароходов» сотни. Называются они самолетами. И еще Паша узнал слова: «пропеллер», «мотор» и «летчик».

Придя домой, Паша сделал что-то вроде пропеллера и «пустил летать». Пропеллер не полетел. Паша решил лететь сам. Забрался на забор, распахнул широко полы своего халата и прыгнул. Нос тогда, действительно, пострадал. Увлечение самолетами, однако, у Паши сохранилось до сих пор.

Учащимся Кондонской нанайской школы посчастливилось увидеть самолет вблизи, даже потрогать его руками. Это было зимой, в январе. Во время занятий ребята услышали шум пропеллера.

— «Самолет, самолет»! — закричали они. Их невозможно было удержать. Учительница, т. Пяхкель, вышла вместе с ними из класса.

Самолет коршуном кружился над стойбищем и вдруг стал снижаться. Ребята помчались к месту посадки, окружили севшую на снежном поле машину тесным кольцом. Вышли летчики. Ребята засыпали их вопросами: откуда прилетели? не заблудились ли? как сделана эта стальная птица? и т. д.

Летчики задержались в стойбище на несколько дней, и т. Пяхкель хорошо использовала их пребывание. Она организовала экскурсию ребят к самолету. Летчики подробно познакомили их с устройством машины, рассказали о назначении отдельных частей, о правилах полета.

Слушают радио. *Фото.*

Когда самолет улетал, кондонские школьники стояли у своей школы, кричали приветственные слова и махали шапками.

Самолет сделал над стойбищем последний круг, повернул направо к озеру Эврон и быстро исчез за высокой сопкой.

Еще более интересный случай встречи с летчиками был у учащихся Уэлленской луораветланской школы на Чукотке.

Случилось это так.

В апреле 1936 г. днем возле Уэллена приземлился самолет. Ребята в это время были свободны и гурьбой побежали к месту посадки. Шли туда и взрослые.

Уже по дороге ребята узнали, что прилетел Герой Советского Союза т. Водопьянов.

У самолета был устроен небольшой митинг. От учащихся школы приветствовала т. Водопьянова ученица III класса пионерка Воль-Наут. Бойкая, жизнерадостная девочка взобралась на наскоро сделанную трибуну и, старательно выговаривая русские слова, сказала о своей радости и о радости всех уэлленских школьников.

О Водопьянове ребята много слышали еще до этого прилета. Они знали, что он — один из героев, которые спасали челюскинцев. А историю гибели «Челюскина» и историю ледяного лагеря ребята помнили хорошо,—ведь не так далеко от Уэллена произошло все это. Уэллен был одной из баз спасения челюскинцев.

Тов. Водопьянов отвечал на приветствия, предложил взять нескольких школьников на самолет и подняться с ними.

О таком счастье ребята и не мечтали. Полететь на самолете, да еще с Водопьяновым!.. Однако тут же и струсили. Только не первым! — думал каждый. Когда летчик стал вызывать желающих, дети отворачивались, прятались один за другого.

Наконец, из толпы ребят, тесно жавшихся друг к другу, поднялась рука.

— Я еду, — нерешительно сказал Тенко-Техень, лучший горнист школы.

За ним вызвались еще два мальчика.

Этих троих и поднял на самолете т. Водопьянов. Самолет сделал над землей несколько кругов и медленно опустился. Из кабины вышли весело улыбающиеся Тенко-Техень и двое других. Школьники обступили их, хлопали по спинам и спрашивали: «Хорошо летать?.. Не боязно?».

Теперь желающих подняться в воздух было много, со всех сторон наперебой школьники выкрикивали: «я!.. я!.. я!..».

Благодаря такому близкому знакомству с самолетом, ни один уэлленский школьник не вздумал, подобно ульчу Паше Урангину, «летать» с забора. Зато появились талантливые конструкторы, уяснившие закон полета аппаратов тяжелее воздуха. Пионер Тей-Юн-Кеу сконструировал самолетик с резиновым заводом. Свою игрушку Тей-Юн-Кеу пускал и в классе, и в коридоре, и на улице. Когда конструктор выбегал на улицу, держа в руках самолет, за ним выбегала целая вереница ребят. Они с криком носились вслед за летящим самолетом и разыскивали его потом в снежных сугробах.

Новая техника продвигается на Север. Дети все чаще сталкиваются с нею; их пытливость возбуждена, требует удовлетворения.

В 1934 г. в Ловозере через тундру с железнодорожной станции Пулозеро пришла первая автомашина, а весной 1936 г. привезен первый трактор. Встречи их для саамского населения и учащихся Ловозерской саамской школы превратились в своеобразный большой школьный праздник.

Появилась на культбазе электроустановка, организована радиосвязь, установлен телефон — учащиеся идут на электростанцию, к радиоантенне, к телефонному аппарату и одни из первых знакомятся с ними.

В стойбище Кондон телефон и телеграф проведены в 1934 г. Еще до того, как были установлены на линиях столбы, начальник постройки соединил телефоном свою контору с сельсоветом. Нанайцы, взрослые и дети очень заинтересовались новым видом связи. Половина населения стойбища собралась в сельсовете, другая — в конторе. И пока все до последнего человека не поговорили по телефону друг с другом, они не разошлись.

Такое событие оставило заметный след у кондонцев. Взрослые, поняв и оценив удобства «говорящей проволоки», помогали проводке линии. На нартах, запряженных

собаками. в тайге по глубокому снегу они подвозили рабочим столбы, провода, инструменты и т. д.

А дети принялись играть в телефон. Особенно у младших это стало любимой игрой. Почти в каждой фанзе в Кондоне можно было видеть свои самодельные телефоны. Такие слова, как «слушайте», «кто говорит», среди ребят получили широкое распространение.

Радио играет огромную роль в организации досуга детей. Радиоустановки имеются уже во многих северных школах. Дети любят радио. Часто, собравшись вечером в школе, приблизившись к громкоговорителю, они слушают трансляцию концертов, беседы для школьников, последние новости и т. д.

VIII Чрезвычайный Всесоюзный Съезд Советов, доклад т. Сталина о Конституции СССР — с напряженным вниманием слушали в школе учителя, дети и туземное население.

Нет больше оторванных, глухих школ. В какой бы далекой тайге ни находилась школа, если есть в ней радио, она связана с крупнейшими центрами СССР и все новости дня она узнает так же быстро, как и население центральных районов Союза.

Учитель северной школы не только организует в школе коллективное слушание радиопередач. Он ведет большую разъяснительную работу с детьми о радио и его значении в хозяйственно-культурной и политической жизни Советского Союза и, в частности, Крайнего Севера.

Не сразу, конечно, радио получило признание у детей туземцев. Много толков распространялось насчет «проделок», «обманов», «нечистой силы» и т. д. Когда детиманси услышали первый раз радиопередачу в Саранпаульской школе, они долго разыскивали «невидимку-человека», который где-то спрятался и кричит в большую железную трубу. Много было смеху, разговоров, радости, когда в саамском стойбище Иоканьге стали впервые устанавливаться в избах громкоговорители. Дети бегали из одной избы в другую и с нетерпением справлялись — «говорит ли радио?» Как только монтер наладит в какой-либо избе «радио», она моментально наполнялась школьниками. Вслед за монтером дети бежали во вторую, третью, четвертую избу. И вся эта беготня продолжалась до тех пор, пока не «заговорило» радио во всех саамских избах.

Наряду с радио на Север проникло и кино. Оно вначале, так же как и радио, среди населения и школьников вызывало немало

В школьной библиотеке. *Ловозерская саамская школа. Фото.*

кривотолков. Движущиеся на полотне люди, животные казались волшебством: они пугали, так как были необъяснимы. Учителя рассказывают, что когда на экране показался автомобиль, мчавшийся прямо на зрителей, последние кинулись в бегство, «освобождая дорогу» этой стремительной машине.

Но надо сказать, что удовольствие, доставляемое и взрослым и детям оживленной картиной, было так велико, что и на первых в их жизни сеансах оно перевешивало страх.

Сейчас кино на Севере уже не редкость. К нему привыкли и оно пользуется огромным вниманием и любовью у учащейся детворы.

Только еще заслышат дети, что собирается к ним в юрты или стойбища приехать кинопередвижка, как начинаются бесконечные разговоры о кино, о просмотренных кинофильмах и т. д.

Одним из самых популярных кинофильмов, пользующимся у детей народов Севера огромной любовью, является «Чапаев». Этот кинофильм демонстрировался буквально всюду. С ним хорошо знакомы и дети саамов, живущие на Кольском полуострове, и дети ненцев, и дети эвенков, и дети луоравет-ланов, живущие на далекой Чукотке.

Увлечение кинофильмом «Чапаев» — повальное. Когда его показали учащимся Ловозерской саамской школы, то на другой день только и разговоров было, что о фильме. Среди ребят немедленно появились свои Чапаевы, Петьки и Анки. Можно было видеть такие сценки: у классной печки залегли два маленьких саама, перед ними поленья, изображающие пулемет, и они «отстреливаются», как Чапаев с Петькой. Или какой-нибудь малыш ложится на пол и

Нанайские школьники за шахматами. *Фото.*

показывает другим, как Чапаев, раненый в руку, переплывает реку.

Самый влиятельный, самый лучший из учеников получает имя «Чапаева». И как гордо он носит свое звание! В Ловозерской школе общепризнанный «Чапаев» — ученик IV класса Афанасий Данилов.

В другой саамской школе, вскоре после просмотра фильма, когда проводился урок рисования на свободную тему, дети только и рисовали Чапаева, точно сговорившись.

У нанайских детей на Амуре Чапаев тоже стал любимым героем. И у них есть свои школьные «Чапаевы». Учитель Найхинской школы А. Д. Самар как-то весной отправился со II классом на экскурсию к реке. Учащиеся попросили разрешения не итти, а бежать. И когда побежали, то сразу же среди них выделились Чапаев, Анка, Петька; сухой корень, подхваченный по дороге, превратился в пулемет, и ребята прекрасно, с воодушевлением инсценировали наступление чапаевского отряда.

«Чапаев» — не единственный фильм, который нашел дорогу в северную школу. Конечно, нет. На Крайнем Севере работает довольно густая сеть кино-передвижек. Основные фильмы, которые идут в центральных районах СССР, попадают, правда, не всегда аккуратно, и на Север. Кино дает исключительно богатый и разносторонний материал для воспитательной работы с детьми. И опытный, вдумчивый учитель этот материал хорошо использует и на уроках и особенно в часы детского досуга.

То же следует сказать и в отношении патефона, который имеется уже во многих северных школах.

Радио, кино и патефон — замечательные орудия массовой культурно-политической работы, имеют в школах Севера тем большее значение, что книга лишь после длительной работы делается доступной детям.

Литературы на национальных языках северных народов издается пока еще немного. Следовательно, овладение русским языком и русской грамотой является необходимым условием чтения художественной литературы на русском языке.

Для полного понимания прочитанного учащимися должен быть накоплен значительный словарный запас. Школьников, всего второй-третий год изучающих русский язык, иногда приводит в затруднение самое обычное слово.

Вот перед нами один из юных читателей, саам, ученик IV класса Иоканьгской начальной школы Петя Куроптев.

Когда Петю Куроптева спросили, читает ли он книжки, Петя ответил: «Да, читаю» и тут же достал из своей матерчатой сумки, висевшей на стене, несколько книжек, изящно выглядевших в новых, красивых, художественно оформленных переплетах. Это были: Пушкин — «Сказки», Ершов — «Конек-Горбунок» и др. Долго Петя держал в своих руках эти книжки, перелистывал их страницы и тихо, как бы про себя, промолвил: «интересные книжки».

На окне у Пети лежала еще одна книжка «Остров в степи». Он только что ее начал читать. Но она, очевидно, не особенно увлекала юного читателя. На вопрос: «Нравится ли книжка?» — Петя ответил: «Нравится, только много в книжке непонятных слов». Петя взял эту книжку и показал пальцем на слово «лужицы». «Не понимаю, — сказал он, — это слово. Первый раз его слышу. А таких непонятных слов в книжке много».

Или вот Савва Харлин, ученик III класса той же Иоканьгской школы. На вопрос: «Какие читал книжки?» Савва назвал следующих авторов: Чуковский — «Мой Додыр», Шорин — «Одногодки» и Данько — «Китайский секрет».

На последнюю книжку Савва пожаловался: много трудных слов. Он тут же взял книжку Данько в руки, открыл первую страницу и, проглядев ее, заявил: «Я не знаю, что значит: рыцарь, монахи, калиф, простолюдин, псалмы...».

Книжка, которая вызывает так много эмоций у русского ребенка того же возраста, полунемая лежит перед северным школьником.

Ясно, как важна для такого читателя консультация учителя. Вопросов у ребенка возникает при чтении множество. Ему требуется не только объяснение «трудных слов», но и беседа по содержанию прочитанного. Ведь, книга — особенно, историческая, как «Китайский секрет» — открывает детям две-

ри в совершенно неведомые миры, где без проводника немудрено заблудиться.

Да и самый выбор книги для чтения — очень ответственный момент. Несколько неудачно взятых, не соответствующих возрасту и развитию книг, могут надолго оттолкнуть ребенка от чтения. Ни в коем случае нельзя перепоручать выдачу книг случайным людям.

В Иоканьгской школе, из практики которой взяты вышеприведенные примеры, консультационная помощь поставлена очень плохо. Учителя не знают детской художественной литературы и почти совсем не проявляют интереса к своим юным читателям.

Учитель С. М. Лебедев не потрудился зайти в Красный уголок, где имеется библиотека, с тем чтобы отобрать там детские книжки, внимательно прочитать их и затем дать детям те или иные советы и указания.

Выдачу книжек детям он перепоручил случайному человеку — т. Атакину, который на вопрос: «Читает ли он художественную литературу?» ответил, что не читает, так как «к художественной литературе не имеет аппетита».

Спрашивается, какой же «аппетит» к художественной литературе может привить юным читателям, детям саамов, такой библиотекарь, как Атакин.

В Найхинской школе одно время, из-за отсутствия библиотекаря, книги из школьной библиотеки выдавали старшие ученики. Поэтому иногда читателю попадали книги, не рассчитанные на его возраст.

«Однажды, — говорит преподаватель школы Н. П. Барбачков, — я встретил одного из учеников III класса. Он шел по коридору очень важно и в руке держал книжку. Я поинтересовался, что это за книжка. Оказалось, что мой юный читатель нес Энгельса «Анти-Дюринг». Останавливаю ученика и говорю: «Снеси книжку и сдай обратно в библиотеку. Она для тебя еще трудна». Ученик посмотрел на меня, ухмыльнулся, ответил: «Ничего, пойму!» и пошел дальше».

Учитель Пулозерской школы Л. И. Лелюхин, чтобы организовать досуг детей и дать им полезное направление, открыл при школе пионерский клуб.

Сюда приходят дети в часы, свободные от учебных занятий. Они играют здесь в коллективные игры, участвуют в шахматных и шашечных турнирах, поют, читают. Здесь т. Лелюхин проводит громкие читки.

Однажды кто-то из саамских детей обратился к учителю с просьбой, чтоб он прочитал что-нибудь из жизни революционеров.

Тов. Лелюхин сходил в соседний класс, взял журнал «Пионер» № 4 за 1936 г. и стал читать рассказ под названием «Камо», в котором описывались отдельные эпизоды из жизни и борьбы революционера-большевика Камо.

Камо сидит в тюрьме, скованный кандалами, и готовится к побегу. Ребята с нетерпением хотят узнать: «сумеет ли Камо убежать?», «а если его поймает полиция?» и т. д.

И когда учитель, ясно отчеканивая слово за словом, читал, что Камо из тюрьмы по веревке спустился вниз, в тюремный двор, побежал, сбил заранее перепиленные кандалы, бросился в реку Куру и поплыл на другой берег, где его уже ожидал товарищ, на лицах ребят появилась улыбка. Кто-то из слушателей нарушил царившую в комнате тишину и вскрикнул: «Камо убежал!», «Товарищу Сталину также приходилось убегать из тюрьмы!».

Учитель закончил чтение рассказа «Камо», сделал небольшой перерыв, а потом простым и понятным для детей языком стал рассказывать об отдельных моментах из жизни и деятельности т. Сталина — великого учителя, друга детей, чье имя с волнением и любовью произносят маленькие северяне.

Громкие читки устраивались, конечно, не только в Пулозерской школе. Они практиковались и в других северных школах.

На одну из первых же громких читок, устроенных в эвенкийской школе, учитель принес книжку А. С. Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде». Гениальная простота, подлинная народность пушкинской сказки делают ее понятной и близкой самым неискушенным слушателям. В этом еще раз убедился учитель.

Он читал почти наизусть, часто поглядывал на лица детей — все ли доходит? В жарко натопленном классе на передних партах неподвижно застыли десять маленьких эвенков. На столе тускло горела керосиновая лампа.

«Жил был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда...»

Учитель читал и слегка волновался за Пушкина. Перед ним сидели эвенки, то есть, по старому названию, тунгусы — те самые тунгусы, о которых поэт ровно сто лет назад писал в своем завещании «Памятник»:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси Великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук Славян, и Финн, и ныне дикой
Тунгуз...»

Группа учащихся-отличников селькупских и ненецких школ с автором книги А. Г. Базановым на экскурсии в Красноярске. *Фото.*

Чтение сказки было первым знакомством его учеников с Пушкиным. И выбор учителя оказался как нельзя более удачным для первого знакомства.

Маленькие эвенки ничего не переспрашивали, ничем не затруднялись. Простодушный народный юмор, плакатно очерченные образы, выразительный в его предельной скупости язык — все дошло до их понимания. Дети дружно хохотали, когда в конце сказки

«Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб.
С первого щелчка
Прыгнул поп до потолка...»

После удачных громких читок произведения Пушкина делаются любимейшим чтением северных школьников. В некоторых школах знание пушкинских произведений бывает таким обширным, что появляется возможность устроить литературный утренник, посвященный целиком А. С. Пушкину.

Помещаем программу одного утренника, проведенного преподавателем русского языка и литературы в 1936 г. в неполной средней школе при Чукотской культбазе залива Лаврентия:

ПРОГРАММА

1. Краткий доклад на тему: «А. С. Пушкин, его жизнь и творчество» на родном языке (юитском). Докладчик *Ктуге* (юит).
2. Краткий доклад на ту же тему на родном языке (луораветланском). Докладчик *Теюнкеу* (луораветлан).
3. Песню «Узник» исполнит хор VI класса.
4. Декламация стихов:
   а) стих. «Зимняя дорога» исп. уч. *Акукин* (юит).
   б) » «Зимний вечер» исп. уч. *Ари* (юит).
   в) » «Туча» исп. ученица *Саникак* (юитка).
   г) » «Цыганы» исп. уч. *Тарупхина* (луораветланка).
   д) » «Сказка о попе и о работнике его Балде» исп. уч. *Талако* (юит).
   е) » «Золото и булат» исп. ученики *Таюнкеу* (луораветлан) и *Насалик* (юит).
   ж) » «Узник» исп. уч. *Ктуге* (юит).

Ответственный за утренник преподаватель *Красинская.*

Пророческие слова Пушкина сбылись. Об А. С. Пушкине не только разнесся слух, некоторые его произведения переведены почти на все языки, считавшиеся ранее черносотенцами «собачьими наречиями».

Одна из сказок А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», переведенная на мансийский язык, — рассказывает А. Н. Баландин, — вызвала у мансийских детей большой восторг. Они назвали ее «мудрой».

Играют в волейбол. *Койминская ульчская школа. Фото.*

Вуквол, комсомолец лураветлан из Уэллена.
Фото. Ленинград. Музей Арктики.

Мы видим, как вырастают и усложняются интересы и запросы детей за время пребывания в школе.

Даже на детских играх сказывается расширение их кругозора.

На Север проникают новые игры, часто не имеющие специфического северного оттенка: волейбол, лапта, городки, крокет, шашки, шахматы и т. д. Дети легко усваивают эти новые игры и играют в них с не меньшим увлечением, чем в свои местные, национальные игры.

Новым содержанием наполняются и местные игры: в охоту, в преследование, в следопытов. Тема военной угрозы Советскому Союзу придает им оборонные черты. И военно-спортивные игры пользуются у детей большим успехом, воспитывая в то же время в них черты бдительных пограничников.

Вот как описывает такие игры, устраиваемые с детьми эвенков в Ербогаченской школе, бывший учитель этой школы А. А. Горцевский:

«Учитель с группой учащихся проводил военизированную игру с использованием уже имеющихся у детей навыков незаметного приближения к зверю. Учитель, взявший на себя роль «неприятеля», договорился с детьми о том, что он будет находиться на определенной территории и что они должны незаметно к нему подползти. Незаметно переменив место и находясь за прикрытием, учитель внимательно наблюдал за движениями каждого ученика и отмечал в тетрадке отдельные оплошности и удачные моменты».

Эта военизированная игра вызвала живейший интерес. Когда обсуждался ход игры, дети приводили аналогии из области охоты: «мой отец, «скрадывая» лося, — говорил один мальчуган, — сделал так-то». Другой приводил пример, как его брат, «подкарауливая» медведя, использовал такой-то удачный маневр и т. д.

Увлечение новой техникой вызывает к жизни кружки авиамоделирования, фотолюбителей и др. Такие кружки есть в Найхинской нанайской школе.

Темную комнату для занятий фотолюбители оборудовали под одной из лестниц нового школьного здания.

Кроме этого кружка в школе действуют еще следующие: 1) текущей политики, 2) музыкальный, 3) драматический, 4) из-

Т. П. Слободчикова, ительменка, комсомолка.
Фото.

образительного искусства, 5) физкультурный, 6) хоровой, 7) авиамоделирования.

В музыкальном кружке участвуют 20 ребят. Играют они на таких инструментах, как: гитары, мандолины, балалайки. Учителя музыки в школе нет. Несмотря на это школьный оркестр добился большой сыгранности и дисциплины. О результатах его работы лучше всего говорит та любовь, какой он пользуется со стороны взрослого и детского нанайского населения, и тот восторг, с каким встречаются его выступления.

Не все школы Севера, конечно, могут похвалиться таким серьезным достижением, как самодеятельный струнный оркестр. В иных школах патефон — единственное пока средство приобщения детей к музыкальной культуре. Но если вспомнить такое еще недалекое прошлое стойбищ и зимовок, затерянных в снеговых просторах Севера, то крепнет уверенность: раз пробудившуюся тягу к культуре и знанию ничто не остановит.

Теперь вспомним злобные пророчества шаманов. Не отрывает ли школьная учеба и организованный школой досуг детей-учащихся от их промысла и их народа?

Ответ ясен. Нет, не отрывает.

Дети Севера живут и учатся в хороших школах-интернатах. Они становятся людьми образованными. Но это нисколько не отрывает их от своих мест, от своего народа. Все, чем живет Советский Север, им близко, дорого. Посмотрите на детей кочевников. Они грамотны. Читают книжки, газеты, пишут, смотрят кино, слушают радио, но они, одновременно, прекрасно знают своего

Учащиеся-отличники Ямало-ненецкого национального округа во время экскурсии в г. Омске. *Фото.*

оленя, любят его, ухаживают за ним. Детям обеспечена возможность готовиться к деятельности охотника, рыболова, оленевода.

Но условия жизни меняются. Не только охотники и рыболовы нужны Советскому Северу. Если у малышей начинают появляться такие игры, как игра в телефон или самолет, то дети постарше начинают уже задумываться над тем, чтоб и самим стать монтерами, шоферами, техниками, инженерами, чтоб овладеть этой новой техникой и самим быть проводниками ее в специфических условиях Севера.

Северные школьники растут вместе со своим народом. Богатому Советскому Северу, с его прекрасным будущим, нужны разносторонне образованные работники. Каждому отдельному школьнику предоставлен свободный выбор — кем быть.

Глава шестнадцатая

ПОЧЕМУ ДЕТИ ЛЮБЯТ ШКОЛУ И КЕМ ОНИ ХОТЯТ БЫТЬ

Дети народов Севера живут в счастливое время. В советской школе не уродуется их детство, *как это было раньше в царской миссионерской школе*. Советская школа широко открывает перед ними двери во все области труда и знания, она воспитывает их в духе сознательной и активной борьбы за новое *общество, за коммунизм*.

Отношение детей к школе, понимание огромной роли, которую играет школа в их жизни, можно видеть из сочинений детей.

Вот ненец Озолин Георгий, ученик V класса *Ловозерской школы*, в своем сочинении на тему «*Почему нам надо учиться*» пишет:

«*Нам, подрастающему поколению, надо учиться. Без этого нельзя стать грамотным, культурным работником нашей счастливой Великой Советской Страны.*

Грамотный человек в нашей стране всюду нужен: в сельсовете, в рике, в колхозе. Грамотный человек нужен в каждой отрасли работы.

Грамотные люди управляют погостами, районами, округами, областями, краями, всей страной.

Грамотные люди открывают новые пути, изобретают новые машины, учат подрастающее поколение.

Мы учимся для того, чтобы быть грамотными.

15 июня 1936 г.».

Ненка Явтысова Анастасия, ученица IV класса той же школы, отвечая на вопрос: «*Почему нам надо учиться?*» — пишет:

«*Грамотный человек все может делать. Он может читать, писать. Раньше не учили детей в школе, и потому у нас много неграмотных. Если неграмотный пойдет в кооператив, то он не сможет сосчитать деньги. В колхозе неграмотный не может сосчитать трудодни. Нас учат, чтобы мы были грамотные и могли хорошо работать. Если мы будем учиться хорошо, то и работать будем хорошо*».

15 июня 1936 г.».

А вот что пишут дети в своих сочинениях на темы: «*Почему мы любим свою школу*» и «*Что нам нравится и не нравится в своей школе*»:

«*Я люблю свою родную саамскую школу, — пишет Матрехин Миша, ученик IV класса Лумбовской школы, — потому что она дала мне грамоту. До школы я был слепой, ничего не знал. Теперь я знаю, какие есть животные, реки, озера, моря, страны.*

У нас в школе хорошо: чисто, на стенах висят портреты, карты, лозунги.

До революции саамских детей не учили, а после революции советская власть построила школы и все ребята-саамы учатся. Саамское население скоро будет грамотным.

6 июля 1936 г.».

«*Я люблю свою школу*, — отвечает Гейкер Алексей, нанаец, ученик IV класса Нижне-Халбинской школы, — *люблю ее потому, что она наша, нанайская, школа. Учатся в школе дети-нанайцы. Раньше в Нижних Халбах не было школы. Школу выстроила советская власть.*

Школа построена на горе, на очень красивом месте. Кругом школы стоит лес. Под горой, на берегу реки Амура, выстроен интернат. Живем мы все вместе, хорошо.

У нас есть патефон. Мы слушаем музыку и пение. Я очень люблю музыку.

Не нравится мне в школе то, что в ней мало учебников, нехватает всем ученикам. Нет вожатого. У нас есть слабые ученики и им мало помогают.

26 сентября 1936 г.».

Ученик VII класса Найхинской неполной средней школы, нанаец Кирис Коля, свое отношение к школе передает в форме разговора двух учащихся, шедших вместе домой после занятий:

— *Эй, Кирис! Куда ты торопишься? Пойдем вместе! — кричит Жорж.*

Я стал ждать.

Когда Жорж догнал меня, мы пошли домой вместе.

Дорогой мы стали задавать друг другу разные вопросы.

— *Любишь ли ты школу, Кирис? — спросил меня Жорж.*

— *Люблю, — ответил я.*

— *А почему ты ее любишь? — задал второй вопрос Жорж.*

— *Потому люблю, — ответил я, — что наша школа дает нам знания, расчищает нам путь к счастливой, радостной жизни. Вот, например, Жорж, ты до школы ничего не знал. А сейчас учишься в VI классе и изучаешь географию, физику и другие предметы. Ты не бывал в Америке, а знаешь, что она собой представляет, где она находится, покажешь ее на карте.*

Я учусь в VII классе, изучаю: историю, химию, физику, литературу и другие предметы.

Наша советская школа, если мы захотим, подготовляет нас быть в будущем инженерами, летчиками, сознательными строителями коммунизма.

Мы незаметно для себя подошли к дому и на этом прервали наш разговор.

7 сентября 1936 г.

А ученик VII класса той же школы, Актанка Юрий, вот что написал в своем сочинении:

«*Наша Найхинская школа самая лучшая во всем районе. Мы учимся в двухэтажной школе с большим просторным коридором и с просторными, высокими, светлыми классами.*

Я люблю свою школу потому, что она дает мне знания. Хорошие у нас в школе преподаватели. Они проявляют много заботы и внимания в отношении своих учеников.

По окончании Найхинской школы я думаю поступить в полную среднюю школу и потом — в вуз.

Спасибо т. Сталину, создавшему для нас хорошую школу.

7 сентября 1936 г.».

Из огромного количества сочинений, полученных нами от учащихся северных национальных школ, приведена здесь лишь очень незначительная часть их. Но и они достаточно выпукло показывают отношение учащихся к своей школе.

Школа перестала для них быть чужой и страшной, которой в раннем детстве их запугивали взрослые. Дети сроднились со школой, любят эту школу. Ей они обязаны своим культурным ростом, формированием социалистических качеств нового человека.

Школа пробуждает у детей непреодолимую тягу к знаниям.

Вот один небольшой пример.

Павел Глухих, учась в Нотозерской саамской школе, страстно желал выучиться на учителя или врача. Он на эту тему неоднократно разговаривал со своими школьными товарищами и получил от них прозвища: «учитель» или «лекарь». Часто, обращаясь к Павлу Глухих, ребята с веселой иронией спрашивали: «Павел Степанович, скажите: какая это буква?», или: «Лекарь, у меня живот болит, дай лекарство».

Родители Павла Глухих к его стремлениям стать учителем или врачом относились, как к чему-то несбыточному. Мать Паши, разубеждая его думать об учительстве или врачебной деятельности, всегда указывала, что «саамов учителей и лекарей нет, ими могут быть только русские». Но Паша знал, что это неправда. Он знал, что учителем и врачом при советской власти может стать и саам. Некоторые саамы уже выучились и стали учителями. Паша знал, что в той же Нотозерской школе, где он учился, несколько лет тому назад был учеником такой же, как и он, один саамский мальчик, который теперь учится в Ленинграде и скоро будет учить других саамов, чтобы и они стали учителями. Мечты Паши Глухих сбылись.

Он поступил учиться на саамское подготовительное отделение Мурманского педагогического училища.

Паша Глухих любовно вынашивает свою мечту — стать учителем. Это, безусловно, будет хороший учитель в саамской школе. У него есть для этого все качества. А главное, есть желание, есть настойчивость и упорство.

И Павел Глухих не один. Таких десятки, сотни среди учащихся северных школ.

Из многочисленных и самых разнообразных профессий педагогическая профессия стоит у колыбели всех остальных профессий.

Первоначальные и основные знания дети получают от учителя, независимо от того, будет ли то в будущем учитель, врач, техник, инженер и т. д.

Поэтому естественно, что к этой профессии у учащихся северных школ имеется особенная любовь и тяготение. Но, конечно, только этой учительской деятельностью их интересы не замыкаются. Они также хотят быть и врачами, и техниками, и инженерами, и командирами различного рода оружия и т. д.

Сочинения учащихся—саамов, эвенков, нанайцев и нымыланов— на тему: «Кем я хочу быть» ярко отражают интересы и тяготения учащихся.

Вот Харлина Тася, ученица IV класса Иоканьгской саамской школы. Она коротко и просто пишет:

«Я хочу работать заведывающей саамскими яслями в Иоканьге. Эта работа меня увлекает потому, что в яслях находятся маленькие дети. Их надо воспитывать, чтобы они были здоровые и развитые.

30 мая 1936 г.».

Шура Матрехин, саам, ученик III класса той же Иоканьгской школы, решил быть пулеметчиком.

«Я хочу быть пулеметчиком в дивизии Чапаева. Во время войны с белыми бандитами я буду защищать Советский Союз.

30 мая 1936 г.».

Женя Малыгин, ученик того же класса и школы, мечтает о другом:

«Я хочу быть летчиком. Во время войны с капиталистами буду летать в разведку. Разведка нам нужна для того, чтобы узнать, где есть белые. Узнаю с воздуха на самолете, где есть белые, и расскажу красным. Красные окружат белых и возьмут их в плен.

30 мая 1936 г.».

Учащиеся III и IV классов Дадинской нанайской школы свое будущее рисуют так:

Одсал Моска: *«Я после окончания Дадинской школы поеду в Найхин и буду учиться. Окончу Найхинскую школу и поеду учиться в Хабаровск. Мне хочется быть учителем. В Дадах у нас — неграмотное население. Я буду ликвидировать неграмотность.*

9 сентября 1936 г.».

Киле Пося: *«Я хочу учиться. После окончания Дадинской школы поеду в Найхин. Окончу там семилетку и поеду учиться в Хабаровск. Меня интересует работа моториста и я буду учиться на курсах мотористов.*

9 сентября 1936 г.».

Бельды Алексей: *«Я хочу быть летчиком. Хочу летать выше всех. Буду наблюдать за нашими границами и охранять свою родину.*

9 сентября 1936 г.».

Киля Петр: *«Я хочу быть физкультурником. Буду развивать свои мускулы и укреплять здоровье. Мне нравится бегать на коньках и прыгать в длину и в высоту. Хочу учиться в школе физкультуры.*

9 сентября 1936 г.».

Гейкер Помка: *«Я буду учиться на танкиста в военной школе. Хорошо изучу танк и на нем стану защищать свою родину.*

9 сентября 1936 г.».

А вот отдельные сочинения учащихся VII класса Найхинской неполной средней нанайской школы:

Киля Кирис: *«Однажды отец спросил меня: «Что ты будешь делать по окончании школы?». Я ему на этот вопрос не сразу ответил. Товарищи мои давали мне самые разные советы: итти учиться в школу летчиков, в железнодорожную школу, в педагогическое училище. Все это, конечно, неплохо. Но я все-таки решил быть художником. И об этом я сказал своему отцу. Нам нужно поднимать нанайское искусство. И я, будучи художником, в этой области могу многое сделать и принести пользу своей родине.*

3 сентября 1936 г.».

Киля Панса: «*После окончания Найхинской семилетки я хочу поступить в геологический техникум и стать геологом. Наш Дальне-Восточный край богат полезными ископаемыми. Я буду производить разведки ископаемых.*

3 сентября 1936 г.».

Оненко Иннокентий: «*Я хочу быть туристом. Я люблю ходить по горам, уходить далеко вглубь тайги, ездить по рекам, озерам. И может быть, во время своих путешествий на неизвестных и никем не исследованных местах я открою залежи каменного угля или же какие-нибудь полезные ископаемые. Этим я помогу развить народное хозяйство СССР. Пусть удивятся быстрому росту народного хозяйства СССР все капиталистические страны.*

3 сентября 1936 г.».

Бельды Юна: «*Окончив VII класс Найхинской школы, я думаю поступить в электромеханический техникум. Я очень интересуюсь электромеханикой. По окончании курса учения по электромеханической специальности я хочу работать среди своего нанайского народа. Вот моя мечта.*

3 сентября 1936 г.».

Представляют большой интерес сочинения учащихся VI класса Коймпнской неполной средней ульчской школы. Вот некоторые из них:

Дергачи Ульяна: «*Когда я окончу Коймпнскую неполную среднюю школу, то хотелось бы мне поехать учиться дальше, чтобы быть педагогом. Работа педагога меня очень интересует. Мне хочется быть такой же, как наши педагоги, которые нас учат и воспитывают. Я хочу учиться, учиться и учиться, чтобы я хорошо овладела грамотой и чтобы больше могла принести пользы нашей свободной советской стране.*

13 сентября 1936 г.».

Вальдю Пушанди: «*Я думаю учиться в школе водников, так как я давно мечтаю быть капитаном парохода.*

Пароходы я вижу с малолетства чуть ли не ежедневно. Вижу капитанов в форме, стоящих на капитанском мостике. Всегда в таких случаях возникает мысль: «подожди, вырасту, выучусь и я буду капитаном». Иногда едешь в лодке. На Амуре — тишина. Солнце печет. Посмотришь — идет пароход. У рубки стоит капитан и смотрит в бинокль, как ты напрягаешь силы, сидя на гребле. Я буду первый капитан из среды ульчей. Мы хорошо знаем водную дорогу парохода. На мель не посадим.

13 сентября 1936 г.».

А один из учащихся VI класса этой школы в сочинении на тему «Кем я хочу быть» пишет:

«*Под влиянием книг, прочитанных мною, я все больше и больше думаю о том, не могу ли я стать таким писателем, как А. С. Пушкин. Кто может сказать, что это не случится?*».

Дети народов Севера, еще будучи на школьной скамье, мечтают быть учителями, врачами, геологами, техниками и инженерами, капитанами, летчиками и т. д.

Раньше, до Великой социалистической революции, дети эксплоатируемых и угнетенных народностей не могли рисовать себе такие заманчивые планы. Даже самые большие фантазеры из среды детей и то от этих планов отказались бы, настолько они были несбыточны.

Теперь условия резко изменились. Детям расчищен свободный доступ к любой специальности.

Не следует, однако, думать, что мечты о работе инженером или врачом совсем оттеснили в мыслях ребят профессии их предков. Вовсе нет. Многие из ребят с неменьшим энтузиазмом пишут и о том, что они хотят быть искусными охотниками, оленеводами, зверобоями, рыболовами.

«*Я хочу быть охотником*, — пишет эвенк, ученик V класса Ербогаченской неполной средней школы Дмитрий Удыгир. — *Я люблю лес, люблю оленей и собак. Хочу помогать советской власти выполнять пушные заготовки. Меня интересует, где лучше охотиться на белку? Хочу выработать в себе меткость, храбрость, смекалку, чтобы смело охотиться на крупного зверя.*

3 ноября 1936 г.».

Или вот другое сочинение — эвенка Каплина Михаила, ученика VI класса Ербогаченской школы:

«*Я хочу быть, — пишет Каплин Михаил, — хорошим рыбаком и охотником. Мне нравится рыболовство и охота. Как хороший рыбак, я буду знать виды и сорта рыбы, когда она поднимается по рекам и в какой период времени следует промышлять тот или иной*

вид рыбы. Узнаю также, в каких местах больше всего находится рыбы зимой и летом, периоды размножения ее, строение рыбы и т. д.

Какая рыба лучше для питания.

Одновременно хочу быть хорошим засольщиком рыбы. Государству я буду давать рыбу первого сорта. Планы рыбозаготовки буду выполнять и перевыполнять.

19 октября 1936 г.».

Хочет быть охотником и эвенк Пинегин Иван, ученик VI класса Ербогаченской школы. В своем сочинении он пишет так:

«Я хочу быть хорошим охотником. Мое любимое занятие — охота. Я не могу жить без леса. Охотиться буду на птиц и зверей.

Узнаю жизнь и нравы зверей и птиц, которые водятся в нашей тайге. Узнаю, чем они питаются. И когда стану хорошим охотником, то первым буду выполнять планы пушных заготовок.

19 октября 1936 г.».

Аналогичные высказывания можно было бы привести и ненецких и мансийских, и хантыйских, и учащихся других национальностей. Многие из них мечтают об охоте, рыбном промысле, оленеводстве.

В условиях социалистического строя не может быть подразделения на труд почетный и непочетный. Всякий труд является почетным.

И стремление детей народов Севера заниматься охотой, рыбным промыслом, оленеводством, *звероботом звучит так же гордо*, как и стремление стать летчиками, инженерами, художниками и поэтами.

Учащиеся северных школ являются одним из отрядов 28-миллионной армии советских школьников. Как и все остальные дети Советского Союза, они являются горячими патриотами своей родины. Они гордятся тем, что их родина имеет Сталинскую Конституцию — единственную на всем земном шаре социалистическую конституцию.

Глава семнадцатая

БОЛЬШОЙ МИР

На Сахалине в 1932 г. учитель Нивхской школы рассказал как-то на уроке учащимся об Алексее Максимовиче Горьком — о его детстве, о его странствиях «в людях», о том, как он стал писателем.

Ребята настолько заинтересовались Горьким, что решили написать ему письмо. Разузнали адрес. Жил тогда А. М. в Италии, в Сорренто. Написали большое письмо и с первой сахалинской почтой отправили его. Через четыре месяца в школу пришло письмо с иностранными марками на конверте. Это был ответ великого писателя на письмо сахалинских школьников.

Вот что писал им Алексей Максимович:

«Здравствуйте, ребята!

Получил ваше письмо. Посылали вы его 10 января, а до меня оно дошло 17 марта — вот как далеко от вас я живу.

Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо — подарок, которым я горжусь, как орденом.

Я получал письма от детей европейцев. Конечно, их письма тоже радовали меня, но не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, орочан. Ведь неудивительно, что дети европейцев грамотны, — удивительно и печально, что среди них есть неграмотные. А вы, дети племен, у которых не было грамоты, ваших отцов избивали, грабили русские и японские купцы, двуногие звери ваших отцов обманывали и держали в темноте шаманы, такие же обманщики, как европейские попы. И вот вы учитесь, а через несколько лет вы сами будете учителями и вождями ваших племен, откроете перед ними широкую, светлую дорогу ко всеобщему братству рабочего народа всей земли. Вот в этом — великая радость для меня и для вас.

Что нужно особенно хорошо знать, помнить для того, чтобы правильно жить? Прежде всего надобно знать и помнить, что все на земле создается трудом и что настоящим, законным хозяином всей земли и всего, что сделано на ней, является рабочий народ, рабочий класс. Для рабочего класса не должно быть ни орочан, ни тунгусов, ни гиляков, ни чукчей и якутов, ни японцев или американцев и русских, — рабочие люди всего мира — товарищи, огромная единая семья хозяев земли и строителей нового мира, в котором не будет богатых и бедных, обманщиков и обманутых, грабителей и ограбленных, убийц и убиваемых.

Кто может построить мир так, чтобы в нем исчезла вражда богатых людей, которые из жадности к деньгам затевают кровавые

войны и безнаказанно грабят друг друга, как японцы китайцев?

Такой мир могут построить только рабочие, могут прекратить бесполезный труд, затрачиваемый на выработку ружей, пушек, военных судов. Они смогут это сделать тогда, когда везде, во всем мире, отнимут власть из рук богатых, как это сделали русские рабочие. Вы, ребята, видите, что русские рабочие, хозяйствуя на своей земле, дают возможность свободно учиться людям всех племен, живущим на русской земле, и учат их не поддаваться обману попов и внушениям стариков, чей разум слепо затемнен веками безграмотности.

Примеру русских рабочих следуют рабочие всего мира, постепенно организуясь на борьбу против капиталистов. И вы, молодежь племен Сахалина, тоже должны принять в плоть и кровь вашу это учение, освобождающее весь трудовой народ земли.

Вам, как всем, надобно понять, что вы учитесь не только для себя, не только для того, чтобы освободить сородичей и единоплеменников ваших из плена земной старины, — вы учитесь для того, чтобы включить вашу свободную энергию в работу всего трудового народа земли — в работу завоевания власти трудящихся над миром, в работу уничтожения угнетателей, хищников, паразитов.

Желаю вам, дети, бодрости духа и неутомимости в труде постижения грамоты.

31 марта 1933 г. *М. Горький.*
Соррento. Италия».

В этом обращении к северным школьникам Горький настойчиво подчеркивает одну идею — идею интернационализма «всеобщего братства рабочего народа всей земли», как он пишет. Тем самым он справедливо выделяет одну из важнейших воспитательных задач советской школы.

Отвратительнейшей чертой политики царизма в отношении народов окраин являлось стремление разобщить народности, натравить одну на другую. Эту гнусную поли-

Долганские школьники на отдыхе. *Фото.*

тику царизм последовательно и старательно проводил среди народов Севера.

Советская школа на Севере является проводником ленинско-сталинской национальной политики. Воспитательная работа в северной школе строится так, чтобы дети постоянно чувствовали заботу о себе передовых районов центральной части Союза. Школа стремится как можно быстрее ликвидировать разобщенность народностей Севера и привить детям чувство интернациональной дружбы.

Этой идеей проникнуты и классные уроки, и школьные праздники, и вся внешкольная воспитательная работа. С особенной отчетливостью сказывается она в организации каникул школьников.

Когда заканчивается учебный год и закрываются двери школы, дети туземцев разъезжаются по своим домам.

Лето проходит у них в семье, на берегу моря, у реки, в тайге, в тундре. Дети пасут оленей, промышляют рыбу, охотятся за водоплавающей дичью, играют в свои летние игры.

Значительная часть детей имеет возможность летом побывать в пионерских лагерях, в детских санаториях, принять участие в прогулках на пароходе, а то и в дальних экскурсиях. Эти мероприятия не только укрепляют здоровье детей, приучают их к определенному санитарно-гигиеническому режиму, но и обогащают их впечатлениями, увеличивают знания детей о мире и населяющих его людях.

Интересна поездка пионеров, выпускников Джуэнской нанайской школы, в Хабаровск в 1935 г.

Вот что об этой поездке рассказывает учитель Джуэнской школы В. М. Кудрявцев:

«В 1934/35 уч. г., в феврале, учащиеся IV класса выразили желание съездить в Москву посмотреть столицу СССР, сходить в мавзолей Ленина, в музеи, театры и т. д. Кто-то из учащихся подал мысль — «хорошо бы об этом написать письмо т. Сталину».

Это предложение встретило у учащихся горячую поддержку. Было решено такое письмо написать т. Сталину.

Однажды вечером учащиеся собрались в школе, написали письмо. Я его просмотрел, написал адрес: Москва, Центр, И. В. Сталину, и сдал в Малмыже на почту.

Мы не сомневались, что нам ответят на это письмо, с нетерпением ждали ответа от т. Сталина.

В ответ на письмо детей Джуэнская школа получила телеграмму из Хабаровска от заведующего крайоно такого содержания:

Учащиеся-отличники Ямало-ненецкого национального округа на экскурсии в г. Омске. *Фото.*

„Выезжайте Хабаровск экскурсию Крайоно".

Восторгам у учащихся, да и у меня вместе с ними, не было конца. Телеграмму мы рассматривали как высшую награду нам, как исключительную заботу, которой партия и правительство окружают школу, детей и учителя».

Учитель В. М. Кудрявцев собрал лучших учащихся IV класса: Киля Тыка, Бельды Литра, Киля Куйну и Киля Сопи и вместе с ними выехал в Хабаровск.

Об этом городе дети читали в нанайском букваре «Новый путь» и вот сами попали в настоящий Хабаровск.

Они медленно шли по улице Карла Маркса. Каждый большой дом казался достойным внимательного осмотра. Достопримечательности на каждом шагу. Вот «Дом советов» — громадное новое здание. Оно было нарисовано в их букваре, узнать можно. Но одно дело — серая картинка, совсем другое — настоящая многоэтажная каменная громадина.

Поток автомобилей и автобусов, бегущих по обе стороны улицы, ошеломил детей. Людей на тротуарах было невообразимо много. Переходить через улицу... да на это только сумасшедший отважится, верная гибель! Дети растерялись: они не могли вместить столько впечатлений сразу, им была непонятна закономерность, управляющая кипучим движением улицы большого города.

Группа пионеров-нанайцев — участников краевой детской олимпиады, проходившей в г. Хабаровске в 1936 г. *Фото.*

Разобраться в городском «хаосе» помог полет на самолете над Хабаровском. Сверху все показалось меньше и понятнее, а родной Амур поблескивал рядом с городом так знакомо и успокоительно.

Учитель был озабочен: не испугались бы дети в полете! Но так велико было доверие маленьких нанайцев к людям, хозяевам города, построившим громадные здания и умные машины, что дети и минуты не усомнились в безопасности полета. Они сияли от радости, влезая в кабинку самолета. И когда самолет стал отрываться от земли, они весело замахали учителю своими фуражками.

Несколько кругов над городом — и самолет приземлился на том же самом месте, откуда поднимался.

Ребята вышли из кабинки и не знали, что сказать, жались к учителю и только твердили: «Хорошо... Железная птица летит быстро... хорошо!».

Слова нашлись потом, по возвращении в стойбище. На всю зиму хватило у ребят рассказов о путешествии в Хабаровск. Под знаком этого путешествия начался и прошел учебный 1935/36 г. Одному из авторов пришлось быть в Джуэне летом 1936 г. Он спросил детей: «Много хорошего вы видели за поездку?». Дети ответили: «О, больше, чем воды в Амуре!».

С тобольского Севера учащиеся — ханты и ненцы — ездили в Омск, Свердловск и Челябинск. С Таймыра и из Туруханского района экскурсии селькупов и ненцев приезжали в Красноярск. Школьники Туринской школы девять дней пробыли в Игарке — заполярном городе, созданном Великой пролетарской революцией. Найхинские школьники посетили Владивосток. Самой дальней интересной экскурсией была поездка учащихся Байкитской эвенкийской школы в Москву.

Московской экскурсией были премированы ученики, лучше всех закончившие 1934/35 уч. г. В Москве они были приняты М. И. Калининым, Н. К. Крупской и О. Ю. Шмидтом.

Можно представить себе, как расширялся мир для школьника, впервые покинувшего тундру или тайгу. Пароход, поезд железной дороги, город, диковинные звери в зоопарке, металлургический завод, наконец метро —

Группа пионеров участников детской олимпиады в г. Хабаровске в 1936 г. *1-й ряд (слева направо): нанайка Дуня Бельды, еврейка Мара Рыбковская, нанайка Манита Киле. 2-й ряд: кореец Моисей Хан, еврей Ефим Койфман, кореец Степан Тян и китаянка Вера Ой. Фото.*

все, что известно было по рассказам и по картинкам, представало перед ними в натуре.

Школьник Крайнего Севера старался осмыслить поразившее его новое при помощи привычных представлений. Иногда это удавалось. Один селькуп-школьник оставил в книге для записи впечатлений Красноярского музея такие слова:

«В музее много интересного. Больше всего поразил меня скелет мамонта. Ну и зверь! В наших лесах таких не водится. Большой, очень большой! Но, если бы он был жив, то наверное, наши охотники не испугались бы и убили бы его».

В музее они находили знакомую юрту со всем скарбом кочевников. Это они расценивали как знак братского внимания к ним и их национальной культуре.

Хорошо у ребят протекали дни в пионерских лагерях.

Лес, река, чистый свежий воздух, солнце, усиленное питание, наблюдение врачей и воспитателей — обеспечили детям народов Севера, прибывшим в лагери, здоровый отдых.

Саамские учащиеся-отличники отдыхали в пионерских лагерях на берегу красивой порожистой реки Туломы; около 400 человек мансийских и хантыйских детей отдыхали в детском санатории, расположенном на живописном крутом берегу Иртыша.

Пионерские лагери были открыты и кишели детворой и в Ненецком и в Эвенкийском, и в других национальных округах и районах Крайнего Севера. 45 пионеров луораветланов и юитов отдыхали в пионерском лагере в бухте Лаврентия.

Учительница В. И. Пяхкель, привезшая детей нанайцев из отдаленной Кондонской школы в пионерские лагери цветущего на Амуре молодого города Комсомольска, рассказывает:

«Нанайских детей, приехавших из тайги, в Комсомольске хорошо одели — каждому из них были выданы: трусики, майки, костюмы, тапочки и другие вещи.

Дети отдыхали в пионерских лагерях, расположенных на берегу Амура. Они хорошо здесь поправились, окрепли, загорели и бодрые, жизнерадостные, веселые снова верну-

лись в Кондон и приступили к учебным занятиям».

Летом 1936 г. для детей Дальне-Восточного края был организован в Хабаровске краевой праздник. Дети съехались из Приморья, из районов Амурской области, из Биробиджана, из г. Комсомольска, с пограничных застав. Дети многих национальностей запрудили весь город, все его широкие улицы. Лучшие школы, гостиницы, рестораны, кафе были отведены для жилья и обслуживания детей.

Из Нанайского национального района приехало 22 делегата. Из них — 14 девочек. Они приготовили для краевой олимпиады танцы и национальные физкультурные упражнения.

На олимпиаду дети шли усыпанные цветами, в шелковых голубых с белой лентой блузках и голубых шапочках. Начались выступления — настоящий смотр детских дарований. Дети разных национальностей по очереди выступали с пением, плясками, декламацией, играми.

Вот вышла на сцену и группа нанайских детей. Здоровые загорелые пионеры шли с белыми деревянными палками. Зал встретил их шумными аплодисментами и затих. Что покажут нанайцы? Зачем эти белые палки? Еще минута — и спокойные и уверенные в себе нанайские пионеры зачаровали весь зал, мастерски показав сложные фехтовальные номера. Взрывы шумных одобрений сопровождали окончание каждого номера.

Участники краевого детского праздника были приняты на борт кораблей Амурской Краснознаменной военной флотилии. Командный и краснофлотский состав кораблей окружил детей исключительным вниманием. На кораблях детей прокатили по Амуру. Во время этой водной прогулки капитан первого ранга — орденоносец В. А. Кукель-Краевский, бывший командир знаменитого миноносца «Керчь» (описанного Корнейчуком в пьесе «Гибель эскадры»), рассказал детям о днях гражданской войны и интервенции 1918 г.

21 августа дети пришли в Малый зал Дальне-Восточного Крайисполкома на вечер встречи с руководителями края. В руках детей большие букеты алых роз и душистой гвоздики.

Дети рассказывали здесь о своей жизни, об ученье, благодарили за устройство такого замечательного праздника, обещали учиться на «хорошо» и на «отлично».

Вот очередь дошла до эвенка Марата Маркова. Летом, волнуясь, рассказывает Марат, ребята хорошо отдохнули, часто ходили в лес по ягоды. Хорошо было. Но ученья ждут с нетерпением, учиться они любят. Очень хочется знать, как жили дети раньше, как живут они за границей? И еще многое хочется знать.

За Маратом поднимается нанаец Киле Кирис, один из фехтовальщиков, показывавших свое искусство на олимпиаде.

За Киле — русские, корейцы, евреи, эвенки, удэ — дети всех национальностей, собранные на свой праздник.

Кончился праздник общим парадом.

По центральной улице Карла Маркса, мимо Дома советов, в стройных колоннах, под марш «Веселых ребят», шли дети цветущего Дальне-Восточного края. Они несли в загорелых крепких руках букеты цветов, авиамодели, лодки, портреты, лозунги, книжки, сделанные из цветного картона и т. д.

Потоком переливалась радость по детским рядам. Бодро звучали новые пионерские песни. У трибуны руководителей Края разносилось на многих языках: «За счастливое детство, за великого вождя народов т. Сталина, давшего детям радостную жизнь — ура-а-а-а!»

Дружба, возникающая на совместных празднествах, во время экскурсий, при обмене коллективными письмами учащихся северных школ со школьниками Казахстана, Крыма, Кузбасса, Украины, приводит постепенно детей к той самой мысли, с которой обратился к сахалинским школьникам А. М. Горький, к мысли, что «рабочие люди всего мира — товарищи, огромная единая семья хозяев земли и строителей нового мира».

Чувство «единой семьи» тепло окрашивает празднование в северных школах интернациональных дней 1 Мая и 7 Ноября.

В незамысловатых «самодельных» школьных пьесах, в выступлениях неумелых, но искренних ораторов можно найти то общее, что переживают в эти дни рабочие всего мира. Жители какого-нибудь уединенного стойбища или зимовья в тайге еще острее и радостнее чувствуют, что «русская революция» была великим благом и для них, для любого таежного охотника, что нет прежней забытости, замкнутости.

В Проточенской мансийской школе 1 Мая 1936 г. был устроен детский спектакль. Силами учащихся были подготовлены для постановки две пьесы: на русском языке пьеса «На баррикадах» и на мансийском языке — «Прежняя жизнь манси».

Зал интерната во время этих постановок был переполнен. На спектакле присутствовали и дети и их родители.

Многие из них на этот праздник приехали из соседних юрт, за несколько километров.

И вот, когда был поднят школьный занавес, украшенный мансийским национальным орнаме́нтом, и на сцену вышли хорошо загримированные и одетые в костюмы молодые артисты, когда дети увиде́ли офицера с золотыми погонами и шашкой, их удивление было бесконечно. Дети недоуменно таращили свои глазенки, подкрадывались к сцене, стараясь получше рассмотреть появившегося на сцене незнакомца. Но скоро они узнали голос своего товарища и удивление на их лицах сменила ребяческая улыбка.

Большой интерес к игре молодых артистов проявили и взрослые туземцы.

Вторая пьеса «Прежняя жизнь манси», шедшая на мансийском языке, вызвала у зрителей еще больший интерес. Больше всего присутствующим понравился толстобрюхий купец в красной рубашке. Уж очень он был типичен. Костя Тынзянов, ученик Проточенской школы, прекрасно справился с этой ролью. Он сумел передать развалистую фигуру купца, державшего в руках толстый кожаный кошелек, по которому он, прежде чем открыть, каждый раз хлопал рукой и, вынув бумажку, тщательно рассматривал ее, чтобы не просчитаться.

В зале при появлении на сцене Кости Тынзянова стоял несмолкаемый смех.

Во второй части вечера были показаны национальные танцы.

Дети-школьники никогда не видели живых офицера и купца, — для них это лишь персонажи из страшной сказки. Можно весело смеяться над лютостью и жадностью толстого купца. А взрослые помнят достаточно хорошо и саблю и толстый кошелек, — от того и другого зависела когда-то их жизнь. И взрослые знают, кто избавил их от проклятого бесправного прошлого.

Подробное описание празднования Октябрьской годовщины дал учитель Сиреникóвской юитской школы Георгий Меновщиков в своей работе «В эскимосской школе»:

«В новом школьном домике, похожем на большую эскимосскую юрту, — пишет Г. Меновщиков, — с самого утра было шумно и весело. На стенах висели портреты руководителей партии и правительства, лозунги, плакаты; на видном месте красовалась большая стенная газета, с красочными рисунками и надписями, первая газета, написанная на национальном языке.

...Портреты Ленина и Сталина висели не только в школе, но и в юртах эскимосов; эти портреты были нарисованы самими учениками, и многие из них, выйдя из-под «кисти» наших маленьких художников, мало напоминали великих вождей, но это были творения самих учащихся, самих эскимосских де-

Юитские и лураветланские школьники в пионерском лагере бухты Лаврентия. *Чукотка. Фото.*

тей и это радовало родителей, радовало нас всех.

На самом видном месте в школе был вывешен лозунг на родном языке:

«Мы строим новую жизнь».

Эскимосские женщины и девушки, одетые в новые, яркие камлейки, увешанные лентами и бусами, мужчины и мальчики, одетые в новые кухлянки, а некоторые в модные суконные костюмы, со всех сторон окружали нашу трибуну около школы.

Над школой поднялся огромный флаг. Это было начало митинга. Все были в сборе. Неутомимый Аляляун взошел на трибуну и открыл митинг. В его короткой речи на эскимосском языке легко звучали отдельные фразы: «Наш большой праздник... Великий Ленин... Новая жизнь... Великий Сталин...».

Было радостно слушать новую речь, выражающую чаяния возрожденного народа.

Когда кончил первый оратор, ко мне подошел ученик-юит Ктуге и сказал:

«Я хочу тоже говорить».

Никто не знал, о чем Ктуге собирался говорить. В школе он слыл за большого молчальника. Но тут он уверенно взошел на трибуну, посмотрел на собравшийся народ, на учителя, на своих товарищей, стоявших возле трибуны, махнул куда-то в сторону рукой и потом медленно начал:

«Советская власть дала нам, беднякам, хорошую жизнь. Раньше, когда здесь у нас были американские купцы, то они продавали товары только кулакам, а беднякам не давали. Бедняки покупали товар у кулаков. Кулаки брали у бедняков шкуры лисиц и песцов, а давали беднякам совсем немного товаров.

Теперь, при советской власти, есть кооперативы, колхозы, школы. Кооператив дает товары всем, кто хочет купить. В колхозе люди работают все вместе. Открыта школа, и в ней учатся дети, чтобы быть грамотными. Старики говорят, что раньше бедному человеку нельзя было весело смеяться, а теперь мы весело смеемся и весело поем песни, нам стало хорошо жить».

Ктуге еще раз оглянулся по сторонам. Народ вслушивался в каждое слово, которое произносил на своем родном языке молодой юитский оратор.

На промерзшей земле сидела старая Киргина, бабушка Ктуге. Ее особенно сильно трогали молодые, звонкие, радостные слова внука. Она в прошлом не знала радости и не могла весело смеяться. Из глаз ее потекли слезы. Это были слезы радости за новую жизнь, за Ктуге, который теперь, как и все дети, может хорошо жить, может смеяться и петь звонкие радостные песни.

После речей ученический хор запел «Интернационал», подхваченный взрослыми. Как-то особенно мощно и бодро звучал на этот раз гимн всего народа; казалось, что весь мир слушает нас, — так было торжественно и радостно на душе».

...Народности Севера, влачившие в условиях царской России нищенское существование и обреченные на вымирание, в результате неуклонного проведения ленинско-сталинской национальной политики с невиданной быстротой развивают свое социалистическое хозяйство.

Об этом именно говорят колхозники Камчатки, собравшиеся в 1936 г. на свой областной слет колхозников, в письме тов. Сталину:

«Родной наш товарищ Сталин! Это письмо посылают тебе колхозники Камчатки — самой отдаленной области нашей дорогой родины. От ительменов, лураветланов, нымылан, юитов, юкагиров, эвенов, алеутов, русских, трудящихся всех других национальностей, населяющих необъятную территорию на северо-востоке страны, от мыса Лопатки на юге и до Чаунской губы на севере, от Анадыря на востоке до границ Якутии на западе, территорию, омываемую водами Тихого океана, Охотского и Берингова морей, — прими наш самый сердечный и многонациональный привет.

Нет слов, чтобы высказать тебе всю нашу радость и великое счастье, которое мы переживаем, когда пишем тебе, нашему вождю и учителю, это письмо... В самом деле, посмотри, родной товарищ Сталин, что делается. Ведь нельзя без волнения и слез радости говорить о том, на какую широкую дорогу вывела нас победа социалистической революции. Постоянная помощь и забота партии и правительства и твоя личная о нас, трудящихся Севера, родила нас вновь и поставила твердо на ноги.

Мы нашу теперешнюю жизнь даже сравнить ни с чем прошлым не можем. Да и не было раньше ее, этой жизни, когда даже смерть встречалась как избавление от вечных мук. Вряд ли была жизнь тяжелее и ужаснее нашей. Ведь мы в прошлом даже не знали, что такое больница. На всю территорию, свыше 1 млн. км², царское правительство содержало в 1913 г. 1 врача, да и то он был предназначен для лечения губернатора и его приближенных. С 1905 г. по 1917 г. население на Командорских островах от полуголодной жизни уменьшилось на 30%.

Вместе с Великой социалистической рево-

Группа юитских школьников у Сиреникоской школы. *Фото.*

люцией, вместе с советской властью к нам, на заброшенную ранее окраину, пришли врачи, учителя, ученые, специалисты и другие работники. Они помогают нам устроить жизнь, они учат нас жить по-новому, так, как указываешь ты — великий из людей. Мы каждодневно ощущаем ту великую заботу и поддержку, какую оказывают нам партия и правительство, следуя твоим мудрым указаниям о национальной политике. Школы, больницы, культурные учреждения, промышленные предприятия, совхозы и колхозы стали повседневным явлением в нашей жизни. У нас не было никакой грамоты в прошлом. А теперь мы и наши дети свободно пишем и читаем на своих языках. В нынешнем году у нас работают 172 школы. Больниц и врачебных пунктов — 90. Повсеместно организованы колхозы, где каждый из нас создает общее и свое счастье. Мы теперь знаем, для кого и для чего работаем. Знаем, что только в наших руках, в нашем труде и социалистическом строе заложен тот самый вечный корень жизни, который безуспешно искали наши предки».

В счастливой стране Советов многочисленные народы, заселяющие ее, в том числе и народы Севера, под руководством коммунистической партии и любимого вождя народов, гениального Сталина, создают новую жизнь— счастливую и радостную.

Партия и советское правительство дали народам Севера прекрасные школы, больницы, дома культуры. нанесли сокрушительный удар вековой неграмотности и бескультурью, воспитали молодое поколение, из среды которого выделилась своя национальная интеллигенция, свои организаторы, политические деятели, хозяйственники, учителя, медработники, писатели, поэты, ученые.

Народы Севера смело и уверенно идут по пути, начертанному Лениным и Сталиным.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Новгородская летопись, стр. 166—167.

[2] *С. В. Бахрушин* — *Сибирские* туземцы под русской властью до революции 1917 г. — «Советский Север», 1929 г., стр. 73.

[3] Фишер — Сибирская история, стр. 276, 298.

[4] А. П. Окладников — Очерки из истории западных бурят-монголов, 1937 г., стр. 110.

[5] А. П. Окладников — Очерки из истории западных бурят-монголов, 1937 г., стр. 111.

[6] С. В. Бахрушин — Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, изд. И-та нар. Сев., 1935 г., стр. 19.

[7] *А. П. Окладников — Очерки из истории* западных бурят-монголов, изд. 1937 г.

[8] С. А. Токарев — Восстания народов Севера против царского режима. «Советская Арктика», 1936 г., № 4, стр. 106.

[9] С. В. Бахрушин — Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, изд. 1935 г., стр. 49.

[10] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, изд. И-та нар. Сев., 1935 г., стр. 27.

[11] В. Г. Богораз-Тан — Чукчи, изд. И-та нар. Сев., 1934 г., стр. 172.

[12] С. В. Окунь — Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, изд. 1935 г., стр. 117.

[13] Н. М. Ядринцев — Сибирь как колония, 1892 г., 2-е изд., стр. 496.

[14] С. М. Середонин — Исторический очерк *завоевания Азиатской России*. «Азиатская Россия», ч. I, стр. 21.

[15] D-r Mannінen — Die Finnish-ugrischen Völker, Leipzig, 1932 г.

[16] А. И. Якобий — Угасание инородческих племен на Тобольском Севере. «Живая старина», С.-Петербург, 1896 г., вып. III и IV, стр. 267, 268.

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. сочин., изд. III, т. XVIII, стр. 259.

[18] Дополнения к Актам Историческим, т. II, СПб., 1846 г., № 100, стр. 273.

[19] Иером. *Иринарх* — Хронологическое обозрение. «Православный Благовестник» за 1912 г., № 2, стр. 89.

[20] С. Б. Окунь — Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, 1935 г., стр. 100.

[21] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, изд. И-та нар. Сев., 1935 г., стр. 71.

[22] С. Б. Окунь — Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, 1935 г., стр. 41.

[23] Там же, стр. 87.

[24] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, изд. И-та нар. Сев., 1935 г., стр. 139.

[25] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, изд. 1935 г., стр. 101.

[26] Там же, стр. 146.

[27] Там же, стр. 146, 147.

[28] *Там же, стр. 148, 149.*

[29] С. Б. Окунь — Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, 1936 г., стр. 97.

[30] «Странник» за 1872 г., стр. 119.

[31] В. В. Соляркий — Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края, 1916 г., стр. 151.

[32] А. Ш. — Современное религиозно-нравственное состояние Новоземельских самоедов. «Арханг. Епархиальн. Ведомости» за 1895 г., № 16, стр. 388.

[33] *С. М. Соловьев — История России с древнейших времен*, кн. VI, тт. XXVI — XXIX, стр. 412, 413.

[34] И. Г. Прыжов — Очерки, 1934 г., стр. 317.

[35] Там же, стр. 317.

[36] Там же, стр. 117.

[37] Павел Знаменский — *Устроение* православной церкви в Западной Сибири до последней четверти XIX ст. в связи с русской колонизацией этого края, стр. 156. Рукопись хранится в Ленинградской госуд. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в антирелигиозном отделе.

[38] Там же, стр. 41, стр. 156.

[39] Прот. А. И. Сулоцкий — Тобольская епархиальная школа — предшественница Тобольской семинарии. «Иркутск. Епарх. Ведом.» за 1875 г., № 5 (прибавления), стр. 43, 44.

[40] *Там же, стр. 112.*

[41] Вл. Павловский — Вогулы. Казань, 1907 г., стр. 117.

[42] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке», изд. И-та нар. Сев., 1935 г., стр. 147.

[43] Там же, стр. 145.

[44] *Там же, стр. 145.*

[45] Там же, стр. 148.

[46] Там же, стр. 148.
[47] А. Г. Базанов и Н. Г. Казанский — Миссионеры и миссионерские школы на Севере, 1936 г., стр. 18.
[48] Историческая справка к вопросу о народном образовании в Енисейской губернии. «Енисейский церковный вестник» за 1908 г. № 20, стр. 4.
[49] Там же, № 22, стр. 3, 4.
[50] Там же, стр. 3, 4.
[51] Там же, № 24, стр. 3, 4.
[52] Там же, стр. 3, 4.
[53—54] Добролюбов — Полн. собр. соч., 1936 г., т. III, стр. 56.
[55] Там же, стр. 55.
[56] Там же, Собр. соч., изд. Сойкина, 1912 г., Доп. том, стр. 322—340.
[57] Там же, том III, стр. 174.
[58] А. П. Щапов — С.-Петербург, 1906 г., т. II, стр. 464.
[59] Там же, стр. 402.
[60] Там же, стр. 366.
[61] Там же, стр. 366.
[62] Там же, стр. 366, 367.
[63] Там же, стр. 463, 464.
[64] Там же, т. I, стр. 21.
[65] Там же, стр. 373.
[66] В. Немирович-Данченко — «Между Белым морем и Северным Ледовитым океаном», «Древняя и новая Россия». Исторический сборник за 1875 г., т. II, стр. 365, 366.
[67] Историческая справка к вопросу о народном образовании в Енисейской губернии. «Енисейский церковный вестник» за 1908 г., № 27, стр. 5, 6.
[68] Там же, стр. 5, 6.
[69] Там же, стр. 6.
[70] Всеподданнейший доклад обер-прокурора синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г., СПб., 1886 г., стр. 22, 23.
[71] Из постановления съезда архиереев в Казани в 1885 г. «Тобольск. Епарх. Ведом.» за 1886 г., № 10—11, часть офиц., стр. 234.
[72] Рапорт свящ. Нотозерско-лопарского прихода Кольского уезда Павла Дмитриева Архангельскому епископу Нафанаилу, «Архангельск. Епарх. Ведом.» за 1889 г., № 1, стр. 98, 99.
[73] Там же, стр. 98, 99.
[74] Там же, стр. 99.
[75] Иринарх Обдорский — История Обдорской миссии. «Православный Благовестник» за 1905 г., № 16, стр. 328.
[76] Архангельский Исторический Архив, дело духовной консистории, 1912 г., № 146, л. д. 1.
[77] Прот. Петр Головин — Кондинский Троицкий монастырь. «Тобольск. Епарх. Ведомости» за 1892 г., № 3—4, стр. 77.
[78] А. С. Розанов — Лапландия и лапландцы, С.-Петербург, стр. 93, 94.
[79] Там же, стр. 94.
[80] И. И. Серебрянников — Хроника моей литературной деятельности. Иркутский Исторический Архив, т. I, стр. 74 (вырезки из газет и журналов).
[81] «Сибирский листок» за 1893 г., № 47, передовица. «Живая старина», С.-Петербург, вып. III и IV, стр. 278.
[82] С. Фатуев — Школьное дело в Амурском крае, «Народное образование», 1902 г., кн. 4, стр. 327.
[83] В. В. Солярский — Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края, стр. 172, 173.
[84] Свящ. Ник. Лебедев — Самоеды Крайнего русского Севера и история их христианского просвещения. «Правосл. Благов.» за 1916 г., № 6—7, стр. 158.
[85] Корреспонденция из Березова. «Тобольские Губернские Ведомости» за 1895 г., № 27, стр. 473.
[86] А. И. Якобий — О миссионерском стане в стране Надыме и о возможной постановке христианской миссии в странах русского инородческого Севера. «Тобольск. Епарх. Ведом.» за 1895 г., №№ 7 и 8, стр. 147.
[87] Там же, стр. 147.
[88] Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору синода К. П. Победоносцеву, Казань, 1895 г., стр. 178.
[89] Законопроект о школьном образовании в Государственном совете. Журн. «Окраины России» за 1912 г., № 15, стр. 219.
[90] Там же, стр. 219.
[91] В. И. Ленин — Полн. собр. соч., изд. III, т. XVII, стр. 179.
[92] Там же, стр. 180.
[93] И. Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1936 г., стр. 43.
[94] С. Фотуев — Школьное дело в Амурском крае. Журн. «Народное образование» за 1902 г., кн. 4-я, стр. 329, 330.
[95] П. Кудрявцев — Обучение гольдских и гилякских детей русскому разговорному языку и русской грамоте. Журн. «Православный Благовестник» за 1917 г., № 1—4, стр. 145.
[96] В. Мелетьев — Лопари и лопарские церковные школы. Журн. «Народное образование» за 1910 г., кн. 10, стр. 303.
[97] Там же, кн. 10, стр. 302.
[98] П. Кудрявцев — Обучение гольдских и гилякских детей русскому разговорному языку и русской грамоте. Журн. «Правосл. Благов.» за 1917 г., № 1—4, стр. 134, 135.
[99] Там же.
[100] М. П. Соколов — Памятная страница из жизни в Туруханском крае. (Из воспоминаний учителя.) Журн. «Сибирская школа» за 1916 г., № 2, стр. 80, 81 и № 4, стр. 75.
[101] Иером. Иринарх — К вопросу о вымирании инородцев. «Правосл. Благовестник», за 1903 г., № 22, стр. 251.
[102] В. Г. Богораз-Тан — Чукчи, ч. I, изд. И-та нар. Сев., 1934 г., стр. 76, 77.
[103] Там же, стр. 77.
[104] В. В. Солярский—«Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края», изд. 1916 г., стр. 135—148.
[105] Летопись Хайрюзовской школы I ст. Составлена Гольдбат в 1924 г. Рукопись.
[106] Там же.
[107] Ф. Верещагин — Самоед-ученик. (Из заметок народного учителя.) «Архангельские Губернские Ведомости» за 1893 г., № 27, стр. 4.
[108] Там же, стр. 4, 5.
[109] Из летописи Хайрюзовской школы I ст.
[110] Архангельский Исторический Архив. Дело епархиального училищного совета за 1900 г., № 11, л. д. 11.
[111] Н. В. Турчанинов — Школьное дело за Уралом. «Азиатская Россия», т. I, стр. 259.
[112] И. Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос, изд. 1936 г., стр. 61.
[113] В. И. Ленин — Полн. собр. соч., изд. III, т. XX, стр. 88.
[114] И. Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос, изд. 1936 г., стр. 52.
[115] Там же, стр. 203.

Ф. Скворцов — Мурманск в борьбе и стройке, 1930 г., стр. 13.

[117] В. И. Ленин — Полн. собр. соч., изд. III, т. XXIII, стр. 160.

[118] Деяния пятого Всероссийского миссионерского съезда 1917 г., стр. 5, 6.

[119] И. Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос, изд. 1936 г., стр. 149.

[120] Там же, стр. 61.

[121] Там же, стр. 61.

[122] Там же, стр. 61.

[123] Там же, стр. 62.

[124] Там же, стр. 76.

[125] Смидович — «Советизация Севера». «Советский Север», 1930 г., № 1, стр. 5.

[126] «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Журнал «Сов. Азия» 1927 г., № 2 (14), стр. 85, 86, 89, 90.

[127] Первый туземный съезд, Хабаровск, 1925 г., стр. 1.

[128] Там же, стр. 73.

[129] Там же, стр. 6.

[130] Там же, стр. 5.

[131] Там же, стр. 73.

[132] Там же, стр. 77.

[133] Т. Марин — По страницам отчетов. «Советский Север», 1930 г., № 3, стр. 81.

[134] Там же, стр. 84.

[135] Там же, стр. 88.

[136] Там же, стр. 92.

[137] А. В. Луначарский — Задачи НКП на Крайнем Севере. «Советская Азия», 1927 г., № 3 (15), стр. 20.

[138] Иркутский Исторический Архив. Дело бывш. Комитета Севера. Рукопись Добровой-Ядринцевой «Туземные школы-интернаты Сибирского края».

[139] Там же. Дело бывш. Комитета Севера, за 1926 г.

[140] Н. И. Леонов — Туземные школы на Севере. «Советский Север». Первый сб. статей, 1929 г., стр. 207.

[141] Из программы ВКП(б).

[142] Учебная программа для туземных школ сев. зоны РСФСР, 1926 г., стр. 18.

[143] Там же, стр. 18.

[144] Там же, стр. 20.

[145] Там же, стр. 5.

[146] Иркутский Исторический Архив. Дело бывш. Комитета Севера, 1926 г., стр. 7, 8.

[147] Там же. За первую половину 1925 г.

[148] Там же. За 1926 г.

[149] Там же. Доклад о постройке и организации первой эвенкийской культбазы.

[150] И. Сталин — Вопросы ленинизма, изд. X, стр. 288.

[151] И. Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос, изд. 1936 г., стр. 117.

[152] И. Сталин — Вопросы ленинизма, изд. X, стр. 384.

[153] Из решений XVI партийного съезда.

[154] Из постановления ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 25 июня 1930 г.

[155] Из постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», от 5 сентября 1931 года.

[156] А. Жуков — «Четыре года в туземной школе», журнал «На рубеже», кн. пятая, 1935 г., стр. 106.

[157] Т. Семушкин — «Моя Чукотка». «Год XIX», Альманах десятый, 1936 г., стр. 97, 98.

[158] Т. Семушкин — «Моя Чукотка». «Год XIX», Альманах десятый, 1936 г., стр. 88, 89.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Завоевание Севера и распространение христианства

Глава первая

Завоевание Севера 7

Глава вторая

Распространение христианства 17

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Школа при самодержавии

Глава третья

Школа до середины XIX в. 25

Глава четвертая

Школа в 60-е годы 29

Глава пятая

Поиски нового типа школы и попытки перевода обучения на родной язык 34

Глава шестая

Усиление руссификаторской политики в школе после 1905 года 43

Глава седьмая

Итоги «просветительной» политики русского самодержавия 52

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Строительство национальной школы на Крайнем Севере после Великой социалистической революции

Глава восьмая

Школа в период гражданской войны 57

Глава девятая

Строительство национальной школы после организации Комитета Севера 64

Глава десятая

Борьба за всеобщее начальное обучение на Крайнем Севере 81

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Учебно-воспитательная работа школы

Глава одиннадцатая

Школьные помещения 109

Глава двенадцатая

Учитель 114

Глава тринадцатая

Первые дни в школе-интернате 129

Глава четырнадцатая

Учебная работа 135

Глава пятнадцатая

В часы досуга 171

Глава шестнадцатая

Почему дети любят школу и кем они хотят быть 190

Глава семнадцатая

Большой мир 195

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ 204

Отв. редактор *А. П. Пекуровская*. Редактор карт *П. П. Померанцев* Составители карт *А. Г. Базанов* и *В. В. Потехин*. Художественное оформление худ. *П. П. Григорьянца*. Технические редакторы *З. И. Аксельрод* и *И. С. Абрамовская*. Корректор *Т. И. Харитонова*. Сдано в набор 27/XI 1937 г. Подписано к печати 23/XI 1938 г. У-7. Учпедгиз № 9367. Леноблгорлит № 5020. Заказ № 1931. Бумага 84×108 Вишерской ф-ки. Печатных листов 13+2,5 листа вклеек. Уч.-авт. листов 19,8 + 2.5 листа вклеек. Бумажных листов 6½. Тип. знаков в 1 бум. листе 148180. Тираж 7000 экз. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.